

В покорении и освоении
Сибиря
казаки сыграли роль
исключительную,
почти сверхъестественную.
Только особое сословие
людей дерзких
и отчаянных,
не сломленных тяжёлой
русской государственностью,
чудесным образом
смогло сделать то,
что удалось им.

Валентин Распутин

И. П. Каменецкий

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ СИБИРИ

XVII – начало XVIII века

Исторические
портреты и очерки

Общественный
благотворительный фонд
«Возрождение
Тобольска»

Иллюстрации:

А. Г. Шибанов

Дизайн:

В. Е. Валериус

Рецензенты:

Доктор исторических наук

Е. В. Комлева

Кандидат исторических наук

А. А. Бродников

Текст утвержден к печати
Ученым советом Института истории
Сибирского отделения
Российской академии наук

@

И. П. Каменецкий, текст,
2023

@

А. Г. Шибанов, иллюстрации,
2023

@

В. Е. Валериус, дизайн,
2021

@

Общественный
благотворительный фонд
«Возрождение Тобольска»,
2023

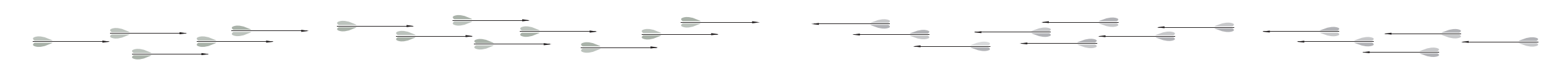
Уважаемые читатели, дорогие земляки!

Тобольск, являвшийся долгое время столицей Сибири, отмечает в текущем году 435-летие со дня своего основания и 200-летие образования Западно-Сибирского генерал-губернаторства, центром которого долгое время был наш город. Эти знаменательные даты невольно напоминают нам о той громадной роли, которую играл наш славный город в истории Сибири и России в целом, и вкладе наших далёких предшественников в его становление, формирование и дальнейшее развитие.

Представленная автором книга позволяет узнать о многих малоизвестных страницах ранней истории нашего города и всего сибирского региона. Она имеет примечательную особенность. В центре исторических очерков находятся не социально-экономические, политические и другие процессы, происходившие в Сибири в XVII в., а конкретные личности — военно-служилые люди, ставшие её первооткрывателями, землепроходцами, первопоселенцами и защитниками новых российских рубежей.

Перед вами предстанет галерея портретов выдающихся русских деятелей: сподвижников Ермака Черкаса Александрова и Ивана Грозы, землепроходцев и мореходов Курбата Иванова и Семёна Дежнёва, руководителей обороны Албазина Алексея Толбузина и Афанасия Бейтона, умелых дипломатов Якова Тухачевского и Дмитрия Копылова и других, во многом несправедливо забытых исторических личностей, оставивших свой след в ранней истории русской Сибири.

Каков же народ в Сибири, если даже неизвестные или малоизвестные служилые люди предстают необыкновенными личностями! Определение Ф. М. Достоевского «широк человек...» более всего подходит именно сибирякам, хотя продолжение «сузить бы его» — не про них. Да, они не безгрешны, эти служилые люди. До появления в Сибири прошли через многие битвы, страдания, испытания. Конечно, они хотели бы иметь что-то своё, заслуженное. Если уж не семьи (какие семьи при таком образе жизни и почти полном отсутствии женского пола!),

то хотя бы средства на будущее. Но такие вот они — первые русские сибиряки! При наличии этих самых средств они не кутили, не уходили на покой, не везли на Русь нажитое, а снаряжали экспедиции для открытия новых земель, как, например, атаман и предприниматель Иван Галкин, первый картограф Курбат Иванов, землепроходец Ерофей Хабаров. Последний для экспедиции на Амур взял кредит на сумму более 7000 рублей (огромные по тому времени деньги!), за что до конца жизни расплачивался с кредитором.

Уважительное отношение к недавнему противнику было в характере русского человека, который не забыл исторической боли от ордынского ига и умел сочувствовать и сострадать, не причиняя без нужды страданий и вреда. Так, воевода Яков Тухачевский приказал похоронить погибшего в поединке с ним князя Тарлава с высокими почестями и помянуть его по обычаю и вере противника. Тот же Тухачевский, возглавлявший посольство к Алтын-хану, лечил там многих «мунгальских людей». Это соответствовало установке правительства: «управлять ласкою, а не жесточью», чтобы «сибирская земля наполнилась, а не пустынчилась» людьми.

В этих людях удивительным образом уживались безграничное терпение (в дальних острогах, бывало, им задерживали жалование по нескольку лет, а они, полуголодные, продолжали нести государеву службу, оборонять свою землю от бесконечных набегов) и отчаянная смелость, которую невозможно вызвать никакими установками и законами. Защитники Албазинского острога воевода Алексей Толбузин, казачий голова А. С. Бейтон и весь немногочисленный состав крепости — такие же герои, как защитники Брестской крепости нашего времени. Примечательно, что Бейтон — выходец из Пруссии — на предложение китайского военачальника Лантаня о почётной сдаче в плен ответил: «Русски в плен сдаваться не привыкли». Они там, в Сибири, выходцы из многих стран и земель: представители белорусского и украинского народов, греки, крымские татары, выходцы из Речи Посполитой, «литва», «немчины», — все ощущали себя таковыми, все были русские!

Ещё одна примечательная особенность сибирских служилых людей того времени — ни при каких условиях не оставлять на поле боя своих раненых.

«Не то, что нынешнее племя: богатыри — не вы!» — Лермонтов двести лет назад как в воду глядел. Так думается, когда наблюдаешь нынешнее «геройство» соседней братской страны.

В книге невольно просматривается отличие западноевропейского человека, его характера, ума, ценностей от русских людей XVI—XVII веков, первых трёх-четырёх поколений сибиряков, пришедших из-за Урала на новые, необъятные земли. Поистине эта разница разительна! Западные конкистадоры и мореплаватели эпохи Великих географических открытий (Кортес, Писарро, Магеллан и многие другие) именем католического и протестантского бога несли тотальное уничтожение целых империй Центральной и Южной Америки, в гордыне и мнимом цивилизационном превосходстве ружейным огнём изгоняли североамериканских индейцев из родных мест и заключали в резервации. Они обманом и подкупом подчинили себе земли Африки, Азии, Полинезии, Австралии, создавая свои разбросанные по всему миру колонии, где «никогда не заходило солнце».

Русские же православные люди хоть и считали сибирских аборигенов «инородцами», но только до тех пор, пока те не принимали русскую веру. С азиатскими государствами старались решать дела дипломатически, а если с некоторыми агрессивными народностями этого не получалось, то героически бились. Но всегда прежде предлагалась шерсть — присяга на верность русскому царю. Для замирения наши послы ехали к народам Сибири не как к дикарям, со стекляшками и яркими обманками. Они везли в подарок то, что ценилось и на Руси, — серебряные и золочёные изделия, украшения из драгоценных камней, сукна. Миролюбие русских не воспринималось как слабость. Это хорошо понимали правители Монголии, Манчжурии, Китая. К сожалению, не так сегодня воспринимается и расценивается наше желание помогать, наше милосердие и уступчивость.

Да, мы по-особому «колонизировали» Сибирь, не по западному образцу. Так что колонией «сибирская земля» (сколько нежности!) не стала, но естественно прирастала к Руси. Уже на протяжении первых поколений первооткрывателей Сибири границы вражды, эти старые раны (линии обороны, острожки и крепости) зарубцовывались. Устанавливались мирные отношения с местным населением. Они ведь и до прихода русских враждовали между собой, поэтому присяга на верность русскому

царю в какой-то степени стабилизировала обстановку. И это отличает действия наших землепроходцев и политику нашего государства от того, что в Европе и Америке называется «этнической толерантностью».

Книга И.П. Каменецкого не художественное произведение, не беллетристика. Это научный труд историка. Но за скупыми, лаконичными строками архивных документов, цитат, научных источников открывается громадный ратный и трудовой подвиг наших предков в процессе присоединения, начального освоения и обороны Сибири, благодаря которому Россия стала мощной евразийской державой. Книга, несомненно, будет способствовать воспитанию у россиян чувства патриотизма и гордости за свою страну, сумевшую после тяжелейшей Великой Смуты раздвинуть свои границы от Урала до берегов Тихого океана, сохранить и передать своим потомкам огромную и богатую территорию, которая во многом обеспечивает и сегодня её славу и могущество.

Председатель президиума
общественного благотворительного фонда
«Возрождение Тобольска»
А. Г. Елфимов

Как уже установлено современными отечественными исследователями, в истории открытия и освоения русскими Сибири важное место принадлежит служилым людям — казакам, стрельцам, атаманам и другим русским ратникам, происходившим из разных сословных и этнических групп. Составляя большинство русского населения на раннем этапе освоения Сибири, они сыграли огромную роль в сокрушении Сибирского ханства, строительстве первых городов и острогов, открытии и исследовании Северной Азии, установлении посольских связей с государствами Средней Азии, с Монголией и Китаем.

Истории формирования служилого населения Сибири, организации и служебной деятельности сибирского «войска», его вклада в оборону и хозяйственное освоение региона посвящено значительное количество источников. Особое место в них принадлежит работам Н.И. Никитина и Д.Я. Резуна, рассматривающим служилых людей в неразрывном единстве с ратниками Европейской России на широком общесибирском материале¹. Военные факторы русской колонизации в Сибири, организации в ней войск «нового строя» рассмотрены в работах В.Г. Пузанова и А.В. Дмитриева². История формирования служилого населения Кузнецкого, Нерчинского, Енисейского уездов в начале XVIII в. представлена в исследованиях И.П. Каменецкого, Г.А. Леонтьевой, А.А. Бродникова³. В диссертационных исследованиях П.Н. Бараховича, А.Е. Ульяновой показана военная организация служилых людей в Енисейске, Красноярске и Сургуте⁴.

Наряду с изучением общих вопросов участия служилых людей в колонизационном процессе Сибири историки уделили значительное внимание выяснению биографий и служебной деятельности отдельных выдающихся людей XVII в.: первого сибирского учёного-самородка С.У. Ремезова, землепроходцев и мореплавателей С. Дежнёва, В. Атласова, В. Пояркова, посвятив им отдельные монографии⁵.

В статьях А.С. Зуева, Е.В. Вершинина, А.А. Бродникова, В.Г. Пузанова даны портреты других известных представите-

лей служилого мира: А. Бейтона, П. Бекетова, М. Перфильева⁶. Не были обойдены вниманием служилые «иноземцы» с авантюрным и приключенческим складом характера, сосланные в Сибирь по разным причинам⁷.

В то же время следует признать, что многие имена служилых людей разного служебного ранга, от рядовых казаков до атаманов и сибирских дворян, оставивших свой след в ранней истории Сибири, остаются мало известными не только широкому кругу читателей, но и специалистам по истории Сибири. Многие фамилии, нередко упоминающиеся в исследованиях российских историков, посвящённых преимущественно социально-экономическим и политическим проблемам колонизации Сибири, оказались для массового читателя неустребованными и забытыми.

Во многом это забвение объясняется господствовавшим в советское время политизированным формационным подходом к изучению сложных реалий сибирской действительности, при котором главное внимание уделялось экономическому фактору, роль и значимость личностного «человеческого материала» в освящении событий прошлого нередко игнорировалась.

В ранний советский период служилые люди всех категорий рассматривались лишь как проводники завоевательной колониальной политики, осуществляемой царским правительством в отношении коренных сибирских народов. В 50–60-е гг. XX в., когда возобладала концепция добровольного и мирного вхождения аборигенов в состав России и вольнонародной крестьянской колонизации как движущей силы, служилым людям отводилась лишь второстепенная роль. В конце 1960-х гг. господствующей точкой зрения стало мнение, что присоединение Сибири было сложным историческим процессом, в котором сочетались как элементы военного завоевания, так и моменты добровольного присоединения отдельных сибирских аборигенных народов. Эта установка вызвала интерес к военной тематике, изучению истории служилых людей в отдельных регионах Сибири, но в целом концепт добровольности вхождения был преобладающим.

Распад Советского Союза повлёк за собой новые оценки характера присоединения Сибири, определения роли государства в этом процессе, участия и вклада различных слоёв населения

в ходе её начального освоения. Дискуссионные вопросы военной и политической истории русской Сибири уже отмечены исследователями⁸. Историками проделана большая работа в поиске новых подходов к изучению военных аспектов русской колонизации Сибирского региона. Укажем лишь точку зрения А. Д. Агеева, который считал: «Присоединение Сибири было не завоеванием, а продолжением старой политики “собирания” земель и формирования национального государства, или “наци-империи”». Главными проводниками и участниками этой политики являлись служилые люди.

Однако, невзирая на появление новых работ с широким привлечением архивного материала, принципиально новых подходов в изучении сибирской истории, коренного и пришлого населения в постсоветский период, как уже отмечали с сожалением историки, предложено не было⁹.

О роли служилого населения Сибири в присоединении и освоении Сибири даёт представление изданный в 2020 г. библиографический словарь «Служилые люди Сибири конца XVI — начала XVIII в.», подготовленный на основе картотеки известного историка-сибироведа Д. Я. Резуна¹⁰. Словарь содержит сведения почти о 20 тысячах представителей служилого мира: детях боярских, атаманах, казаках, стрельцах и других «государевых людях», составляющих большинство русского населения Сибири в первый период её колонизации. Приведённые в словаре многочисленные ценные сведения о служилых людях всей Сибири дают хорошую возможность для реконструкции обобщающего портрета сибирского землепроходца и первопоселенца, сыгравшего исключительную роль в становлении будущей Азиатской России. Выход в свет этого издания позволит, на наш взгляд, значительно расширить исследовательское поле и углубить представление о ведущих участниках землепроходческого и колониационного процесса Сибири.

Заявленная новая книга представляет собой тематически связанные между собой исторические очерки о малоизвестных представителях служилого населения России — рядовых казаках, атаманах, воеводах, нередко именуемых в источниках «государевыми людьми». Хронологические рамки работы охватывают период с конца XVI по начало XVIII в., т.е. со времён похода Ермака до реформ Петра I и превращения России в им-

перскую державу. Территорией проживания и местом действия героев данных очерков является вся Сибирь — в соответствии с представлениями XVII в.

Структуру и содержание книги составляют 20 очерков, представляющих собой галерею исторических портретов известных военачальников, отважных первопроходцев и отдельных «радетельных» воевод, которые своим ратным и мирным трудом присоединяли к России «новые земли», обустроивали свою жизнь на постоянной основе и защищали восточные пределы нашего отечества от сильных внешних врагов.

При реконструкции исторических портретов особое внимание уделяется установлению социального и этнического происхождения, военного статуса действующих лиц, выяснению их административных, военных, хозяйственных и других функций, во многом определяющих их служебную повседневную жизнь. Наряду с этим, значительное место уделено исследованию их политического, общественного сознания, участия в социальных движениях, выявлению родственных и семейных связей. При рассмотрении последующей деятельности их потомков показана глубокая преемственность поколений, характерная для всех сибирских служилых сообществ, и тесная связь служилых людей XVII в. с пришедшими им на смену войсками Сибирского линейного казачества.

В книге размещено также несколько статей, посвящённых разным сюжетам, освещающим в основном военные аспекты в жизни сибирских ратников. В них раскрываются истоки боевого мастерства служилых людей, искусства в возведении крепостных сооружений; на примере Кузнецкого острога показана роль и значение воеводской власти и мирского самоуправления в жизни русских колонистов.

В освещении жизненного пути и служебной биографии героев очерков автор стремился, по возможности, избегать модернизации и «публицистичности» в изложении материала, т.е. использования современных политических терминов, литературных оборотов и иных художественных средств. Следуя призыву Н.М. Карамзина «судить о героях истории по обычаям и нравам того времени», автор стремился не допускать морально-этических оценок их действий и поступков, которые присущи некоторым современным публицистам и историкам-краеведам.

Сохранение делопроизводственной терминологии того времени, частое цитирование используемых документов позволяет, на наш взгляд, более точно и выразительно передать эпоху и деятельность её представителей.

Большая часть очерков была уже опубликована в различных научных исторических журналах и сборниках материалов научных конференций. Но ввиду небольшого количества тиражей доступ их широкому кругу читателей весьма ограничен. Заданный редакциями современных изданий объём материала статьи зачастую вынуждает авторов сознательно отказываться от многих интересных сюжетов, существенных деталей, что значительно усложняет текст, делает его доступным лишь профессиональным историкам. В настоящем издании объём приведённых статей значительно расширен, дополнен новым материалом, иллюстративным рядом, что позволило дать статьям новые названия, сохранив при этом ссылки на прежние наименования.

Автор выражает надежду, что его книга побудит читателя к более полному и глубокому знакомству с ратными и трудовыми делами своих предков и расширит представление о громадной преобразовательной деятельности наших предшественников, осуществлённой ими в процессе открытия, присоединения и освоения Сибири, благодаря чему Россия стала могущественной евразийской державой. Она также будет содействовать восстановлению исторической памяти народа и сохранению той «связи времён», без которой немислимо воспитание Гражданина своей страны и Защитника Отечества.

¹ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988; Он же. Начало казачества Сибири. М., 1996; Никитин Д.Н., Никитин Н.И. Покорение Сибири. Войны и походы конца XVI — XVIII века. М., 2016; Никитин Н.И. Землепроходец Семён Дежнёв и его время. Начало казачества Сибири. М., 2018; Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993; Васильевский Р.С., Резун Д.Я. Воспитание исто-

рий. Новосибирск, 1987; Они же. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.

² Пузанов В.Г. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири: конец XVI — начало XVIII в. СПб., 2010; Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века: монография. Новосибирск, 2008.

³ Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII — начале XVIII в.:

Сподвижники Ермака и их потомки

опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири. Омск, 2005; Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012; Бродников А. А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Ново-сибирск, 2019.

⁴ Барахович П. Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии. (Енисейский и Красноярский уезды): дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2016; Ульянова А. Е. Сургутское казачество в конце XVI — XVII в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006.

⁵ Гольденберг Л. А. Семён Ульянович Ремезов — сибирский географ и картограф. 1642 — после 1720 гг. М., 1965; Белов М. И. Подвиг Семёна Дежнёва. М., 1973; Никитин Н. И. Землепроходец Семён Дежнёв и его время. М., 1999; Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991; Она же. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М., 1997; Поярков Б. В. Поярковы. Пять поколений исследователей на просторах Евразии. М., 2006.

⁶ Зуев А. С. Забытый герой: штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона // Немецкий этнос в Сибири: альманах гуманитарных исследований. Новосибирск, 2000. Вып. 2; Вершинин Е. В. Землепроходец Пётр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 35—49; Бродни-

ков А. А. Иван Максимович Перфильев: из истории сибирской служилой династии XVII в. // Семён Ремезов и русская культура второй половины XVII — XIX вв. Тобольск, 2005. С. 151—168. Пузанов В. Г. Род Толбузиных — воевод Забайкалья в XVII веке // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч.-практ. конф.: [в 3 ч.]. Чита, 2017. Часть 2. С. 31—35.

⁷ Люцидарская А. А. Несостоявшаяся авантюра. Из истории переселения «иноземцев» в Сибирь в XVII веке // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 82—83; Опарина Т. А. Алхимик, янычар и «родич византийских царей»: Палеологи в России конца XVI — первой половины XVII в. // Петербургские балканские и славянские исследования. 2016. № 1 (19). С. 131—158.

⁸ Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. Иркутск, 2002. С. 94.

⁹ Дацышен В. Г., Зиновьев В. П., Лысенко Ю. А., Некрылов С. А., Скубневский В. А., Старцев А. В., Степнов А. О., Фоминых С. Ф., Харусь О. А., Храмков А. А., Шевелёв Д. Н., Шевцов В. В., Шерстова Л. И. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. 340 с.

¹⁰ Служилые люди Сибири конца XVI — XVIII в.: библиографический словарь / отв. ред. И. П. Каменецкий; сост.: И. П. Каменецкий, Д. А. Ананьев, Е. В. Комлева, Е. Н. Туманик. М.; СПб.; Нестор-История, 2020.

Вопрос о судьбе ермаковских соратников — атаманов и казаков, ветеранов «сибирского взятия» — до сих пор вызывает большой интерес и споры среди историков. Во многом это объясняется ограниченностью и отрывочностью сведений в сохранившихся до наших дней письменных актовых источниках и преобладанием летописных и фольклорных материалов, в которых главное место принадлежало преимущественно Ермаку. На это обстоятельство обратил внимание почти полвека назад видный учёный-сибиревед А. А. Преображенский, который справедливо заметил, что «фигура бесстрашного атамана, надеваемого летописями выдающимися человеческими качествами, как-то заслонила собой его сподвижников... на чьи плечи легли неимоверно тяжёлые ратные труды зауральского похода и первые шаги мирного освоения Сибири»¹.

С тех пор исследователи Сибири немало сделали по выявлению оставшихся в Сибири соратников похода Ермака и их потомков, участия их в событиях Смуты, по изучению их роли и вклада в последующий процесс присоединения и освоения громадного Сибирского региона. Сведение воедино уже имеющихся и полученных новых данных о пребывании ермаковских казаков в Сибири позволяет составить более полное представление об их составе, служебной деятельности, социальном положении, семейных связях и определить их место в сословно-социальной структуре формирующегося сибирского общества и истории России в целом.

Обращение к указанной теме и рассмотрение поставленных вопросов приобретает особое значение в условиях непрекращающихся атак на Ермака и его соратников, которые, вопреки исторической правде и истине, обвиняются в захвате чужих земель, истреблении коренных народов, насаждении чуждых российских порядков и других смертных грехах.

Как уже установлено историками, большая часть дружины Ермака погибла в сражениях с отрядами Кучума, а также от голода и холода во время осады их в Кашлыке. Оставшиеся

в живых казаки вернулись на Русь, но часть их вскоре вновь прибыла в Сибирь, уже в качестве служилых людей «по прибору» в составе правительственных отрядов под началом воевод В. Сукина и И. Мясного и других военачальников. Среди них был один из самых известных атаманов Ермака — Иван Гроза, а также конные казаки, ставшие позднее сибирскими начальными людьми: голова тобольских служилых татар Черкас (Иван) Александров по прозвищу Корсак, атаман пеших казаков Гаврила Ильин, тюменский атаман Гаврила Иванов, берёзовский атаман Алексей Галкин и другие «государевы» служилые люди.

О социальном и этническом происхождении их, как и о самом Ермаке и его дружинниках, можно лишь высказывать предположения, не отличающиеся, впрочем, большой достоверностью. Как известно, в «войске» прославленного атамана был весьма пёстрый, разнородный люд, именовавший себя вольными казаками, за которыми могли угадываться самые разные словенные и этнические группы. Наряду с явным преобладанием в нём русских (великорусских) имён, встречались прозвища «черкас» и «корсак», которые имели украинские и белорусские корни, имена выходцев из Литвы и даже Центральной Европы (Матяш Угренин — венгр).

Более полно и достоверно в документальных источниках нашла отражение служебная деятельность ермаковских соратников, в судьбах которых нередко переплетались борьба за установление русской государственности в Сибири, участие в бурных событиях Смутного времени и последующая служба в сибирской «государевой вотчине».

Особенно насыщенным разными событиями был послужной список казачьего атамана Ивана Грозы (Гроза Иванов). Его и другого атамана, Ивана Кольцо, Г. Миллер называет «самыми видными» друзьями Ермака. По утверждению историка, они не только вместе участвовали во многих казачьих походах и сражениях, но и с известием о победе над Кучумом совершили поездку в Москву, где, согласно летописному преданию, И. Гроза был даже пожалован шубой с царского плеча².

По возвращении в Сибирь, согласно челобитной его сына Гаврилы Грозина, подтверждаемой другими источниками, атаман Иван Гроза продолжил нести свою прежнюю службу. В составе правительственных войск соратник Ермака с первыми

сибирскими воеводами участвовал в новых походах против хана Кучума и его многочисленных потомков, в результате которых, по его словам, Кучума «погромил», городки его «взял», царевичей поймал и доставил в Москву. Наряду с военными предприятиями ермаковский атаман «ставил» первые русские города Тюмень, Тобольск, Тару, Томск и занимался их обустройством³. Известно, что в 1600 г. он вновь был в Москве, откуда привёз с тобольским сыном боярским Василием Тырковым в Туринск для нового храма Бориса и Глеба «церковное строение всякое»⁴.

В завершающий период Смуты И. Гроза был направлен со станицей, состоящей из 300 казаков, для защиты Москвы от поляков и «тушинского вора». Его казаки отличились в походе молодого, но уже прославившегося полководца, боярина М. В. Скопина-Шуйского из Новгорода в Москву, сражались под Торжком, Переславлем-Залесским, Александровской слободой. За взятие Стромьинского острога в октябре 1609 г. и разгром «воров и литовцев» под Москвой грозинские казаки заслужили особую благодарность воевод М. В. Скопина-Шуйского и Ф. Леонтьева. Вместе с атаманом сражался и туринский пушкарь Алексей Фролов, который в своей челобитной в 1644 г. подтвердил участие Грозы в указанных боях⁵. В конце февраля 1610 г. казачий предводитель был направлен из Москвы в Верхотурье с грамотой В. Шуйского о поиске в Сибири беглых людей и возвращении их прежним владельцам. Как показали историки, этот весьма непопулярный указ не был реализован в сибирских условиях, где, как и на Дону, существовало негласное правило о невыдаче беглых их хозяевам.

Возвратившись после окончания Смуты в Сибирь, И. Гроза продолжил нести казачью службу головой конных казаков в Тобольске. В 1623 г. он проживал недалеко от Вознесенского храма, на небольшой Никольской улице, населённой людьми различного статуса, и занимал высокое служебное и имущественное положение в тобольском гарнизоне, о чём свидетельствует его значительный оклад жалования — 17 руб., 22 чети ржи, 3 пуда соли⁶. Однако в результате преобразований воеводы-реформатора Ю. Сулешева хлебное жалование Ивана Грозы резко сократилось до 3 четей ржи. Причиной тому стало владение им деревней-однодворкой и значительными сельскохозяйственными угодьями. В 1623 г. в его хозяйстве, расположенном

на р. Башначе, имелось 12 десятин в поле, 2 десятины «средней» земли, 20 десятин перелога, 4 десятины «поскотинной» дубравной земли, «сенных покосов» на 300 копён за рекой. На его земле трудились половник Фёдор Павлов с женой, которые для работы нанимали ещё двух безземельных крестьян⁷. Наряду с пашней голова имел и «рыбные ловли» в указанной местности⁸.

В источниках сохранились сведения о выполнении И. Грозой отдельных ответственных поручений. 10 мая 1624 г. с группой служилых он сопровождал с Тобольска в Тару ссыльных людей — шведа Павлика и немца Карабаима⁹. В мае 1626 г. вместе с тобольским сыном боярским Дмитрием Черкасовым руководил большой экспедицией служилых и торговых людей (600 человек), с которой ходил на Ямыш-озеро, долгое время являвшееся главным центром соледобычи в Западной Сибири и важнейшим пунктом торговли с калмыками и другими народами. Наряду со сбором самосадочной соли он также получил наказ изучить вопрос о возможности строительства там постоянного острога и заведения пашни. Результаты исследования были представлены воеводе А. А. Хованскому и отправлены в Москву¹⁰. Атаман скончался в зрелом возрасте в 1635 г.¹¹

Его сын Гаврила Иванов Грозин начинал свою службу уже в Сибири. Согласно дозорной книге Тюмени 1624 г., Гаврила Грозин проживал вместе с другими жителями людьми на посаде и служил, очевидно, в этот период без пашни, поскольку сведения о занятии его земледелием в источниках не отмечены¹². В 1623 г. им была подана челобитная на имя царя о назначении его атаманом конных казаков. В ней претендент сообщал, что отец его служил в Сибири 42 года: «А прежде до того он служил нам на поле у Ермака в станице с ыными атаманы». После «взятия» Сибирского ханства, по его словам, состоял в отряде тарского воеводы Андрея Воейкова, с которым «Кучюма на Обе реке погромили и его убили, и жены его и дети взяли»¹³. Как уже установлено, служилые люди нередко преувеличивали свои ратные заслуги. Известно, что сам Кучум спасся, но его многочисленные жёны и дети были в качестве знатных пленников отправлены в Москву и с почётом приняты царём Борисом Годуновым, одарившим их дорогими одеждами¹⁴. В правление тобольского воеводы М. М. Годунова Г. Грозин участвовал в по-

ходе на сына Кучума царевича Алея, который также потерпел поражение, а его семейство попало в плен¹⁵.

Наряду с воинскими делами кандидат на атаманский чин указал на своё участие в строительстве Томска, Тюмени, Тобольска, Тары, Пельма, в сборе первого ясака с кузнецких татар¹⁶. Как уже обращали внимание исследователи, приведённая Г. Грозиным в челобитной последовательность в возведении сибирских городов не соответствует датам их возникновения¹⁷. Но точное название имён и фамилий воевод-градостроителей свидетельствует о достоверности указанных им сведений.

С учётом его ратных достижений царской грамотой от 27 февраля 1623 г. просьба Г. Грозина была удовлетворена и он был назначен атаманом конных казаков с окладом 11 руб., 13 четвертей ржи и овса¹⁸. В новой грамоте от 23 января 1625 г. ему была дана прибавка к жалованию за его заслуги¹⁹. В окладных книгах 1630, 1641 гг. наряду с атаманским чином он был отмечен и как сын боярский с прежним окладом²⁰.

В 1630–1640-е гг. вместе с детьми боярскими Б. Аршинским и Д. Черкасовым атаман входил в число наиболее влиятельных представителей тобольской служилой верхушки. Подьячий Савин Кляпиков в своих извещениях называл Г. Грозина и его товарищей «ушниками» воеводы П.И. Пронского, находившегося на воеводстве в 1639–1643 гг., и не без оснований обвинял их в укрывательстве разного рода воеводских махинаций, в частности в фальсификации выборов атаманов²¹.

Как и другие начальные лица, Г. Грозин выполнял различные административные поручения. В 1630 г. он отвозил с группой ратных людей с Тобольска на Тару хлебное и денежное жалование служилым людям, 23 июня на пути следования на излучине Иртыша один из дощаников был разбит²².

С его именем также связаны судебные дела сибирских воевод и других известных опальных лиц. 29 ноября 1645 г. с отрядом казаков атаман догнал сбежавшего из-под стражи замешанного в разных злоупотреблениях бывшего нарымского воеводу И. Скобельцына и вернул его назад. При этом вступил в конфликт с поддержавшим воеводу ссыльным дворянином Л. Плещеевым, будущим руководителем Земского приказа, и, по словам последнего, якобы стрелял в него из пищали²³. 25 июня 1650 г. по распоряжению тобольского воеводы был направлен на

Самаровский ям для конфискации имущества жены томского второго воеводы И. Бунакова²⁴.

Атаман выполнял и посольские миссии. В 1616 г., будучи ещё конным казаком, он сообщил тобольским воеводам о приезде в Тюмень «калмацких» послов Четана и Байбагши. При этом указал, что тюменский воевода Фёдор Коркодинов этих послов «грабил и насилствовал», и поэтому Гаврилы, боясь «убойства», не поехал «в калмыки» вместе с оскорблёнными посланниками²⁵.

В 1646–1647 гг., находясь уже в чине головы конных казаков, Г. Грозин возглавил посольство к внукам Кучума царевичам Бугаю и Девлет-Кирею (Гирею), постоянно совершавшим набеги на русские владения. Несмотря на холодный приём русских послов, им были собраны ценные сведения о положении в улусах кучумовичей, численности подвластных людей, особенностях их кочевой жизни, о торговле с бухарцами. Особенно важной была информация о том, что оружием и боеприпасами, по мнению Грозина, снабжают кочевников бухарские купцы, а также о намерении Бугая вместе с калмыками и татарами воевать Тюмень, Туринск и их слободы²⁶.

Г. Грозин, как и другие начальные лица, занимался земледелием, имел пашню на р. Курдюмке, которую к концу жизни передал в дар Тобольскому Софийскому дому²⁷.

Ратную службу Гаврилы Грозина продолжили его сыновья Иван, Борис, Василий и внуки. Сведений об их жизни и деятельности, в отличие от отца, сохранилось немного. Грозин Иван Гаврилов, очевидно, старший сын, в 1653 г. был вёрстан «вместо» своего отца²⁸. В 1659 г. он указан как сын боярский, который подписался под «скасской» о службе «опальных» детей боярских Шульгиных, потомков известного казанского правителя Никанора Шульгина, сосланного в 1613 г. в Тобольск. В окладной книге денежного жалования 1680 г. голова конных казаков Иван Грозин указан уже как умерший. Его сын Грозин Степан Иванов упоминается в 1696 г. среди детей боярских тобольского гарнизона с окладом 7 руб.²⁹

Другой представитель этой династии, Грозин Борис Гаврилов также служил в Тобольске сыном боярским, был головой конных казаков. В 1669 г. был послан в Бергамацкую (Красноярскую) слободу Тарского уезда на помощь тобольскому сыну боярскому Степану Кобылянскому, находившемуся в осаде от калмыков.

В 1670 г., сменив его на посту приказчика, немало сделал по организации и устройству новой слободы на Иртыше. При нём были построены острог с башнями и надолбами, приказная изба, караульня, крестьянские дворы, заведена государева десятинная пашня³⁰. В 1696 г. его оклад 4 руб. считался уже «выбылым», что свидетельствует о завершении его служебной карьеры³¹.

Третий сын, Грозин Василий Гаврилов, как и его братья, имел чин сына боярского с окладом 8 руб. О нём известно, что 26 сентября 1672 г. он продал «скотину на убой» за 2 руб., 21 августа 1673 г. продал также «скотину на убой» за 2 руб.³² Его имя упоминается в окладной книге 1696 г. в том же чине и окладе³³.

Близким соратником Ермака был атаман Черкас Александров (Иван Александров сын Корсак). Черкас — это было его имя-прозвище. Он и его потомки стали прославленными атаманами, руководителями многих походов в неведомые «новые землицы», известными землепроходцами и мореходами, а сам Черкас, по сути, явился первым историком «сибирского взятия». Его непростой жизненной судьбе и службе в Сибири посвящена отдельная статья (см. ниже).

Продолжительным, наполненным разными событиями был жизненный и ратный путь возможного сподвижника Ермака тобольского казачьего атамана Ивана Дурыни. Его служба в Сибири в составе стрелецкого войска отмечена источниками в самом начале XVII в. В грамоте Бориса Годунова от 21 ноября 1601 г. верхотурскому воеводе князю М. Д. Львову и письменному голове У. В. Новосильцеву сообщалось, что из Москвы на Верхотурье отпущен тобольский стрелец Ивашко Дурыня, находившийся в столице с каким-то поручением³⁴. 6 апреля 1604 г. он также привёз грамоту с Москвы на Верхотурье о «выборе» (наборе) охочих людей в сургутские стрельцы и казаки³⁵. В 1610 г. И. Дурыня со служилым И. Пошехонцем «с товарищи» вёз с Соли Вычегодской 7500 руб. для закупки хлеба «на Верхотурье» и отправления его в Тобольск³⁶. Выполнение такой ответственной миссии могло быть поручено лишь начальным людям, очевидно, к этому времени он был уже атаманом стрельцов или казаков.

Иван Дурыня, как и Иван Гроза, и другие ермаковцы, принимал непосредственное участие в освобождении Москвы от польских захватчиков и других «воровских людей». В 1612 г.

во главе челобитчиков он обратился к руководителям Второго ополчения с просьбой предоставить Успенскому (Знаменскому) монастырю земли близ Бегишевых гор и на р. Вагае, в том числе и свою землю. В своей челобитной казаки указали, что «служили под Москвою и всякую нужду терпели с бояры и со князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким с товарищи тобольского города атаман Дурыня с товарищи, чтоб их бояры пожаловали для их старости за их службы и за раны, где б при смертном часу головы свои преклонить к монастырю»³⁷. По просьбе казаков монастырю были выделены жалованные грамоты на землю, 20 руб. денег и «государева» денежная руга для 12 казаков³⁸. Сам атаман имел заимку на р. Вагае и на озере Бегишево с островом в 50 верстах от города, которая по его «даче» отошла к монастырю.

Сохранились и другие сведения о его долгой службе и жизни в Сибири. 30 июня 1618 г. он привёз из Москвы в Тобольск грамоту о принятии мер, запрещавших русским торговым людям и иностранным купцам вести торговлю с Мангазеей морским путём³⁹. В возрасте около 100 лет атаман постригся в монахи в тобольский Знаменский монастырь. Умер бывший атаман, очевидно, в начале 1620-х гг. В 1624 г. упоминается его жена, вдова Марьица, которая жила «позади Новой улицы против острога»⁴⁰.

Иван Дурыня явился основателем большого рода тобольских служилых людей, оставивших свой след в истории Сибири и России. Его преемником стал казачий атаман Корнило Дурынин. О нём известно, что в 1623 г. с посольством уфимского сына боярского В. Волкова он отвозил «шертовальную запись» (присягу на верность русскому царю) калмыцкому тайше Мангиту⁴¹. В 1626 г. вместе с другими начальными людьми был опрошен в тобольской съезжей избе о возможности строительства на озере Ямыш постоянного острога, заведения там пашни и торговли с калмыками⁴². В 1636 с дьяками Саввой Есиповым и Никитой Леонтьевым дал «дачу» соборной церкви Софийского дома — украшение («цата чеканная меньшая позолочена») к чудотворной иконе «София Премудрость Божья»⁴³.

Сыновья атамана — Василий и Михаил Корниловы — в 1649/1650 и последующие годы служили в Тобольске конными казаками с хлебным окладом 6 четей с осминой ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли. В 1668 г. они упоминаются как рейтары⁴⁴.

Несомненным авторитетом в тобольском гарнизоне пользовался сподвижник Ермака, атаман пеших казаков Гаврила Ильин. В 1626 г. старые казаки его сотни выступили против назначения у них головой сына боярского Богдана Аршинского и добились того, чтобы во главе их по-прежнему оставался атаманом Гаврила Ильин. В своей челобитной на имя царя они сообщали, что «служат в Сибири в Тобольску от Ермакова взятъя лет по сороку и по пятидесяти с атаманы, а не с головою» и «их де о том, что ведать Богдану Аршинскому челобитья не было»⁴⁵. Правительство пошло навстречу их просьбе, казаки этой станицы перешли под управление Б. Аршинского лишь через 13 лет, после смерти Г. Ильина⁴⁶.

Невзирая на преклонный возраст, атаман Г. Ильин участвовал в походах против воинственных соседей, посольствах к их правителям и совершал дальние поездки в Москву. В 1635 г. его сотня разгромила ойратов и сняла осаду с Тары. В 1636 г. атаман был послан к калмыцкому князю Талай-тайше, чтобы решить вопрос о тюменском полоне. Желая показать свою силу, Талай взял его в поход против кочевников Казачьей орды (территории проживания казахов Среднего жуза). После их разгрома правитель хвастался, что может набрать 200 тысяч воинов и пойти войной на русские города. На что Гаврила якобы ответил, что его войско, не доходя до государевых городов, «пропадёт как мошка». Рассердившись на дерзкий ответ атамана, Талай приказал «разметать» предоставленную ему избу⁴⁷. 4 октября 1639 г. атаман прибыл в Москву и подал в Сибирский приказ воеводскую отписку о текущих делах и результатах посольства калмыцкого посланника Уруская⁴⁸. После его смерти (около 1639 г.) атаманом был назначен Евстафей (Остафей) Антонов, начинавший свой воинский путь пешим казаком в тобольском гарнизоне в 1607 г.

До глубокой старости находился на «государевой» службе («лет с 80 и болши») один из участников похода Ермака Никита Брянцев⁴⁹. В 1625 г. он указан сыном боярским в «литовском» списке в Тобольске с окладом 8 руб.⁵⁰ В 1659 г. находился в «посылке» в Москве, 11 августа подал в Сибирский приказ воеводскую «отписку» о ссылке тобольского стрелецкого и казачьего головы Я. Шульгина с семьёй в Якутск⁵¹. По словам его сына Василия, Никита Брянцев умер глубоким стариком в Тобольске в 1666/67 г.⁵²

Василий Никитич Брянцев продолжил службу своего отца. В 1668 г. он упомянут среди тобольских рейтаров «нового строя», в последующие годы указан как сын боярский. В 1672/1673 г., находясь «на приказе» Нижней Ницынской слободы, получил «памяти» (предписания) о сыске каких-то «воров и зажигальщиков» и учинении допроса ницынских пашенных крестьян, обвинённых в самовольном заселении Утецкой слободы⁵³. В апреле 1673 г., очевидно, с родственником Гаврилой Брянцевым явил в тобольской таможне 15 четей ржи на 15 руб. «своей пахоты», предназначенные для продажи⁵⁴.

Другой представитель этой династии Лев Васильев Брянцев, возможно, сын Василия Никитича, также состоял на службе сыном боярским в Тобольске с окладом 13 руб. (1696 г.)⁵⁵.

Немало потомков соратников Ермака сохранили память о жизни и деятельности своих предшественников, которая передавалась из поколения в поколение. 14 июня 1681 г. кузнецкий конный казак Кириллов Алексей сообщил на «разборе» (военном смотре), что «прадед мой был новгородец посадник, а из Новагорода от гнева сошёл на Великий Устюг, а с Устюга в Пермь Великую и как шёл с Волги атаман Ермак Тимофеевич и деда моего взял собою в Сибирь и с помощью божее Ермак Тимофеевич Сибирь с ратными людьми взял и служил дед мой на Верхотурье и в Туринском и на Тюмени и в Тобольском двенадцат лет и по челобитью томских служилых и всяких чинов людей за малолетство взят в священство, а отец мой Кирило Меркурьев служит великому государь со 149 году (1641) в таможне в приказе в Томском и в Нарыме и в Кузнецком, а я Алешка верстан в 188 году (1680) на выбылое место Андрея Вертелецкого и верстал меня столник и воевода Иван Ильич Давыдов»⁵⁶.

Приведённая выше «скаска» А. Кириллова подтверждается рядом других документальных источников. Известный сибирский историк Д. Я. Резун на основе изучения томских окладных книг выдвинул не лишённое оснований предположение, что прадед А. Кириллова бежал из Новгорода из-за опричного похода Ивана Грозного в 1571 г. Его возможное имя — Мишка Андреев Новгородец, в 1624 г. он упоминается пешим казаком в Томске с окладом 4 руб. с четью⁵⁷. Его близкий родственник Меркурий Левонтьев в окладной книге 1630/31 г. значился попом Богоявленской церкви, получал 8 руб. годового жалования⁵⁸.

Установлено также, что в 1631 г. Меркурий был послан с воеводой князем И. М. Волконским в Кузнецкий острог, где стал священником местной Преображенской церкви. В кузнецких окладных книгах М. Левонтьев указан среди ружников с окладом 8 руб., 6 четей ржи, 4 чети овса, пуд соли⁵⁹.

Его сын Кирилл Меркуров с 1640 г. служил подьячим в таможнях Томска и Нарыма, а в 1670-е гг. состоял подьячим съезжей избы в Кузнецке; в 1673, 1680 гг. его оклад составлял 16 руб., 16 четей ржи, 16 четей овса, 4 пуда соли⁶⁰. Вместе с ним указан, очевидно, его брат — пушкарь Ивашка Меркурьев, оклад которого составлял в 1673 г. 4 руб., 5 четей с осминой ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли, в 1680 г. — 5 руб., 3 чети с осминой ржи, 4 чети овса, пуд соли⁶¹.

Соратники Ермака и их потомки встречаются и в других городах Сибири. В 1703 г. в челобитной, поданной по поводу поверстания в дети боярские, енисейский служилый человек Василий Галкин утверждал, что его прадед Алексей Галкин служил с Ермаком, затем после «сибирского взятия» более 30 лет был казачьим атаманом в Берёзове и погиб в Мангазейском уезде в бою с «иноземцами», а его дед Иван и отец Алексей Галкины служили по Енисейску в детях боярских. Ту же родословную о своих корнях приводил и недоросль Никита Алексеев Галкин в 1690-х гг.⁶²

Использование новых архивных данных и литературы позволяет не только подтвердить приведённые в челобитной свидетельства о близких родственниках Василия Галкина, но и значительно расширить представления об их служебной деятельности в Сибири.

О прадеде Алексее Галкине известно лишь то, что в мае 1610 г. с сыном боярским Петром Албычевым он сопровождал из Москвы в Верхотурье ссыльного Фёдора Старово и «литву» Станислава Гронского «с товарищи», всего 9 человек, которых велено было затем доставить в Тобольск⁶³.

Дед Василия Галкина Иван Алексеев Галкин начинал свой ратный путь в Берёзове конным казаком, за «отцову службу» был повёрстан в атаманы и переведён в Енисейск, куда, по выражению первого сибирского историка П. А. Слоцова, «под магический звон монеты» стекались самые отважные и предприимчивые люди⁶⁴. В конце 20-х гг. XVII в. он указан в енисейском гарнизоне уже сыном боярским. Известно, что 25 сентября

1629 г. атаман с будущим известным землепроходцем Петром Бекетовым подал челобитную о трудностях несения службы в Енисейском крае и освобождении их от дополнительной повинности — перевозки хлебных запасов из Маковского острожка в Енисейск, предназначенных для экспедиции воеводы Я. Хрипунова из Красноярска⁶⁵.

Источники сохранили немало свидетельств несения его нелёгкой государевой службы на Енисее и других реках Сибири. В феврале 1629 г. он возглавил поход служилых людей (40 человек) на тубинского князя Сойота (Сота), люди которого убили трёх казаков и отказались платить ясак. Совершив полторамесячный поход на лыжах, отряд И. Галкина обнаружил кочевья Сойота и его союзника Кояна. По словам Г. Миллера, нередко возвеличивавшего военные успехи русских в Сибири, безуспешные переговоры с ними завершились столкновением сторон. В ходе боя стрельцы одержали победу, захватили много пленных, но десять человек получили тяжёлые ранения. На обратном пути объединённые силы Кояна и Сойота снова пытались разгромить русских пришельцев. Но стрельцы вновь дали отпор. Соорудив из нарт и лыж круг, они пять дней отражали их приступы и, не потеряв и не бросив при этом ни одного человека, по словам того же Г. Миллера, «возвратились с большой славой в Енисейск»⁶⁶.

Летом 1630 г. атаман Галкин с десятником Михаилом Шоринным и служилыми людьми совершил поход в Канскую землю, уже объявленную красноярцами, где, по словам подавшего на них жалобу красноярского воеводы А. Акинфова, они без его ведома «самовольством» «ясачных людей побили и пограбили, и жён и детей их в полон поимали» и «государев недоборной ясак пять сороков взяли»⁶⁷.

Зимой 1630 г. И. Галкин был послан со стрельцами «нартным ходом» на Ленский волок, где на р. Куте поставил острожек. Весной его казаки спустились на стругах на р. Лену и поставили первый в Якутии Ленский острог, ставший со временем центром обширного разряда⁶⁸. Летом и осенью 1631 г. его отряд совершил новый поход в Якутскую землю, откуда вернулся с огромным количеством ясачной пушнины (2600 соболей), собранной на р. Лене и Алдане.

За открытие «новой земли» и первый сбор ясака с якутов (на 258 руб. по енисейской оценке и 716 руб. 28 алтын по

московской) был награждён «сукном английским», 10 руб. и повышением денежного жалования⁶⁹. В 1630 г. его оклад составлял 16 руб., 14 четей ржи, 8 четей овса, 2 пуда соли, в 1632, 1636 гг. — 18 руб. 14 четей ржи, 8 четей овса, 2 пуда соли, в 1643 г. — 20 руб., 16 четей ржи, 10 четей овса, 2 пуда соли и был самым высоким среди служилых людей енисейского гарнизона⁷⁰.

В 1632–1636 гг., действуя совместно с отрядом П. Бекетова, атаман И. Галкин сумел объяснить основную часть Центральной Якутии и собрать важные сведения о населении и природных ресурсах края⁷¹. В 1648 г., получив жалование на два года вперёд, был направлен с отрядом в Ангарский острожек для сбора ясака и поиска драгоценных металлов, а также проведать путь «до монгольского царя Цысана»⁷². Под его руководством служилые люди возвели на р. Баргузин одноимённый острог и собрали первый ясак с бурят; часть казаков была направлена на р. Селенгу для поисков пропавшего отряда сына боярского И. Похабова⁷³.

И. Галкин не только успешно занимался сбором «государевой» ясачной пушнины и возводил новые остроги, но и был в числе крупных промышленников-предпринимателей, снаряжавших на свои средства экспедиции промышленных людей в охотничьи угодья. По данным П.Н. Павлова, в 1635 г. нанятые им люди (покрученники) добыли ему 630 соболей. В июне 1638 г. пинежанин, предприниматель Сухан Иванов взял у него 6 покрученников с ужинами (снасть и продукты питания), с обещанием отдать часть добытой пушнины. В этом же году он приобрёл у якутов 1162 соболя, соболюю пластину, 11 шуб, 65 лисиц и 2 лисьи шубы на деньги, товары и муку, выделенную для питания аманатов (заложников)⁷⁴.

Наряду с пушной торговлей удачливый атаман успешно занимался сельскохозяйственным производством. В большом хозяйстве, которое он вёл, очевидно, совместно с братом Осипом, в 1639 г. было шесть лошадей, 240 десятин земли, но не все они были заняты посевами. В 1685 г. были засеяны озимыми и яровыми 21 десятина и 16 десятин — рожью⁷⁵.

Блестящий знаток истории колонизации Сибири С.В. Бахрушин с присущим ему литературным талантом дал яркую характеристику атаману, назвал его «одним из самых выдающихся енисейских служилых людей... Иван Галкин, предприимчивый,

смелый, жадный до наживы, неутомимый исследователь и завоеватель “новых земель”, типичный русский Писарро...»⁷⁶

И. Галкин проявил себя не только как опытный администратор, удачливый «государевый прибыльщик» и хищный частный предприниматель, но и как ловкий и хитрый делец, умело устраняющий своих конкурентов и устраивающий на их места своих родственников. Он немало содействовал назначению атаманом по Енисейску своего брата Осипа Галкина, бывшего гулящего (вольного) человека. Несмотря на его несоответствующий статус и отсутствие определённых ратных заслуг, в 1634 г. последовал указ о верстании Осипа в атаманы на место авторитетного в гарнизоне Максима Перфильева, что вызвало недовольство енисейских ратников, породившее коллективную челобитную на неугодного им Осипа. В ней служилые люди справедливо указали, что ему «государевы службы не за обычай» и что он «не в котором городе в стрелцах и в казаках не бывал и никаких государевых служб не служивал»⁷⁷.

Однако их жалобы в Москву были умело дезавуированы действиями обоих братьев путём получения новой ясачной «прибыли» и подкупа московских приказных лиц. В 1636/1637 г. О. Галкин привёз в Москву ясачной пушнины на сумму 1 038 руб. 23 алтына 2 денги, кроме того он собрал десятинной пошрины и приобретённых в казну мехов на сумму 7 803 руб. по сибирской оценке, благодаря чему сумел сохранить незаконно полученный атаманский чин⁷⁸. В 1640–1641 гг. О. Галкин был уже приказчиком Ленского (Якутского) острога, где вскоре был убит восставшими якутами-кангаласцами.

О своей преемственности и причастности к ермаковским казакам — «покорителям Сибири» — заявляли и другие служилые люди. Нередко это использовалось ими в целях удовлетворения своего материального положения и повышения социального и военного статуса. В 1640 г. сургутский атаман Кузьма Васильев Горбунов, находясь в Москве с ясачной казной, подал челобитную в Сибирский приказ о передаче ему денежного и хлебного оклада умершего атамана Тугарина Фёдорова. В ней он сообщил, что «служил... отец мой в Сибири с Ермаком с тех мест, как бог поручил Сибирь под твою государеву руку»⁷⁹. Сам Кузьма нёс конную казачью службу в Таре с 1614 г. и неоднократно участвовал в стычках с калмыками⁸⁰. Как свидетельству-

ют окладные книги жалования, в 1625/26 и 1630 гг. он состоял в «литовском списке» с окладом 7 руб. с четью, 5 четей ржи, 1 чети круп и толокна⁸¹. В 1633/34 г. был переведён в Сургут на «выбылое место» атамана Зубакина, которое составляло 7 руб., 8 четей с полуосминой ржи, чети круп, чети толокна и 2 пудов соли, что явно не устраивало Кузьму. Он безуспешно добивался назначения на место атамана Т. Фёдорова, получавшего 15 руб., 13 четей ржи, 3 пуда соли. В своей челобитной Кузьма указал, что ввиду болезни Фёдорова он исполнял его обязанности в течение пяти лет с прежним окладом и потому «обнищал и задолжал великим долгом», в связи с чем просил увеличить ему жалование. Его просьба после проверки указанных им сведений была удовлетворена⁸².

В апреле 1647 г. бил челом царю с просьбой о верстании его казаком в конную службу по «литовскому списку» тобольский отставной певчий дьячок Ульян Казьмин (Кузьмин). Он также сообщил, что его дед Шемелин Семён Фёдоров «служил тебе государю из давних лет. А пришёл в Сибирь с атаманьями с Ермаком Тимофеевым с товарищи в казаках, и Сибирь тебе, государю очистил и кровью своею взял за саблю»⁸³. По данным выдающегося археографа, обозревателя Сибирского приказа Н.Н. Оглоблина, Семён Шемелин достиг звания атамана, принимал участие в событиях Смуты на стороне царя Василия Шуйского и был убит «на приступе» Тулы, где был осаждён И. Болотников со своей армией⁸⁴. Просьба Кузьмина была учтена, в 1648 г. он значился в тобольском гарнизоне конным казаком с окладом 7 руб., 6 четей ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли⁸⁵.

В 1668 г. тобольский рейтар Иван Ясырев подал челобитную, где утверждал, что его дед Григорий Ясырь «служил... с Ермаком вместе конную службу, а отец мой Фёдор Ясырев служил... после деда моего лет с 70 и болши в конной же службе»⁸⁶. Прозвище Ясырь (пленник) указывает, что Григорий до Сибири побывал, очевидно, в каком-то плену. Григорий Ясырь впервые упоминается в 1599 г. в Тобольске конным казаком⁸⁷. В 1623 г. вместе с сыном Фёдором владел двором, пахотной землёй, покотиной и сенокосами в районе озера Абалак (1623 г.). Умер Григорий после 1627/28 г.⁸⁸ Его возможный родственник Фёдор Ясырь упоминается в исторической литературе как казачий сотник Исетского острога, который в 1671 г. был бит кнутом как

бунтовщик⁸⁹. Другими вероятными потомками ермаковского казака были тобольский рейтар Афанасий Ясырев и его сын Григорий Афанасьев Ясырев, отмеченные в именных списках 1676 и 1702 гг.⁹⁰

К ермаковским соратникам, возможно, принадлежал сургутский казачий атаман Тугарин Фёдоров. По данным В.А. Александрова, в 1626 г. он просил отставки из-за полученных ран и увечий, а на свой оклад, составлявший 15 руб., 15 четвертей хлеба, просил приверстать двадцатилетнего сына Петра. О себе сообщил, что службу в Сибири начал в 1591 г., вместе с другими служилыми людьми принимал участие в строительстве Пельма в 1593 г., в следующем году — Сургута, где был атаманом конных казаков. В 1598/99 г. ходил за ясаком на р. Томь, в 1599–1601 гг. — на р. Енисей, разведывал «новые земли», взымал ясак с селькупов и енисейских остяков, основал Кунгопский (Кетский) острог. Известно также, что в 1602 г. он был первым приказным в Кетском остроге.

После 1604 г. сургутский атаман был послан с ясачной казной Москву, где стал участником событий Смутного времени, борьбы царя Василия Шуйского с восстанием И. Болотникова, сражений с польским войском. В составе Большого полка талантливое воеводы М.В. Скопина-Шуйского сражался в 1607 г. под Кадугой, затем в полку И.В. Бутурлина — «на Лихвинской засеке», под Москвой бился с «польскими и литовскими людьми и русскими воры бился явственно и многжды был ранен»⁹¹.

На заключительном этапе Смуты Тугарин Фёдоров был вновь направлен в Сибирь и продолжил службу в Сургуте. В 1611 г., находясь вновь в Москве вместе с казаком П. Колпашником, предложил снести Нарымский и Кетский остроги и «поставить город» на более высоком месте, возле устья р. Кети, где «место угоже, и крепко и рыбно и пашенка невелика есть и лугов много». Однако его инициатива не нашла поддержки у сургутского воеводы, заявившего на основании проведения новой разведки, что это место «поимает водою»⁹².

В 1625 г. атаман, изувеченный многочисленными ранами, вышел в отставку, но по-прежнему оказывал влияние на положение дел в своём гарнизоне, где пользовался большим авторитетом и уважением. В 1626 г. он входил в состав комиссии, расследовавшей конфликт между воеводами Н.Е. Пушкиным

и Б. И. Белкиным, завершившийся заменой обоих наместников. В 1630 г. Т. Фёдоров по-прежнему упомянут как сургутский казачий атаман с прежним окладом⁹³.

В числе ермаковских казаков источники упоминают Козарина Тарха, Леонтьева Юрия, Болдыря Савву, Вышата Льва и других соратников. В 1586 г., находясь в Москве, указанные лица внесли в Чудов монастырь денежный вклад в разных суммах и соболей для поминовения своих родителей и «убиенных (ермаковских) казаков»⁹⁴. Но они, по-видимому, не вернулись обратно в Сибирь, поскольку их имена больше не упоминаются в именных списках и других делопроизводственных материалах сибирских городов.

Таким образом, войдя в состав правительственных войск и связав свою дальнейшую судьбу с Сибирью, бывшие соратники Ермака не растворились в ней бесследно, а стали заметными фигурами в сибирском служилом мире, а их потомки заняли почётное место в среде местной «служилой аристократии». Их высокое положение в сибирском «войске» во многом было обусловлено не только наличием боевого опыта, полученного в борьбе с Кучумом, участием в Смуте и освобождении страны от врагов, но и упорной созидательной деятельностью в процессе открытия, присоединения и начального хозяйственного освоения необъятных просторов будущей Азиатской России.

Являясь надёжными проводниками правительственных указов, они немало сделали в деле возведения первых городов и острогов за Уралом, заведения пашни, организации промыслов, обороны новых русских владений, установлении контактов с коренными жителями и посольских связей с другими народами. Многие из них стали основателями сибирских служилых династий, представители которых продолжили их нелегкую службу и внесли немалую лепту не только в дальнейшее развитие Сибири, но и в сохранение исторической памяти в освещении событий «сибирского взятия», дошедшей до наших дней.

¹ Преображенский А. А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России / Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 378.

² Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. 1. М., 1999. С. 213, 244; Тобольский архиерейский дом в XVII в. Новосибирск, 1994. С. 241. Я. Г. Солодкин подверг сомнению сведения об отправке посланников

Ермака с известием о победе в Москву. См.: Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. Нижневартовск, 2010. С. 67, 157.

³ Никитин Н. И. Соратники Ермака после «сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 55.

⁴ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 380–381.

⁵ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 82.

⁶ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 214. Кн. 27. Л. 14 об.; Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 7.

⁷ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 162, 237; Он же. Соратники Ермака... С. 58; Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М., 1976. С. 85–86.

⁸ Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. (1592–1768 гг.) Ч. 1. М., 1895. С. 301–302.

⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 211 об.

¹⁰ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее РИБ). Т. 8. СПб., 1884. № 3. Стб. 335–342; № 46. Стб. 522–527.

¹¹ Тобольский архиерейский дом... С. 241; Никитин Н. И. Соратники Ермака... С. 58.

¹² Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьёй прив.-доц. П. М. Головачёва. М., 1903. С. 21.

¹³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее АИ). Т. 2. 1598–1613. СПб., 1841. № 1. С. 1–2; Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. № 100. С. 446–447; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 40–41.

¹⁴ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 636.

¹⁵ РИБ. Т. 2. № 130. С. 401; Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. № 100. С. 446–447.

¹⁶ Там же; Александров В. А. «Войско» — организация сибирских служилых людей XVII века // История СССР. 1988. № 3. С. 98–99.

¹⁷ Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. Нижневартовск, 2017.

¹⁸ РИБ. Т. 2. СПб., 1875. № 130. Стб. 400–402.

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 6. Л. 137–138; Оглоблин Н. Н. Обзорение... Ч. 3. М., 1900. С. 229.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 27. Л. 3; Никитин Н. И. Государственное обеспечение гарнизона Тобольска до середины XVII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 134; Никитин Н. И. Соратники Ермака... С. 54.

²¹ Александров В. А., Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 154.

²² Никитин Н. И. Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда в XVII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 51–70.

²³ Зольникова Н. Д. «Нарымское дело» 1642–1647 гг. // Древнерусская рукописная книга и её бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 211–234.

²⁴ Покровский Н.Н. Томск в 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 348.

²⁵ Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сборник документов. М., 1959. С. 43, 47.

²⁶ Васьков Д.А. Отписка тобольских воевод о русских посольствах к сибирскому царевичу Девлет-Гирею в 1645–1646 годах // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 1. С. 159; Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 132, 601, 711.

²⁷ Тобольский архиерейский дом... С. 241, 251.

²⁸ Там же. С. 241; Никитин Н.И. Соратники Ермака... С. 59.

²⁹ Тобольск: Материалы для истории... С. 45.

³⁰ Аполлова Н.Г. Указ. соч. С. 58–60.

³¹ Тобольск: Материалы для истории города... С. 47, 63.

³² Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 5. Новосибирск, 2003. С. 16, 170.

³³ Тобольск: Материалы для истории города... С. 45.

³⁴ Верхотурские грамоты... № 68. С. 117; № 162. С. 242.

³⁵ АИ. Т. 2. СПб., 1841. № 46. С. 59.

³⁶ Верхотурские грамоты... № 162. С. 242.

³⁷ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт её первых насельников. Харьков, 1889. С. 111–112, 119. Примечательно, что в 1612 г.

Второе ополчение было поддержано также сибирскими татарами, стрельцами и казаками, которых привёл в Ярославль сын царевича Алея Араслан. См.: Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 365.

³⁸ Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 170.

³⁹ РИБ. Т. 2. СПб., 1875. № 254. С. 1067.

⁴⁰ Тобольск: Материалы для истории... С. 8.

⁴¹ Русско-монгольские отношения. 1607–1636. М., 1959. С. 125.

⁴² РИБ. Т. 8. СПб., 1882. № 11–3. С. 340.

⁴³ Тобольский архиерейский дом... С. 85.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 249. Л. 184; Стб. 247. Л. 168; Преображенский А.А. Указ. соч. С. 379, 382.

⁴⁵ Никитин Н.И. Служилые люди... С. 48, 211–212.

⁴⁶ Преображенский А.А. Указ. соч. С. 380; Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 93, 154. Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С. 125.

⁴⁷ Русско-монгольские отношения. 1637–1654. Сборник документов. М., 1974. № 37. С. 173, № 38. С. 174–175. № 44. С. 190.

⁴⁸ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 531.

⁴⁹ Преображенский А.А. Указ. соч. С. 381.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 14. Л. 83.

⁵¹ Первое столетие сибирских городов: XVII век (История Сибири: первоисточники). Новосибирск, 1996. Вып. 7. С. 103–104.

⁵² Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 83.

⁵³ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. Описи копийных книг в двух томах. Т. 1. Новосибирск, 1993. № 114, 117. С. 131–132.

⁵⁴ Таможенные книги сибирских городов XVII в. Новосибирск, 2003. Вып. 5. С. 95.

⁵⁵ Тобольск: Материалы для истории города... С. 44.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 1007–1007 об.

⁵⁷ Резун Д.Я. Новое об ермаковских казаках // Актуальные вопросы истории и Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: Материалы конф. / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, В.А. Скубневского. Барнаул, 2000. С. 8; Томск в XVII в.: документы и материалы. Приходные и расходные книги Томского города 30-х годов XVII в. / сост. В.А. Осипова. Томск, 2005. С. 92.

⁵⁸ Томск в XVII веке: документы и материалы... С. 92.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 28. Л. 590; Кн. 47. Л. 147; Кн. 70. Л. 138 об., 217 об.; ГАТО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 1а. Л. 67 об.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 590. Л. 505 об., 546; Кн. 716. Л. 388, 433.

⁶¹ Там же. Кн. 590. Л. 513 об., 557; Кн. 716. Л. 395.

⁶² Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 80; Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 82.

⁶³ Верхотурские грамоты... № 166. С. 246.

⁶⁴ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1992. С. 45.

⁶⁵ Оглоблин Н.Н. Указ. соч. Ч. 3. С. 116.

⁶⁶ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 66–67, 155; № 273. С. 422–423.

⁶⁷ Там же. № 286. С. 439–440.

⁶⁸ Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 161–162.

⁶⁹ Бродников А.А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск, 2019. С. 231–232.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 214. Стб. 72. Л. 52–54; Кн. 27. Л. 305, 313; Кн. 153. Л. 49 об., 134; Бродников А.А. Указ. соч. С. 230, 237.

⁷¹ Оглоблин Н.Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 244; Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 161–162.

⁷² Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 159.

⁷³ Русско-монгольские отношения. 1637–1654... № 118. С. 364; Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 98.

⁷⁴ Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в.: учебное пособие. Красноярск, 1974. С. 26.

⁷⁵ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 179, 181, 184.

⁷⁶ Бахрушин С.Б. Указ. соч. Т. 3. Ч. 1. С. 134.

⁷⁷ Бродников А.А. Енисейск и Енисейский уезд... С. 233–234.

⁷⁸ Там же. С. 236. Примечательно, что в результате интриг братьев Галкиных известному землепроходцу М. Перфильеву пришлось начинать свою службу заново — рядовым казаком, но вскоре он вновь стал атаманом. См.: Бродников А. А. Указ. соч. С. 240.

⁷⁹ Вершинин Е. В. Указ. соч. С. 309.

⁸⁰ Никитин Н. И. Казачество Сургута в XVII в. // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию города Сургута: Докл. и сообщ. Екатеринбург, 1995. С. 106.

⁸¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 386, 410; Кн. 27. Л. 148 об.

⁸² РГАДА. Ф. 214. Стб. 3. Л. 268; Стб. 96. Л. 48; Вершинин Е. В. Указ. соч. С. 309.

⁸³ Преображенский А. А. У истоков народной... С. 380.

⁸⁴ Оглоблин Н. Н. Указ. соч. Ч. 3. С. 140–141; Никитин Н. И. Сратники Ермака... С. 73.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 249. Л. 182.

⁸⁶ Преображенский А. А. Указ. соч. С. 380.

⁸⁷ Верхотурские грамоты... С. 39, 50; Оглоблин Н. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 285; РГАДА. Ф. 214. Кн. 367. Л. 110.

⁸⁸ Никитин Н. И. Сратники Ермака... С. 61.

⁸⁹ Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий... С. 239.

⁹⁰ Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 156.

⁹¹ Александров В. А. «Войско» — организация... С. 98; Вершинин Е. В. Указ. соч. С. 308–309.

⁹² РИБ. Т. 8. СПб., 1882. № 90. С. 206–207; Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 296. № 79. С. 427.

⁹³ Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий... С. 205–206; Служилые люди Сибири... С. 897.

⁹⁴ Никитин Н. И. Сратники Ермака... С. 61.

«Государевы» службы атамана Черкаса Александрова

Как уже было указано выше, большая часть дружины Ермака погибла в сражениях с отрядом Кучума, а также от голода и холода во время осады их в Кашлыке. Оставшиеся в живых казаки вернулись на Русь, но часть их вскоре вновь прибыла в Сибирь уже в качестве служилых людей «по прибору» в составе правительственных войск под началом воевод В. Сукина, И. Мясного и других военачальников. Среди них был один из видных соратников Ермака — казачий атаман Черкас Александров (Иван Александров). Его социальное положение, служебная деятельность, родственные связи и сведения о его потомках, ввиду разрозненности и отрывочности малочисленных источников, не получили должного освещения в историографии Сибири.

Первое упоминание об участии Черкаса Александрова в походе Ермака нашло отражение в летописных источниках, представленных разными списками. По мнению Р. Г. Скрынникова, именно Ермак послал Черкаса с 25 казаками с ясаком и вестью о победе над Кучумом и «сибирском взятии» в Москву, где царь Фёдор наградил казаков жалованием: «деньгами и кормом и выходными сукнами», а пленного татарского военачальника Маметкула удостоил торжественной встречей. В Москве Ч. Александров находился с лета 1583 г. по весну 1586 г., когда шло формирование новой экспедиции в Сибирь. Затем, уже в качестве «государева» атамана, он вновь отправился в Сибирь, с которой окончательно связал свою дальнейшую судьбу¹. Перед отъездом Черкас для поминания родителей сделал вклад в московский Чудов монастырь, находившийся в Кремле, — 80 соболей, которых позднее монахи продали за 50 руб.²

Черкасу довелось со своими подчинёнными участвовать в строительстве ряда сибирских городов и острогов. В 1586 г. под руководством посланных Москвой воевод В. Сукина, И. Мясного и письменного головы Д. Чулкова с оставшимися в Сибири ермаковскими казаками он возводил первый город за Уралом — Тюмень³. В 1594 г. в составе большой экспедиции (1500 человек) под началом воеводы князя А. Ф. Елецкого Черкас

был направлен на строительство Тары, где руководил командой из 100 тобольских служилых татар⁴. Осенью 1595 г. с отрядом служилых татар прибыл в Берёзов и снял полугодичную осаду города от восставших остяков и самоедов⁵. В 1597 г. в составе сводного отряда служилых людей Тобольска, Берёзова и Сургута под руководством сургутского атамана Тугарина Фёдорова участвовал в строительстве Нарымского острога, расположенного при впадении р. Кети в Обь⁶.

Атаман принимал активное участие в окончательном разгроме Кучума летом 1598 г. В ходе исторического похода воеводы А. Воейкова вместе с сыном боярским И. Беклемишевым и командой конных казаков осуществлял поиск поверженного правителя Сибири. С помощью «языков» (проводников) ясачных волостей обнаружил его местонахождение. 20 августа он с отрядом участвовал в решающем сражении с войском сибирского хана на р. Ирмени. 4 сентября вместе с тарским сыном боярским М. Глебовым Черкас был послан в Москву с отпиской А. Воейкова о победе над Кучумом⁷. Следующая служебная поездка в Москву состоялась зимой 1601 г., а 29 мая с бывшим колодником, принятым на службу, «литвином» Войтехом Кривитцким, стрельцами Петром Вятчанином, Заворохой Ивановым и двумя служилыми татарами он был отпущен из Москвы с партией колодников, прибыл на Верхотурье 29 июля и привёз в Тобольск три государевы грамоты⁸.

На рубеже XVI–XVII вв. Черкас Александров упоминается уже как тобольский голова служилых татар с самым высоким среди «начальных» людей Сибири жалованием — 30 руб. деньгами и по 30 четей ржи и овса⁹. Назначению на этот пост он, очевидно, был обязан не только своим непосредственным участием в разгроме Сибирского ханства, но и знанием татарского языка и умением общаться с коренными народами. В отличие от других представителей командного состава тобольского гарнизона Черкас обладал большей самостоятельностью и властными полномочиями: имел свой аппарат управления — татарскую съезжую избу с подьячими, толмачами, приставами. По этому поводу первый тобольский воевода Е. Бутурлин не без преувеличения жаловался, что атаман «татар у него отнял и слушать его не велел, ибо Черкас принимал от него челобитную на воеводу и письменного головы»¹⁰. На своём посту голова находился

не менее четверти века. Умер он не позднее конца первой четверти XVII в., поскольку в 1626/1627 г. на его служебном месте указан атаман Константин Частой¹¹.

Исследователи Е. К. Ромодановская и А. Т. Шашков выдвинули смелую и обоснованную гипотезу о принадлежности Черкаса к первым создателям истории «Сибирского взятия» — первого повествования о походе Ермака. На основе глубокого анализа сибирских летописей они предположили, что он является автором казачьего «Написания како приидоша в Сибирь», переданного первому сибирскому архиепископу Киприану, на основании которого им был составлен Синодик для поминовения Ермака и казаков, как «пострадавших за православие». Указывая на ценность этого источника, А. Шашков заявил, что тобольский голова «изложил в целостном виде на бумаге историю сибирского похода Ермака и последовавших за этим событий, доведя их до 1587–1588 гг., когда, по его мнению, завершилось покорение Сибирского “царства”»¹².

Службу Ч. Александрова продолжили сыновья Дмитрий и Афанасий Ивановы Черкасовы. Родившиеся в Тобольске и повёрстанные в дети боярские, они также прочно связали свою жизнь и судьбу со службой в новой «государевой вотчине».

Согласно переписной книге 1624 г., братья жили самостоятельно, имели дворы на одной из главных улиц Тобольска — Никольской¹³. В 1620 г. денежный оклад Дмитрия составлял 12 руб., Афанасия — 10 руб.¹⁴. Первое упоминание о службе Дмитрия относится к 1616 г., когда вместе с сыном боярским Максимом Трубочаниновым он был послан на р. Ишим до урочища Большое Городище для осмотра места под строительство нового острога¹⁵. В 1619 г. с тобольскими служилыми людьми сопровождал в Москву 17 верблюдов, отбитых у калмыков в результате совершённого похода «в степь»¹⁶.

В 1620 — начале 1640-х гг. братья Черкасовы входили в состав служилой верхушки, тесно сотрудничали с воеводами, выполняли важные поручения, связанные с посольскими и ясачными делами, обеспечением служилых людей жизненно важными «запасами», совершали дальние поездки в ясачные волости и владения кочевых степных правителей.

В 1620 г. Дмитрий Черкасов был направлен послом к калмыцкому правителю Баатырю-тайше, затем ходил к другому

владельцу Талай-тайше, кочевавшему в верховья р. Ишима, с предложением к ним о замирении враждующих сторон. Его миссия завершилась временным успехом¹⁷. В 1622–1623 гг. Дмитрий Черкасов вновь возглавил посольство к калмыцким тайшам, его сопровождали тобольские служилые татары — «вож и два кашевара», и трое тюменских служилых людей. Цель миссии заключалась в призыве калмыцких людей «на государеве земле... не кочевати, и на государевы волости с войною не приходити», никого из российских подданных «не побивати и не грабити» и на том дать присягу русскому царю. Успеха эта дипломатическая акция не имела: русские посланники были ограблены и не убиты лишь благодаря заступничеству одного из калмыцких правителей — тайши Зенгула, давшего шертъ. Более успешным, очевидно, был поход в степь против Ишим-царевича. За этот поход с упомянутым выше казачьим головой Максимом Трубочаниновым указом правительства от 24 октября 1625 г. он был пожалован наградой — «портищем сукна настрофилю лазорева ценой от двух до двух с половиной рублей за портище»¹⁸.

В 1626 г. Дмитрий Черкасов с известным тобольским казачьим атаманом Грозой Ивановым руководил упомянутой уже большой экспедицией (600 человек), отправленной за солью на Ямыш-озеро, которое долгое время являлось не только основным местом соледобычи, но и важным центром внешней торговли с народами Востока. По её завершении им был подан подробный «доезд» (описание) природной среды близ озера: состояния почвы, растительного и животного мира, т.е. условий, необходимых для строительства там «жилого острога»¹⁹. В следующем году он также привёз в Тобольск найденный недалеко от озера строительный «камень» — 50 пудов широко используемой в Сибири для «оконничного дела» белой слюды, которую было велено направить в Москву²⁰.

Правительство было немало заинтересовано в закреплении в этом стратегически важном районе, расположенном в самом центре «калмацких» владений. Но, учитывая большую удалённость озера от основных русских баз и сложную обстановку в Верхнем Прииртышье, в приказе Казанского дворца решено было острог на Ямыш-озере не ставить²¹. Как известно, первая Ямышевская крепость будет построена лишь спустя столетие,

в 1715 г., в ходе неудачной экспедиции подполковника И. Бухольца в Яркенд за песочным золотом.

В 1628 г. Д. Черкасов ходил для переговоров к воинственному князю Ишею в «Киргизскую землю», где убеждал киргизских владетелей жить в мире, принять подданство московского государя и платить ясак. Но его предложения были отвергнуты. Набеги енисейских киргизов на русские владения с небольшими перерывами продолжались до начала нового столетия²². Во время восстания барабинских татар летом 1628 г. атаман с посольством был послан воеводой А. Трубецким в «верхние волости» Тарского уезда приводить «изменников татар» к шерти. Черкасову удалось убедить местного князя Когутая признать его «вины и шатости», «дать шерть на куране» и вновь привести своих людей под «высокую государеву руку»²³.

Наряду с указанными «службами», Д. Черкасов исполнял обязанности приказчика Верхней Ницынской слободы, входившей в состав самого развитого земледельческого района Сибири. В 1635 г. подведомственное ему поселение подверглось нападению «колматцких людей» и «изменников» — тарских и тюменских татар, которые, по словам приказчика, «слободу пожгли, и скот отгнали, людей в полон поимали»²⁴. В связи с этим событием тобольский воевода М. Темкин-Ростовский предписал приказчику Нижней Ницынской слободы укрепить острог надолбами в три ряда и вести сторожевую службу.

Служба Дмитрия Черкасова, очевидно, завершилась после необычайно тяжёлой и во многом трагической поездки в Мангазею. 13 июля 1643 г. он вместе с дьяком Григорием Теряевым с семьёй, служилыми и торговыми людьми, с хлебными запасами и промысловыми товарами был направлен морским путём в Мангазею на двух кочах (парусно-гребных судах грузоподъёмностью 6–10 т), мало приспособленных для плавания по «Большому морю». Участник Камчатской экспедиции И. Е. Фишер писал по этому поводу, что «Европеец едва отважился бы идти по морю, с которого никогда лёд не сходит»²⁵. Проложенный ещё в конце XVI столетия речной и морской ход от Тобольска в Мангазею составлял от двух до четырёх месяцев пути и был сопряжён с большими трудностями, опасностями и нередко жестокими испытаниями, которые не обошли стороной и экспедицию Теряева — Черкасова.

В Обской губе из-за сильной бури кочи потерпели крушение, но, невзирая на потерю одного судна, спасшиеся люди (около 70 человек) на уцелевшем коче продолжили своё опасное плавание. «Против Чёрных гор у Столбовой реки» коч вновь попал в шторм, его выбросило на берег, где пострадавших ждали новые испытания. Местные обитатели — «самоеды» (ненцы) — восемь недель осаждали отряд Теряева — Черкасова, который с трудом сумел отбить у них запасы продовольствия и часть сохранившихся товаров. Участники экспедиции продолжили свой чрезвычайно тяжёлый и опасный путь в Мангазею на нартах с собачьими упряжками. Через девять недель странствия по зимней студёной тундре путники с большим трудом достигли устья р. Таз, где у них закончилось продовольствие: «стало нечего ни пить, ни есть». От голода и холода умерло человек «с пятьдесят», в том числе две дочери, племянник и дворовые люди дьяка. Совершив с ещё большим трудом изнурительный десятидневный поход вверх по Тазу, дьяк и его спутники, будучи не в силах идти дальше, вынуждены были совершить стоянку против «Леденкина шара».

Движение в Мангазею продолжили самые закалённые и выносливые путники — Черкасов с небольшой группой казаков. Преодолевая огромные трудности и лишения, от голода, по их словам, дорогой «ели ремня и камасы» (шкуры с оленьих ног), а затем и ездовых собак. Потеряв трёх товарищей, спустя шесть дней они сумели достичь спасительного промыслового Сухарева зимовья. Крайне оголодавшие и измождённые люди лежали в нём трое суток. Здесь их нашёл высланный на выручку мангазейским воеводой князем П. М. Ухтомским отряд служилых людей во главе с сыном воеводы Фёдором.

Пришедшим на помощь спасателям удалось также найти у Леденкина шара оставшихся живых людей — дьяка, который позже по дороге умер, его жену и ещё шесть человек. Последние, находясь на открытой зимней стоянке в ожидании помощи, вынуждены были питаться телами умерших, чтобы не умереть от голода; по их словам, «от великой нужи постели (оленьи шкуры) и ремень и испод лыж — камасы и собак, и людей мертвых ели». Лишь 14 января (т. е. спустя почти полгода!) с большими усилиями остатки отряда Теряева — Черкасова добрались до Мангазеи²⁶. Так завершился тяжелейший,

полный драматизма арктический переход в «златокипящую государеву вотчину».

Неизвестно, как сложилась дальнейшая судьба Д. Черкасова, в имеющихся в нашем распоряжении окладных книгах Тобольска его имя уже не прослеживается. В именной книге тобольских служилых людей 1651 г. указан конный казак Василий Дмитриев сын Черкасов с окладом 5 руб., который, по видимому, являлся его сыном²⁷.

Брат Дмитрия Черкасова Афанасий Черкасов занимал также видное место в командном составе тобольского гарнизона, состоял атаманом новокрещёных татар. Первое упоминание о нём относится к 1622 г., когда он, будучи сыном боярским, участвовал в описании земель и сенокосных угодий, отведённых по государеву указу на Княжьем лугу Тобольскому архиерейскому дому²⁸. В следующем году он отвозил в Тюмень грамоту о запрете пропускать в Москву послов Алтын-хана и калмыцких тайшей, ввиду больших казённых расходов на их содержание²⁹. В 1633 г. А. Черкасов был послан в Каурдацкую волость для «бережения» ясачных людей от набегов кучумовичей, часто совершавших нападения на русские слободы³⁰. В 1640 г. он выполнял обязанности пристава при послах калмыцких контайши Урускае и Ноде, прибывших в Тобольск³¹.

Атаман был также задействован во многих ближних и дальних походах. В 1641 г. во главе тюменских казаков в составе большой рати (860 человек) под командованием дворянина Я. Тухачевского ходил войной на енисейских киргизов, завершившейся смутой в войске и возведением первого Ачинского острога. Он также был послан в Москву с войсковой челобитной на неугодные, с точки зрения недовольных казаков, приказы и действия Я. Тухачевского³². Последнее упоминание о его службе относится к 1665–1666 гг.³³

Службу Афанасия Черкасова продолжили его сыновья: Борис, Овдоким (Евдоким) и Яков Черкасовы, повёрстанные в дети боярские. В сохранившихся источниках и литературе нашли отражение отдельные эпизоды их военно-административной и хозяйственной деятельности.

Борис Черкасов был, очевидно, старшим братом. В 1632 г. он был послан в Ишимский острог «для бережения» ясачного населения от набегов воинственных кочевников³⁴. В октябре

1636 г. вместе с отрядом служилых людей был послан в Тару, осаждённую ойратами; 13 октября его отряд вступил с ними в бой, который длился с утра до вечера и поверг врага в бегство³⁵.

Б. Черкасов также известен как приказчик верхотурских пашенных слобод, обеспечивавших хлебом значительную часть служилых людей Сибири. 4 ноября 1642 г., находясь на приказе в Тарханском остроге, он сообщил в Тобольск воеводе Г. П. Борятинскому о «колмацких воинских людях», появившихся на р. Емуртлы с неизвестными ему намерениями³⁶. В 1652–1653 гг., будучи приказчиком Мурзинской слободы, выступил с предложением о строительстве новой слободы на землях соседней Краснопольской слободы и начал её возведение, не дожидаясь государева указа. По этому поводу верхотурский воевода Л. И. Измаилов жаловался в Тобольск, что Б. Черкасов «своим самовольством» сманивает из других слобод крестьян, в том числе и беглых из Тагильской слободы, и заселяет их по р. Сапа и Реж³⁷.

Его сын Герасим Борисович Черкасов принадлежал к четвёртому поколению бывшего ермаковского атамана. Он начинал свою службу в сформированном предшественниками известного тобольского воеводы-реформатора П. И. Годунова войске «нового строя». В 1660 г. он был взят в рейтары из невёрстанных детей боярских, постепенно продвигался по службе, испытывая при этом взлёты и падения. До 1668 г. состоял солдатским прапорщиком, с 1668 г. — драгунский поручик. В 1671 г. нёс службу с беломестными казаками в Тарханском острожке на р. Тобол, недалеко от Тюмени, затем в Шадринской слободе, расположенной на р. Исеть и ставшей вскоре самым большим земледельческим поселением в Сибири. С 1674 г. он значился уже капитаном, но в 1678 г. по неизвестной причине был «отставлен» в рейтары. В 1686 г. он вновь драгунский капитан, служил в Колчедановском остроге, где со своей командой осуществлял контроль на Кунгурском пути «из Руси» в Сибирь и контролировал движение беспокойных башкирцев³⁸.

Другой брат Евдоким Афанасьев Черкасов в 1668 г. также значился прапорщиком нового сибирского войска — полка «солдатского строя», учреждённого П. И. Годуновым³⁹. В 1671 г., будучи сыном боярским, он исполнял обязанности приказчика Аромашевской слободы Верхотурского уезда. Местные крестьяне, под влиянием дошедших до них событий разинского

восстания, оказали верхотурским властям какое-то «непослушание», жертвой которых стал приказчик, которого «побили» в каком-то «бою»⁴⁰. Последнее указание о службе Евдокима Черкасова в Тобольске в прежнем чине с окладом 7 руб. отмечено в 1696 г.⁴¹

Третий брат Яков Афанасьев Черкасов также служил в Тобольске сыном боярским. В 1668 г. он претендовал на атаманское место своего отца, но в местническом споре на эту должность его «перебил» конный казак «литвин» Никита Ильин, который согласился служить «с пашни» с выплатой меньшего денежного жалования⁴². В 1683 г. Яков находился на приказе Катайского острога, в ведомстве которого находилось 126 дворов крестьян и беломестных казаков⁴³. Как и многие другие «начальные люди», Яков занимался торговлей, в 1673 г. он ехал «с Руси» и явил в Верхотурье «русского» товара на 18 руб.⁴⁴

Таким образом, служебная деятельность сподвижника Ермака Черкаса Александрова свидетельствует об успешной интеграции бывшего вольного казачьего атамана и его близких родственников в состав «государева» правительственного войска и формировании в Сибири потомственных династий в служилой среде из числа ермаковских казаков. Выполняя возложенные на них многообразные и нелёгкие «государевы службы», Ч. Александров и преемники ветеранов «сибирского взятия» внесли свой вклад в процесс присоединения и освоения региона и сохранения исторической памяти о событиях «сибирского взятия».

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 35.

² Никитин Н.И. Тобольская «литва» в XVII веке // Город и горожане России в XVII — первой половине XIX в. М., 1991. С. 60.

³ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 291; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 637.

⁴ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 1. М., 1999. С. 282, 349, 351.

⁵ Никитин Н.И. Сопратники Ермака... С. 62.

⁶ Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI — начале XVIII в. Екатеринбург, 2018. С. 86, 87, 418.

⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (далее АИ.). Т. 5: 1676—1700. СПб., 1842. С. 3—4; Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 218—219.

⁸ Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в.: [Сб. документов. В 2-х вып.] /

составитель Е.Н. Ошанина. Вып. 1. М., 1982. Т. 1. С. 99, 101, 102.

⁹ Никитин Н.И. Сопратники Ермака после «сибирского взятия»... С. 64.

¹⁰ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). Ч. 2: Документы таможенного управления. М., 1897. С. 134.

¹¹ Никитин Н.И. Тобольская «литва»... С. 69—70.

¹² Ромодановская Е.К. К биографии Черкаса Александрова // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1995. С. 118; Шашков А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России. [Вып. 1]: От традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 133.

¹³ Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / [Опубликовал Н.А. Найденев]. М., 1885. С. 7.

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 130. Л. 102, 103 об.

¹⁵ Русско-монгольские отношения. 1607—1636 гг. Сборник документов. (Материалы по истории русско-монгольских отношений). М., 1959. С. 47—48.

¹⁶ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. М., 2000. С. 291.

¹⁷ Русско-монгольские отношения. 1607—1636... С. 101.

¹⁸ Газенвинкель К.Б. Государево жалование послужникам сибирским. К истории Сибири XVII века. Тобольск, 1892. С. 10.

¹⁹ Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией (далее РИБ). СПб., 1884. Т. 8. С. 336—338, 377—378.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Стб. 13. Л. 98—101.

²¹ Катанаев Г.Е. Западносибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. Вып. 1. СПб., 1908. С. 95—97; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 160.

²² РИБ. Т. 8. СПб., 1884. С. 607; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. Ч. 2. М., 1955. С. 189, 190—191.

²³ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 116.

²⁴ Там же. С. 494.

²⁵ Цит. по: Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 116.

²⁶ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 117—118; Верхотурские грамоты... С. 439.

²⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 277. Л. 34 об.

²⁸ Тобольский архиерейский дом в XVII в.: [переписные книги] / изд. подг. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 68.

²⁹ Русско-монгольские отношения. 1607—1636... С. 311.

³⁰ Тобольск: Материалы для истории города... С. 28.

³¹ Тобольский архиерейский дом... С. 240—241.

³² РГАДА. Ф. 214. Стб. 96. Л. 100; Стб. 84. Л. 482.

³³ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). Ч. 2. М., 1897. С. 129.

³⁴ Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы: В 2 т. Т. 1: [1608–1683]. М., 1969. С. 545; Тобольск: Материалы для истории города... С. 28.

³⁵ Русско-монгольские отношения. 1607–1636... С. 67–68.

³⁶ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 566.

³⁷ Там же. С. 623, 625–626.

³⁸ Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 132, 234–235.

³⁹ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг... Ч. 2. М., 1897. С. 129.

⁴⁰ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... С. 337.

⁴¹ Тобольск: Материалы для истории города... С. 6.

⁴² Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 3. Ч. 1. С. 290.

⁴³ Дополнения к «Актам историческим», собранным и изданным Археографической комиссией (далее ДАИ). Т. 10: [1682–1685]. СПб., 1867. С. 178; Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 176.

⁴⁴ Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 5. Тобольск, Кетск. Новосибирск, 2003. С. 98–99.

Человек «Смуты»: Яков Шульгин и его потомки

Как известно, после завершения Смутного времени в Сибирь были направлены и сосланы многие неугодные правительству активные участники первой гражданской войны в России. Среди них были отряды своевольного казачества, служилые «иноземцы», сражавшиеся под разными знамёнами, участники разных «воровских» шаек, а также немало представителей провинциальной и столичной знати. Последние, как правило, отправлялись в Сибирь в почётную ссылку, с назначением на высокие должности и оклады. Многие из них навсегда связали свою судьбу с сибирской окраиной.

Одним из видных деятелей Смутного времени являлся бывший правитель Казани, первый дьяк Никанор Шульгин, сосланный в 1620 г. в Тобольск «за измену». Негативную оценку его деятельности в годы Смуты в Казанском крае впервые дал Н.М. Карамзин, затем С.М. Соловьев. Они назвали его возмутителем казачества и изменником, недовольным «первенством Пожарского и Минина в Нижнем Новгороде» и не признавшим легитимность избрания нового русского царя¹. Более сдержанная оценка личности Н. Шульгина содержится в трудах С.В. Бахрушина и Е.В. Вершинина².

Изучение сибирского периода жизни Н. Шульгина и его потомков позволяет установить отношение к ним нового русского правительства, выяснить их положение в сибирском обществе, служебную деятельность, семейное окружение, определить участие и вклад в освоение громадных сибирских просторов. Большое значение в освещении этих вопросов имеет публикация документов о ссылке тобольского стрелецкого и казачьего головы Якова Шульгина, выполненная под руководством Н.Н. Покровского в сборнике «Первое столетие сибирских городов»³.

В августе 1618 г. по указу нового выборного царя арестованный бывший казанский «царь» Н. Шульгин вместе с сыновьями Иваном и Яковом был отправлен из Москвы в ссылку в Сибирь и помещён в тобольскую тюрьму. Спустя год он был освобождён из заключения и принят на службу с каким-то не известным

нам, но, очевидно, значимым военным статусом. Его «опальные» ссыльные соратники также заняли довольно высокое место в сибирской служилой иерархии: руководитель казанской рати дворянин Иван Биркин в 1613–1618 гг. был воеводой в Берёзове и Мангазее, земский староста Фёдор Оботуров стал в 1621 г. в Мангазее таможенным головой⁴. Взрослые сыновья Якова, дети боярские Иван и Яков Шульгины были переведены из Тюмени и Туринска в Тобольск, где продолжили нести свою прежнюю службу детьми боярскими⁵.

Первое упоминание о жизни Ивана Шульгина в Тобольске относится к 1623 г. Согласно дозорной книге, он владел двором совместно с братом Яковом⁶. Его денежное жалование в 1630 г. составляло 15 руб., что почти в три раза превышало установленный известным сибирским воеводой-«прибыльщиком» Ю. Сулешевым оклад конного казака⁷. В источниках сохранились сведения о выполнении им различных служебных обязанностей, которые, как и у других начальных лиц, отличались большим разнообразием, переплетением административных, военных, фискальных, хозяйственных и других функций.

17 декабря 1624 г. И. Шульгин с подъячим Т. Васильевым по приказу Ю. Сулешева прибыли в Пелым «считать» (произвести проверку) воеводу И. М. Вельяминова, замешанного в различных служебных злоупотреблениях⁸. В 1625/1626 г., как уже упоминалось ранее, И. Шульгин вместе с сыном боярским Богданом Аршинским совершил поход на Ямыш-озеро за солью, по возвращении сообщил «вести» об обстановке у озера и возможности строительства там острога⁹. В этом же году с тем же Б. Аршинским дал «дачу» в Софийской соборной церкви на оклад к иконе Святой Софии, что свидетельствует о его православном благочестии¹⁰. В 1632 г. он был послан в Тарский город для оказания помощи в отражении набегов «колмаков». После выполнения задания был отправлен на р. Ницу осмотреть и взять на пробу железную руду, обнаруженную в 15 верстах от возникшего Невьянского железоделательного завода¹¹. В июле 1635 г. у озера Иргенталь его «войско» разгромило передовой отряд чурасцев, людей калмыцкого тайши Талая, нападавших ранее на Тюмень. По данным Г. Ф. Миллера, в результате похода был произведён обмен пленными. Многие русские, попавшие в рабство к калмыкам, обрели свободу и вернулись домой. В начале июля 1640 г.

Я. Шульгин, будучи приказчиком Чубаровской слободы, сообщал туринскому воеводе Н. Кафтыреву о полученных вестях про поход калмыков на Тюмень и окрестные слободы, в связи с чем просил прислать ему дополнительных служилых людей¹².

Наиболее заметной фигурой в большом клане Шульгиных был Яков Шульгин, который служил в Тобольске сыном боярским с тем же окладом, что и его брат¹³. Его активная административная деятельность также нашла отражение во многих источниках. 7 июня 1624 г. он был послан на Ямал, на заставу между р. Мутной и Зелёной, призванную контролировать морской ход в Мангазею, где Яков должен был находиться до Покрова дня¹⁴.

Возникший ещё в начале XVI в. Мангазейский морской путь проходил от устья Северной Двины до Тазовской губы и далее по р. Таз до города Мангазеи, ставшего крупнейшим центром сбора ясака, пушного промысла и торговли «мягкой рухлядью» (пушнина) Сибири. В связи с боязнью проникновения в Мангазею иностранных судов и для контроля торговли пушнинаой эта оживлённая торговая магистраль в 1619 г. была запрещена правительством и использовалась лишь в особых случаях по специальным разрешениям.

В 1628 г. Яков исполнял обязанности приказчика земледельческой Тагильской слободы. Обычно на эту должность приказчики, как и все сибирские воеводы, назначались на срок 3–4 года, а нередко и меньше. Пребывание же на «приказе» Я. Шульгина заметно затянулось, что может указывать на его добросовестное выполнение своих обязанностей и отсутствие произвола и «лихоимства», нередко присущего многим ретивым сельским администраторам.

Находясь на этой должности, он доказывал верхотурскому воеводе нецелесообразность увеличения государевой десятиной пашни, мотивируя это тем, что крестьяне бедны, «бродят многие меж двор и работают на всяких людей... чем бы им впредь сытым быть...» и, узнав о прибавке, начнут «врознь разбредатца»¹⁵. В августе 1638 г. он также просил туринского воеводу С. Объедова о дополнительной присылке ратных людей и пороха ввиду ожидаемого прихода неприятельских калмыков. В начале июня, затем в июле 1640 г. в ряде отписок сообщал новому воеводе Н. В. Кафтыреву о нападении на слободу татар

и калмыков сына царевича Ишима Девлет-Кирея и присылке дополнительно служилых людей¹⁶.

К 1659 г. Я. Шульгин занимал видное положение в Тобольске, состоял стрелецким и казачьим головой и получал в гарнизоне один из самых высоких окладов — 25 руб., по 22 чети ржи и овса, три пуда соли. Его сыновья Павел и Пётр Шульгины несли службу детьми боярскими также со значительными окладами: 16 руб., 16 четей ржи и овса, три пуда соли¹⁷. В документах отмечено исполнение ими ответственных служебных поручений. В 1647 г. Павел Шульгин ходил с хлебом морским путём в Мангазею, обратно, вероятно, вывозил собранную пушнину¹⁸. В 1651 г. осуществлял дозор одного из первых и почитаемых в Сибири Долматова Успенского монастыря.

Высокое положение династии Шульгиных, занимаемое в Тобольске, резко изменилось весной 1659 г., когда царской грамотой новому тобольскому воеводе И. А. Хилкову было велено Якова Шульгина «за ево многие ссоры» сослать с семьёй в Якутский острог «на вечное житье». Головой пеших казаков вместо него был назначен известный землепроходец, письменный голова Василий Поярков¹⁹.

В грамоте не было указано, в чём заключались и состояли «его ссоры». Можно лишь предположить, что Яков был в конфликте с предыдущим воеводой князем А. И. Буйносовым-Ростовским, правившим в 1656–1659 гг., человеком крайне грубым и властолюбивым, постоянно враждовавшим с влиятельным сибирским архиепископом Симеоном, который тщательно оберегал свои права и не желал подчиняться его воле. Возможно, Яков в конфликте с разрядной властью имел поддержку среди тобольских жителей, которую Буйносов-Ростовский именовал как «ссоры», подрывающие его власть и полномочия. Воевода также мог использовать как аргумент против Шульгиных неблагоприятное поведение в 1612/1613 г. их деда Н. Шульгина, который, стремясь удержать свою власть в период Смуты, пытался лавировать между враждующими лагерями и «возмушал» жителей Казани, за что и был сослан в Сибирь.

Исследователи установили, что в борьбе за сохранение своего влияния и властных полномочий в сибирских городах противники нередко прибегали к историческим сравнениям и параллелям. Так, в ходе громкого следствия по Томскому восстанию

1648–1649 гг. на очной ставке бывших воевод — Ильи Бунакова с Осипом Щербатым — последний заявил, что «Илья хочет Сибирью завладеть так же, как Шульгин завладел Казанью»²⁰. Томские служилые люди в смуте 1637 г. сравнили своего воеводу И. Ромодановского с неудачливым полковым воеводой М. Шейным, который города и служилых людей своими притеснениями «запустошил» в Литве, за что и был казнён²¹. Ещё дальше пошёл тобольский воевода князь М. М. Темкин-Ростовский, недолюбливавший иностранцев («немцев»), находившихся в большом количестве в тобольской ссылке. В споре с иноземцем «немчином» Саввой Французенином, когда тот обратился к нему с просьбой отпустить его в Верхотурский уезд для поисков железной руды, воевода заявил: «Государь потерял казну под Смоленском, немцам (прибавил ругательство) ...роздал, а после того в медной руде потерял казну немцам же, а я так терять не хочу»²².

Очевидно также, что Я. Шульгин отличался не только своенравным независимым характером, но и жестоким обращением со своими подчинёнными. В 1657 г. сибирский архиепископ Симеон подал жалобу царю на казачьего голову о многих его «неправдах». Среди злоупотреблений Шульгина Симеон указал на то, что Яков замучил свою дворовую «жонку». По его словам, он велел «женскому полу» её освидетельствовать и «её осматривали, и она вся сожжена и избита, а соски у неё мало что не отпали от сожжения и голова у неё вся избита и испроломана; да муж тое замученной женки мучен же был и после его Яковлевы муки тот мужик у зелейщика в леченье был». Симеон также обвинял Шульгина в убийстве пашенного крестьянина Киргинской слободы, где одно время Яков был на приказе²³.

Предписание Москвы о высылке большого клана Шульгиных на восток было незамедлительно выполнено. Уже 17 мая 1659 г. Я. Шульгин с женой Марьей, малолетним сыном Фёдором, дочерьми Овдотьей и Ориной, невесткой сына Павла Степанидой с детьми были отправлены с приставом, казачьим головой Микитой Стеншиным в Енисейск, откуда они должны были последовать дальше в Якутск на «вечное житье». Но среди сосланных не оказалось сыновей Якова — Павла и Петра. Павел находился в посылке за государевым хлебом в Киргинской слободе, куда сбежал вскоре и Пётр, узнав о предстоящей ссылке их большого семейства.

По указанию новых воевод И. Хилкова и В. Одинца-Беклемищева 5 июня в Киргинскую слободу за братьями был направлен сын боярский Наум Венгерской с десятью служилыми людьми. Но последний не смог выполнить воеводское поручение. По его словам, он сумел догнать Павла, возвращавшегося в Тобольск на дощанике с хлебом по Иртышу, оставил с ним для охраны пять человек, а сам с другими пятью казаками отправился искать Петра, которого так и не смог сыскать. Во время отсутствия пристава Павел, используя поддержку верных ему людей, у охранников, по словам Н. Венгерского, «отбилса саблею и ушёл на лошади неведомо куда»²⁴. Как выяснится позже, П. Шульгин, соединившись с братом в условленном месте, отправился в Москву, надеясь найти там «государеву милость» и поддержку.

В связи с бегством братьев и учинённом ими «воровстве и непослушанье» воевода Хилков в отписке в Сибирский приказ просил у царя учинить указ об их поиске и наказании. Однако беглецы сумели беспрепятственно проделать большой путь и благополучно достичь столицы. В Москве они добились аудиенции с приказными людьми в Сибирском приказе, где их «непослушание» не нашло ожидаемой поддержки. 11 августа 1659 г. последовало распоряжение руководителя приказа окольного Б. М. Хитрово выслать братьев с приставом в службу в Тобольск с сохранением их прежнего статуса и окладов. Из Тобольска П. Шульгин был выслан под надзором с сыном боярским Богданом Назимовым в Енисейск, а оттуда в Якутск, где уже находился их отец с большим семейством²⁵.

28 мая 1662 г. Павел Шульгин с приставами прибыл в Якутск и предъявил в съезжей избе грамоту за «приписью» дьяка Сибирского приказа Григория Протопопова. В ней сообщалось, что Павлу велено быть «у стрелцов и казаков в головах» в прежнем окладе. Но по каким-то причинам в грамоте о его назначении в Якутск отсутствовало указание о размере и выплате ему государева жалования, в связи с чем Павел с семьёй оказался без средств к существованию. В своей челобитной на имя воеводы И. Ф. Голенищева-Кутузова П. Шульгин просил выдать ему жалование, поскольку он «з женою и з детьми помирает голодною смертию». По указанию воеводы ему было выдано жалование на 1663 г. «с порукою», но вопрос с выплатой оклада

так и не был решён, на неопределённость его указывал и новый воевода И. П. Борятинский в 1668 г.²⁶

В нелёгком положении оказался в якутской ссылке и его отец Яков Шульгин. В 1669 г. о его бедственном положении сообщал в отписке в Тобольск тот же И. П. Борятинский, очевидно, тайно покровительствовавший Якову. По его словам, Яков пребывает с семьёй в Якутском остроге уже десять лет «без денежного, и без хлебного, и соляного жалования и подённого корму, и должаясь кормился... и последние свои остатки избыл, и скитается меж двором христовым именем, и помирает голодною смертию». Воевода также сообщал, что Яков обращался к нему с челобитной, где просил вернуть его и семью на прежнее место службы²⁷. О тяжёлом душевном состоянии и отношении Якова Шульгина к центральной власти могут свидетельствовать материалы сыска, проведённого над ним по извету жильца Приказа тайных дел Ф. Охлопкова в 1666 г. По словам последнего, Я. Шульгин «в день ангела великого государя вышел в тёмном платье», говорил: «Та де радость ему не в радость, кому де радость, тот и празднуй, а у него и на уме его нет»²⁸.

Невзирая на поступивший извет и проведённое следствие по этому делу, правительство пошло навстречу просьбе уже старого и, очевидно, больного Якова. Новой грамотой тобольскому воеводе П. И. Годунову было велено Я. Шульгина с женой и невесткой вернуть в Тобольск с наказом не чинить впредь «большого дурна и ссоры со всякими градскими людьми». По возвращении в Тобольск в 1672 г. он был направлен воеводой в Берёзов, где вскоре и умер²⁹.

Не менее продолжительной и насыщенной разными жизненными коллизиями и событиями была служба в ссылке других сыновей Якова Шульгина — Павла, Фёдора и внука Василия.

В 1665 г., будучи пятидесятником, Павел Шульгин нёс службу в хорошо укрепленном Баргузинском остроге, возведённом И. Галкиным в 1640 г. Осенью этого года он был направлен с отрядом, в который входили наряду с казаками «охочие» и «торговые люди» (всего 82 человека) на р. Селенгу. Ему было дано указание выбрать «утожее» место для возведения острога. Весной 1666 г. неподалёку от впадения р. Чикой в Селенгу был построен Селенгинский острог. Возведённый острог занимал выгодное стратегическое и торговое положение. «Новой Се-

ленгинской острог поставлен близ мугальских царей и близ их каменного города, итти пешею ногою из Селенгинского острогу тот мугальский город в трех днищах, и место прилегло многолюдное, и царства разные, и орды многие»³⁰.

Острог был возведён по всем правилам русского крепостного искусства, характерного для всех сибирских укрепленных пунктов. В нём имелись деревянные «рубленные» стены с четырьмя квадратными глухими и одной проезжей башней. Длина каждой стены составляла 30 сажень, высота — 2,5 сажени. В башнях были устроены бойницы для нижнего и верхнего боя на высоте 4 и 5 сажень. Вокруг стен были выкопаны рвы, в них устроен «чеснок» — заграждение из острых железных штырей, направленных в разные стороны. Внутри острога размещались дом приказчика, церковь, складские помещения, а жилые строения были вынесены за острог³¹. Благодаря удачному расположению и оборонительным укреплениям Селенгинский острог выдержал не одну осаду от восставших бурят, «табунутских тайшей», а в 1688 г. — от монгольских отрядов.

Находясь в Якутске, Павел служил в чине сына боярского. Входя в число служилой верхушки Якутского острога, он оказывал определённое влияние на систему административного управления острога. Подтверждением этому служит извет сына боярского Андрея Булыгина, в котором тот сообщает о ссылке детей боярских Павле Шульгине, Матвее Сосновском, Фёдоре Пушкине и Иване Жеглове: хотят-де они поделить меж себя Якутский острог³². Это упоминание, возможно, было скрытым намёком на правление деда Якова, Никанора Шульгина, лавировавшего в годы Смуты в Казани между меняющимися властями и стремившегося любыми путями обособиться и сохранить свою власть.

В 1672 г. Павел Шульгин был возвращён в Тобольск, где продолжал службу в прежнем статусе. В ноябре следующего года он сменил сына боярского Данилу Аршинского на воеводстве недавно образованного на востоке Нерчинского уезда, в составе которого находились четыре острога: Нерчинский, Теленбинский, Иргенский и Албазинский. Сохранилось немало свидетельств об активной, но не во всём успешной по своим результатам деятельности его на воеводском посту.

Чтобы укрепить границы подведомственного ему уезда, он направил в апреле 1674 г. на воинственных местных табунутов,

кочующих по р. Селенге, 400 нерчинских и албазинских казаков под началом известного «воровского» атамана Никифора Черниговского и сына боярского Григория Лоншакова. Столкновение с кочевниками произошло на притоке р. Уды, получившей позже название Погромной речки. Отряд Н. Черниговского «сбил» табунотов с Еравнинской степи, откуда они были вынуждены уйти в монгольские степи. По распоряжению воеводы в этом же году на юге, на восточном берегу Малого Еравнинского озера был построен небольшой Еравнинский острог³³.

Для снабжения Нерчинского уезда хлебом П. Шульгин предпринял ряд попыток завести под Албазинской крепостью «государеву десятинную пашню». С этой целью в 1674 г. он направил туда партию ссыльных из 47 человек, но атаман Никифор Черниговский самовольно определил часть ссыльных на военную службу в казаки. В 1677 г. воевода вновь пытался завести под Албазином казённую пашню, определив в неё 27 семей ссыльных раскольников и «мятежников» и поставив во главе их своего приказчика Надея Иванова. Но встретил новое сопротивление со стороны албазинского населения во главе с тем же Черниговским, выступившим против его нововведений и прямого вмешательства в дела управления острогом³⁴.

П. Шульгин также принял участие в организации крупного русского посольства в Китай, осуществлённого в 1675–1676 гг. и возглавляемого видным дипломатом Николаем Спафарием. Следуя совету Шульгина, Спафарий из-за враждебности некоторых монгольских правителей изменил маршрут следования посольства и отправился в путь через Нерчинск, куда прибыл 19 декабря 1675 г. Предвидя обсуждение на переговорах с правителями Китая вопросов о пограничных делах, связанных с активным освоением русскими Забайкалья и Приамурья, Спафарий включил в состав посольства сына П. Шульгина Василия, исполнявшего в это время обязанности «товарища» воеводы. Шульгин-старший, снабдив Спафария всем необходимым для дальнейшего пути, сообщил также в Москву об отправке посольства и «многих товарах для китайского торга», провезённых в караване Спафария³⁵.

При Шульгине продолжились поиски серебряной руды и других драгоценных металлов. По берегам р. Аргунь была осуществлена пробная выплавка местной руды, но из-за отсут-

ствия опытных мастеров попытка выделить из неё серебро не удалась. Это стало возможным спустя тринадцать лет благодаря прапорщику Лаврентию Нейтару, прибывшему в Нерчинск с посольством Ф. А. Головина³⁶.

Управление П. Шульгиным обширной Даурской землёй не обошлось без злоупотреблений. В поданной на него челобитной в 1677 г. служилые люди обвиняли его в различных прегрешениях и в первую очередь в самых опасных для него, ясачных делах. По их словам, сын воеводы в походе за ясаком погромил независимых «табунацких и мунгальских тайшей» и едва не спровоцировал большую войну с монголами. Сам воевода обвинялся в грабеже бурятских князьков, присвоении «подарочной казны», предназначенной ясачным людям, в совершении «блуда» с женой бурятского князя Абахая Шуленги, что вызвало нападение оскорблённого князя на русские владения. Ему также инкриминировались захват имущества и вымогательство денег у служилых людей, занятие корчемством и поощрение игры в «зернь», физическая расправа «без вины» неугодных лиц, в том числе даже попытка вздёрнуть на дыбу и пытать огнём основателя Албазинского Спасского монастыря иеромонаха Гермогена³⁷.

В 1676 г. служилые люди, доведённые до отчаяния воеводским произволом, П. Шульгину «от съезжие избы отказали» и выбрали в управляющие острогом енисейского сына боярского Г. И. Лоншакова и десятника И. И. Астраканцева, о чём послали челобитную в Москву³⁸. В ходе следствия воевода был отстранён от управления уездом и вскоре умер в Нерчинске.

Службу П. Шульгина продолжил его сын — Василий Павлов Шульгин. В 1693 г., будучи уже сибирским дворянином, В. Шульгин возглавил поход с 300 служилыми людьми против разбойничьих орд казахского правителя Тевки-хана. В степи у озера Семискуль (Семиксульт) состоялось сражение, завершившееся полным разгромом русского войска. Причиной поражения стал отсыревший порох, так как повозка с порохом по дороге опрокинулась в канаву с водой. Из-за этого непредвиденного происшествия пища служилых людей оказалась не пригодными к бою, много казаков погибли и попали в плен. Лишь небольшой группе служилых людей с их неудачливым командиром удалось спастись бегством³⁹.

Младший сын Якова Шульгина Фёдор Шульгин после возвращения отца в Тобольск, как и его братья, и племянники, нёс службу сыном боярским. В июне 1682 г., по другим данным 10 апреля 1683 г., Ф. Шульгин был послан в Томск расследовать причины безуспешного похода служилых людей под руководством письменного головы Ивана Суворова на енисейских киргиз. Поход имел неудачный исход, в сражениях с киргизами были убиты 61 человек русских и татар и ранены 69 воинов⁴⁰.

В 1685 г. Ф. Шульгин был направлен со служилыми людьми и торговцами к Ямыш-озеру добывать соль и вести торговлю с местными джунгарами и приезжими бухарскими купцами. С ним для продажи и мены товаров был отправлен служилый бухаретин Сендаш Кулмаметев с «государевой казной». В ходе ямышевского торга между С. Кулмаметевым, прибывшим с большой партией китайских тканей, «греченином» Дмитрием Константиновым из Китая и Ф. Шульгиным, отвечающим за таможенный контроль, возник конфликт, в ходе которого торговля с бухарцами и джунгарами была прервана, а все участники понесли убытки.

Недовольные исходом С. Кулмаметев и служилые люди подали на Шульгина челобитную, где обвинили его в превышении полномочий. В результате проведённого в Тобольске сыска выяснилось, что кроме притеснений торговцев Шульгин самовольно отпустил в Китай, Бухару и Джунгарию целый караван — 48 человек русских поданных, среди которых были служилые люди, их родственники, сибирские татары, «юртовские» бухарцы, торговые люди русских городов и др.⁴¹ Неизвестно, чем закончилось следствие, но Фёдор сумел сохранить своё служебное положение. Последнее упоминание о нём относится к 1696 г., где он упоминается уже как сибирский дворянин, с «выбылым» окладом в 6 руб.⁴²

Проследив судьбу и служебную деятельность трёх поколений основателя сибирской династии Никифора Шульгина, вышедшего из бурных событий Смутного времени, можно сделать вывод об успешной социальной интеграции его представителей в формирующееся сибирское сообщество. Несмотря на известную «оппозицию» к новой, законно избранной власти и последующее «фрондирование» его потомков, правительство, испытывая большой кадровый голод, успешно использовало

их знания и опыт на восточных окраинах растущего Русского государства для решения сложных задач по освоению Сибири. Соратники и преемники несостоявшегося казанского «царя» заняли высокое положение в командно-административной системе Сибири. Являясь строителями и приказчиками новых слобод, воеводами сибирских острогов, руководителями военных походов, несмотря на имеющиеся место служебные злоупотребления и произвол, бывшие ссыльные и «опальные» люди Шульгины внесли заметный вклад в укрепление русской государственности на востоке страны, в колонизируемой сибирской окраине.

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга третья. Том XII. М., 1989. С. 159; Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IV. Т. 7–8. М., 1989. С. 644.

² Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 259.

³ Первое столетие сибирских городов: XVII век. (История Сибири. Первоисточники, вып. 7.) Новосибирск, 1996. № 31. С. 103–106.

⁴ Вершинин Е.В. Воеводское управление... 1998. С. 161.

⁵ Русский биографический словарь: Шебанов — Шютц. Т. 23. СПб., 1911. С. 520.

⁶ Тобольск: Материалы для истории города... С. 27; Никитин Н.И. О характере расселения и землепользования служилых людей в Сибири в XVII в. // Аграрный строй феодальной России. XV — начало XVIII в. М., 1986. С. 37.

⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 27. Л. 5 об.

⁸ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 236.

⁹ РИБ. Т. 8. СПб., 1884. С. 340.

¹⁰ Тобольский архиерейский дом в XVII в. ... С. 41.

¹¹ Тобольск: Материалы для истории города... С. 27; Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 91.

¹² Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 126, 391, 553–554.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 27. Л. 5 об.

¹⁴ Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Екатеринбург, 2004. С. 100.

¹⁵ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... С. 83, 291.

¹⁶ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 163–165, 523, 525, 547, 553.

¹⁷ Первое столетие сибирских городов... С. 106.

¹⁸ Обдорский край и Мангазея... С. 123.

¹⁹ Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 193.

²⁰ Оглоблин Н.Н. К истории Томского бунта в 1648 г. М., 1903. С. 4.

²¹ Оглоблин Н.Н. Томский бунт 1637–1638 гг. // Исторический вестник 1901. Т. 85. С. 231.

²² Бахрушин С. В. Указ. соч. Т. 3. Ч. 1. С. 172.

²³ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. (XVII век.) М., 1956. С. 379.

²⁴ Первое столетие сибирских городов... С. 104.

²⁵ РГАДА. Ф. 214. Стб. 573. Л. 21.

²⁶ Первое столетие сибирских городов... С. 104–105.

²⁷ Там же. С. 105.

²⁸ Оглоблин Н. Н. Бытовые черты XVII в. // Русская старина. 1892. Кн. 3. С. 226.

²⁹ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири... С. 152.

³⁰ Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1959. С. 105–106.

³¹ Там же. С. 105–106; Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов... С. 231–232.

³² Оглоблин Н. Н. Якутский розыск о розни детей боярских и казаков. (Очерк из жизни XVII века) // Русская старина. СПб., 1897. Т. 91. № 8. С. 377.

³³ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) М., 1969. С. 26. 72; Первое столетие сибирских городов... С. 140.

³⁴ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах... С. 27.

³⁵ Александров В. А. Указ. соч. С. 56, 94.

³⁶ Артемьев А. Р. Воеводы и приказчики Нерчинского и Албазинского уездов во второй половине XVII века (Из истории кадровой политики царской администрации в Забайкалье и Приамурье) // Отечественная история. 2006. № 2. С. 8.

³⁷ Артемьев А. Р. Указ. соч. С. 6; ДАИ. Т. 10. (1682–1685)... С. 371–374.

³⁸ Артемьев А. Р. Указ. соч. С. 6.

³⁹ Тобольск. Материалы для истории... С. 47.

⁴⁰ ДАИ. Т. 10. СПб., 1867. С. 360–361; Бахрушин С. В. Указ. соч. Т. 3. Ч. 2... С. 219.

⁴¹ Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг... Ч. 3. С. 173; Александров В. А. Указ. соч. С. 89–90.

⁴² РГАДА. Ф. 214. Стб. 715/716. Л. 156.

«Опальный» атаман Василий Алексеев (Тюменец)

Имя сибирского атамана Василия Алексеева (Тюменца) известно исследователям Сибири лишь в связи с бунтом его отряда против злоупотреблений енисейского воеводы А. Опанина в 1626 г. Другие стороны жизни и деятельности атамана и его потомков рассматривались лишь попутно, в контексте заданных тем, без учёта их реального вклада в процесс начального присоединения и освоения Сибири. Между тем Василий Тюменец и его сыновья и внуки оставили заметный след в ранней истории Енисейска, Красноярска и Сибири в целом.

Изучение воинской службы трёх поколений казачьих атаманов Алексеевых-Тюменцевых позволяет выяснить их происхождение, родственные связи, служебную деятельность, отношения с воеводской властью, а также определить их непосредственную роль и участие в начальном процессе колонизации Южной Сибири.

Неустойчивая принадлежность и широкая распространённость русских личных имён, особенно фамилий, произошедших от отчеств в допетровский период, не позволяют выявить подлинную фамилию сибирского атамана, как, впрочем, и его происхождение. Историк А. А. Бродников без указания источника называет его Василием Алексеевичем Новоторжениным¹. Но в имеющихся в нашем распоряжении материалах фамилия Новоторженин отсутствует, вместо неё упоминаются фамилии Алексеев и Тюменец. Вполне возможно, что антропоним Тюменец и производная от него фамилия Тюменцев были связаны с участием В. Алексеева в строительстве или службе его в Тюмени — первом русском форпосте за Уралом.

Первые сведения о Василии Алексееве (Тюменце) относятся к 1608 г. В этом году, будучи казачьим атаманом в Таре, он вместе со ссыльным «литвином» ротмистром Воином Волконовским возглавил экспедицию за солью вверх по Иртышу, на недавно разведанное богатое соляное месторождение — Ямыш-озеро. Несмотря на то, что озеро находилось под контролем кочевников Казахской орды и калмыков, поход «по соль» завершился

успешно, за что руководитель экспедиции получил 4 руб. в качестве вознаграждения². В последующие годы поездки за ямышевской солью стали ежегодной практикой служилых людей, обеспечивавших ею население всех городов и острогов Западной Сибири³.

10 мая 1616 г. В. Алексеев с десятником И. Петровым и толмачом Лукой Васильевым были направлены из Тобольска с первым посольством к Алтын-хану, одному из могущественных монгольских правителей. Маршрут проходил через обширные владения калмыцких и киргизских князцов: Барабинскую степь, «Саянский камень», Минусинскую котловину на верховьях Енисея. В котловине Больших озёр, у озера Упса (Убсу-Нур) русский посол встретился и провёл переговоры с монгольским ханом, и благополучно вернулся назад.

Итогом его посольской миссии стали составленные с его слов «расспросные речи». В них наряду с подробным отчётом о маршруте следования, приёме русских послов монголами, описанием государства Алтын-ханов содержались сведения о «Табьнской землице» (Туве), «Лабинском государстве» (Тибете), «Китайском царстве» и других народах и странах, которые он получил от «иноземцев»: «жёлтых» (китайцев) и других людей, находившихся в это время в монгольской ставке. В своих «речах» В. Алексеев в сжатом, выразительном стиле воспроизвёл быт и жизнь западных монголов, о которых сообщал: «А избы у них полстяные, а кочуют де на верблюдах... а бой де у золотого царя лучный». Большое внимание русский посланник уделил характеристике Китая: «А Китайское государство стоит на край губы морской, а город де кирпичной, а около де города ходу конем 10 ден. А бой де у них в Китайском государстве пищали и пушки. А под Китай де приходят суды большие парусами, а на них де люди торговые, а на судне де человек по 200 и по 300. А платья де они носят з бухарской статьи. А ходу де от Золотого царя до Китая конем месяц. А рек де больших нет, а место де ровное, а гор нет»⁴.

Вернувшись в Тобольск с монгольскими послами 2 февраля 1617 г., уже в марте этого года В. Алексеев и его спутники давали показания в Москве. Их известия о государствах и народах Центральной и Юго-Восточной Азии вызвали большой интерес у московских приказных людей. Они, несомненно, были исполь-

зованы при подготовке первого русского посольства в Китай, осуществлённого томским казаком И. Петлиным в 1618–1619 гг.

За успешный поход к Алтын-хану атаман получил 15 руб., серебряную чарку за 2 руб., камку, тафту и 2 «сукна лундушных». Ему был возмещён понесённый во время посольства у Алтын-хана «изрон»: за отданные им по требованию монгольских властей самопал и саблю ему выдали ещё 20 руб.⁵

Атаман также получил прибавку к жалованию, которое составляло 12 руб., 12 четей ржи, 2 чети круп и толокна⁶. При отправлении В. Алексева и его спутников из Москвы 26 октября им дали в дорогу трёх коней, Василию — девку (умерла в дороге под Сольвычегодском), баранью шубу, отделанную соболем и бобром, а также 15 баранов — на питание в пути следования домой⁷.

Возвратившись в Тару, В. Алексеев продолжил нести прежнюю атаманскую службу. Летом 1618 г. его направили в «дальнюю посылку» на Енисей, где в составе объединённого отряда служилых людей под руководством пелымского сына боярского Петра Албычева и тобольского сына боярского Черкаса Рукина он принял участие в строительстве большого Енисейского острога, ставшего вскоре его новым местом службы и центром обширного сибирского разряда⁸.

В 1619 г. В. Алексеев получил новое назначение. Вместе с туринским сыном боярским Андреем Шарыгиным он вновь был отправлен с посольской миссией, на этот раз в «Китайское царство». По пути следования в Китай им было велено завезти в Енисейский острог «железный завод» (земледельческий инвентарь) и семена для устройства местной пашни. Но поездка атамана и его спутников в Китай не состоялась, русских посланников не пропустили через свои владения враждебно настроенные енисейские киргизы, и они вынуждены были вернуться ни с чем⁹.

В 1625 г. атаман В. Алексеев был переведён в Енисейск, ставший со временем не только разрядным городом, но и основной базой продвижения русских в Восточную и Южную Сибирь и их первичного хозяйственного освоения. Под его началом была «сотня» стрельцов, численность которой первоначально насчитывала лишь несколько десятков человек¹⁰. Согласно окладной книге жалования, в 1626 г. ему полагалось 16 руб.,

что значительно превышало оклад других начальных людей, имеющих в енисейском гарнизоне¹¹.

Круг служебных обязанностей атаманов (сотников) в сибирских городах и острогах был широким и не ограниченным чётко определённой сферой профессиональной деятельности. Наиболее важными функциями атаманов и других «начальных людей», как и во всех русских сибирских владениях, являлись сбор ясака в «государеву» казну с подвластного населения и оборона русских и ясачных от «немирных воинских людей». С учётом имеющегося у В. Алексева опыта «дальних посылок» и умения общаться с «иноземцами», местные власти поручали ему ответственные задания по «прииску» и объяснению коренных народов. Выполнение этой задачи в новом, неосвоенном крае во многом осложнялось сильным противодействием русской администрации владельцев потестарных образований: Киргизской и Бурятской земель, считавших население Среднего и Верхнего Енисея своими кыштымами (данниками). В свою очередь, киргизские, «братцкие» (бурятские) и другие князцы находились в зависимости от правителей Западной Монголии — Алтын-ханов, активно поддерживавших своих вассалов и препятствовавших утверждению русских на новых территориях, которые они считали сферой своего влияния и господства.

30 мая 1625 г. енисейский воевода Я. Хрипунов отправил В. Тюменца и сотника П. Фирсова с отрядом служилых людей (по одним данным 25, по другим 40 человек) на кочах вверх по Верхней Тунгуске, к тунгусским князцам и в неизведанную ещё «Брацкую землю», о многолюдстве и богатстве которой ходило немало слухов. Целью похода была не только военная операция — усмирение тунгусского князца Тасея, учинившего расправу над русскими ясатчиками, как считает В. А. Александров, но и «приискание» и сбор важных сведений о малоизвестной «новой земле»¹². Об этом наглядно свидетельствует подробная «наказная память», данная воеводой В. Алексеву, где предписывалось проводить «всякими мерами»: «какие в них люди — сидячие или кочевые. Что в тех земли землях князцев имены? Какие у них крепости и бои и сколько... воинских людей на конь садится, или (они) не воинские люди? Какими промыслами промышляют и какими товары торгуют? Соболи у них добрые

или иной, какой зверь, или иные, какие товары есть ли? Чаять от них великому государю прибыли?»¹³

Выполняя распоряжение, отряд В. Тюменца и П. Фирсова шесть недель шёл на кочах по Ангаре. На одном из ангарских порогов, где река суживалась, казаки попали в засаду, потеряли четырёх человек и с трудом пробились назад. Полученные в ходе экспедиции сведения значительно расширили представления русской администрации о положении и населении Бурятии. В своём отчёте В. Тюменец сообщал, что «Брацкая земля... сошлась рубежем с китайским государством», людей в ней больше 20 000 «на конь садитца», у бурят «с китайскими людьми бой живёт мало не по все годы», буряты по своему хозяйственному укладу «люди пашенные», и другие важные сведения¹⁴.

В начале весны 1626 г. В. Тюменец возглавил поход служилых людей по р. Кану в Тюлькину землю, вновь на «немирного» князя Тасея, отказавшегося платить ясак и подстрекавшего к тому других тунгусов. Однако руководимый атаманом отряд, по словам нового воеводы А. Ошанина, вопреки его наставлениям изменил маршрут движения, повоевал «для своей бездельной корысти» других, уже обьясаченных тунгусов на р. Пити и в Вербное воскресенье (2 апреля) вернулся домой с незаконной добычей и ясырём, не выполнив, тем самым, поставленную задачу¹⁵. Позже, оправдывая своё самоуправство, стрельцы жаловались в своей челобитной на имя царя, что воевода отправил их в дальний поход «не радеючи», выдал им вместо хлеба «мякин овсяных», что вызвало голод и невозможность продолжать длительные поиски. Но, несмотря на все трудности, отряд достиг устья Тасеевой реки, где встретил 7 тунгусских семей, которые «учали с ними бой», в результате чего двое «иноземцев» были убиты, а 14 захвачены в плен и приведены в Енисейск. От пленных стрельцы также узнали о смерти князя Тасея, погибшего в бою с бурятами. В связи с указанным выше служилые люди и атаман свою задачу сочли выполненной¹⁶.

Самовольные действия отряда В. Тюменца с одной стороны и злоупотребления властью, махинации самого воеводы с ясачной пушшиной, покровительство его приезжим торговцам, значительно завышающим цену на товары, с другой стороны, породили острый конфликт между казаками во главе с атаманом и воеводой с его окружением. По словам воеводы, служилые

люди, «атаман Васка Алексеев с товарищи, во всём ево, Ондreja не слушают...», «круг завели и запись меж себя одиначную написали и руки к записи приложили и крест меж собою целовали, что им ево Ондreja (воеводу А. Ошанина. — И.К.) ни в чём не слушать и под суд не даватца», и к съезжей избе казаки «приходили с шумом и ево лаяли и за бороду драли и хотели убить... и торговых и промышленных людей били не одно время и по дорогам ставили заставы, чтоб им не пропустить отписок в Тобольск»¹⁷.

9 мая 1626 г. конфликт приобрёл острый вооружённый характер, обе стороны использовали огнестрельное и другое оружие, что привело даже к жертвам. По версии сторонников атамана, в этот день А. Ошанин со своими сторонниками «вышед за острог, учал нас, государевых холопей, бить ис пищали и саблями сечи». По словам же воеводы, казаки «у острога ворота выломали... и ко двору ево, ко Андрееву приступали, ис пищалей и из луков по окнам стреляли и ево мало из лука не убили»¹⁸.

Несмотря на скорое разрешение конфликта и заключение мирного соглашения сторонами, Москвой было предписано провести в Енисейске повальный сыск с выявлением всех причин и обстоятельств произошедших событий. В ходе следствия тобольский сын боярский Борис Аршинский сместил воеводу «за многие обиды и насилства», в то же время арестовал В. Алексеева и других «пущих заводчиков» «за воровство»¹⁹.

Наказание «опальный» атаман и его подчинённые отбывали в тобольской тюрьме, срок пребывания и дальнейшая судьба его нам не известны. Очевидно, В. Алексеев был лишён атаманской должности, наказанием также явилось неверстание его детей в чин сынов боярских. Вместо В. Алексеева атаманом в Енисейске был назначен Максим Перфильев, прославившийся вскоре также открытием новых земель, ратными и другими делами.

Сыновья В. Алексеева (Тюменца) Емельян, Елисей и Василий во многом продолжили ратную службу своего отца. Емельян Васильев Тюменцов, очевидно, старший сын, также вскоре стал атаманом пеших казаков. В августе 1628 г. вместе с московским дворянином Андреем Дубенским Емельян возводил Красноярский острог и был его ближайшим помощником²⁰. После завершения строительства острога был оставлен в нём «на вечное

житьё». В окладной книге жалования 1633 г. Емельян упомянут как бывший енисейский стрелец Тюменцов Омелка Васильев, получавший денежный оклад 5 руб. В 1637 г. он значится уже как атаман пеших казаков с окладом 13 руб., 10 четей муки, 4 чети круп и толокна, это же жалование указано в именных окладных книгах 1662 и 1665 гг.²¹ По-видимому, атаман служил «с пашни», в 1639 г. ему принадлежало 18 десятин земли, что позволяло полностью обеспечивать семью собственным хлебом, а излишки поставлять на рынок.

Служба Е. Тюменцова и его близких родственников в самом отдалённом «украинном городе» Южной Сибири была сопряжена с постоянной военной опасностью, сохранявшейся до начала нового столетия, и большими трудностями, переживаемыми первыми русскими колонистами. С.В. Бахрушин высоко оценил значение нового острога на Среднем Енисее: «Городу Красноярску выпала в истории Сибири особая роль. Поставленный на границе с Киргизской степью, он преследовал задачи не столько объяснения окрестных племён и эксплуатации промышленных угодий верхнего Енисея, сколько военной обороны от монгольских и тюркских племён с юга»²².

Красноярский острог с первых дней своего основания подвергался частым нападениям енисейских киргизов, близких к ним тубинцев, «братских людей» (бурят), мунгальских (монгольских), затем и джунгарских правителей и подвластных им местных племён и народов. Материальная необеспеченность, малолюдство и полуголодное существование в новом остроге даже толкнули казаков на отчаянный шаг. В 1629 г. ими был убит атаман Иван Кольцов, обвинённый в недоставке хлеба из Енисейского острога. После содеянного изголодавшие казаки предприняли самовольно поход за хлебом в Енисейск, едва не закончившийся грабежом города и торговых людей. Они также совершили самовольный поход на ясачных бурят на р. Оке, находившихся в подчинении енисейских воевод²³.

Сложная военно-политическая, межэтническая обстановка, существовавшая в этом регионе, побудила енисейских воевод, находившихся также в нелёгком положении, даже поставить перед Москвой вопрос о ликвидации Красноярского острога, но предложение об его упразднении было отвергнуто воеводами Томского разряда и не получило правительственной поддержки²⁴.

В 1634 г. Красноярский острог и его уезд трижды подвергались нападениям и опустошительным набегам киргизских и других подвластных им «немирных» людей. В результате их нашествий погибли 166 русских и ясачных людей, были сожжены русские деревни на Енисее, отогнано много скота²⁵. Но, несмотря на значительное численное превосходство кочевников, служилые люди под командованием Е. Тюменцова, Д. Злобина и М. Кольцова (последний являлся сыном убитого казаками атамана И. Кольцова) сумели отстоять острог и прилегающие к нему слободы, понеся при этом большие людские и материальные потери. В связи с произошедшими событиями атаманы с казаками подали челобитную в Москву, где сообщали о своём разорении «без остатку», о потерях в боях за предыдущие годы 52 человек и о намерении киргизов, тубинцев и других «воинских людей» весной взять вновь Красноярский острог и просили немедленно пополнить их ряды и вооружение²⁶.

Незвизрая на малочисленность гарнизона, удалённость от основных баз русской колонизации и враждебное окружение, красноярские ратники продолжали осуществлять активные наступательные действия в восточные и южные порубежные волости, не подвластные ещё Красноярску. В декабре 1636 г. Е. Тюменцов с 93 казаками совместно с сотней М. Кольцова предприняли новый рейд в Братскую землю. Но в длительном, изнурительном пути следования, израсходовав все съестные запасы, атаманы натолкнулись на сильное сопротивление и противодействие своих подчинённых и вынуждены были вернуться назад²⁷.

27 марта 1640 г. атаман Е. Тюменцов был направлен вверх по Енисею с 108 казаками на враждебно настроенных енисейских киргизов. Тяжёлый четырёхнедельный поход не дал значительных результатов, но убедил служилых людей в необходимости строительства острога на р. Абакан, в самом центре Киргизской земли, для защиты Красноярска и дальнейшего продвижения на юг, о чём атаман известил воеводу, а последний — Москву²⁸.

В этом же году, 6 сентября атаман был направлен с 50 казаками восстанавливать сожжённый киргизами Канский острог, расположенный в «четырёх днищах» к востоку от Красноярска. Отстроенный заново «со всеми крепостями» острожек вскоре вновь подвергся нападению енисейских автохтонов, но все «приступа их» гарнизоном Е. Тюменцова были отбиты²⁹. Для пред-

упреждения новых набегов кочевников отряд Е. Тюменцова, объединившись с сотнями М. Кольцова и Д. Злобина, в декабре 1640 г. или в начале января 1641 г. выступил против канских, осанских и камасинских князюв, нанёс им поражение и принудил дать шерть (присягу на верность) русскому царю³⁰.

Учёные уже отмечали, что енисейские киргизы и «братцкие люди» (буряты) были серьёзными противниками. Служилые люди высоко оценивали боеспособность их войск и победу над ними считали возможной при условии лишь равных с обеих сторон сил. В 1635 и 1640 гг. они жаловались царю на отсутствие у них доспехов (куяков, шлемов и пр.) и удобного для конного боя огнестрельного оружия (карабинов)³¹.

В начале марта 1642 г. ратные люди Е. Тюменцова совершили на лыжах поход из Красноярска до места слияния Большого Июса и Чёрного Июса, где 12 марта «погромили» 30 удусов³². Отряд, очевидно, также помог дворянину Я. Тухачевскому, который в результате возникшей смуты был оставлен своим войском «посеред» Киргизской степи «ставить» Ачинский острог³³. Летом 1642 г. атаман с небольшой группой сопровождал ясачную казну в Москву. В Сибирском приказе он был спрошен о необходимых мерах и способах подчинения «Киргизской земли», путях доставки хлеба в Ачинский острог, а также о возможности построения острога на р. Абакан³⁴.

В июле 1645 г. Е. Тюменцов под началом М. Кольцова с большим войском (330 человек) участвовал в походе в «Брацкую землю» против бурятских князюв и их вассалов. 1 августа в среднем течении р. Уды (Чуны) состоялось сражение, завершившееся разгромом войска наиболее могущественного из бурятских племён князю Оилана и пленением его 86 кыштымов³⁵. Это событие, положившее начало присоединению Бурятии к русскому государству, было торжественно отмечено в Красноярске стрельбой из пушек и «мелкого ружья»³⁶.

После частичного подчинения бурят большую угрозу русским поселениям в Южной Сибири по-прежнему представляли енисейские киргизы во главе с сильным, «войнолюбивым», по выражению С.В. Бахрушина, князюм Ереняком. Борьба с мобильными, хорошо вооружёнными отрядами кочевников, владеющими огнестрельным оружием, приобрела упорный и затяжной характер. После очередного набега киргизов на

Красноярск летом 1666 г. и захвата людей и скота сотня Е. Тюменцова была направлена в погоню за ними. 2 сентября казаки сумели настичь один из отрядов Ереняка на р. Иштюоле и отбить всю захваченную добычу и пленных³⁷.

Отражение походов воинственных кочевников и «изменников» ясачных людей побуждало воевод, Е. Тюменцова и других атаманов постоянно заботиться об укреплении Красноярского острога и повышении обороноспособности своего войска. В 1659 г. посад и слободы были окружены второй линией острожных стен и башен, которые имели значительный «огненный наряд» (артиллерию). Подгородные деревни по р. Бузиму, Ману, Бугачу также были укреплены надолбами и сторожевыми башнями³⁸. В 1689 г. в Красноярске было закончено строительство нового острога, усиленного рвом, надолбами и «караульнями» (сторожевыми постами). Для оповещения населения на Спасской башне был установлен «колокол вестовой», для несения караульной службы были привезены из Москвы редкие для Сибири «часы боевые»³⁹. Принятые меры позволили красноярцам успешно, хотя и не без потерь, отражать многочисленные натиски врага и самим осуществлять наступательные операции в киргизские владения.

В 1667, 1673, 1679 гг. сотня Е. Тюменцова со всеми жителями обороняли Красноярский острог от нашествий кочевых отрядов Ереняка и монгольского правителя Сенге-тайши. Особенно тяжёлой для красноярцев была осада острога осенью 1667 г., в результате которой гарнизон, состоящий из 376 человек, понёс крупные потери: 39 убитых, 203 раненых, 49 плененных, окрестные деревни были разграблены, скот угнан. Летом 1679 г. киргизы вновь дважды совершили нападения на город и население уезда. В сражениях с ними погибли 40 служилых людей, кочевники захватили «в полон» 200 ясачных людей, сожгли 13 русских деревень⁴⁰. Ответом на эти враждебные акции стала организация больших военных экспедиций «в киргизы» объединённых отрядов служилых людей сибирских городов под руководством томских детей боярских Романа Старкова и Ивана Греченинова в 1680 г. и Ивана Суворова в 1682 г. Но престарелый атаман уже не мог участвовать в этих тяжёлых дальних походах, за него ходил «в киргизы» сын Афанасий⁴¹. В последние годы Е. Тюменцов проживал с сыновьями Дми-

трием, Аникой и Афанасием в деревне, расположенной выше деревни Хлоптуновской, у бора на берегу Енисея⁴².

Старший сын Емельяна Васильева Дмитрий Емельянов Тюменцов единственный из большого разветвлённого клана Тюменцевых стал сыном боярским. В окладных книгах жалования 1662 и 1665 гг. он значился атаманом пеших казаков с денежным окладом 8 руб.⁴³ В 1667 г. при неудачной вылазке из осаждённого киргизами Красноярска они с атаманом Родионом Кольцовым попали в плен. Но вскоре были освобождены благодаря усилиям выходца из киргизов, ставшего сыном боярским, влиятельного толмача И. Айканова. В 1679 г. вместе с братом Аникой Тюменцовым он участвовал в походе Р. Старкова, И. Греченинова, где «бился явственно, мужика убил»⁴⁴.

В 1693 г. атаман Д. Тюменцов упоминается в источниках как сын боярский с окладом 13 руб., 7 четей ржи и 4 чети овса. Как и другие начальные люди Красноярска, Д. Тюменцов имел большое хозяйство, его земельные угодья в 1701 г. составляли 22 десятины пашни и перелога, 7 десятин покосов⁴⁵. Атаман проживал с отцом и шестилетним сыном Иваном в своей деревне ниже деревни Быковской⁴⁶.

В 1695–1698 гг. Дмитрий Тюменцов с братом Аникой стояли во главе продолжительной красноярской смуты, вызванной административным произволом и злоупотреблениями воевод — братьев Алексея и Мирона Башковских и сменившего их С.И. Дурново. В мае 1695 г. вместе с казачьим пятидесятником Трифоном Еремеевым Дмитрий был выбран восставшими казаками в коллегиальный орган мирского самоуправления городом — «в судейки», выполнявший в годы смуты все воеводские функции, что не может не свидетельствовать о его авторитете в красноярском «войске». Примечательно, что за своё активное участие в борьбе с воеводским «воровством» и «разорением» Д. Тюменцов, как и другие его родственники, не понёс наказания. Атаман сохранил своё служебное положение и чин сына боярского. Известно, что в 1701 г. он дал поручную запись за конного казака Евтихей Старцева, который также являлся одним из видных участников смуты⁴⁷. Назначенный Москвой новым воевода, стольник П.С. Мусин-Пушкин оказался более умным и дальновидным сибирским наместником. В отличие от своих корыстолюбивых и мстительных предшественников,

он не прибег к карательным мерам, что позволило снять социальное напряжение и погасить острый затяжной конфликт служилого мира с прежней воеводской властью.

Аника (Оника) Емельянов Тюменцов — младший сын Емельяна Васильевича — также был атаманом пеших казаков (1657)⁴⁸. В 1680 г. он принял участие в совместном походе служилых людей сибирских городов под руководством указанных выше Р. Старкова и И. Греченинова и вместо отца возглавил «сотню» из 116 казаков⁴⁹. В феврале 1692 г. под началом бывшего опального украинского полковника Василия Многогрешного, прославившегося при обороне Красноярска в 1679 г., Аника Тюменец ходил в поход в Канскую землю в кочевья тубинского князца Шанды Талаева. На р. Малый Курьш 28 февраля 1692 г. состоялось решающее сражение, в ходе которого тубинские люди были разгромлены и рассеянные бежали вверх по р. Кану⁵⁰.

А. Тюменцов не стоял в стороне от решения мирских дел, затрагивавших насущные запросы и потребности населения города. В 1688 г. он подписал мирскую челобитную о пожаловании жителей церковной утварью, благовестным колоколом и евангелием для новой церкви Покрова Пресвятой Богородицы⁵¹. В мае 1695 г. вместе с братом Дмитрием стоял во главе «смуты» против воеводы Алексея Башковского и его преемников. Несмотря на активное участие в ней, он, как и другие сообщники, не понёс при этом никакого наказания⁵². После окончания «смуты» продолжал нести прежнюю нелёгкую государеву службу. На завершающей стадии борьбы с киргизами, 1 марта 1701 г. атаман сложил голову в жарком «съёмном бою» с киргизами «на горах урочища Иззык в Алтырской земле»⁵³.

Сын Аники Емельянова Пётр Аникиев Тюменцов также унаследовал чин казачьего атамана. В ходе красноярской «смуты» атаман играл видную роль, проводил активную агитацию против воеводы А. Башковского, писал письма служилым людям, жившим в деревнях и сёлах уезда, с призывом действовать сообща и оказывать поддержку восставшим. В 1701 г. он проживал вместе со своим дядей Дмитрием Емельяновым Тюменцовым в подгородной деревне на Енисее⁵⁴.

Сведения о третьем сыне Емельяна Васильева Тюменцова Афанасии Емельянове источниками представлены скудно. Известно лишь, что в 1679 г. вместо отставленного от службы по

старости отца он участвовал в походе под руководством томского сына боярского Р. Старкова, где в сражениях с киргизами «бился явственно, мужика убил»⁵⁵.

Служба второго сына Василия Алексеева казачьего атамана Елисея Васильева Тюменцова также отмечена ратными делами, административной деятельностью и участием в отстаивании интересов служилого мира. В 1645 г. вместе с М. Кольцовым Елисей участвовал в уже упомянутом походе на князя Оилана, завершившемся его разгромом. В этом же году атаман возглавил группу челобитчиков, требовавших присылки жалованья прямо из Москвы в Красноярск, а не из разрядного Томска, откуда оно поступало нерегулярно и не всегда в полном объёме. Но в Сибирском приказе их просьба была игнорирована⁵⁶.

В 1648 г. Е. Тюменцов был послан в землю удинских бурят для защиты ясачного населения от воинских людей Алтын-хана и строительства там острога. 14 октября 1648 г. казаками было заложено зимовье Покровский городок на правом берегу реки Уды, получившее вскоре название Удинский острожек (современный Нижнеудинск), и Елисей стал его первым приказчиком⁵⁷. Летом 1653 г. он был направлен с отрядом служилых людей водным путём в Тубинскую землю для возведения нового острога⁵⁸. В 1666 г. Е. Тюменцов в составе большой красноярской рати участвовал в сражениях с киргизами, его ратники догнали один из «отсталых» отрядов князя Ереняка «на перейме» (при переправе) на судах через р. Иштыюле и разгромили его⁵⁹.

В целях обеспечения русского господства в Минусинской котловине атаман от имени всех служилых людей в 1668 г. вновь поднял перед Сибирским приказом вопрос о постройке острога на Енисее, выше устья р. Абакан, у «угожих и пахотных мест». В нём предлагалось разместить постоянный гарнизон, завести пашню, развивать соляные и хмелевые промыслы⁶⁰. В строительстве русского форпоста было заинтересовано и коренное население Тубинского улуса, страдавшее от нашествий отрядов Алтын-хана. Но правительство, учитывая сложную обстановку в этом регионе, сочло инициативу казаков преждевременной. Абаканский острог был возведён спустя сорок лет, в 1707 г., совместными силами сибирских ратных людей с участием большого отряда из Красноярска (300 человек). Не исключено, что в нём могли состоять и служилые люди Тюменцовы.

Данных о третьем сыне Василия Алексеева Василии Васильеве Тюменцове сохранилось немного. В 1637 г. он упомянут в именных окладных книгах как красноярский конный казак с жалованьем 7 руб. с четью, 5 четей муки, по чети круп и толокна, 2 чети соли, холост⁶¹. Позднее стал десятником, «служил всякие службы конные и пешие, струговые и лыжные»⁶². В 1654 г. он уже фигурировал как пятидесятник, затем был назначен атаманом пеших казаков.

Дальнейшая судьба атаманов Тюменцовых и их преемников не прослеживается источниками. Значительные успехи русской колонизации, устранение в Сибири серьёзных военных угроз и создание Петром I регулярных вооружённых сил привели к значительной трансформации всего сибирского «войска» и его командного состава. На смену «государевым» служилым людям в Сибирь с некоторым запозданием пришли воинские части регулярной армии, основанные на новых принципах и формах организации, с новым кадровым составом, где казачьему «войску», самоуправлению и атаманству уже не было места. В штатном расписании Красноярского гарнизона 1724 г. среди командного состава атаманский чин уже не значился⁶³. По данным М. М. Громько, потомки красноярской династии служилых людей Тюменцовых встречаются во второй половине XVIII в. на Оби, в районе Чаусского острога, и в деревне Кривоцоково (территория левобережного Новосибирска), где упоминаются уже как крестьяне⁶⁴.

Таким образом, атаман В. Алексеев (Тюменец) и его потомки внесли значительную лепту в присоединение обширной территории Средней и Южной Сибири, утверждение в ней сильной российской государственности и новой, более развитой русской культуры. Ускоренные, во многом опережавшие другие страны темпы русского продвижения на восток в XVII столетии были немислимы без появления таких инициативных, решительных и бесстрашных руководителей, какими являлись казачий атаман В. Алексеев Тюменец и его достойные преемники.

¹ Бродников А. А. О причинах и последствиях Енисейского бунта 1626 г. // *Общественная мысль и традиции русской духовной*

культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 12, 16.

² Русско-монгольские отношения. 1607–1636... С. 36.

³ Каменецкий И.П., Резун Д.Я. Ямыш-озеро как зона политического и хозяйственного взаимодействия народов в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 32–35.

⁴ Русско-монгольские отношения. 1607–1636... С. 55–56; Русско-китайские отношения в XVII в. ... С. 96, 98.

⁵ Русско-монгольские отношения. 1607–1636... С. 98.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Стб. 3. Л. 267–268.

⁷ Русско-монгольские отношения. 1607–1636... С. 55–56.

⁸ Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв. (Енисейский край.) М., 1964. С. 36, 79.

⁹ Русско-монгольские отношения. 1607–1636... С. 65.

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 14. Л. 59–59 об.

¹¹ Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии. (Енисейский и Красноярский уезды): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2016. С. 234.

¹² Александров В.А. Указ. соч. С. 38–39.

¹³ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 40, 130–131; Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монгол (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. С. 31–32.

¹⁴ Окладников А.П. Указ. соч. С. 32.

¹⁵ Там же. С. 32, 55.

¹⁶ Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири... С. 138; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 237.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Стб. 12. Л. 30–31; Стб. 83. Л. 832–836.

¹⁸ Бахрушин С.В. Научные труды. М., Т. 4. 1959. С. 15–16; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 237–238.

¹⁹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 449–450; Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 327–238; Бродников А.А. О причинах и последствиях Енисейского бунта... С. 16.

²⁰ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. 1959. С. 71.

²¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 70. Л. 127, 201; Кн. 438. Л. 313; Кн. 479. Л. 756.

²² Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 12.

²³ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 44, 132–133, 135–136; Бродников А.А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск, 2019. С. 155.

²⁴ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 24–26.

²⁵ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 45–46.

²⁶ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 416; Александров В.А. Указ. соч. С. 46.

²⁷ Александров В.А. Указ. соч. С. 49; Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 42–43.

²⁸ Барахович П.Н. Служилое население... С. 173–174.

²⁹ Барахович П.Н. Указ. соч. С. 175.

³⁰ Александров В.А. Указ. соч. С. 50; Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 174.

³¹ Александров В.А. Указ. соч. С. 46–47, 51.

³² РГАДА. Ф. 214. Стб. 113. Л. 191.

³³ Резун Д.Я. Русские в Среднем Причулымье... С. 68, 76; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 100–101.

³⁴ Александров В.А. Указ. соч. С. 50.

³⁵ Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1. Улан-Удэ, 1966. С. 151.

³⁶ Александров В.А. Указ. соч. С. 51–52.

³⁷ Там же. С. 53.

³⁸ Там же.

³⁹ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 100–101.

⁴⁰ Александров В.А. Указ. соч. С. 54–56.

⁴¹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 715/716. Л. 54.

⁴² Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 110, 217.

⁴³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 438. Л. 312 об.; Кн. 479. Л. 751 об.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Стб. 715/716. Л. 39.

⁴⁵ Барахович П.Н. Служилое население... С. 236, 295.

⁴⁶ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 217.

⁴⁷ Там же. С. 178, 182, 186.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 902. Л. 226.

⁴⁹ Барахович П.Н. Указ. соч. С. 196.

⁵⁰ Там же. С. 202–203.

⁵¹ Там же. С. 415–416.

⁵² Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 179–180.

⁵³ Барахович П.Н. Указ. соч. С. 211.

⁵⁴ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 110.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 214. Стб. 715/716. Л. 54.

⁵⁶ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 102.

⁵⁷ Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 216.

⁵⁸ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 624–629.

⁵⁹ Александров В.А. Русское население... С. 53.

⁶⁰ Там же. С. 49; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 99.

⁶¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 70. Л. 121 об., 127, 201; Кн. 438. Л. 312 об.–313.

⁶² Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 71.

⁶³ Кирилов И.Г. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 278.

⁶⁴ Громыко М.М. Социально-экономические аспекты изучения генеалогии непривилегированных сословий феодальной Сибири // История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 214–217.

Севастьян Самсонов: от вольного казака к сибирскому дворянину

С целью проверки боеспособности сибирского воинского контингента и выявления его количественного и качественного состава правительство проводило время от времени военные смотры — «разборы» служилых людей. На них каждый участник представлял свою «скаску», являвшуюся своеобразной аттестацией его службы. В ней содержались сведения о происхождении, военном статусе, служебной деятельности, боевых заслугах, размере жалования и других важных данных, достаточно полно характеризующих облик служилого человека XVII столетия. Каждая «скаска» подтверждалась «заручной» подписью аттестуемого, а затем сводный «разборный список» служилых людей направлялся в Сибирский приказ.

Вопрос о доверии к этим официально оформленным показаниям сибирских казаков в своё время рассматривал видный учёный А. А. Преображенский. Он писал: «Надо учитывать... с какой ревностью относились служилые к собственной “чести” и “службам”. Они строго следили, насколько это было в их силах и возможностях, за всеми перемещениями, назначениями, изменениями окладов, порядком верстания, чтобы соблюсти некий неписанный этикет. Отклонения от этих норм обычно влекли за собой жалобы и тяжбы, докучавшие воеводам»¹.

В 1654 г. в Красноярском остроге в соответствии с «государевым» указом был проведён военный смотр. При «разборе» сын боярский Севастьян Самсонов подал «заручную скаску», повествующую о его непростом жизненном пути и воинской службе². Сравнительный анализ «скаска» с данными исследователей Сибири XVII в. и архивными материалами позволяет установить не только достоверность приведённых им сведений, но и выявить происхождение, обстоятельства появления в Сибири, круг профессиональных обязанностей, семейное окружение; определить место родственников в красноярском служилом мире и, тем самым, составить определённое представление о служебной и общественной деятельности представителей династии Самсоновых, их вкладе в процесс присоединения

и освоения верхней части обширного Енисейского края и Прибайкалья.

В заявленной «скаска» С. Самсонов сообщил, что его дед Андрей Прокопьев Кубенин был родом из Великого Новгорода. В правление Фёдора Иоанновича он был переведён в Заволочье, сначала в Устьянскую, затем в Пежемскую волость, где родились его сын Самсон Андреев Кубенин, который «жил в тягле», и внук Севастьян. После убийства отца «литовскими людьми» в период Смуты семнадцатилетний Севастьян Самсонов «своей охотой» поступил на службу в полк известного деятеля Смутного времени, боярина, князя Бориса Михайловича Лыкова в Вологде. Как показал А. Л. Станиславский, полк Лыкова был создан в 1613 г. для подавления расплотившихся повсеместно в Смутное время многочисленных «воровских» шаек, которые бесчинствовали продолжительное время на значительной части европейской территории России³.

Под началом головы И. Полозова молодой казак участвовал в борьбе с мятежными «черкасами» казачьего атамана Фёдора Ослоповского, который был пленён весной 1615 г. в Белозёрском крае и привезён к Лыкову в Вологду. По словам С. Самсонова, ему также довелось участвовать в походе воеводы М. М. Шеховского, освободившего Каргополь от банд атамана Михаила Баловня, и в разгроме остатков его отряда на р. Сиенге⁴. Тем самым, до службы в Сибири С. Самсоновым был приобретён определённый жизненный опыт, а также воинские навыки, которые во многом были востребованы в его последующий сибирский период жизни.

Неизвестно, какие мотивы привели молодого казака в сибирскую «окраину». Его судьбу, как и многих других казаков, очевидно, определил ряд факторов, как внешних, так и внутренних, обусловленных преодолением глубокого кризиса и тяжёлых последствий Смутного времени.

Заключение долгожданного мира с Польшей и Швецией, установление внутреннего спокойствия и отсутствие в казне средств, необходимых для выплаты жалования служилым людям, побудили правительство провести частичную «демобилизацию» зачастую неуправляемых «самовольных» казачьих формирований, находившихся в Москве и Центральной России, и направить наиболее активных их участников на южные и за-

падные окраины Московского государства. Наступивший голод в разорённых Смутой центральных и северных уездах также способствовал оттоку в Сибирь «своей охотой» многих людей в поисках лучшей доли.

Возможно, по этим причинам в 1617 г. С. Самсонов «сошёл в сибирские города... гуляшим делом» и через некоторое время оказался в Енисейске, ставшем главной базой русского движения на восток. В 1628 г. он был повёрстан в рядовую казачью службу сыном боярским Андреем Дубенским. В составе его отряда летом этого года он участвовал в возведении Красноярского острога, где был оставлен на «вечное житьё», нести «всякие государевы службы: конные и пешие, и струговые»⁵.

Красноярский острог занимал особое место в системе южных сибирских городов-крепостей. Как точно заметил С. В. Бахрушин, «построенный на границе с Киргизской степью, он преследовал задачи не столько объясачивания окрестных племён и эксплуатации промышленных угодий верхнего Енисея, сколько военной обороны от монгольских и тюркских племён с юга... Красноярск в течение всего XVII в. жил жизнью военного лагеря, всегда под угрозой нападения, всегда под оружием»⁶.

Первое десятилетие проживания в самом отдалённом юго-восточном форпосте, среди разнородного, нередко враждебно настроенного населения было нелёгким для русских колонистов во всех отношениях. По образному выражению енисейского воеводы А. Л. Опанина, казаки несли службы «зимой в нарте на шлее, а летом беспрестанно на весле да на шесте», испытывая при этом «великую нужду»⁷. Малолюдство и голодное существование служилых людей в первые годы существования нового острога на Енисее даже толкнуло их на отчаянные преступные действия: убийство своего атамана, сына сподвижника Ермака Ивана Кольцова, не сумевшего обеспечить их продовольствием, ограбление торговых людей на Енисее, а также на попытку захватить и разграбить Енисейский острог⁸.

В первые годы пребывания в Красноярске С. Самсонов нёс службу рядовым пешим казаком. Но с учётом его военного опыта и организаторских способностей он успешно продвигался по служебной лестнице. В 1630 г. он значился десятником пеших казаков в станице атамана Е. В. Тюменцова с окладом 5 руб. 50 коп., в 1640 г. упоминается пятидесятником, в 1652 г. — сы-

ном боярским с окладом 7 руб. 7 четей ржи, 7 четей овса⁹. В его служебной деятельности на первый план выступали военные и ясачные функции, обусловленные борьбой с сильными воинственными кочевниками за богатые людские и пушные ресурсы верховий Енисея и предгорья Саян.

Уже при возведении Красноярского острога служилые люди подверглись внезапному нападению аринских и качинских татар, подстрекаемых к тому влиятельным киргизским князем Ишеем. Ответом на их враждебные действия стал поход отряда атамана Ивана Кольцова 17 августа 1628 г., участником которого был С. Севастьянов. В результате похода, по его словам, служилые люди «киргизских людей побили и языков поимали», и благополучно вернулись домой. Однако уже в августе 1630 г. енисейские киргизы вновь осадили острог, отогнали 35 лошадей и пожгли хлеб у красноярцев, тем самым поставили гарнизон в крайне тяжёлое положение¹⁰.

Борьба с многочисленными, хорошо оснащёнными боевыми доспехами воинственными киргизами, бурятами и другими местными племенами, активно поддерживаемыми монгольскими владетелями, с самого начала приобрела упорный и затяжной характер.

В августе 1631 г. Красноярский острог в очередной раз подвергся нападению другого киргизского князя Ижиня с подвластными ему тубинцами и моторцами. Ратные люди, возглавляемые атаманом Дементием Злобиным, сумели не только отразить набег, но и взять в плен «жену Ижиня с сыном Атаяком с семьёй». В состоявшемся бою с киргизами, по свидетельству воеводы А. Акинфова, С. Самсонов «бился явственно, убил мужика». Но спустя три года киргизы вновь трижды осаждали русский острог; в результате их действий были сожжены две русские деревни под Красноярском, убиты 46 русских и 40 ясачных людей, не считая членов их семей, угнан скот и уведены в степь признавшие власть русского царя аринцы и качинцы¹¹.

В последующие годы подлинным бедствием для красноярцев стал угон лошадей «неприятельскими людьми». Летом 1635 г. подстрекаемые киргизами «кызыльские мужики» угнали у служилых людей и пашенных крестьян 120 лошадей. Посланный в погоню отряд атамана Д. Злобина, в составе которого был десятник С. Самсонов, настиг неприятеля на р. Июс, разгро-

мил их и отбил 50 лошадей. Но уже в сентябре отряд киргизов с аринцами и качинцами вновь подошёл к острогу и угнал уже 143 лошади у русских служилых людей и 110 лошадей у ясачных людей, а также увёл немало их семей, лишив тем самым красноярцев конницы, тягловой силы и подвластного ясачного населения¹².

Новый воевода Ф.М. Мякинин, не имея возможности организовать погоню, пытался разрешить этот вопрос мирным путём. Осенью 1635 г. С. Самсонов вместе с казаком Г. Максимовым и толмачом С. Ивановым, качинским татаринцом Улагайкой был направлен с посольской миссией в Тубинскую землю к князю Ишее — вести переговоры о возвращении аринцев и качинцев, угнанного скота и о прекращении военных действий¹³. Его поездка частично увенчалась успехом: лошадей вернуть не удалось, но местные татары стали возвращаться на свои прежние кочевья, красноярцы получили временную мирную передышку, позволившую им усилить свои позиции путём укрепления острога, пополнения гарнизона служилыми людьми и лошадьми.

С целью предотвратить внезапные нападения мобильной киргизской конницы и расширить ареал ясачного сбора воевода Ф.М. Мякинин предложил правительству создать два укрепленных острога в устье р. Тубы и на р. Кане. С этой целью в 1636 г. С. Самсонов участвовал в походе с атаманом Д. Злобиным в Канскую «новую землю», богатую пушным зверем, на тубинского князя Кояна, где, по его словам, тубинских людей «побили и языков поимали». Военный успех был закреплён возведением в 1637/1638 г. в верховьях р. Кана одноимённого острога, который вскоре был сожжён киргизами, но так же быстро восстановлен служилыми людьми¹⁴.

Строительство Канского острога создало плацдарм для дальнейшего продвижения русских в Тубинскую землю и Кызыльскую волость, население которых также были данниками киргизских князев и монгольских правителей. Летом 1642 г. С. Самсонов принял участие в большой совместной экспедиции сибирских служилых людей «в Кызылы», откуда постоянно исходила угроза от енисейских киргизов. Благодаря совместным действиям томских и красноярских отрядов была одержана победа над киргизами при слиянии р. Белого и Чёрного Июсов,

являвшихся рубежом Киргизской земли. 9 августа 1642 г., будучи уже пятидесятником, С. Самсонов под командой М. Кольцова принял участие в сражении с киргизами на р. Туачак. Несмотря на значительные укрепления киргизов, сооружённые на горе, и наличие у них огнестрельного оружия, они были разбиты. Поверженные князья дали шерть «навечно» русским властям и выдали им аманатов (заложников)¹⁵.

Большую угрозу красноярцам представляли также отряды могущественных и воинственных «братских» (бурятских) князей Оилана и Номче, причинявших русским и ясачным людям «великое разорение». Как показал А. П. Окладников, «братские люди» были наиболее многочисленным «богатым и воинственным народом» Сибири, они нередко бросали вызов казакам: «звали де их служилых людей биться»¹⁶. В июне 1645 г. Самсонов принял участие в составе большой экспедиции на бурят, возглавляемой атаманами М. Кольцовым и Е. Тюменцовым. В бою 1–2 августа «промеж Оки реки» состоялся бой, в котором «братские люди» потерпели тяжёлое поражение. В этом сражении Самсонов, по его словам, отличился: «бился явственно и мужика убил»¹⁷.

После указанной победы С. Самсонов был послан воеводой Петром Протасьевым в Братскую землю призывать поверженного князя Оилана «к царской милости». Итогом поездки стал приезд Оилана в Красноярск, где ему была устроена торжественная встреча со стрельбой из пушек и «мелкого ружья», в результате которой он дал шерть «навечно» русскому царю¹⁸. В центре его владений на р. Убе был возведён Покровский городок, переименованный затем в Удинский острог.

Наряду с участием в походах на киргизских «воинских людей» С. Самсонов уже в первые годы проживания в остроге был активно задействован в приискании «новых неведомых земель» и сборе с них ясака. Как верно подметил Н. И. Никитин, «значение «ясачных походов» выходило далеко за рамки административных функций, их следствием была серия географических открытий в Северной Азии и колоссальное расширение границ России на востоке»¹⁹. Добавим также, что поездки за ясаком в большей мере, чем военные походы, способствовали знакомству и сближению русских с аборигенами, установлению мирных, хотя и неравноправных отношений между ними, при-

ведших в конечном счёте к интеграции народов потестарных образований в состав более сильного и могущественного Российского государства.

Примечательно, что, в отличие от других «скасок» и челобитных служилых людей к царю с просьбой о материальном поощрении или повышении своего статуса, где они нередко в эмоциональной форме показывали свою проявленную доблесть, трудности несения ясачной службы и перенесённые лишения, С. Самсонов не акцентирует внимание на этом. Будучи уже в преклонном возрасте, обладая, очевидно, хорошей памятью, он безошибочно и достаточно беспристрастно перечисляет названия многих ясачных волостей, их правителей, количество взятого им ясака, имена и фамилии постоянно меняющихся красноярских воевод, что свидетельствует как о хорошем знании им районов ясачного сбора, так и об успешном выполнении своих обязанностей. Так, «при воеводе же Архипе Акинфове (1629–1631 г. — И.К.) посылан я в Камасинскую землю для государева ясачного збору и государева ясаку собрал три сорока... посылан в новую Мунгальскую землю к князю Таитуду Икычюю и к ошенскому князю Сатагачю для ясачного збора, взял с них 40 соболей... посылан в Камасинскую землю ясак собрал сполна, да приискал вновь 9 человек, а взял я с них 50 соболей»²⁰. Заметим попутно, что за учинённую «государеву прибыль» С. Самсонов 12 марта 1632 г. был пожалован «портищем сукна настрофильного» и назначен десятником конных казаков, о чём он в своей «скаске» почему-то предпочёл не указывать²¹.

Он также кратко, но содержательно перечисляет свои ясачные посылки при воеводах М. Карамышеве, Ф. Мякидине, О. Баскакове, П. Протасеве, А. Бунакове в Братскую, Кизыльскую, Канскую, Тубинскую и другие земли, не забывая при этом сообщить о результатах своей деятельности.

Очевидно, что С. Самсонов в ходе многочисленных поездок в ясачные волости хорошо освоил обычаи коренных народов и пользовался среди них определённым влиянием и авторитетом. Это наглядно проявилось в 1650 г., когда «братские князья» «изменили» — убили посланных за ясаком девять служилых людей и захватили собранный ими ясак и оружие. Посланный с отрядом служилых в Удинский острог, С. Самсонов показал себя опытным и умелым администратором, способным мирным

путём разрешать возникавшие нередко острые конфликтные ситуации. Ему удалось без применения силы призвать вновь людей Оилана в русское подданство, собрать ясак «сполна», вернуть ружья побитых казаков, а также приискать какую-то новую «Югденскую землю»²².

В 1652 г. братские люди под предводительством племянников Оилана князцов Узана и Чиночая под давлением киргизских правителей вновь изменили. С. Самсонов был назначен головой канских, котовских, корчюньских, тубинских татар и с их помощью успешно решил поставленную задачу²³. За умелое руководство и учинённую прибыль в ясачном сборе при воеводе М. Скрябине (1652–1653 гг.) Самсонов был пожалован в дети боярские с окладом 7 руб., 7 четвертей ржи, 7 четвертей овса²⁴.

Наряду с участием в военных походах и сборе ясака С. Самсонов выполнял и другие важные поручения. В ноябре 1640 г. он привёз в Москву ясачную казну и отписку якутских воевод об ясачных землях, отошедших к Якутскому уезду²⁵. Находясь в столице, красноярский пятидесятник пытался также решить свой семейный вопрос, который в начальный период колонизации Сибири в условиях острого дефицита женщин был весьма непростым. По свидетельству Н.Н. Оглобина, при возвращении домой С. Самсонов был пойман в Ярославле с «жонкой», бежавшей со двора известного московского дворянина и воеводы, приближённого ко двору Алексея Михайловича, князя В.Н. Приимкова-Ростовского²⁶. Неизвестно, чем закончился сыск об этом происшествии, повлёкшем за собой большое судебное разбирательство, но вскоре С. Самсонов обзавёлся семьёй и тремя сыновьями.

Заметим, что женский вопрос в Сибири был особенно важен для холостых мужчин в первой половине XVII в. Об этом выразительно повествуют челобитные енисейских крестьян царю в 1627 и 1630 гг.: «Все они “людишка одинокие и холостые” и “как, государь, с твоей государевой пашни придём — хлеба печём и ести варим, и толчём, и мелем сами, опочиву нет ни на мал час! А как бы, государь, у нас, сирот твоих, жёнишки были, и мы бы хотя избные работы не знали”. Крестьянам обещали прислать из Тобольска “гулящих жёнок”, но и до сих пор не присылают, поэтому “женитца не на ком, а без жёнишек, государь, нам быти никак не мочно!”... и “вели, государь, нам прислати из Тобольска гулящих жёночек, на ком женитися!”»²⁷.

В конце 1650-х гг. Севастьян Самсонов, очевидно, был отставлен «за старостью» от службы. В окладной книге жалования за 1658 г. среди начальных лиц его имя уже не упоминается. Вместо него указан его сын, сын боярский Конон (Канон) Севастьянов Самсонов с окладом 8 руб., в 1693 г. его оклад составлял уже 13 руб., 6,5 четей ржи, 6,5 четей овса, 4 пуда соли. Его брат Фёдор Самсонов был также повёрстан в дети боярские «за службу своего отца» с прежним окладом в 7 руб. 25 коп., 3,75 чети ржи, 3,75 чети овса, 2 пуда соли; другой брат Пётр Самсонов был повёрстан в том же чине на «выбылой оклад» Леонтия Урбановского²⁸.

Постоянные задержки с выплатой жалования, как уже показали историки, побуждали служилых людей искать дополнительные источники доходов, среди которых наиболее трудоёмким, но в то же время устойчивым и поощряемым правительством было земледелие.

Конон Севастьянов стал основателем одноимённой деревни, основанной в 1659 г. на р. Бузим. Размер его пашни составлял 8 десятин в «одном поле»; в 1701 г. ею владел его сын Самсон Кононов и внук Андрей Фёдоров Самсонов, которые совместно обрабатывали 7 десятин²⁹. В таможенной книге 1698 г. отмечена продажа хлеба «своей пахоты» и недвижимости потомками С. Самсонова. 12 мая сын Конона Самсонова Тимофей и его дядя Фёдор Самсонов продали 2 чети ржи тобольскому переведенцу Миките Еговдошину за 26 алтын 4 денги. 10 июня этого же года их родственник Пётр Самсонов продал свой двор в Красноярске служилому человеку Максиму Черноусу за 15 руб.³⁰ Значительные оклады, наличие самостоятельного хозяйства, сделки с хлебом и недвижимостью свидетельствуют о стабильности и достаточно высоком имущественном положении семейного клана Самсоновых в конце XVII столетия.

Сыновья С. Самсонова во многом продолжили службу своего отца. Наиболее полно источниками представлена военно-административная и посольская деятельность Конона Самсонова, а также участие его с Фёдором Самсоновым в знаменитой красноярской «смуте» 1695–1697 гг.

В 1689 г. К. Самсонов был послан воеводой И. Башковским к мунгальскому тайше Мергеню для заключения соглашения о ненападении на удинских ясачных людей, сборе сведений

о халкасском хутухте Лубсане и «проведывании золотой руды». Его миссия увенчалась успехом. Благодаря полученным сведениям сын монгольского тайджи Мергена Кегень не только вернул пленённых им ранее удинских ясачных людей, но и дал К. Самсонову «золотой руды 2 золотника без чети». В следующем году он был направлен со служилыми людьми в Кайсотскую землицу к князю Керсеню с призывом его в подданство русскому царю и для проведывания вестей о военных действиях между монгольскими правителями³¹.

Конон Самсонов был одним из видных руководителей большой красноярской «смуты» 1695 г., длившейся более двух лет. Особенно активными его действия были на начальной стадии её развития. Он состоял в «думе» бунтовщиков, члены которой проводили устную и письменную агитацию населения, писали и распространяли по деревням «смутные письма», инициировали общемирскую челобитную на местных воевод. Летом 1695 г. К. Самсонов был избран в состав всесословной мирской делегации и послан в Москву отстаивать интересы всего красноярского люда.

В ходе восстания он не только «лаял» и обличал воеводу А. Башковского, но и подверг его жену различным оскорблениям, в том числе заставлял кланяться себе в ноги. По мере роста возмущения в городе предлагал служилым людям «отказаться» новому воеводе С. И. Дурново, взять малый город штурмом и «вырубить» всех его сторонников. Когда же он был арестован по приказу Дурново, то за него заступились служилые люди — «деревенщики», прибывшие из подгородных деревень в Красноярск, под руководством его родственника, сына боярского Фёдора Самсонова. Последние пригрозили, что если К. Самсонова не выпустят из-под караула, то над новым воеводой учинят расправу «против прежнего»³². Под их давлением воевода вынужден был освободить Конона и его сторонников.

Во время сыска 1696 г., проводимого в отношении воеводы А. Башковского, К. Самсонов обвинил первого во многих злоупотреблениях, в том числе что он взял с него и атамана Фёдора Кольцова за посылку в Канский острог 100 руб. В свою очередь, воевода обличал его и атамана Михаила Злобина в том, что они продавали «ружьё своё винтовальное» в Канскую и Камасинскую землицы «винтовок с 20»³³.

Известно, что продажа оружия аборигенам, несмотря на строгие правительственные запреты, была нередкой практикой в Сибири. Но доказать её воеводам, имеющим шаткое положение в гарнизоне, очевидно, не удалось, поэтому данное обвинение, как и участие в «смуте», не отразилось на дальнейшей судьбе и военной карьере К. Самсонова. К тому же красноярцы не допустили прибывших из Енисейска думного дьяка Д. Полянского и дьяка Д. Берестова к проведению «повального» сыска. Присланный Москвой новый, более мудрый воевода П. С. Мусин-Пушкин, не желая обострять напряжённую ситуацию, не принял репрессивных мер против руководителей «смуты», благоразумно взвалил всю вину за «смятения» в городе на прежних воевод.

Поэтому, несмотря на свою явную причастность к «шато-сти», Конон и Фёдор Самсоновы, как и другие активные члены, не понесли серьёзных наказаний и продолжили нести свою нелёгкую государеву службу.

Самсонову довелось участвовать в заключительном этапе длительной и тяжёлой борьбы с енисейскими киргизами, завершившейся их полным поражением и выводом джунгарами большей части населения с мест постоянного кочевания.

В середине сентября 1700 г. вместе с другими красноярцами Самсоновы успешно обороняли город от осаждавших его киргизских князцов. После снятия осады отряд (300 человек), руководимый детьми боярскими Ф. Самсоновым и В. Саламатовым, преследовал врага трое суток и после семичасового боя за р. Малым Кемчугом отбил у него «полон» из качинских татар и угнанный скот³⁴. В следующем году К. Самсонов возглавил большую красноярскую рать (728 человек) с пушками, которая 11 февраля двинулась в поход в верховья Енисея. В устье р. Коски он должен был сойтись с отрядом томских и кузнецких служилых людей (515 человек) для борьбы с енисейскими киргизами. Но последние, из-за несогласованности действий сторон, не сумели в установленное время подойти к месту встречи, и Самсонову на первых порах пришлось в одиночку сражаться с превосходящими силами противника, неся при этом значительные потери³⁵.

1 марта 1701 г. в горной местности «в урочище Иззык в Алтайской земле» произошло решающее сражение с главными

силами киргизских князцов. В жарком «съёмном бою» погибло 36 красноярцев, в том числе брат Конона Самсонова сын боярский Фёдор Самсонов. Киргизы потеряли убитыми «60 человек и больше». Упорные бои с киргизами длились до 7 марта, в ходе которых киргизы понесли новые поражения. Результатом этой военной экспедиции стало сокрушение киргизского господства в Минусинской котловине и подписание мирного договора с киргизскими князьками³⁶. Правительство не оставило без внимания победу, одержанную в длительной борьбе с киргизами, войску К. Самсонова было выдано в качестве вознаграждения товаров на сумму 368, 5 руб.³⁷

Завершающим аккордом в борьбе с киргизами стало возведение на р. Абакан одноимённого острога сводным отрядом сибирских служилых людей. В нём приняли участие и красноярские служилые люди (300 человек) во главе с тем же К. Самсоновым. В июле 1707 г. основные силы красноярцев были направлены вверх по Енисею на судах, конный отряд К. Самсонова, выполнявший роль разведывательного арьергарда, шёл коротким путём вдоль правого берега Енисея. Встретившись на стрелке рек Абакана и Енисея, служилые люди, посоветовавшись, заложили острог на правой стороне р. Абакан в 20 верстах от его устья. Гарнизон нового острога составили красноярские служилые люди во главе с К. Самсоновым.

Возведение Абаканского острога в самом центре бывшей Киргизской земли окончательно утвердило русское господство в верховьях Енисея и предгорьях Саян. Правительство Петра I, несмотря на большую занятость войной со Швецией, оценило достигнутые успехи на южных рубежах Южной Сибири и заслуги в этом К. Самсонова. 28 февраля 1709 г. красноярскому воеводе Г.И. Подуктову было велено поверстать К. Самсонова «за многие службы» в сибирские дворяне³⁸.

Таким образом, жизненный путь и служебная деятельность красноярских детей боярских Самсоновых во многом являются типичными и знаковыми для представителей служилого военного сословия XVII в. Как и многие другие выходцы из европейского Севера, основатель красноярской династии С. Самсонов оказался в Сибири вследствие трагических событий Смутного времени. Благодаря полученному в ходе Смуты жизненному и военному опыту, он успешно влился в местную служилую

среду и, невзирая на все трудности проживания в новом колонизируемом крае, сделал немалую карьеру. Его потомки успешно продолжили нелёгкую сибирскую службу и внесли свою лепту в присоединение и укрепление русского господства в стратегически важном районе Южной Сибири.

¹ Преображенский А.А. У истоков народной... С. 382.

² Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 637–630.

³ Станиславский А.А. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 135, 185, 192.

⁴ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 628.

⁵ Там же. С. 628.

⁶ Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. Т. 4. М., 1955. С. 12.

⁷ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 123.

⁸ Бродников А.А. Енисейск против Красноярска: Из истории борьбы гарнизонов за ясачные территории в XVII в. // Сибирь в XVII–XVIII веках. Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск, 2002. С. 20–21.

⁹ РГАДА. Кн. 70. Л. 127 об.; Кн. 438. Л. 312 об.; Кн. 153. Л. 73 об.

¹⁰ Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда... С. 22; Александров В.А. Русское население Сибири... С. 44.

¹¹ Александров В.А. Указ. соч. С. 45–46.

¹² Александров В.А. Русское население Сибири... С. 46. П.Н. Барахович приводит

другие данные об угоне лошадей. См.: Барахович П.Н. Служилое население... С. 171.

¹³ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 511; Александров В.А. Указ. соч. С. 47.

¹⁴ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 628; Александров В.А. Указ. соч. С. 47–48.

¹⁵ Александров В.А. Указ. соч. С. 50–51.

¹⁶ Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят... С. 45.

¹⁷ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. №479. С. 629; Александров В.А. Указ. соч. С. 51.

¹⁸ Александров В.А. Указ. соч. С. 51–52.

¹⁹ Никитин Н.И. Первый век казачества Сибири // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 5.

²⁰ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 628.

²¹ Газенвинкель К.Б. Государево пожалование послужникам... С. 11.

²² Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 629; Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда... С. 44.

²³ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. №479. С. 629–630; Барахович П.Н. Службы красноярских татар в XVII столетии. // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «История». 2016. Т. 17. С. 3.

²⁴ ДАИ. СПб., 1851. Т. 4. №67. С. 183.

²⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Стб. 96. Л. 246.

²⁶ Оглоблин Н.Н. Обзорение книг и столбцов... Ч. III. М., 1900. С. 174.

²⁷ Оглоблин Н.Н. «Женский вопрос» в Сибири в XVII в. // Исторический вестник. 1890. Т. 41. № 7. С. 195–207.

²⁸ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 72.

²⁹ Там же. С. 110.

³⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1172. Л. 17–17 об., 21 об.

³¹ Русско-монгольские отношения. 1685–1691... С. 254–255, 283–284.

³² Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 180–182, 186.

³³ Там же. С. 132, 172.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Кн. 1023. Л. 60–61.

³⁵ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 58.

³⁶ Памятники сибирской истории. Кн. 1. № 26. С. 244. № 27, 29, 33, 39; Быко-ня Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 44.

³⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 814. Л. 57–58.

³⁸ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. Т. 2. Новосибирск, 1995. С. 60.

Воинская служба Дмитрия Злобина и его потомков

В начальной истории Красноярского острога заметное место принадлежало династии служилых людей Злобиных. Её основателем был казачий атаман Дементий Злобин, человек с необычной и в то же время типичной судьбой, характерной для многих выходцев Смутного времени, оказавшихся в силу разных обстоятельств в Сибири. О своём непростом жизненном пути и воинской службе атаман подробно поведал в «скаске», поданной им в съезжей избе красноярскому воеводе А.В. Веригину в октябре 1659 г. вместе с сыном боярским Севастьяном Самсоновым¹. Сопоставление и соотношение сведений, приведённых Д. Злобиным, с реальными событиями, в которых он участвовал, позволяет установить достоверность приведённых им данных, выяснить основные вехи его биографии, воссоздать исторический портрет русского служилого человека и его семейного окружения в начальный период освоения Сибири.

По словам Дементия, его отец Андрон Злобин — сын боярский из Стародуба Северского — был «убит под Кромами»². По видимому, это произошло в августе 1606 г. в результате второго сражения отряда Ивана Болотникова с войском царя Василия Шуйского, когда последнее потерпело сокрушительное поражение, потеряв более 8 тыс. воинов³.

После гибели отца Дементий, будучи ещё «молод», оставался некоторое время в своей вотчине с дядей, Никифором Злобиным, а затем отправился «казаковать» на Дон. На Дону Дементий «гулял» 6 лет, где, очевидно, вместе с вольными казаками атамана Епифана Родилова совершал нападения на турецкие, персидские и крымские владения, о чём он, впрочем, предпочёл умалчивать в своей челобитной «скаске»⁴.

На завершающем этапе Смуты со станицей Е. Радилова Дементий «вышел к Москве» и принял активное участие в составе правительственных войск под руководством видных полководцев и деятелей Смутного времени во многих сражениях с польскими и литовскими людьми и расплывшимися в этот период разными «воровскими людьми».

На переход его и других казаков на сторону русских царей, очевидно, оказали немалое влияние призывы патриотически настроенных авторитетных казачьих атаманов. Так, после избрания Михаила Романова на престол, получив государево жалование, атаман Е. Радилов со свойственной казакам прямоотой заявил своим подчинённым: «Пора придти в познание: сами знаем, сколько крови пролилось в Московском государстве от нашего воровства и смутных слов... мы уже по горло ходим в крови христианской; теперь бог дал нам государя милостивого, и вам бы собакам, перестать от воровства, а не перестанете, то бог всех вас побьет, где бы вы ни были»⁵.

Из Москвы донской казак Д. Злобин был послан на «государеву службу» в Коломну, к князьям и воеводам Василию Мосальскому и Семёну Глебову, в войске которых в осаде «от литовских людей и от русских воров сидел»⁶. Как известно, в ноябре 1609 г. Коломна была захвачена войском Лжедмитрия I и впоследствии неоднократно переходила из рук в руки.

С весны 1611 г. Дементий находился в станице донского атамана Петра Астраханца, где, будучи уже есаулом, сражался в составе Первого ополчения под руководством князя Дмитрия Трубецкого и был участником освобождения Москвы от поляков и литовцев⁷.

Последующая его служба проходила под началом боярина Дмитрия Черкасского и князя Ивана Троекурова. Летом 1613 г. их войско сумело отбить у поляков Вязму, Дорогобуж и Белую, но из-за отсутствия продовольствия и боеприпасов не смогло взять Смоленск. В сражении под Смоленском Дементий сумел отличиться — «на бою» взял в плен поляка Богдана Шелковского и какого-то «немчина», но сам при этом был ранен. С тем же князем Троекуровым оборонял порубежный «Иважский острог», где «на бою бился, мужика убил» и получил новое ранение⁸.

Летом 1615 г. под началом Дмитрия Пожарского Дементий сражался с лёгкой кавалерией польского полковника Александра Лисовского, известного своими летучими разбойными нападениями на русские города и сёла. В июне принял участие в сражении с «лисовчиками» недалеко от Карачева, где также отличился — «на бою мужика убил»⁹.

В июле 1618 г. в составе небольшого гарнизона новгород-северского воеводы Фёдора Вольнского оборонял Можайск от

приступов войск королевича Владислава, после чего был послан с атаманом Богданом Износковым «под литовский город Любич», где также «на бою мужика убил»¹⁰.

В октябре 1617 г. Дементий вновь сражался против поляков и литвы в войске Д. Пожарского, посланного на помощь Калуге, осаждённой войском Владислава. Затем служил в Боровске и с отрядом Ивана Филатова какое-то время находился в Баранове (Барановичи?)¹¹.

Ему также довелось участвовать в освобождении городов Русского Севера от многочисленных шаек «воровских людей», занимавшихся разбоем. В 1618 г., находясь в отряде под началом князя Григория Тюфякина, Дементий с казаками, по его словам, «на железном борку» под Устюжной «литву на голову побили»¹².

По окончании войны с польским королём Д. Злобин вновь отправился на Дон и «гулял там полпять года». В 1620 г. он снова со станицей Н. Шелудяка по не указанной им причине «отъехал к Москве», за что, по его словам, был сослан в Сибирь — в Тобольск¹³. Подлинной причиной его ссылки, очевидно, стало стремление правительства поставить под контроль отряды вольного казачества, сыгравшего большую роль в событиях Смуты, и освободить Москву от наиболее беспокойных активных элементов.

В правление тобольского воеводы-реформатора Ю. Сулешева (1623–1625 гг.) Д. Злобин нёс службу конным казаком в «литовском» списке у бывшего польского военнопленного ротмистра Станислава Бартоша с окладом 8 руб.¹⁴ Сохранилось указание, что во время служебной «посылки» его в Томск летом 1627 г. он приобрёл у калмыков коня «гнед, грива налево, правое ухо порото» и уплатил пошлину 3 алтына 2 денги¹⁵.

Относительно мирная служба в главном разрядном городе Сибири, не подвергавшемся вражеским нашествиям, очевидно, не прельщала бывшего донского казака, привыкшего к дальним, опасным военным походам и немалым испытаниям, с ними связанным. Когда начался набор на службу на Енисей, в гарнизон возведённого острога в Качинской земле, Дементий оказался в отряде дворянина А. Ф. Акинфова, назначенного туда воеводой, и прибыл с ним на место назначения уже в чине атамана конных казаков. С. В. Бахрушин ошибочно считает, что он прибыл вместе с дворянином А. Дубенским и участвовал в возведении острога на Красном Яру летом 1628 г.¹⁶ В 1635 г., находясь на

службе при воеводе М. Карамышеве, Д. Злобин значился первым атаманом конных казаков красноярского гарнизона с окладом 13 руб., 10 четей ржи и овса «тож»¹⁷.

Новая служба бывшего донского казака на Енисее в Красном Яру, возникшем на крайнем восточном рубеже русской колонизации Сибири, была сопряжена с постоянной военной опасностью и угрозами, исходящими от енисейских киргизов, тубинцев, бурят и зависимых от них качинцев, аринцев и других малых коренных народов, постоянно колеблющихся в сторону более сильных правителей. К этому добавлялись и большие трудности, обусловленные начальным этапом освоения края первыми русскими поселенцами.

В первое десятилетие существования нового острога небольшому гарнизону пришлось выдержать восемь набегов и три осады киргизскими, тубинскими и другими «воинскими людьми». Отражение нападений хорошо организованных и оснащённых кочевников осложнялось и затруднялось во многом неопределённостью статуса Красноярского острога, целесообразность существования которого енисейские воеводы поставили под сомнение, а также выводом большей части казаков в Енисейск, нехваткой продовольствия, вооружения и боеприпасов у оставшихся защитников.

Суровые условия и тяжёлое материальное положение служилых людей в первые годы проживания в новом остроге даже толкнули их на отчаянные шаги. Как уже упоминалось, из-за возникшего голода казаки совершили убийство стрелецкого атамана Ивана Кольцова, не сумевшего обеспечить казаков провиантом, ограбили русских торговых и промышленных людей и пытались ворваться в Енисейский острог с угрозой убить воеводу В. Аргамасова, которого они считали виновником всех их бедствий.

Атаману Злобину вместе с воеводой Архипом Акинфовым пришлось приложить немало усилий по успокоению разъярённых казаков и решению их жизненно важных вопросов. 7 октября 1630 г. атаман с казаками подал челобитную воеводе с просьбой отпустить их за «хлебными запасами» в Енисейск, чтобы им в Красноярске «голодную смертью не умереть»¹⁸. Получив согласие, он не без труда сумел добиться выдачи хлеба в Енисейске, также испытывавшем большие трудности в продовольственном

снабжении, и доставить его в новый острог. Укажем по этому поводу, что в 1636 г. красноярские казаки, чтобы получить положенное им хлебное жалование, «отбили» ослопами от амбаров в Енисейске следовавших на р. Лену томских казаков, которые также остро нуждались в хлебном довольствии¹⁹.

Источники сохранили немало сведений об интенсивной военной и административной деятельности атамана, наполненной разными событиями, в сибирский период жизни: участие в походах на многочисленных «воинских людей», отражение их набегов, отстаивание интересов и насущных потребностей служилых людей. В решении многих жизненно важных вопросов наглядно проявился его военный опыт и навыки, приобретённые в годы Смуты, организаторские способности и умение достигать поставленной цели.

В первые годы существования острога действия казаков сотни Злобина направлялись на его «оберегательство», защиту небольшой территории от натисков кочевников и разведку новых районов ясачного сбора. Наряду с успешной обороной острога ратные люди переходили к более решительным ответным действиям, направленным против агрессивных «неприятельских людей» и на усмирение ясачных «непослушников». В ответ на убийство посланных за ясаком в горную Саянскую землю трёх служилых людей 10 февраля 1630 г. отряд Д. Злобина хитростью захватил и доставил в Красноярск многих людей тубинского князя Кояна, в том числе и его сына, которые после попытки совершить побег были повешены²⁰.

В августе 1630 г. атаман был направлен с отрядом на тубинского князя Ижиня, совершившего набег под Красный Яр и отогнавшего 30 лошадей у служилых людей. Казачий отряд Д. Злобина спешно поднялся на судах вверх по Енисею за уходящим неприятелем и дал ему бой. Через пять дней служилые люди подошли к Саянской «землице», где в двухдневном сражении учинили «шкоту болшую» объединённым силам киргизов, моторцев и саянцев и сорвали предполагавшийся ими поход на Томск²¹. Отряд также погромил улус Ижиня и взял в плен жену князя с двумя сыновьями и двумя дочерьми. Позже томские воеводы, чтобы не обострять отношений с киргизами, велели отпустить пленников, чем вызвали немалое недовольство красноярских служилых людей²².

В последующие годы сотня Д. Злобина ежегодно совершала походы в неподвластные русскому царю «новые землицы» с целью приведения их «под высокую государеву руку». В 1631 г. Злобин был послан с отрядом «в киргизы» и в Котовскую «землицу», расположенную к востоку от Красноярска на р. Кан. Её коренное население платило ясак бурятам, где, по его словам, «многих татар побили, а иных в острог привели». В следующем году его сотня ходила в верховья Енисея в Маторскую и Тубинскую земли на «государевых изменников войною», которых также «побили, а иных в острог привели»²³.

2 июня 1633 г. Д. Злобин с войском ходил в удалённую и наиболее многолюдную «Брацкую землю», расположенную в бассейне р. Уды и большей частью находившуюся под властью Енисейска. На р. Бирюсе Д. Злобин объясачил улус князя Учека, затем последовал до р. Оши, где попытался обратить в царское подданство братского князя Коралдая. Князец «учинился непослушен», вступил в бой с русскими служилыми и был «побит на голову»²⁴.

Активные действия красноярцев по приведению местных народов в русское подданство вызвали сильное противодействие киргизских и тубинских владетелей, поддержанных северными монголами. 11 августа 1634 г. киргизы, «собрався со многими землицами мунгалы и тубинцы и моторы и кашинцы» общей численностью до тысячи человек, неожиданно явились под Красноярский острог. Они «побили» 12 казаков, 4 «опальных литовцев» и русских, 30 пашенных крестьян и 49 ясачных людей, занятых на пашнях, сенокосах и рыбных ловлях. Киргизы сожгли сжатый хлеб и сено, вытоптали посева, захватили немало скота. Четыре дня киргизское войско осаждало острог, в котором было всего 120 казаков. Несмотря на большое превосходство врага, защитники Красноярска «острог и слободы уберegli». Посланный за киргизами отряд Злобина гнался за ними до р. Июса, где сумел отбить 50 лошадей²⁵.

16 и 25 октября 1634 г. киргизы вновь повторили свой набег и сумели отогнать у жителей конные табуны и рогатый скот «без остатку». Одновременно нападением киргизов подверглись окрестности Кузнецка и Томска, что свидетельствовало о спланированных и скоординированных действиях кочевников.

В сентябре 1635 г. киргизы вновь совершили набег на острог и отогнали 143 лошади, принадлежавшие пашенным крестьянам и служилым людям. В результате сотня Д. Злобина лишилась своего конского состава и вынуждена была приобретать лошадей у местных народов «дорогой ценой»²⁶.

Нападения киргизов продолжались и в последующее десятилетие. Весной 1640 г. киргизы сожгли возведённый красноярцами Канский острожек, где убили 10 годовальщиков, и вновь приступили к Красноярскому острогу. В деревне Ясауловой, расположенной под Красноярском, они убили четверых служилых людей и пятерых пашенных крестьян, отогнали от острога коней и коров. Посланный в погоню отряд служилых (40 человек) настиг и отбил отгонный скот, но кочевники сумели вновь безнаказанно скрыться²⁷.

После восстановления Канского острога Д. Злобин с атаманом Милославом Кольцовым возглавили поход на котовских людей, кочующих по р. Бирюсе. 13 декабря 1640 г. казаки настигли котовцев «на Камне речке» и нанесли им поражение²⁸.

Атаман пользовался большим авторитетом в гарнизоне и принимал участие во многих коллективных челобитных, инициированных «войском», и не без успеха отстаивал интересы своей военной корпорации. В 1634 г. вместе с казаками своей сотни он подал челобитную о невзимании таможенных пошлин со служилых людей при покупке лошадей взамен угнанных у них киргизами. В 1636 г. бил челом от всего гарнизона о «прибавке» служилых людей для обороны города и уезда и получил вскоре пополнение. В 1640 г. служилые люди во главе с атаманом жаловались на отсутствие у них доспехов и удобного для конного боя огнестрельного оружия (карабинов)²⁹. В 1643 г. подал с войском «изветную» челобитную на прежних красноярских воевод Ф.М. Мякинина и А.П. Баскакова, обвиняя их в неправомерном «поверстании» в службу ссыльных людей. В результате по распоряжению Сибирского приказа указанные ими люди были выведены из состава войска и повёрстаны в крестьяне³⁰.

В начале 1640-х Злобин был отставлен от атаманства воеводой А.П. Баскаковым за какую-то провинность. По словам воеводы, «казнил без твоего государева ведома в съезжей избе на твоём государеве ящике атаман Дементий Злобин с товари-

щи и лежал на смертном одре беспамятен»³¹. В защиту своего атамана выступило всё красноярское войско, подавшее коллективную челобитную на имя царя. К челобитной был приложен послужной список атамана с перечислением удачных походов, проведённых под его руководством. В нём утверждалось, что Дементий был лишён атаманства Баскаковым «по недружбе... не за вину и не за дело» и что «отставленному, государь, атаману твои государевы службы в обычай и со службу ево со всякую будет». При этом ратные люди заявили, что они отказываются служить с новым атаманом, назначенным воеводой вместо Дементия. В Сибирском приказе пошли навстречу войску, в 1647 г. ему было возвращено атаманство³².

Последнее упоминание о выполнении атаманом своих служебных обязанностей относится к 1653 г. 18 июля он с группой казаков отвозил воеводскую отписку в Енисейск, оттуда должен был привезти 775 руб. «недостального» жалования красноярским служилым людям³³.

Д. Злобин получал значительное денежное и хлебное жалование, которое повышалось в зависимости от его служебных заслуг. За успешное выполнение обязанностей в 1634 г. ему было прибавлено к окладу 5 руб. и 2 чети ржи, круп и толокна. В 1637 г. его оклад составлял 18 руб., 11 четей ржи, 5 четей круп и толокна, в 1638 г. — 18 руб., 18 четей ржи, 5 четей круп и толокна³⁴. Как и другие начальные люди, атаман успешно занимался земледелием. В 1637 г. он держал заимку с 40 десятинами земли, находившуюся рядом с пашней атамана Р. Кольцова на р. Берёзовке и получившую название — Атаманская. В его хозяйстве использовался труд «новокрещёных» людей «калмышкой породы»³⁵.

Атаман имел семью: сына Михаила и дочь, которую в 1653 г. выдал замуж за сына боярского М. Ярлыкова; при этом пытался дать в приданное крещёного «иноземца» Василия Емельянова, повёрстанного в казачью службу, но получил на то запрет со стороны Сибирского приказа³⁶. В 1657 г. Дементий был отставлен «по старости», на место атамана по его просьбе был повёрстан сын Михаил³⁷.

Михаил Деменьев Злобин во многом продолжил службу своего отца, в 1662, 1665 и 1689 гг. его оклад составлял 18 руб., 5 четей ржи, 5 четей овса, 2 пуда соли³⁸. В 1671 г. он проживал

в деревне на р. Берёзовке вблизи Введенского монастыря с сыном Иваном и двумя купленными «мунгальскими новокрещенами»³⁹. Как и его отцу и другим родственникам, Михаилу пришлось вести напряжённую борьбу с енисейскими киргизами, тубинцами и стоявшими за ними джунгарами.

Летом 1666 г. вместе с сыном боярским Степаном Коловским и атаманом Родионом Кольцовым Михаил Злобин был послан в погоню за «войнолюбивым», по выражению С. В. Бахрушина, киргизским князем Ереняком, который «погромил» Удинский острог и обьясаченных уже русскими «корчунских» бурят. Их войско не сумело настичь кочевников и «погромить» их, но отряд сына боярского С. Коловского, посланный вслед, захватил 8 киргизских языков и 106 тубинских пленников вместе с рогатым скотом, однако Ереняку всё же удалось уйти от преследователей⁴⁰.

В следующем году сотне Михаила Злобина вместе с гарнизоном пришлось выдержать длительную тяжёлую осаду Красноярска от большого джунгаро-киргизского войска. С 13 мая в течение семи недель калмыки осаждали острог и окрестные укрепленные поселения. В ходе осады погибло 138 служилых людей (почти половина гарнизона), 25 пашенных крестьян, 20 подгородных ясачных татар, 23 человека из казачьих детей и гулящих людей, отогнан весь рогатый скот, вытоптаны посевы, потеряны многие плательщики ясака⁴¹. Чтобы восстановить контроль над утраченной ясачной территорией, 29 июня 1670 г. воевода А. Сумароков направил М. Злобина с 50 служилыми людьми в Канскую «землицу», где они собрали небольшой ясак и получили сведения о междоусобице в «Мунгальской земле» и убийстве их правителя тайши Сенге, враждебно настроенного к русским⁴².

В 1679 г. большой киргизский отряд вновь вторгся в пределы Красноярского уезда и осадил острог. Во время осады М. Злобин со своим человеком И. Романовым, по словам воеводы Д. Загряжского, «был на вылазках», «бился явственно, мужика убил»⁴³. В 1680 г. сотня Злобина в составе объединённых сил служилых людей под руководством томских детей боярских Романа Старкова и Ивана Гречанинова приняла участие в походе «в киргизы», где в сражениях с киргизами отличился его холоп — некрещёный татарин⁴⁴.

В 1686 г. М. Злобин, будучи приказчиком Удинского острога, посылал служилых людей за ясаком в Саянскую и Еундинскую «землицы». По-видимому, его служба «на приказе» не была во всём успешной и «прибыльной», в 1690/1691 г. был учинён сыск о недоборе им ясака. По данным Н. Н. Оглоблина, Дементий собирал его «позно — не против прошлых лет», в связи с этим велено было «доправить» на нём⁴⁵.

В источниках сохранились отдельные сведения о его хозяйственных занятиях. М. Злобин, очевидно, унаследовал землю своего отца в деревне на р. Берёзовке вблизи Введенского монастыря, где успешно занимался земледелием. В 1693 г. с его заимки киргизы угнали 137 лошадей, принадлежавших, по-видимому, не только ему, но и служилым людям его сотни⁴⁶.

Как и другие начальные лица, Михаил занимался торговлей, в том числе и нелегальным обменом. Несмотря на строгие запреты продажи оружия «иноземцам», атаман был замешан в торговле огнестрельным оружием и другими заповедными товарами. Низложенный восставшими, воевода А. Башковский обвинил его и сына боярского К. Самсонова в продаже 20 «ружей винтовальных» в Канскую и Камасинскую землю. Известно также, что, находясь на приказе в Удинском остроге, он посылал сына Никиту торговать толоком и запретным табаком в ясачные волости⁴⁷.

Как и его отец, Михаил пользовался авторитетом в служилой среде. В 1685 г. они с сыном боярским Григорием Ермолаевым и пятидесятником Петром Муруевым призывали служилых и посадских людей совместно («друг за друга стоять») выступить против ненавистного воеводы Г. И. Шишкова. Атаман также отстаивал ведомственную независимость Красноярска от разрядного Енисейска, обосновывая это необходимостью «немешкотно» решать военные вопросы в отношении «неприятельских людей»⁴⁸. Вскоре указом Сибирского приказа Красноярск получил право самостоятельно осуществлять военные действия, уже не согласовывая их с Енисейском.

В ходе «смуты» 1695–1697 гг. восставшие красноярцы выбрали его в орган городского самоуправления — в «судейские» и привлекли к составлению «градской» челобитной на свергнутого воеводу. В доме М. Злобина обсуждались планы действий восставших и тактика в отношении прибывшего нового воеводы

С.И. Дурново. В восстании принял активное участие его сын Иван Михайлов Злобин (1661 г.).

Последний начинал службу в Красноярском остроге десятником конных казаков, завершил службу сыном боярским⁴⁹. В источниках сохранились отдельные сведения о его службе. В 1682 г. И. Злобин «бился явственно» со своей десяткой в вылазках против киргизов, осаждавших город. В этом же году участвовал в походе И. Суворова в «Киргизскую степь» (территория современной Хакасии), где в сражении с киргизами был ранен в правую руку из пищали⁵⁰.

В 1689 г. он упоминается уже как сын боярский, 1 августа с Ф. Ивановым докладывали в иркутской приказной избе воеводе Л. Кислянскому «вести», предназначенные чрезвычайному послу в Китай окольник Ф.А. Головину. Они сообщили воеводе о приходе в Красноярск посланцев от монгольского кутухты Кегеня с просьбой о принятии его в российское подданство и о событиях, произошедших в улусах калмыцкого правителя Галдана Бошокту-хана⁵¹.

26 января 1704 г. вместе с сыном боярским И. Садовским И. Злобин был послан «в киргизы» разведать о положении дел в Киргизской земле после угона значительной части енисейских киргизов в Джунгарию. 7 апреля разведчики вернулись в Красноярск и доложили, что взяли ясак с бывших киргизских кыштымов и определили примерную численность оставшихся в Киргизской земле улусных людей⁵².

В литературе сохранились сведения об усадьбе и хозяйстве И. Злобина, жившего близ деревни Овсянкиной вверх по Енисею по Заречной дороге. В его усадьбе находились изба на подклете, амбар, баня. Ему также принадлежала мельница на р. Слижневой. Из скота имелось 2 коня, кобыла, 4 коровы, 2 телёнка, 2 свиньи. В хозяйстве работали, кроме хозяина и сына, несколько новокрещённых холопов: взрослый «калмык» и две «девки», 10 и 15 лет. В стороне от усадьбы на р. Берёзовке имелась «отъезжая» пашня, где сеяли рожь-ярицу, ячмень, овёс и пшеницу⁵³. Был женат (1689 г.), имел сына Прохора.

Как было уже указано, И. Злобин являлся одним из активных участников красноярской «смуты», выполнял различные поручения восставших. В 1695 г. был послан руководителями восстания с донесением к своему отцу Михаилу, в 1697 г.

участвовал в совещании восставших в доме отца. По доносу последнего был арестован, но сумел бежать из тюрьмы, за участие в «смуте», как и другие казаки, не понёс никакого наказания⁵⁴.

Иван владел грамотой, занимался сбором лекарственных растений и, очевидно, врачеванием. При обыске в его имуществе были найдены в 5 узлах лекарственные травы и привозные вещи (змеиная кожа, две медные фигурки калмыцких шайтанов и др.), а также «псалтырь учебная старая»⁵⁵. Небезынтересно, что среди служилых людей в Сибири этого периода было уже немало знатоков лекарственных растений — «травников», именуемых «помясами». Известный исследователь животного и растительного мира Сибири В.Н. Скалон особо отметил якутского казачьего пятидесятника, приказчика Охотского острога Семёна Епишева, выявившего и описавшего в 1674 г. 20 видов лекарственных трав и их лечебное действие в Якутской земле и Охотском побережье⁵⁶.

Таким образом, атаман Дементий Злобин являлся одним из ярких представителей вольного казачества, принявших активное участие в преодолении глубокого социально-политического кризиса, охватившего страну в годы Смуты. Находясь в составе народного ополчения и правительственных сил, он успешно сражался с войсками самозванцев, отрядами польско-литовских и других «воровских людей». Благодаря полученному военному опыту и командным качествам, Злобин за короткий срок прошёл путь от рядового донского казака до влиятельного сибирского атамана. Во время несения службы в Сибири атаман являлся руководителем многих походов служилых людей на воинственных кочевников, открывал «новые земли», активно отстаивал интересы служилого мира, занимался хозяйственной деятельностью. Потомки атамана во многом продолжили его службу и внесли свой вклад в процесс вхождения новых земель в состав Русского государства и освоения южной части Средней Сибири.

¹ ДАИ. Т. 4. [1654–1664]. СПб., 1851. С. 178–183.

³ Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 71.

² Там же. С. 181.

⁴ ДАИ. Т. 4. С. 181.

⁵ Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 5. Т. 9–10. М., 1990. С. 21.

⁶ ДАИ. Т. 4. С. 181.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 182; Соловьёв С.М. Указ. соч. С. 32.

¹⁰ ДАИ. Т. 4. С. 181; Соловьёв С.М. Указ. соч. С. 101.

¹¹ ДАИ. Т. 4. С. 182.

¹² Там же; Станиславский А.Л. Гражданская война в России... С. 156, 174.

¹³ ДАИ. Т. 4. С. 181.

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 14. Л. 83.

¹⁵ Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 2. Туринск, Кузнецк и Томск. Новосибирск, 1999. С. 113.

¹⁶ ДАИ. Т. 4. С. 182; Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 41, 71.

¹⁷ Барахович П.Н. Служилое население... С. 89.

¹⁸ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 23–24.

¹⁹ Барахович П.Н. Указ. соч. С. 255–256.

²⁰ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 67.

²¹ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 44.

²² ДАИ. Т. 4. С. 179; Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 71; Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 3. Ч. 1. С. 201.

²³ ДАИ. Т. 4. С. 179.

²⁴ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. IV. С. 42; Барахович П.Н. Указ. соч. С. 168–169.

²⁵ Александров В.А. Указ. соч. С. 46; Барахович П.Н. Указ. соч. С. 169–170.

²⁶ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 72; Александров В.А. Указ. соч. С. 46; Барахович П.Н. Указ. соч. С. 171.

²⁷ Александров В.А. Указ. соч. С. 50; Барахович П.Н. Указ. соч. С. 174.

²⁸ Александров В.А. Указ. соч. С. 50.

²⁹ Там же. С. 46–47.

³⁰ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 90.

³¹ Там же. С. 95.

³² Там же.

³³ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 624–625.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 70. Л. 119, 201.

³⁵ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 143–144.

³⁶ Там же. С. 145.

³⁷ ДАИ. Т. 4. С. 183.

³⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 438. Л. 313; Кн. 479. Л. 752; Кн. 902. Л. 217.

³⁹ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 218.

⁴⁰ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 3. Ч. 2. С. 209.

⁴¹ Барахович П.Н. Указ. соч. С. 187–188.

⁴² Там же. С. 189–190.

⁴³ РГАДА. Ф. 214. Стб. 715/716. Л. 45.

⁴⁴ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 68.

⁴⁵ Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов. М., 2000. С. 73; Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов Сибирского приказа. (1592–1768 гг.) Ч. 1. Документы воеводского управления. М., 1895. С. 209.

⁴⁶ Александров В.А. Русское население... С. 57.

⁴⁷ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. IV. С. 132.

⁴⁸ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 293.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 902. Л. 218.

⁵⁰ Там же. Ф. 214. Стб. 715/716. Л. 45.

⁵¹ Сборник документов по истории Бурятии... С. 359; Русско-монгольские отношения. 1685–1691... С. 222–223.

⁵² Арзыматов А.И. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII — первой половине XVIII в. Фрунзе, 1966. С. 73; Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. III. Ч. 2. С. 223.

⁵³ Город у Красного яра: Документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII вв. Красноярск, 1981. С. 45; Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 78, 140, 145.

⁵⁴ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 186.

⁵⁵ Там же. С. 97.

⁵⁶ Скалон В.Н. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. Новосибирск, 2004. С. 114–117.

Поход на «большое море океан» Дмитрия Копылова

Имя известного землепроходца, томского атамана Дмитрия Епифановича Копылова широко известно исследователям истории Сибири. Однако имеющиеся в литературе и источниках сведения о его службе и деятельности ограничены лишь руководством похода его соратника Ивана Москвитина к берегам Тихого океана. Другие достижения и заслуги Дмитрия Копылова носят весьма отрывочный и фрагментарный характер. Сведение воедино разрозненных данных, содержащихся в различных источниках, позволяет составить более полное и целостное представление о его жизненном пути, несении служб, семейном окружении и общем вкладе в процесс начального освоения Сибири.

Дмитрий Копылов, как и многие старожилы-первопоселенцы Томского города, происходил из потомственной служилой среды. По слову его сына Григория Дмитриевича Копылова, заявленному на «разборе» 1680 г., его отец и дед служили в Тобольске, затем отец Дмитрия Копылова пришёл в Томск «в молодых годах», где стал атаманом пеших казаков, и за ясачный сбор был пожалован в Москве в дети боярские¹. Его родственник Василий Копылов представил несколько иную версию. На этом же «разборе» он заявил, что дед родом с Москвы, в Томске служил в детях боярских, отец и он родились в Томске, где Василий был повёрстан в дети боярские вместо деда по указу государя².

Эти сведения подтверждаются и дополняются другими источниками. Будущий атаман впервые упоминается в Томске в 1621 г. как рядовой конный казак. В этом году он с группой товарищей отвозил отписку томских воевод князя И. Шеховского и М. Радилова в Тобольск разрядному воеводе боярину М. Годунову. В ней сообщалось о проведывании томичами пути на Ямыш-озеро, о посольстве к тайше «чёрных калмыков» Мангуту и невозможности посылки за солью ввиду враждебных действий Алтын-хана с джунгарами по отношению к русским служилым людям³.

В 1625/1626 г. Дмитрий Копылов упоминается как десятник конных казаков с окладом 7 руб. 25 алтын, 6 четей с осминой

муки, по чети круп и толокна, женат⁴. В томской таможенной книге за 1627 г. имеется запись о покупке им 25 июня лошади «гнеду, грива направо» за 5 руб.⁵ В 1630 г. он уже пятидесятник, с окладом 7 руб. 25 алтын⁶. В 1634 г. был назначен атаманом, его хлебный оклад в 1637 г. составлял 10 четей ржи, 4 чети овса. В 1653 г. значился в окладной книге как сын боярский с окладом 10 руб., 10 четей овса, служил с пашни⁷. Такой успешный карьерный рост был связан с немалыми заслугами Копылова в деле обосащивания новых территорий, возведения новых острогов и участия в посольских миссиях к правителям тюркских и монгольских народов.

В середине июля 1633 г. атаман Д. Копылов был послан с 50 служилыми людьми в «новой» Братский острог с наказом приведения братских людей «лаской и приветом» к послушанию. Но отряд, по мнению Г. Миллера, прибыл в Енисейск с опозданием, и из-за «осеннего времени» поход в Братский острог не состоялся, а служилые люди были возвращены домой⁸. Однако более весомой причиной, очевидно, явилось противодействие томичам енисейских властей, которые, как показывает сибирская ясачная практика, нередко стремились не допустить конкурентов в богатые пушиной районы.

31 января 1636 г. Д. Копылову было выдано денежное жалование на два года с предписанием совершить поход в Якутскую землю на р. Лену и Вилюю для основания острога и приведения «тамошних людей» в русское подданство. По-видимому, наряду со сбором ясака атаман получил указание разведать и наличие серебряной руды, сведения о которой были известны ещё в 1620-е гг. В его распоряжение были предоставлены 50 служилых людей, которые должны были получить для несения службы «хлебные и соляные запасы» в Енисейске⁹.

10 марта 1636 г. отряд прибыл в Енисейск, где предъявил отписку томских воевод о выдаче его людям хлебных и соляных окладов на полтора года в размере 493 четей ржаной муки, 120 четей круп и толокна, 2 четей овсяной муки, 103 пудов соли. Но целовальники, поддержанные красноярскими служилыми людьми, прибывшими в Енисейск также за хлебом, отказались выполнять распоряжение воеводы П. Соковникова. Красноярские казаки, вооружившись ослопами, «от амбаров Копылова с его людьми отбили прочь». Возникший конфликт разрешился

всё же в пользу отряда томичей, но впоследствии Москва указала томским воеводам снаряжать новые экспедиции исходя из своих запасов¹⁰.

По воеводскому наказу отрядом Копылова было основано выше устья р. Май на р. Янде первое Бутальское зимовье, где атаман стал объяснять местных тунгусов и зиланских якутов¹¹. В «зиланских улусах» отряд Копылова, по преувеличенному, очевидно, данным Г. Миллера, захватил у якутов богатую добычу — 300 лошадей и 300 голов рогатого скота. Однако воспользоваться столь большим «погромным животом» казакам не удалось. Поскольку поход на якутов не был согласован с местными воеводами, то на почве соперничества за ясачные угодья у Д. Копылова произошло вооружённое столкновение с отрядом енисейского сына боярского П. Ходырева, завершившееся победой последнего. Отряд Ходырева пленил 15 томичей, изъяв у них скот и снаряжение.

Причину конфликта между енисейскими и томскими служилыми людьми каждая из сторон трактовала по-своему. По свидетельству Ходырева, люди Копылова многих ясачных людей, которые раньше платили ясак в Ленский острог, «повоевали» и «их Сыланских и Батульских мужиков, лутчих людей, князцов побили, а жоны их и дети с собою в полон поимали, а скот де их и лошади и коровы к себе отогнали». Оправдывая свои действия, Ходырев сообщал, что когда он настиг часть отряда Копылова, то его казаки оказали вооружённое сопротивление — первыми начали стрелять и ранили четырёх его людей.

В свою очередь, пленённые томские казаки Фомка Фёдоров и Вторка Гаврилов представили свою версию о произошедшем конфликте. В расспросе в Енисейске казаки утверждали, что ходили они в новые земли и ясачных людей не воевали. Не отрицая факта захвата скота в якутских улусах, они заявили, что «неясачных людей не побивали, и жен и детей ни имывали ни одного человека» и сопротивления отряду Ходырева не оказывали¹². Одной из возможных причин конфликта, по мнению Г. Миллера, было то, что Копылов во время нахождения в Ленском остроге самовольно и «насилно» взял с собой в проводники тунгусского толмача¹³. Воеводским указом было велено вернуть скот прежним владельцам, а захваченных казаков вернуть Копылову¹⁴.

Во время несения службы в Бутальском остроге Д. Копылов получил сведения о наличии серебряной горы от взятого в аманаты в устье р. Янды тунгусского шамана Томконя. Шаман сообщил, что «есть де близко моря река Чиркол, а на той реке гора, а в ней серебряная руда, а около тое руды живут в орде сиделые многие люди... а ис той руды плавят серебро. А у тех сиделых людей во всех деревнях устроены пашни». Эти сведения подтвердили другие аманаты, которые утверждали, что на Чирколе нет городов и крепостей и путь туда доступен. Возможно, речь шла о р. Амур, ещё неизвестной и недостижимой для русских землепроходцев.

Руководствуясь полученными сведениями, Копылов принял решение отправить на поиски серебряной горы и для приискания новых «землиц» на «большое море окиан, по тунгусскому языку на ламу» часть своего отряда (31 человек) под началом пятидесятника И.Ю. Москвитина. Отряду поручено было разведать «про земли, которые сидят около серебряной горы и которые земли блиско моря, которые мочно привести под ево государеву высокую руку»¹⁵. Сам Копылов с небольшим отрядом остался в основанном им зимовье для сбора ясака и приведения тунгусов в русское подданство.

Экспедиция Москвитина поднялась до притока р. Май — Юдомы, перевалила через горы, достигла р. Ульи и спустилась по ней к Охотскому морю. В устье Ульи на берегу моря было поставлено зимовье, откуда на построенных казаками кочах было произведено обследование значительной части морского побережья. От местных приморских народов казаки получили новые сведения о серебряной горе Оджал и на одном коче достигли устья Амура¹⁶. Но, увидев там большое количество лодок нивхов, побоялись идти дальше из-за своей малочисленности и вернулись в Якутск¹⁷.

О трудностях несения службы «на Ламе» (Охотском побережье) и невыплате государева жалования сообщил участник экспедиции И. Москвина казак Афанасий Немчин. В своей челобитной на имя царя он утверждал, что служил «на Ламе три годы без твоего государева жалования, голод и нужду многую терпел, и душу, государь, свою грешную сквернил: сосну дерева и всякую поганую гадину ел»¹⁸.

Осенью 1639 г. Д. Копылова сменил в Бутальском зимовье сын боярский Остафий Михалевский, который принял у него

23 казаков и 4 пуда муки, после чего атаман вернулся на прежнюю службу в Томск.

За приискание новых земель Д. Копылов был назначен атаманом с повышением оклада, но служил по-прежнему без хлебного жалования, так как имел пашню, с которой получал 30 четей ржи, 17 четей овса, 12 четей ячменя, 4 чети пшеницы, в земельном обороте имелось также 27 десятин перелога¹⁹. Наличие такого значительного урожая может свидетельствовать о продаже им излишков хлеба на рынке и использовании наёмного труда, который нередко практиковался среди верхушки томского гарнизона.

В 1641 г. атаман был направлен на р. Сосновку для прииска свободной земли для заведения пашни, по возвращении заявил, что там крестьян из-за набегов калмыков «устроить немощно»²⁰. Спустя пятнадцать лет Копылов с сыном боярским Ю. Ядловским вновь ездил досматривать землю под десятинную пашню взамен «выпаханных земель». Дозорщики приискали в 40 верстах от Томска, за р. Сосновкой, около 1000 десятин «доброй земли», где вскоре «от калмаков и киргизцов... для обереганья от сполошного времени» служилыми людьми во главе с указанными лицами был возведён Сосновский острог с тремя башнями и крепостной стеной²¹.

В сохранившихся источниках отмечена причастность Д. Копылова к отдельным событиям, происходящим в Томске и в сибирском «войске» в целом, характеризующая его активную позицию в отстаивании насущных интересов служилого мира и осторожность в поведении по отношению к официальной власти и возникавшим общественным потрясениям.

В 1634 г. Д. Копылов извещал о грабеже Тобольской Софийской и архиепископской казны, а также «животов» (имущества) атамана Гаврилы Попова, находившихся в Маковском остроге, томскими казаками Ивашкой Гризовым «с товарищи». По словам воеводы О. Щербатого, казаки «взяли денег тысячу триста рублёв, оприч мяхкой и платья и иной кое-какой рухляди, и за то воровство ис тех казаков пущих воров велено повесить, а иным ворах наказанье чинить жестокое и грабежные животы на них все доправить»²².

В этом же году он судился по неизвестному поводу с женой томского пешего казака «из новоприборных людей» Клина Мед-

ведева²³. В 1635 г. будущий атаман подписался под челобитной служилых людей в Сибирский приказ о выдаче им панцирей для борьбы с хорошо оснащёнными воинственными кочевниками²⁴. В 1642 г., находясь в Москве с ясачной казной, был расспрошен в Сибирском приказе о «смуте», произошедшей в отряде Я. Тухачевского во время похода «в киргизы». Будучи хорошо информирован о тех бурных событиях, он тем не менее уклонился от ответа, заявив: «никто мол не знал о них»²⁵.

По-видимому, атаман лояльно относился к воеводской власти, пользовался её доверием и расположением, исполнял весьма ответственные поручения. Накануне томской «смуты» 1648–1649 гг. он вместе И. Москвитиным был вновь направлен с ясачной казной в Москву, откуда привёз в Томск денежную казну на огромную сумму — 2000 руб.²⁶

В ходе восстания в Томске атаман занимал двойственную позицию, меняющуюся в зависимости от изменения обстановки в городе. В начале восстания был сторонником второго воеводы И. Бунакова, но по мере размаха «смуты» отошёл от радикально настроенных элементов, за что был бит кнутом; в последующем занял нейтральную выжидательную тактику.

31 июля 1648 г. Д. Копылов был вызван в съезжую избу с прибывшим из Москвы дьяком Михаилом Ключарёвым. Они безуспешно пытались примирить враждующих воевод — О. Щербатого и И. Бунакова. 30 октября 1648 г. атаман, «боясь убойства», бежал со смотра войск, организованного Бунаковым, и отказался вместе с другими противниками воеводы подписать «запись» о его поддержке. Но под давлением восставших томичей он вынужден был выполнять их поручения. 17 мая 1649 г. решением служилого мира Копылова отправили на заставу на остров р. Томи, чтобы не пропустить людей воеводы Щербатого, направленных в Тобольск с его письмами о событиях томской «смуты». 31 июня 1649 г. атаман пять суток прятал от бунаковцев сына боярского Ивана Петрова²⁷.

Несмотря на то, что атаман не примкнул к повстанцам, среди служилых людей он пользовался немалым авторитетом и доверием. Его двор и имущество, в отличие от других начальных лиц, не были разграблены восставшими. Имя Д. Копылова не упоминалось ни в мирских челобитных, обличающих «ушников» томских воевод, погрязших в злоупотреблениях, ни в письмах

О. Щербатого, в свою очередь обвинявшего своих противников во многих прегрешениях. В силу этих обстоятельств он не был привлечён к следствию по делу о томском бунте и сохранил своё положение в городе после окончания «смуты».

Д. Копылов проявил себя не только умелым администратором и успешным землепроходцем, но и опытным дипломатом. С учётом знания им особенностей отношений и взаимодействия с коренными народами Сибири, его часто направляли в длительные командировки в «немирные земли» и привлекали к выполнению ответственных поручений в поездках с посольствами в государства монгольских правителей.

12 сентября 1630 г. он возил киргизским князьям «сукно красное изорочное» для раздачи им, вернулся 18 января²⁸. Очередной раз ездил к киргизам после 7 марта, вернулся 15 августа²⁹. 10 мая 1635 г. Д. Копылов вместе с Д. Семёновым, И. Якимовым, И. Ульяновым и красноярским служилым человеком В. Пеуновым был послан к тангутскому лабе Даин Мерген-Ланзе просить о содействии его в деле приведения енисейских киргиз «под высокую государеву руку» и для установления торговых связей с «Мунгальской землёй»³⁰. Посольская миссия хоть и не достигла договорённости в отношении подчинения киргизов, в целом завершилась успешно. 9 июня в Красноярск пришли 17 человек людей от лабы Даин Мерген-Ланзе и Алтын-хана и пригнали на продажу 100 лошадей, в которых остро нуждались местные служилые люди³¹. В последующие годы торговые связи русской Сибири с монгольскими государствами усилились, приобретая со временем всё более устойчивый взаимовыгодный характер.

Поездки с посольством к северным монголам совершались Копыловым и в последующие годы. Очевидно также, что его «послование» произвело хорошее впечатление на монгольских правителей. В 1650 г. Алтын-хан вновь просил послать к нему «для справки прежних посольств» томских детей боярских Д. Копылова, С. Гречанинова, П. Собанского³².

Большое беспокойство русским властям доставляли воинственные южные кочевники — телеуты. В июле 1658 г. Д. Копылов возглавил большое представительное посольство (11 человек) к телеутскому князю Коке Абакову. Русским послам удалось склонить князю Коку и Мачика к приёму шерти на верность русскому царю с обязательством быть «в вечном холопстве неотступно на-

веки», не совершать набеги на русские города и уезды, не чинить «обид» русским и ясачным людям. Телеутские правители также обещали вернуть томичам отнятых у предыдущих русских послов лошадей и свою помощь в объясачивании порубежных Саянской и Точинской волостей. В свою очередь, Д. Копылов сообщил о решении князьям направить в Москву своё посольство, которое вскоре состоялось, а также об отпуске «полонённого» ясыря и свободном торге телеутов с Кузнецком и Томском³³. В целом поездку Копылова в «калмыки» и посольство телеутов в Москву можно считать успехом русской дипломатии, благодаря которой был заключён первый союзный договор между сторонами и временно предотвращены набеги на русские владения.

Последние упоминания о Д. Копылове относятся к 1658 г., когда он расписался за себя и сына Григория под войсковой челобитной о злоупотреблениях ненавистного в городе подъячего Василия Чебучакова, в результате чего последний был смещён со своей должности³⁴. В именных книгах Томского гарнизона за 1660-е гг. его имя уже не значится.

До конца жизни атаман с большой семьёй жил в Томске. Его дворовое строение находилось в Береговом посаде р. Томи, входившем в состав Богоявленского прихода. В посаде проживали известные в Томске представители «служилой аристократии»: сыны боярские Прокофий и Василий Бубенные, Игнатий и Иван Ядловские, пятидесятник Фёдор Рудаков, подъячие Иван Тарасукин и Андрей Узков, дьякон Богоявленской церкви Дмитрий Петров и другие известные лица. Очевидно, его двор имел большие размеры и другие преимущества, поскольку в нём останавливались послы от Алтын-хана в 1634 г., пришедшие с Яковом Тухачевским. В 1639 г. его жилое строение было куплено казной за большую сумму — 50 руб., и взято под «житьё» присланному из Москвы дьяку Д. Жеребилову³⁵.

Д. Копылов имел трёх сыновей: Петра, Григория и Тимофея, продолживших его службу в качестве начальных людей и оставивших свой след в начальной истории Томска и Сибири в целом.

Пётр Дмитриев Копылов, очевидно, старший сын, был вёрстан в сыны боярские в 1639 г. вместо Бажена Карташова с окладом 13 руб. В июне 1646 г. в составе большой делегации (10 человек) он был направлен с посольством «в Киргизы» в верховья Енисея. В наказе ему было предписано привести местных

киргизских князцов Табуна, Бектеня, Иженея-Мергеня, Кенчибея, Талая, Кояна к «крепкой шерти», чтоб они «в государевы ясачные волости не выезжали» и государевых ясачных людей не грабили, и к себе в киргизы «не имали», и «в Томской город бы со всякими товары торговать приходили безопасно»³⁶. Кроме того, он должен был проведать вести о «воинских людях» в Киргизской земле и их намерениях в отношении русских поселенцев. Его миссия завершилась частичным успехом. Получив государево жалование: сукна, мёда и вино, киргизские князцы и лучшие люди принесли шерть на верность русскому государю, которая, впрочем, вскоре была нарушена и нападения на русские владения продолжились³⁷.

В ходе восстания 1648 г. в Томске Пётр с братом Тимофеем был советником воеводы князя О. Щербатого. По приказу воеводы вместе с братом «збивали» посадских и служилых людей с «калмыцкого торгу», т. е. монополизировали торговлю с калмыками в пользу воеводы, за что навлекли на себя недовольство восставших томичей, разграбивших их дворы³⁸.

Источники сохранили отдельные сведения о взрослом сыне Петра Копылова Фёдоре Петрове Копылове, который также служил в Томске сыном боярским. Он упоминается в именных книгах 1666 и 1672 гг. с окладом 11 руб., 11 четей ржи, 11 четей овса, 3 пуда соли, служил с пашни³⁹. В 1705 г. кроме пашенной заимки на р. Большой Куртук в межах с Григорием Старковым владел «птичьими путиками» — участком леса, богатого боровой дичью, за указанной речкой⁴⁰.

Второй сын Григорий Дмитриев Копылов, как и его братья, состоял в детях боярских. В ходе восстания в Томске был на стороне воеводы О. Щербатого, за что был бит вместе с другими его сторонниками восставшей толпой и посажен в тюрьму⁴¹. В 1664 г. он имел оклад 11 руб., 10 четей ржи, 6 четей овса, служил «с пашни»⁴².

Его сын Фёдор Григорьев Копылов имел заимку в межах с конным казаком Фадеем Бахметьевым, владел сельскохозяйственными угодьями — пашней в 4 десятины и сенокосом⁴³. В 1706 г. он упоминается среди служилых людей в томском гарнизоне как сын боярский⁴⁴.

Третий сын Д. Копылова — Тимофей Дмитриев Копылов — также служил сыном боярским. В ходе «смуты», как уже

сказано, был «советником» низложенного князя О. Щербатого. По его приказу «сбивал» томичей с «калмыцких торгов», выполнял другие воеводские непопулярные указания. 12 апреля 1648 г. был арестован и побит восставшими. При погроме его двора понёс убытков на 370 руб., двое его дворовых людей были убиты. Находясь в тюрьме, пытался безуспешно объявить за собой «государево дело». 13 июля его хотели бить кнутом на козлах, но в последний момент круг освободил его от наказания. После мая 1649 г. он сумел выкупиться из тюрьмы, был отправлен в Тобольск. Оттуда в конце ноября 1650 г. писал своим братьям о ходе проведения сыска над активными участниками восстания⁴⁵. В 1653 г. упоминается в Томске в прежнем чине с хлебным окладом 10 четей ржи, 4 чети овса, без пашни. Умер в 1654 г., в его место был повёрстан В.Я. Протопопов⁴⁶.

В томском «разборном списке» 1680 г. указан племянник Д. Копылова — сын боярский Василий Копылов. По его словам, он был вёрстан вместо своего деда. В 1664 и 1680 гг. служил с окладом 10 руб., 10 четей ржи, 10 четей овса, 2 пуда соли, имел пашню. Его сын Афанасий Васильев Копылов в 1706 г. также значился сыном боярским⁴⁷.

Таким образом, послужной список атамана Д. Копылова не ограничивался лишь походами в новые «землицы», основанием Бутальского зимовья и выходом его отряда к берегам Тихого океана. В служебной деятельности атамана большое место принадлежало поездкам с посольскими миссиями в монгольские государства и сибирские потестарные образования, сопровождавшиеся, как правило, определённым успехом.

Служба его потомков, как и многих других землепроходцев и первопоселенцев Сибири, отличалась также большим разнообразием. В ней тесно переплетались походы за ясаком и открытие новых «землиц» с другими административными и посольскими делами, участием в социальных движениях, хозяйственных занятиях и других сферах деятельности. Выполняемые Д. Копыловым и его потомками социальные функции соответствовали всем поведенческим стереотипам служилой среды, характерным для большинства русского старожильческого населения Сибири, внёсшего немалый вклад в её освоение и вхождение в состав Российского государства.

¹ Томск в XVII веке. Материалы для истории города... С. 39.

² Там же. С. 41.

³ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 313.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 454; Стб. 27. Л. 229. Томск в XVII веке... С. 31.

⁵ Таможенные книги сибирских городов... Вып. 2. С. 115.

⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 530. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 1 об.

⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1518. Л. 2 об.

⁸ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 50, 223; Окладников А.П. Очерки из истории... С. 70.

⁹ Актовые источники по истории России и Сибири... Т. 1. С. 13, 15.

¹⁰ Барахович П.Н. Служилое население... С. 255–266.

¹¹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 587; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 152.

¹² ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. №82. С. 232–234; Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 232–233.

¹³ Миллер Г.Ф. Т. 2. Указ. соч. Т. 2. С. 587; ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. №82. С. 232–234.

¹⁴ Миллер Г.Ф. Т. 2. Указ. соч. Т. 2. С. 78–79, 239, 587. Иванов ошибочно считает, что это трагическое событие произошло в сентябре 1640 г. См.: Иванов В.Н. Русские письменные источники по истории Якутии XVIII–XIX вв. Новосибирск, 1991. С. 58.

¹⁵ Курлаев Е.А., Манькова И.А. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири

в XVII в.: у истоков российской промышленной политики. М., 2005. С. 188–189.

¹⁶ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 79–80, 316–317; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 152.

¹⁷ Полевой Б.П. Первый русский поход на Тихий океан в 1639–1641 гг. в свете этнографических данных // Советская этнография. 1991. № 3. С. 58.

¹⁸ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 587.

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 70. Л. 147; Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского гос. ун-та им. В.В. Куйбышева. Т. 112. Серия историко-филологическая. Томск, 1950. С. 185.

²⁰ Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности). Томск, 1980. С. 83.

²¹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 630–631; Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Указ. соч. С. 235.

²² Покровский Н.Н. Томск, 1648–1649 гг. ... С. 357; Резун Д.Я. К изучению менталитета сибирских землепроходцев XVII в. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 109. Д.Я. Резун считает, что казаки после возвращения награбленного были наказаны, но не повешены, а продолжали нести свою службу. См. там же. С. 109–110.

²³ ГАТО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 4. Л. 14, 22.

²⁴ Томск в XVII в.: Материалы для истории города... С. 156.

²⁵ РГАДА. Ф. 214. Стб. 84. Л. 353, 355.

²⁶ Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 173–174.

²⁷ Чистякова Е.В. Томское восстание 1648 г. / Русское население Поморья и Сибири (эпоха феодализма). М., 1973. С. 87; Покровский Н.Н. Томск, 1648–1649 гг. ... С. 173, 250, 289, 312.

²⁸ ГАТО. Ф. 530. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 97 об.

²⁹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 268, 373–374.

³⁰ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 73, 495; Русско-монгольские отношения. 1636–1654... С. 266, 279.

³¹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 73, 161, 495, 497.

³² Русско-монгольские отношения. 1636–1654... С. 366–367.

³³ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг... Ч. 1. М., 1895; Уманский А.П. Телюты и русские... С. 101–102; Русско-монгольские отношения. 1654–1685... С. 452, 470.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Стб. 84. Л. 7–7 об.; Кн. 368. Л. 3.

³⁵ Люцидарская А.А. Старожилы Сибири... С. 21.

³⁶ Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 126.

³⁷ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг... Ч. 1. С. 215; Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Указ. соч. С. 126–128.

³⁸ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 222. В 1656 г. П. Копылов был с посольством в Киргизской земле. Оглоблин Н.Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 215.

³⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 479. Л. 97; Кн. 566. Л. 549 об.; Кн. 549. Л. 104 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 214. Кн. 1371. Л. 19.

⁴¹ Покровский Н.Н. Томск, 1648–1649 гг. ... С. 51, 53.

⁴² РГАДА. Ф. 214. Кн. 438. Л. 30. Кн. 466. Л. 111 об.

⁴³ Там же. Ф. 214. Кн. 1371. Л. 15 об.

⁴⁴ Там же. Ф. 214. Кн. 1452. Л. 15 об.

⁴⁵ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 222; Покровский Н.Н. Томск. 1648–1649 гг. ... С. 33, 56, 96, 108, 118, 123, 131, 240, 310, 347.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1518. Л. 4 об.; Кн. 368. Л. 3 об.

⁴⁷ Там же. Ф. 214. Кн. 1452. Л. 15 об.

Землепроходец, географ и «прибыльщик» Курбат Иванов

Имя сибирского землепроходца, тобольского сына боярского Курбата Афанасьева Иванова достаточно хорошо известно исследователям. Его вклад в развитие географической науки и составление первых карт Байкала, Охотского побережья, Чукотки и других территорий уже получил освещение в историко-географической литературе, в энциклопедических и других изданиях¹.

Но многие вопросы, связанные с его биографией, административной практикой и другой служебной деятельностью в «приискании» и первичном освоении «новых земель», остаются неизученными и недостаточно оценёнными. Практически неизвестны его происхождение, связи и сотрудничество с выдающимися первооткрывателями Сибири: С. Дежнёвым, Е. Хабаровым, Д. Копыловым, другими сибирскими землепроходцами, мореплавателями и первыми колонистами новых территорий. Сведение различных разрозненных документальных данных в единое целое позволяет составить более полное и целостное представление о службе К. Иванова в Сибири, воссоздать облик одного из наиболее активных участников российского колониального (землепроходческого) движения, выявить основные вехи его жизнедеятельности и, тем самым, внести определённый вклад в создание типологического портрета русского землепроходца.

Дата рождения, происхождение и начальный период жизни Курбата Иванова в Сибири скупо представлены в источниках. В «наказной памяти» якутского воеводы Василия Пушкина Томиле Ильину от 5 февраля 1645 г. он назван вычегжанином². Известно также, что до отправки его на службу в Енисейск он нес казачью службу в Тобольске и Берёзове, был грамотен. В 1647 г. в своей челобитной на имя царя он сообщал, что «всего, государь, моя служба ис Тобольска 12 лет...»³ Следовательно, он был направлен из Тобольска в другие сибирские города в 1635 г.

Известно также, что в 1639 г. К. Иванов исполнял обязанности целовальника на кружечном дворе в Енисейском остроге. Нахождение его в этой должности было непродолжительным

и завершилось для него курьёзным образом. При передаче им 94 вёдер «горячего вина» тобольской присылки новому целовальнику Ермаку Алексею была обнаружена недостача 6 вёдер. В своей объяснительной отписке К. Иванов сообщал, что то «недомерное вино» он принимал в Тобольске в новые сухие бочки «и того вина усохло» и зимой «морозами выжало 6 вёдр»⁴. Вряд ли такое объяснение устроило ревизоров, поскольку в последующий период жизни он не занимал уже эту должность.

Примечательно, что в этот период в Енисейске начинал службу будущий известный мореход и землепроходец, выходец из Устюжского уезда Семён Дежнёв⁵. Возможно, в Енисейске состоялось знакомство двух прославившихся позднее сибирских землепроходцев. В 1641 г., находясь на службе в Якутске, Семён Дежнёв вместе с К. Ивановым и другими казаками дал поручную запись служилым людям Фоме Федулову и Андрею Иванову. В 1666 г. вместе с С. Дежнёвым К. Иванов также ручался за промышленника Петра Михайлова Вятчанина о верстании его в казачью службу⁶. Как правило, поручительство осуществляли люди, хорошо знавшие не только опекаемое лицо, но и друг друга, поскольку они несли коллективную ответственность за поручаемого. И, как показали последующие события, знакомство между ними превратилось в подлинную дружбу и тесное сотрудничество, открывшее России и всему Западу новые неизведанные территории и пределы Северо-Востока Азиатского континента.

5 сентября 1641 г., будучи рядовым казаком в команде пятидесятника Василия Витезева, К. Иванов был направлен якутскими воеводами П. Головиным и М. Глебовым вверх по Лене для поиска под пашню «угожих мест». Им было обследовано всё течение Лены ниже Якутского острога, от Усть-Кута до самых верховьев, и составлено первое подробное описание («роспись») приленских территорий с указанием местонахождения поселений коренного населения⁷.

В октябре ледостав заставил казаков остановиться в устье р. Илги (Ильчи), где они поставили зимовье, ставшее вскоре первым Верхоленским острожком. Затем на нартах и лыжах они дошли до устья р. Куленги, где собрали ясак с тунгусов 94 соболя, но местные «братские люди» отказались признавать власть русского царя и оказали им «непослушание». От ко-

ренных народов и находившихся там русских промышленников К. Иванов получил сведения об истоках р. Лены, Ангары, Селенги, о Витиме и Шилке, а также Байкал-озере, острове Ольхоне, и о дороге в Китай⁸. По возвращении в зимовье им был составлен чертёж, куда он подробно нанёс все полученные им сведения о землях Прибайкалья и Забайкалья. 29 февраля 1641 г. чертёж о «новых землях» обширного Приленского края и его «роспись» были представлены воеводе П. Головину. Последний сразу оценил не столько географическую, сколько большую фискальную «прибыльную» значимость чертежа умелого и любознательного казака для хозяйственного освоения новых неведомых «землиц» с их богатыми природными ресурсами и путями сообщения. В росписи К. Иванова были показаны не только численность неясачного населения, наличие возможных «пашенных мест», «сенных покосов», озёра с «самосадной солью» с указанием их размеров, но и все реки на пути следования, расстояние между ними, в том числе возможность с р. Селенги попасть в Катайское государство (Китай), и другие важные и ценные сведения⁹.

Наряду с чертежом К. Иванов «с товарищи» подали воеводе челобитную о необходимости строительства постоянного форпоста с укреплениями в центре Братской земли, где «прилегли многие пашенные места и всякие уголья, рыбные и звериные», чтобы «и впредь та государева земля была пространна и прочна и стоятельна»¹⁰.

23 мая К. Иванов был отправлен в Москву, где наряду с пушминой им был представлен в Сибирский приказ выполненный им чертёж и описание новых земель, вызвавших у столичных приказных людей большой интерес.

Получив в Москве не выплаченное за несколько лет государственное жалование и, возможно, вознаграждение за чертёж, К. Иванов по возвращении домой продолжил свою изыскательскую «прибыльную» деятельность. В 1641–1642 гг. он провёл зимовку в низовьях Лены в Жиганском и Молотцком зимовьях, где составил другой чертёж, пополненный новыми деталями, полученными из рассказов промышленника М. А. Телицына и служилых людей, зимовавших в Жиганске и являвшихся участниками первого русского похода на Тихий океан. На его новом чертеже была показана не только «великая Лена с вершины и до устья», Бай-

кал со всеми «падучими», «сторонными» реками, но и Охотское побережье («море Ламу»), открытое землепроходцами И. Москвитинным и Д. Копыловым в 1638–1639 гг.¹¹

Заслуги К. Иванова в составлении карт новых земель и их подробном описании не остались незамеченными. За «радение» к государственной службе К. Иванов получил чин пятидесятника и в августе 1642 г. был послан приказчиком «на перемену» казачьего пятидесятника Мартына Васильева в недавно основанный Верхоленинский острог¹².

Оттуда весной 1643 г., объединившись с отрядом енисейского пятидесятника Василия Горемыкина, «последним зимним путём» он совершил поход на «братских людей икережей», отказавшихся платить ясак. В сражении 2 апреля «государевы изменники» были разбиты, взяты в плен князь Бобок (Болгок) и ясырь. 11 апреля, по словам К. Иванова, другие «братские люди икережи и булгадаи» осадили лагерь служилых людей, которые «поставили с ними бой». В ходе сражения К. Иванов совершил вылазку «у братских людей щиты отбили... и на приступе и в побегах многих побили...», а сам он получил ранение в левую руку¹³.

После их «погрома» К. Иванов, согласно его отписке, набрал для похода на Байкал на Усть-Куте добровольцев — «охочих промышленных и гулящих людей» 48 (человек), которые получили от Курбата «подъём на службу» в сумме 240 руб., 21 алтын. 21 июня сводный отряд служилых и охочих людей (74 человека) во главе с Курбатом отправился в свой знаменитый поход на Байкал и на о. Ольхон, сведения о которых он получил, ещё неся службу в Жиганске¹⁴. Укажем также, что знаменитая экспедиция С. Дежнёва в 1648 г. на р. Анадырь снаряжалась на его личные средства, и, по его словам, он «от морского розбою (гибели судов во время бури) обнищал и обдолжал великими некупными долгами»¹⁵.

Следует заметить, что проявленная инициатива и организация экспедиций в «новые земли» за свой счёт служилыми и промышленными людьми была нередкой практикой в колониальном движении Сибири. Это явление свидетельствует как о неоднозначной оценке роли различных социальных сил в присоединении Сибири, так и о сложном характере самого процесса, в котором тесно переплетались с самого начала государственное участие и частная инициатива. Отметим также,

что экспедиционные расходы не всегда с лихвой возмещались их организаторам, а походы в неизведанные земли всегда были полны тяжёлых испытаний и опасностей и нередко стоили их участникам жизни.

Путь отряда К. Иванова к Байкалу лежал через Верхоленский острог «степью» в сопровождении тунгусского князя Можеуля, который одним из первых принял власть «белого царя» и являлся проводником многих русских экспедиций. 2 июля отряд прибыл к Байкалу, где, построив судна, переплыл на о. Ольхон. Островные «братские люди», по словам Курбата, оказали им сопротивление: «поставили с нами бой, учали драться, сели в осаде каменю». В ходе боя они были «погромлены» и с них был взят первый ясак. После этого отряд разделился, половина вернулась с Курбатом в Верхоленский острог, другая часть во главе с Семейко Скороходом пошла на Верхнюю Ангару ниже Витима, где им было велено поставить зимовье и собирать ясак с тунгусов. Однако последним не повезло. Служилые люди погибли в ходе трёхнедельной осады тунгусами в зимовье на р. Баргузин, лишь 14 промышленников вернулись в Верхоленский острог¹⁶.

По возвращении домой 4 сентября 1643 г. К. Иванов составил новый чертёж Байкала и «падучим рекам и землицам», приложив к нему «расспросные речи» тунгусов и братских людей «про мугал и про Китайское государство и про иные землицы», которые были отправлены в Якутск. В сопроводительной отписке он сообщил также о необходимости посылки 100 человек для строительства острога на Байкале и неполучении жалования служилыми людьми за 1643/1644 г., в результате чего он и его люди, «нужу и голод терпели», «а в говейно (в пост) с мукой сосну мешали да ели»¹⁷.

В 1644/1645 г. К. Иванов нёс службу пятидесятником в Братском остроге, основанном енисейским атаманом землепроходцем Максимом Перфильевым ещё в 1631 г. в устье р. Оки. Острог неоднократно сжигался бурятскими князьями, но заново отстраивался и переносился на новое место. При К. Иванове в июне 1645 г. новый острог был поставлен за Ангарою «пониже Осы реки», описание его «острожного строения» не сохранилось¹⁸.

После завершения строительных работ К. Иванов с небольшим отрядом принял участие в походе на вассала могуще-

ственного братского князя Оилана — Тоглоя (Тайлая). Оилан и подвластные ему князцы в течение 20 лет оказывали упорное сопротивление русскому продвижению на юго-восток. Они постоянно вторгались в пределы русских владений, убивали русских ясачных сборщиков, угоняли лошадей, ясачных людей, и служилые люди испытывали от «братской войны» порухи немалые». Войско Оилана, насчитывающее до 500 хорошо вооружённых воинов, было разбито объединённым отрядом русских служилых людей на р. Оке. Оилан вынужден был дать шерть «навечно» русскому царю и обязался платить дань¹⁹.

Последующая служба К. Иванова была вновь связана с управлением Верхоленским острогом. 25 июня 1645 г. в отписке якутскому воеводе Василию Пушкину К. Иванов сообщал о прибытии его с 12 служилыми людьми и большой соболойной ясачной казной на Илимский волок. В ней имелось собранных с тунгусов: 20 сороков 17 соболей, 6 сороков 1 соболь; с братских людей: 8 соболей ясачного сбора и «поминошных», 5 ожерелий собольих пластинных, 66 соболей и пластин собольих «десятиного сбора». В отписке приказчик также указал на малолюдство в Верхоленском остроге (всего 27 человек), в связи с чем просил о присылке туда 100 конных казаков на постоянную службу. Он сообщил также о наличии пашенных мест и сенных покосов в Братской земле и о результатах своей административной прибыльной деятельности, благодаря которой, по его словам, та земля «пространится и пашенные крестьяна и всякие люди коньми и скотом обзавелись нашей службишкою»²⁰.

В начале июля 1646 г. в новой отписке якутским воеводам приказчик сообщал о переносе Верхоленского острога с р. Илги в более удобное место напротив устья р. Куленги. Острог представлял собой четырёхугольник, имевший в периметре 80 квадратных сажени (20 x 20), на углах стояли избы с нагороднями, нижним и верхним боем по 4 сажени, между ними была проезжая башня. Внутри острога была возведена часовня с иконами Спаса, Богородицы и Николая Чудотворца. Несколько позднее была построена Вознесенская церковь, выполненная в шатровом стиле. В 1660-е гг. Верхоленский острог был осаждён бурятами и сожжён, но вскоре заново отстроен на том же месте²¹. В отписке также было указано о необходимости увеличить его гарнизон и состояние хлебных посевов по р. Тутуре.

Наряду с этим приказчик не умолчал о конфликте, возникшем при возведении нового форпоста. По его словам, «новоприборные охочие люди» (промышленники и гулящие люди), невзирая на воеводский наказ, отказали ему «государев острог ставить» на новое место и «учинили ослушанье», закончившееся столкновением со сторонниками Курбата. Но, по словам приказчика, несмотря на «дурость тех бунтовщиков», острог был поставлен силами подчинённых ему служилых людей²².

В своей челобитной и «росписи службам», датированной 1647 г., на имя царя с просьбой о пожаловании его за службу К. Иванов подробно перечислил все достижения своей административной деятельности в Верхоленском крае. В первую очередь он извещал о возведении им острога и приведении «под твою высокую государеву руку... неясашных братцких людей тысячи с полторы да тунгусов с триста человек» и учинённой им прибыли: «...ясаку собрал больши двухсот сороков соболей». Кроме того, по его словам, «улусные люди сносили мне холопу твоему... 78 соболей да три ожерелья соболя пластинные да лисицу бурую», которые он также положил в государеву казну. К. Иванов также указал на несомненную хозяйственную значимость результатов своего управления: «скотом и коньби и коровы пашенные крестьяне и всяких чинов люди наполнили...», благодаря чему «которые были кони по пятидесяти и по штидесяти рублёв на Илимском волоку и нынеча... рублёв по десяти и меньше, а коровы были рублёв по тридцати, а нынче рублёв по шти и тем... скотом коньби и коровы завелис многие пашенные крестьяне и всяких чинов люди и по великой реке Лене и хлеб почал быть дешёв, а в прежние годы... в Якутском остроге пуд муки купили по пяти рублёв, а ныне... по десять алтын и в полполтины»²³.

В мае 1646 г. К. Иванов был назначен приказчиком другого Усть-Кутского острога, расположенного в центральной части Приленского края, в устье р. Кути. В нём наряду с типичным острожным «строением» и дворами казаков ещё в 1639 г. были основаны соляные варницы и заведена пашня известным предпринимателем-землепроходцем Ерофеем Хабаровым. Последний томился по указанию якутского воеводы П. Головина немалое время в Якутской тюрьме и был выпущен им лишь в 1645 г. По-видимому, К. Иванов был хорошо знаком с будущим

первооткрывателем Амура, экспедиция которого состоялась весной 1649 г., и, возможно, обменялся с ним информацией о путях следования на Амур и в Даурскую землю.

Административная деятельность К. Иванова в богатом природными ресурсами крае также нашла отражение в исторических источниках. Расположенный в конечной точке Ленского волока Усть-Кут был не только важным транспортным узлом в освоении Сибири, но и центром крупного судостроения. В его подчинении в Усть-Куте было 140 служилых людей, назначенных в судовые плотники. Помимо постройки судов, ставшей для них дополнительной обременительной повинностью, казакам вменялось в обязанность сопровождение судовых караванов, перевозивших в низовья Лены с верховий хлеб, а из Усть-Кута — соль и лес.

Несмотря на отсутствие квалифицированных плотников, К. Иванов сумел расширить объём работ на Усть-Кутском плотбище, где при нём стали строить не только ладьи и барки, но и большие дощаники и морские кочи, о чём он не без гордости извещал в своей челобитной царю. В ответ на жалобу в Сибирский приказ якутского воеводы И. Голенищева-Кутузова на невысокое качество усть-кутских судов К. Иванов резонно отвечал: «А в твоих государевых сибирских городах на Верхотурье, на Тюмени и в Енисейском остроге под твои государевы хлебные запасы суда делают охотники, всякие люди, а за работу им указано давать 25 руб.»²⁴

Как и его современники Е. Хабаров и С. Дежнёв, К. Иванов был не только опытным и умелым организатором, но и пользовался определённым авторитетом среди подчинённых. Он не был замешан в крупных махинациях с пушниной и других типичных злоупотреблениях, присущих немалой части приказного административного аппарата в Сибири. Примечательно, что в одной из самых пространных и красноречивых мирских челобитных царю сибирских торговых и промышленных людей о больших насилиях и злоупотреблениях якутского воеводы П. Головина от 1 июля 1647 г. Курбат Иванов был назван «ушником» (советником) воеводы. Но, в отличие от перечисленных фамилий многочисленных злоупотреблений других воеводских прислужников, его имя в изветной челобитной просителями не упоминается²⁵.

Источники отмечают не только организаторские и деловые качества К. Иванова, но и его активную частную инициативу и предприимчивость. Не довольствуясь дорогими привозными в Якутск товарами, энергичный и деятельный приказчик в 1651 г. совершил поездку из Тобольска к Соли Камской и Великому Устюгу, где закупил на крупную сумму (679 руб.) всяких запасов, которые, очевидно, не без выгоды реализовал среди промышленников и других заинтересованных лиц во время своих экспедиций в Братскую и Якутскую земли. Несомненно, что часть денег он получил от продажи своих соболей, а часть ссудил у богатых промышленников под заёмные кабалы. Известно, что Е. Хабаров взял кредит для приобретения необходимого для будущего похода на Амур снаряжения на сумму более 7000 руб., за что вынужден был до конца жизни расплачиваться со своим кредитором-ростовщиком воеводой Д. Францбековым²⁶.

Возможно, что во время указанной выше поездки К. Иванов перевёз свою семью из Тобольска. Установлено, что немало землепроходцев было оторвано от своих семей много лет: С. Дежнёв — почти 10 лет, Е. Хабаров — 22 года, В. Атласов — почти 7 лет²⁷. И лишь редкие поездки в Москву позволяли им свидеться с родными и близкими людьми. В 1647 г. К. Иванов в своей челобитной царю сообщал, что «всего моя службы ис Тобольска двенадцать лет, а женишко государь и детишка мои в Тобольском городе скитаютца меж двор и помирают с голоду и по се число»²⁸.

В феврале 1651 г. К. Иванов обратился в Сибирский приказ с просьбой о верстании его за службу в Братской земле в верховьях Лены на «убылое место» тобольского сына боярского Василия Лутевина. В отличие от прежней челобитной 1647 г., он кратко перечислил свои служебные достижения, в которых главное место заняли прииск новых земель, сбор ясака с тунгусов и бурят, постройка острога и заведение пашни. Его сведения были подтверждены и конкретизированы по годам подробной справкой Сибирского приказа. В соответствии с ней общий пушной сбор ясака и «поминков» (даров), поступивший в казну от К. Иванова, с 1642 по 1651 гг. составил по сибирской оценке огромную сумму — 7174 рубля 23 алтына 2 денги. Укажем, что общий расход на выплату государева жалования служилым людям («годовой оклад») за 1662 г. второго по величине города Западной Сибири Тюмени составил 6 208 руб., а Тобольска —

14 867 руб.²⁹ Отметим также, что стоимость пушнины по московской оценке была значительно выше сибирской.

За учинённую «государеву прибыль» К. Иванов был повёрстан в сыны боярские по Тобольску с годовым жалованием 12 руб., 10 четей ржи, 10 четей овса, 3 пуда соли. В качестве вознаграждения ему также было приказано выдать 5 руб. и «сукно доброе аглинское»³⁰.

С середины 50-х гг. К. Иванов руководил промысловыми экспедициями по р. Олекме, Тунгире и Нюкже. В 1657 г. он привёз в Якутск соболей, оценённых на 1858 руб., учинив тем самым новую прибыль на сумму 1439 руб. 2 денги. В этом же году он был послан из Якутска воеводой Францбековым на р. Нюкжу для поисков и поимки беглых казаков, возглавляемых неким Шишкиным, разграбивших хлебный караван на р. Олекме, но результат его сыска нам не известен³¹.

2 июня 1657 г., находясь в Якутске, К. Иванов получил новое назначение. Новый воевода М.С. Лодыженский назначил его приказчиком в самый отдалённый в Сибири Анадырский острог на смену С. Дежнёву. Во время нахождения на приказе С. Дежнёв в 1652 г. открыл в устье р. Анадырь богатое моржовое лежбище — «коргу». В своей отписке от 4 апреля 1655 г. он сообщал: «...а зверя на коргу вылягает добре много, на самом мысу вокруг с морскую сторону на пол версты и болше места, а в гору сажен на тридцати на сорок, а весь зверь с воды с моря на землю не вылягал, в море зверя добре много у берегу...»³²

Московское правительство, заинтересованное в поставках в восточные и европейские страны ценной моржовой кости, в связи с незначительным количеством добычи её на Белом море, придавало особое значение организации на крайнем востоке русской Арктики моржового промысла и укреплению там русского присутствия. В «наказной памяти», выданной якутским воеводой, было даже указано, что за открытие новых моржовых лежбищ (корги) и добычу «рыбьего зуба» (моржовой кости) К. Иванову и его детям разрешается «промышлять кость беспенно, без государевой десятой пошрины»³³.

На место нового назначения К. Иванов добрался по одним данным лишь в мае 1659 г., по другим в январе 1659 г. либо весной 1660 г. Вместе с ним прибыли его взрослые сыновья Герасим и Фёдор. Последний вскоре умер³⁴.

Прибыв в Анадырь, К. Иванов предпринял энергичные меры по укреплению острога и подготовке к морской экспедиции. По его указанию служилые и промышленные люди рядом с бывшим Анадырским зимовьем, которое сильно пострадало от весеннего половодья, возвели острог, обнесённый частоколом. Внутри острога поставили «государевы амбары для собольей и костяной казны», таможенную и аманатскую избы. На крышах построек соорудили нагородни — башенки с бойницами. Анадырский острог превратился в крайний опорный пункт продвижения русских на северо-востоке Азии. После завершения «острожного строения» и небольшого морского судна — коча гарнизон приступил к поиску моржовых лежбищ — корги³⁵.

Весной 1660 К. Иванов возглавил группу из 22 анадырских промышленников, среди которых были участники дежнёвского похода, и вышел в море на одном коче. Плавание в сложных, чрезвычайно опасных полярных условиях проходило, как правило, несколькими суднами или караваном, что гарантировало его участникам большую безопасность, чем плавание в одиночку. Так, знаменитая своими географическими открытиями экспедиция Алексеева и Дежнёва совершала своё плавание на шести судах, и все были разбиты морской стихией, а большая часть участников погибла³⁶. Но К. Иванов пренебрёг этим заведённым правилом. Очевидно, не имея времени и ресурсов для строительства второго коча, надеясь только на опыт С. Дежнёва и его спутников, он торопился выполнить поставленную задачу до наступления больших холодов.

Уже на восьмой день пути мореходов настигла сильная буря. Судно прижало к берегу, сильно повредило, а всё продовольствие, боеприпасы (порох) и снаряжение погибли. Мореходы питались в основном грибами и «чёрными ягодами» (шикшей), лишь иногда олениной, добытой у чукчей.

На 18-й день им удалось достичь бухты, названной Ивановым «Большая губа» (современный залив Креста). 30 августа мореплаватели вошли в другую губу, очевидно, в бухту Провидения. Здесь, по словам К. Иванова, местные чукчи оказали русским пришельцам ожесточённое сопротивление. Несмотря на это, с помощью проводника — «чукчьеи девки» — они достигли крайнего Чукотского мыса, где обнаружили коргу — лежбище моржей. Но добыть моржей им не удалось, все они ушли в море³⁷.

Лишь частично выполнив поставленную задачу, 18 сентября экспедиция направилась в обратный путь. По пути следования домой коч вновь попал в сильную бурю. Чтобы спасти корабль, путешественники выбросили за борт все свои запасы и, по признанию К. Иванова, «живота (жизни. — И.К.) своего отчаялись». С большим трудом мореходам удалось укрыться у берега, переждать бурю, а затем при попутном ветре достичь Анадырского лимана и лишь 1 октября добраться до построенного ими острога³⁸.

Постигнутая неудача не остановила К. Иванова и его спутников. За короткий период были построены новые, более оборудованные кочи. Летом следующего года состоялся новый поход К. Иванова, уже на нескольких судах, вниз по Анадырю «для прииску неясных иноземцев» и поиска новых моржовых лежбищ. К северу от устья Анадыря отряд встретил «иноземцев чукчей» на 9 кожаных лодках (байдарах), вмещавших по 20–30 человек. Чукчи обстреляли казаков стрелами из лука и камнями из пращей. При попытке казаков высадиться на берег аборигены дали им бой. По словам К. Иванова, «и бились с нами с полудни до вечера, щиты дошанные пробивали и котлы». Из-за храбрости и упорства аборигенов высадка казаков не состоялась. На следующий день казаки вновь стали высаживаться на берег и, несмотря на стрелы и камни, сумели закрепиться на берегу, где, открыв залповый ружейный огонь, принудили чукчей к беспорядочному бегству³⁹.

Продвигаясь вдоль побережья, отряд Иванова дошёл до селения, где, по словам того же К. Иванова, «мужики скопились многие и поставили с ними бой. И мы выскали на берег и с юрт мужиков сбили и тут взяли оленья мяса пудов 100 и больше». По предположению М. И. Белова, отряд Иванова дошёл до «Большой губы» (залива Креста) и далее до бухты Провидения, где и произошёл второй бой с чукчами.

На обратном пути русские суда попали в сильный шторм. Лишь к началу октября они сумели вернуться в Анадырский лиман, затем спуститься в Анадырский острог. 15 ноября 1661 г. К. Иванов сообщил в Якутскую приказную избу о возможности плавания по морю и о наличии корги за Чукотским мысом⁴⁰.

Таким образом, морские походы К. Иванова не только положили начало моржовому промыслу на Чукотке, но и привели

к новым географическим открытиям. Им был обнаружен залив Креста, бухта Провидения, дано первое описание новых природных богатств самого отдалённого района Северо-Восточной Азии. Всё это нашло отражение на его «Анадырском чертеже», посланном в Якутск, а затем в Москву. Экспедиция подтвердила также возможность плавания русских судов в чрезвычайно суровых условиях восточносибирского Заполярья.

Во время пребывания на Чукотке К. Иванов не избежал нападков со стороны недругов-конкурентов, на него поступило два извета, повлёкшие судебные разбирательства. В 1659 г. на него жаловался неудачливый, честолюбивый промышленник Юрий Селивёрстов, который не сумел окупить затраты, вложенные казной в его экспедицию на Чукотку, и, по словам М. М. Белова, затаил злобу на более отважных и удачливых К. Иванова и С. Дежнёва. В челобитной царю промышленник бездоказательно заявлял, что якобы приказчик «берёт деньги на себя, а не на государя»⁴¹. В 1661 г. торговый человек Иван Синицын обвинил также К. Иванова в своеволии и рукоприкладстве⁴². Но эти обвинения не имели под собой веских оснований, были по тем временам незначительны и не обернулись для приказчика большими последствиями, он продолжил нести свою службу до 1666 г.

Дальнейшая служба на Чукотке для К. Иванова не была столь успешной. Его, как и Е. Хабарова, преследовали неудачи, исход которых негативно отразился на его судьбе. В 1664 г. при доставке соболиной казны в Якутск с целовальником П. Афанасьевым, по их словам, у них сгорела часть пушнины во время стоянки «на Ковыме реке на Дуваном песке»⁴³. Это событие повлекло за собой новое судебное разбирательство. Ход и обстоятельства его до нас не дошли, но можно не сомневаться, что судебное решение было вынесено не в пользу указанных лиц. Как правило, правительство взыскивало с виновников сумму нанесённого ущерба, невзирая при этом даже на непредвиденные чрезвычайные обстоятельства. К. Иванов, очевидно, не сумел доказать свою невиновность и рассчитаться с казной, о чём может свидетельствовать последующее событие в его жизни.

Весной 1667 г. вместе с С. Дежнёвым К. Иванов был послан на Чечуйский волок за хлебными запасами для снабжения населения Анадырского острога. Во время его пребывания там

якутский воевода, по неизвестной нам причине и санкции, потребовал ареста К. Иванова и отправки его в Илимский острог. Но когда за ним в мае на волок с Илима приехали посланные воеводой служилые люди, то С. Дежнёв «не отдал» им своего товарища, с которым, по-видимому, его связывала не только совместная служебная деятельность, но и подлинное воинское товарищество. По словам сына боярского приказчика Чечуйского острога Ивана Ерастова, С. Дежнёв заявил: «Отдать де я ево, Курбата, не умею... потому что де не Курбат под моим началом послан, а яз де Сенька, с ним Курбатом послан на Чичюйский волок по хлебные запасы, и распiski я дать не умею же»⁴⁴. Примечательно, что ещё весной 1655 г. С. Дежнёв отказался также выполнить воеводский указ о высылке в Якутск для проведения следствия четырёх беглых казаков, являвшихся активными участниками его знаменитого похода. Мотивируя свой отказ, С. Дежнёв в отписке воеводе писал: «от государевой казны тех людей не отпустил, потому что служили мы государю службу с ними вместе». Однако по указанию приказчика И. Ерастова К. Иванов был всё же арестован и отвезён в Якутск⁴⁵.

Дальнейшая судьба его неизвестна. По некоторым косвенным данным, он умер в этом же 1667 г. Его верный товарищ С. Дежнёв пережил его лишь на 6 лет.

Сын К. Иванова, казачий сотник Иван Курбатов продолжил нелёгкую службу своего отца на Чукотке. Известно, что 17 апреля 1681 г. на р. Анюе большая группа непокорных юкагири-ходынцев внезапно напала на отряд И. Курбатова, шедшего в Анадырский острог. Ходынцы убили 16 служилых и толмача — «казачью жену Афоньки Шестакова», перебив при этом всех ездовых собак. Уцелевшие казаки (12 человек) укрылись в остроге и четыре недели находились в осаде. Нападавшие, используя семь деревянных щитов, неоднократно предпринимали штурм острога, пытаясь его «травой огнём сожечь». Служилые люди были спасены лишь с приходом на выручку ясачных людей из Чуванского рода, которые «тех юкагирей от острожку отбили».

Сообщая об этом происшествии, И. Курбатов в челобитной сетовал на малолетство самого удалённого в Сибири российского острога и трудности несения в нём службы: «какие служилые люди имеются в острожке лет по 30 и болши, и те все остарели и службу и караулы караулить не могут же, и рыбного заводу,

сетей не стало, а у которых есть дети, и те малы... И впредь мне Ивашку государеву службу служить будет, за малолетством, не с кем, а иноземцев возле Анадырского острожку гораздо многолюдно»⁴⁶.

Иван Курбатов упоминается также в 1696 г. как торговый человек в следственном деле иркутского воеводы И. Савелова, обвинённого в многочисленных злоупотреблениях. Сибирский приказ, рассмотрев челобитную И. Курбатова на воеводу, обвинил последнего «во взятках с него насильством, в которых он не запирался во 100 руб.»⁴⁷

Таким образом, жизнь и служебная деятельность К. Иванова во многом схожа с судьбами С. Дежнёва и Е. Хабарова, особенно первого. Оба происходили из городов Русского Севера, пришли в Сибирь почти одновременно, начинали и завершали службу в одинаковом статусе, совершали далёкие, опасные с большим риском для жизни экспедиции, знаменовавшие собой серию великих географических открытий. При этом они были не только инициаторами и организаторами далёких опасных походов, первооткрывателями новых земель и народов, но и являлись их умелыми администраторами — «прибыльщиками», сумевшими за короткий срок закрепить за Россией огромные территории и придать импульс их первичному хозяйственному освоению. Их первопроходческую колонизаторскую деятельность, способности общения с другими народами, межличностные отношения можно оценить лишь исходя из исторического контекста и существующих реалий того времени. Следует согласиться с мнением известного историка-сибироведа Н. И. Никитина, который писал, что «именно за такими людьми было будущее русской Сибири, и они тоже были порождены не только своим временем, но и тем, что наступило в Северной Азии после её присоединения к России»⁴⁸.

¹ Полевой Б.П. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640–1645 гг.) // Известия ВГО. Л., 1960. № 1. С. 37–42; Иванов В.Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII века. Новосибирск, 1979; Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий. Новосибирск, 1993.

² Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: сб. док. / под ред. Я.П. Алькора и Б.Д. Грекова. Л., 1936. С. 15.

³ Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960. С. 84.

⁴ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: сборник документов. М., 1951. С. 98–99.

⁵ Белов М.И. Подвиг Семёна Дежнёва. М., 1973. С. 54; Никитин Н.И. Землепроходец Семён Дежнёв и его время. Начало Казачества Сибири. М., 2018. С. 44.

⁶ Открытия русских землепроходцев... С. 489–491, 518–520.

⁷ Открытия русских землепроходцев... С. 106–109; Якутия в XVII веке (Очерки): сборник / под ред. С.В. Бахрушина и С.А. Токарева. Якутск, 1953. С. 325; Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времён до середины XIX века // История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. М., 1956. С. 145.

⁸ Полевой Б.П. Указ. соч. С. 46–47.

⁹ Сборник документов по истории Бурятии... С. 34–37.

¹⁰ Там же. С. 85.

¹¹ Полевой Б.П. Указ. соч. С. 50.

¹² Резун Д.Я. Василевский Р.С. Летопись сибирских городов... С. 124.

¹³ Якутия в XVII веке... С. 87–88; Служилые люди Сибири... С. 210.

¹⁴ Сборник документов по истории Бурятии... С. 47–48.

¹⁵ Белов М.И. Подвиг Семёна Дежнёва... С. 105.

¹⁶ Сборник документов по истории Бурятии... С. 56, 88–89.

¹⁷ Колониальная политика Московского государства... С. 17–18; Полевой Б.П. Указ. соч. С. 50.

¹⁸ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 114.

¹⁹ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 51–52; Сборник документов по истории Бурятии... С. 89–90.

²⁰ Колониальная политика Московского государства... С. 18; Сборник документов по истории Бурятии... С. 44–45.

²¹ Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов... С. 124.

²² Сборник документов по истории Бурятии... С. 69–71.

²³ Сборник документов по истории Бурятии... С. 82–95.

²⁴ Белов М.И. Арктическое мореплавание... С. 199–201; Открытия русских землепроходцев... С. 206.

²⁵ Колониальная политика Московского государства... С. 20–47.

²⁶ Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991. С. 45.

²⁷ Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М., 1997. С. 33–34.

²⁸ Сборник документов по истории Бурятии... С. 84, 166.

²⁹ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 120.

³⁰ Сборник документов по истории Бурятии... С. 174.

³¹ Колониальная политика Московского государства... С. 32; Полевой Б.П. Указ. соч. С. 51.

³² Скалон В.Н. Русские землепроходцы... С. 154.

³³ Белов М.И. Арктическое мореплавание... С. 168; Полевой Б.П. Указ. соч. С. 51.

³⁴ Белов М.И. Указ. соч. С. 168; Полевой Б.П. Указ. соч. С. 51.

³⁵ Открытия русских землепроходцев... С. 400; Колониальная политика Московского государства... С. 58.

³⁶ Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. М., 1990. С. 34, 37–39.

³⁷ Открытия русских землепроходцев... С. 405–407.

³⁸ Белов М.И. Подвиг Семёна Дежнёва... С. 168–169.

³⁹ Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. С. 213.

⁴⁰ Открытия русских землепроходцев... С. 44.

⁴¹ Белов М.И. Подвиг Семёна Дежнёва... С. 132–135; Открытия русских землепроходцев... С. 399–400.

⁴² Открытия русских землепроходцев... С. 403–404.

⁴³ Там же. С. 408–409.

⁴⁴ Белов М.И. Подвиг Семёна Дежнёва... С. 134.

⁴⁵ Открытия русских землепроходцев... С. 524; Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров... С. 37.

⁴⁶ ДАИ. Т. 8. СПб., 1862. С. 180–181; ДАИ. Т. 10. СПб., 1867. С. 342; Якутия в XVII веке... С. 325; Открытия русских землепроходцев... С. 343.

⁴⁷ Сборник документов по истории Бурятии... С. 434.

⁴⁸ Никитин Н.И. О менталитете русских землепроходцев // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) Сборник статей к 90-летию профессора Ильи Андреевича Булыгина. М., 2016. С. 220.

Яков Тухачевский, «посол добрый»

История формирования дипломатических отношений России с Монголией в XVII в. уже нашла отражение в работах исследователей Н.П. Шастиной, И.Я. Златкина, Ш.Б. Чимитдорджиева, Б.П. Гуревича и других видных историков-востоковедов. Но в изучении картины становления и развития русских посольских связей с монгольскими государственными образованиями, как и другими восточными странами, существует ещё немало неясных и спорных моментов. Учёных всегда интересовали поставленные перед посольством задачи, достигнутые в ходе посольской практики результаты и их последствия. При этом мало внимания уделялось изучению состава участников посольства, способов их общения с правителями сопредельных «иноземных» государств, потестарных образований, использованию дипломатических средств, соблюдению важных «протокольных» приёмов, позволяющих понять не только характер и эффективность осуществления той или иной посольской миссии, но и выявить новые подходы в решении сложных внешнеполитических задач и путей их достижения.

Показательным и недостаточно изученным в этом плане является посольство к правителю восточных монголов — Алтын-хану (Алтын-хану Омбо-Эрдени) — русского посланника, смоленского, затем московского дворянина Я. Тухачевского, состоявшееся осенью и зимой 1634 г. Результаты выполнения указанной миссии получили разную оценку в исторической литературе. Так, омский историк Е.Н. Евсеев значительно искажил биографию Я. Тухачевского и во многом принизил значение его дипломатической миссии, как, впрочем, и другой его служебной деятельности¹. А.Н. Милюков, проводя сравнение статейных списков, представленных Я. Тухачевским и подьячим Д. Огарковым, безосновательно принял версию, изложенную последним, которая также сводит на нет результаты работы посольства².

Необходимость посылки русского посольства в Монголию диктовалась как общей задачей установления мирных отношений России с южными и восточными государствами

в Центральной Азии, так и возникшими внешними обстоятельствами, требующими своего оперативного разрешения. Побудительным мотивом к отправке новых послов в Западную Монголию стало полученное в Приказе Казанского дворца от разрядных воевод Томска известие о желании Алтын-хана и его подданных признать власть русского царя и принести ему присягу на верность.

В 1632 г. томский воевода И. Ф. Татев получил царский указ, датированный 8 апреля, о приёме в Томске послов Алтын-хана и посылке к нему сына боярского Я. Е. Тухачевского. Указом предписывалось направить «добрых толмачей» и служилых людей: «добры, конны и вооружены» с посольством к Алтын-хану под руководством присланного из Москвы дворянина Якова Тухачевского, в помощники которому был определён томский подьячий Дружина Огарков. Всем участникам посольства было указано выдать оклад на 1642 г. «сполна», и «подмоги против их окладов вдвое»³. Для этой цели томские казаки И. Жданов и Верхотурцев привезли с Москвы 268 руб. 8 алтын 4 денги⁴.

В апреле 1633 г. последовал новый указ об отправке посольства для приведения к шерти Алтын-хана и вручения ему подарков. В качестве жалования Алтын-хану из Москвы была выслана значительная «государева казна»: «2 кубка серебряны с кровлями золочёны весом по 4 гривенки, братина серебряна золочёна, чекан в 4 гривенки, тесак прорезной, оправка серебряна золочёна с камнем яхонты и с лалы из бирюза ценной в 60 руб., атлас двойной, 2 портища сукна скарлату червчетого, 5 аршин портище, 3 половинки сукон...»⁵

В указе были определены задачи посольства: привести к шерти Алтын-царя и его подданных, собрать подробные сведения о враждебном России монгольском правителе Чагир-хане, его внутреннем положении, численности воинских людей, намерениях в отношении русских Китая, других народов и т. д. С целью получения достоверных сведений о ходе и результатах деятельности посольства статейный список было указано писать Я. Тухачевскому и Д. Огаркову «подлинно порознь по статьям».

В правительственном распоряжении и в «наказной памяти», данной Я. Тухачевскому томскими воеводами, содержался также маршрут следования к Алтын хану — из Томска водным путём до Кузнецка, затем на лошадях через Сагайскую степь,

Киргизскую землю, соблюдая при этом необходимые меры предосторожности: «идти бережно и усторожливо», «посылать перед собою проезжие станицы в лехких судах, и на станех ставитца в крепких местех с отъезжими сторожами...»⁶

Забота о безопасности русских послов не была простой формальностью — накануне отправки посольства «киргизские люди» приходили «войной» под Кузнецкий острог; посланные накануне к Алтын-хану с государевым жалованием томские служилые и торговые люди были убиты киргизами, а их товары захвачены. Предыдущие посланцы к Алтын-хану — томские казаки десятники Ивашко Игнатъев и Стенька Кокшар — не были пропущены в его владения. Оставленного заложником С. Кокшара «изменники киргизские люди» убили⁷.

По предписанию правительства воеводами Томска был сформирован состав посольства. В него вошли помимо Я. Тухачевского и Д. Огаркова десять томских служилых людей: сын боярский Лука Васильев, толмач Федька Фёдоров, казачий десятник Семейка Щепеткин, казаки Ивашка Кудров, Васька Бурнашов, Ивашко Павлов, Митька Вяткин, Стенька Мельников, Ортюшка Завьялов, а также кузнецкий подгородный татарин Кокайко. Монголовед Н.П. Шастина считает, что «посольство Тухачевского по сравнению с предыдущим было значительно многочисленнее и богаче», в нём насчитывалось свыше 30 служилых людей⁸. Но в опубликованном ею источнике указаны лишь приведённые выше лица.

Изучение биографий и служебной деятельности участников посольства позволяет не только установить их личности, но и исследовать причины и суть конфликта, возникшего между Я. Тухачевским и Д. Огарковым в ходе осуществления посольской миссии, понять их взгляды на выполнение поставленных задач и определить средства их достижения.

Руководитель посольства Яков Остафьев Тухачевский представлял собой яркую неординарную личность, во многом типичную для своей эпохи. Его биография достаточно полно представлена в работах Д.Я. Резуна и И.Р. Соколовского. Являясь, по образному выражению И.Р. Соколовского, «человеком пограничья», Я. Тухачевский был участником многих событий бурного Смутного времени. Как и многие активные представители Смуты, до назначения в Сибирь он нёс службу в войсках у «во-

ров» — самозванцев на русском престоле Лжедмитриев I и II, царя В. Шуйского, в ополчении Д. Пожарского, присягал на верность новому царю Михаилу Романову⁹. В июле 1618 г. вместе с ярославцем Богданом Тургеневым и нижегородцем Жедринским, по свидетельству С.М. Соловьёва, он подстрекал казаков и стрельцов в Москве к какому-то неповиновению: «приходили на воевод с большим шумом и указывали, чего сами не знали, едва дело обошлось без крови»¹⁰. Его большой недруг Д. Огарков, зная о прежней службе Я. Тухачевского в завершающий период Смуты, в запале даже назвал его «Маринкиным сыном», т.е. сыном известной авантюристки, жены Лжедмитрия I, затем и Лжедмитрия II Марины Мнишек.

Бурное прошлое смоленского дворянина, очевидно, явилось причиной его «опалы» и отправления в Сибирь, где потребность в опытных и энергичных проводниках правительственной линии была всегда значима и востребована. К тому же новая российская власть в первое десятилетие своего существования стремилась избавить столицу от беспокойных казачьих и других активных элементов, направить их энергию в заданное русло.

В 1620-е гг. Я. Тухачевский нёс службу уже в Тобольске в чине сына боярского. В феврале 1629 г. он был сослан в Томск с невнятной формулировкой: «за ево многое воровство, за прежнее и за нынешнее, как был с воеводами в болшом полку в Украинном розряде 136 (1628) году». Известно также, что, будучи в том же чине, Я. Тухачевский служил в Томске без денежного оклада — «с своего поместья и вотчины, что ныне за ним», что редко практиковалось в Сибири¹¹.

В 1630–1631 гг. Я. Тухачевский возглавлял походы против теленгутов и влиятельного чатского князя Тарлава, нередко нападавших на русское и ясачное население. Особенно удачный русский поход на Тарлава состоялся весной 1631 г. В ходе его отряд Тухачевского (300 человек) разгромил объединённое войско Тарлава на р. Чингис и взял его хорошо укреплённый «изменнический городок»¹². Примечательно, что после сражения он приказал похоронить погибшего в поединке с ним Тарлава с высокими почестями: «над его могилою лошадь велел резать и поминать, а служилым людям около могилы велел стоять с ружьём»¹³. Тем самым он продемонстрировал уважительное отношение к поверженному храброму врагу, к его религии

и обычаям, что было нередким явлением в отношениях русских с воинственными аборигенами Сибири.

Дружина Огарков до назначения в Томск в 1623/1633 гг. был подьячим Поместного приказа с окладом 20 руб. и поместным окладом 250 четей. В 1629 г. он присутствовал при встрече со шведским посольством и, следовательно, имел уже некоторый опыт в посольских делах. В 1633 г. он был направлен в Томск на смену подьячему И. Селетцыну, получив при этом денежный оклад вперёд за 2 года по 30 руб., но в хлебном жаловании ему было отказано, поскольку «за ним поместье и вотчины есть»¹⁴.

Причины появления Д. Огаркова в Томске также не ясны, но известны отдельные эпизоды его деятельности до несения службы в Сибири. Так, осенью 1630 г. вместе с сыщиком Петром Корсаковым он был направлен для выяснения причин бегства с насиженных мест мордовского населения в Нижегородском уезде. Однако в ходе проведения дознания сыщики «государеву делу не радели», а чинили большие притеснения и насилие в отношении местной мордвы, которые лишь способствовали их побегам. К тому же дознаватели учинили большую ссору между собой.

По словам Д. Огаркова, П. Корсаков в ноябре 1631 г. в деревне Большой Вад со своими людьми обругал и избил подьячего, «бороду у него выдрал» и тот вынужден был бежать в Курмышевский и Алатырский уезды, ища там спасения. По словам же П. Корсакова, Дружина вернулся в Большой Вад 10 ноября с вооружёнными сторонниками, ворвался в его двор и людей его саблями ранил, а самого избил ослопом¹⁵. Указанные действия враждующих сторон вызвали недовольство не только населения, но и власти, которая учинила сыск в отношении самих сыщиков. Отрывок розыскного дела о П. Корсакове сохранился в Нижегородском Печёрском монастыре. Возможно, что злоупотребления и скандальное поведение Д. Огаркова и послужили причиной направления его в Сибирь, где он также не раз «отличился» не лучшим образом.

Ещё один участник посольства, сын боярский Лука Васильев начал службу во втором десятилетии XVII в., сведения о нём относятся к 1615–1616 гг., где он упоминается в составе посольства в Монголию тарского атамана Василия Тюменца как толмач Лучка Васильев Новокрещен (новокрещёный)¹⁶. В 1619–1620 гг.

вместе с конным казаком, будущим атаманом Иваном Белоголовым ему довелось также сопровождать из Москвы в Томск калмыцких послов. Очевидно, он уже был с посольством у Алтын-хана, за что был удостоен чина сына боярского с окладом в 8 руб. По словам Д. Огаркова, «Лука, мол, сделан сыном боярским за прежнюю посылку к Алтын-хану, это, мол, он и признавал и даже говорил свои речи»¹⁷.

Рядовые участники посольства — конные казаки — также были опытными воинами, старожилами Томска, их знакомство с кочевниками Южной Сибири отмечено рядом источников и не вызывает сомнения. Десятник Семейка Щепеткин, казаки Ивашко Кудров, Ортюшка Завьялов, Митка Вяткин принимали активное участие в военных походах, ходили с посольствами «к калмыкам», выполняли другие ответственные служебные поручения. И, как уже не раз отмечали исследователи: «в отличие от часто сменявшихся воевод служилые люди лучше знали местные условия, имели более длительный и богатый опыт контактов с сибирскими «иноземцами»¹⁸.

3 июня 1634 г., получив от томских воевод «наказную память» и небольшой дощаник, русские посланники тронулись в путь вверх по Томи до Кузнецка. Их сопровождали 30 томских служилых людей, которые должны были нести в Кузнецке годовую службу. Спустя месяц нахождения в пути члены посольства вместе с конвоем благополучно прибыли в Кузнецк, откуда к Алтын-хану были отправлены казаки С. Щепёткин, И. Кудров с толмачом Кокайко для традиционного оповещения о прибытии к нему русских послов.

Во время нахождения в Кузнецке между Я. Тухачевским и Д. Огарковым возникли первые трения, которые нашли отражение в статейном списке подьячего, выполнявшего роль секретаря посольства, и в первой челобитной Я. Тухачевского, поданой им в Томскую приказную избу в сентябре 1634 г. Последний жаловался на отказ Д. Огаркова писать в Томск о текущих делах посольства, содержать за свой счёт выделенных ему государевых трёх лошадей и, несмотря на строгий воеводский запрет вести торговлю, привёз с собой товаров «рублев с полтора» и «горячего вина», которое он продал в Кузнецке¹⁹.

12 сентября 1635 г. в Кузнецк прибыли четверо провожатых калмыков с указанными выше И. Кудровым и Кокайко,

С. Щепёткин был оставлен в качестве заложника у киргизского правителя Чагир-хана, через земли которого проходил путь во владения Алтын-хана.

На следующий день посланцы Алтын-хана — Шубачин-тархан и Койтай Колачи-тархан — были приняты кузнецким воеводой Ф. И. Хоненевым и Я. Тухачевским в приказной избе, где после выражения ими традиционного здравия и приветствия в адрес русского царя воевода наградил калмыков сукнами. Но их приветственная речь: «Алтын де царь, меньшей де брат великого государя, рад де ево государсково жалования», — не понравилась Д. Огаркову, о чём он не преминул указать в своём статейном списке. По словам подьячего, Я. Тухачевский не только не осудил монгольских посланцев за «неугожие слова», но и одарил их, а от неугодного ему Дружина хотел избавиться, оставить его в Кузнецке. По версии же Якова, изложенной в отчёте, он, «слыша такое невежливое слово», велел толмачу сделать замечание Шубачин-тархану, который, в свою очередь, «почал винитца: я де то слово промолвил простотою своею»²⁰.

4 ноября, преодолев с провожатыми монголами значительное расстояние через киргизские владения, отряд Я. Тухачевского благополучно прибыл во владения Алтын-хана, где у Кокуй-озера встретился с другими его посланцами и был препровождён в улус к матери хана Чечен-катун. Вскоре туда прибыл сам Алтын-хан с большой свитой близких родственников хана и знатных лиц — табунов (табунангов).

10 ноября состоялась первая встреча Алтын-хана с русской посольской миссией, которая окончилась безрезультатно. Причиной тому, по словам Д. Огаркова, стали обиды Алтын-хана на томского воеводу И. Татёва. Последний якобы угрозой заставил ханских послов, которых «морили и держали в поганой избе», присягнуть русскому царю «поневоле». К претензиям хана добавились и другие требования его табунов: отдать монголам их прежних кыштымов (данников), вошедших под власть Енисейского, Красноярского и Томского уездов, — тунгусских, качинских, абинских, чатских мурз и татар. С учётом всего этого Алтын-хан отказался от принятия шерти, но пожелал при этом получить царское жалование.

Возникшую непростую ситуацию заметно подогрело выступление «с великим шумом» Д. Огаркова, который, по его

же словам, упрекнул хана в недержании своего ханского слова, в его прежнем желании «быть под государевою царскою рукою в прямом холопстве навеки неотступну» и о необоснованности претензий его табунов, которые говорят «не дело»²¹.

12 ноября переговоры были продолжены, но уже без участия Алтын-хана. По версии Я. Тухачевского, прибывшие табуны потребовали вновь принесения им государева жалования без принятия шерти, угрожая в противном случае отправить послов назад «без подвод и корму», на что он и Дружина ответили решительным отказом. Очевидно, Д. Огарков опять повёл себя «с великим шумом», и переговоры оказались вновь на грани срыва. Алтын-хан со своими приближёнными табунами надолго покинул ставку, оставив русских послов на попечение царицы Чечен-катун.

Испытав неудачу в ведении переговоров, Я. Тухачевский, по свидетельству Д. Огаркова, в отместку приказал казакам бить его «в ослопы», наказав при этом, чтобы тот в будущем «в том государеве деле во всём молчал». Отметим, что подьячий в статейном списке, как бы оправдывая своё «невежливое» поведение перед монгольским правителем и его окружением, простодушно заявил: «По-мугальски я, Дружина, никакова слова не знаю, как мугальская лая, а по-русски, хотя бы я и лаел, ино оне мугальские люди тот русский лай не знают»²².

Чтобы соблюсти «государев интерес» и разрядить возникшую обстановку, Я. Тухачевскому пришлось приложить немало усилий и уже испытанных дипломатических средств. Во время отсутствия хана он сумел заручиться поддержкой Чечен-царицы и духовного отца монголов лабы Таи Мерген-ланзу, которым были вручены дары, а также других знатных и влиятельных лиц. По свидетельству Д. Огаркова, бдительно следившего за действиями Я. Тухачевского и его спутников, последний в сопровождении толмачей Л. Васильева, Ф. Фёдорова и татарина Кокайки днём и ночью «хаживали неведомо куда» и «неведомо для чёво». Бдительный Дружина даже отметил, что ночью «часу в третьем» к Якову в юрту приезжала жена Табуна Дурала по имени Абакан, которая «была у него до полуночи», и сам Яков «ездил часто, не ведомо для чёво» к ней в юрту.

Подьячий также указал в своём отчёте, что ещё по пути следования в ставку Алтын-хана Я. Тухачевский лечил «многих

мунгальских людей», а находясь в улусе Алтын-хана, излечил его брата Даин-наена, дворового человека Чечен-катун, помог справиться с трудными родами «дворовой жонки Убашины снохи». Подьячий не обошёл своим вниманием и рядовых членов посольства. По его словам, татарин Кокайко «житьём жил и ночью спал Алтына-царя матери у дворовой жонки Убаши безпрестанно»²³. Примечательно, что сам Я. Тухачевский в своём отчёте не указывает на проводимое им врачевание, а также умалчивает о недостойном поведении Огаркова в ставке Алтын-хана. Он неоднократно подчёркивал, что все переговоры с монголами члены посольства вели «заодно» и в соответствии с посольским наказом.

Переговоры с Алтын-ханом возобновились почти месяц спустя, 4 декабря. В этот день, согласно отчёту Я. Тухачевского, табуны Алтын-хана вновь потребовали принести своему владельцу государево жалование, угрожая при этом не только взять его «нечесью» (силой), но и «под Томский город и его остроги послать войною», которые «стоят на наших землях». В ответ послы якобы заявили табунам: «А за такое алтыново невежливое слово велит государь здисе в Мугальской земле со всею ево ордою разорить... и от Дючина-хана с войною своею на Кемчике места не сыскали, не токма што вам биться с государевыми людьми». По словам того же Я. Тухачевского, «крепость» русских послов возымела своё действие на табунов, которые заявили: «государево де жалование понесите к Алтын-хану, не упрямытесь, наперод шертования, а шерть Алтын-царь велит дать за себя и за орду свою думным своим людям на отпуске»²⁴.

6 декабря Алтын-хан прислал к томским послам своего стольника Чечена Малово с повелением нести ему государево жалование, угрожая при этом сообщить царю, что они поступают «не по государеву указу своим упрямымством». В сложившейся ситуации, по словам Я. Тухачевского, «поговоря» со служилыми людьми, они вынуждены были выполнить просьбу хана «поневоле», но при этом отказались отдавать до шертования пищаля и сабли, которые затребовали у них табуны.

По словам же Д. Огаркова, Я. Тухачевский со служилыми людьми «по своему изволу, а не по государеву наказу» поднесли Алтын-хану не только царское жалование, но и своё оружие: пищаля и сабли²⁵.

Немалую роль в успешном завершении посольской миссии, как следует из отчёта Я. Тухачевского, сыграл духовный отец Алтын-хана, «учитель Мунгальской и Тангутской земли» лаба Дайн Мерген-ланзу, о котором Д. Огарков в своём отчёте предпочёл умолчать. Духовный лидер монгол 25 декабря прибыл в ставку Алтын-хана, где состоялась его встреча с русскими посланниками. Получив от Я. Тухачевского традиционные дары и жалобу на то, что «Алтын-царь, взяв у нас жалование, держит нас не делом и шертованьем продлил», Мерген-ланзу обещал своё содействие. Благодаря его поддержке 1 января состоялся очередной, решающий раунд переговоров. По версии, изложенной Дружиной, им была зачитана перед табунами шертовальная запись (грамота) «по строкам с простойкой слово в слово», которую тут же перевёл толмач Ф. Фёдоров. Но текст записи и неоднократные призывы («трожды») подьячего «дать шерть по своей вере» не произвели на тех никакого впечатления: «табуны только стояли, а ничево не говорили».

Инициатива приведения к присяге табунов вновь перешла к Я. Тухачевскому, который, по словам Огаркова, подверг резкой критике выступление Дружины, заявив ему, что «по той шертовальной записи, что умного в шертовальной деи записано небылицы много, а небылицу деи на Москве писали мои братья подьячие», и велел толмачу говорить речь «по своему изволу». Она заключалась в том, «чтоб им табунам, за Алтына-царя орду дать шерть на том: Алтына бы царя орды людей з государевыми людьми быть в совете и в дружбе, мугальским бы людем женитца у русских людей, меж бы себя всяким торгом торговать, мугальским людем с торги приходить под государевы города и остроги, а мугальским бы людем к ним в Мугальскую землю с торги приходить»²⁶. Укажем, что в статейном списке Я. Тухачевского подобное заявление, не предусмотренное посольским наказом, отсутствует, но оно, несомненно, способствовало успеху шертования.

Выслушав новую речь, табуны заявили о готовности принести свою шерть, но выдвинули при этом условие: по их обычаю принимать присягу должны будут и русские послы, и «вино с золотом пить наперёд». Последнее условие вызвало возражение у Я. Тухачевского, но после совместного обсуждения оно было принято в компромиссном варианте. Кроме того, по

словам Дружины, табун Номча заявил: «только Алтына царя табуны преж ево, Якова, учнут вино с золотом пить, и Алтыну деи царю быть *в большом братстве, а не холопством* (выделено нами. — И.К.) государю царю и великому князю Михаилу Фёдоровичу всеа Руси».

В ответ на это «неугожее слово» табуна Дружина указал Ф. Фёдорову на необходимость следования букве и духу шертовальной записи, которая предписывала «быть под государевою царскою высокою рукою *в прямом холопстве* навеки неотступну». Однако толмач Ф. Фёдоров его не послушал, а Яков «смолчал»²⁷.

Процедура принятия шерты была осуществлена в соответствии с занимаемым статусом его участников. Первым вино с золотом пил старший табун Бионт, затем Я. Тухачевский, затем табун Дура и Дружина, табун и Лука Васильев. Оправдывая своё участие в этой церемонии, не предусмотренной в посольском наказе, Дружина неоднократно заявлял, что вынужден был пить вино «сильно», под угрозой расправы «быть убиту до смерти» служилыми людьми по указанию Я. Тухачевского. В то же время он невольно признаётся в незнании им порядков и обрядов, существующих у разных восточных народов при принятии ими подданства у более сильных правителей: «Служилые люди все учели мне, Дружине, говорить с великим шумом... в тех землях тем людям наперёд сами оне, служивые люди дают шерть, а после деи тово тех земель людей приводят они к шерти, а мне будось такие дела не за обычай»²⁸.

В последующие недели после завершения церемонии присяги состоялось вручение «дани» русскому царю и подарков его посланникам. Алтын-хан, ссылаясь на скудность своей земли, разорённой войнами, послал царю «куяк медяной с нагрудником серебряным ис камением с яшмой, да барс, да двисти соболей, да 10 бобров». Его мать Чечен-катун преподнесла немало даров Я. Тухачевскому, Л. Васильеву, Ф. Фёдорову, татарину Кокайке, которые Дружина подробно зафиксировал в своём отчёте. Лаба Таи Мерген-ланзу тоже вручил свои дары русскому царю, его посланцам, а также вызвался оказать помощь в приведении к шерти четырёх киргизских князцов и сопровождении русских послов через киргизские земли²⁹.

Судя по перечислению и даже детализации подарков, преподнесённых Я. Тухачевскому: «на жонке и на девках платье, тулупы, сапоги и шапки», — корыстный и завистливый Дружина, получивший более скромные подарки, стремился всячески принизить результаты посольской деятельности. Наиболее ярко его стремление проявилось в попытке показать карьерные и корыстные интересы Тухачевского, которыми тот якобы делился с Огарковым: «чтобы ему, Якову, вылгать много жалование и взятку бы быть ему, Якову, из Сибири, и на примерное свою лживую службу словом прикладывался к немецкому посольству окольникьево Василья Гавриловича Коробьина с товарищи, и та деи ево Яковлева мугальская служба равна с тем немецким посольством»³⁰. Поясним, что указанное посольство состоялось в 1632 г. в Данию для заключения мирного договора с Россией. Договор подписан не был, но Дания сохранила нейтралитет во время Смоленской войны 1632–1634 гг., за что руководитель посольства В. Коробьин был пожалован из дворян в окольникчи³¹.

11 января русское посольство вместе с монгольскими послами в сопровождении воинов Алтын-хана двинулось в обратный путь. В пути следования распри между конфликтующими сторонами обострились. По свидетельству подьячего, Я. Тухачевский предложил написать статейный список о результатах работы посольства «по ево Яковлевой скаске, что он, Яков, скажет», на что последний не согласился. В ответ Тухачевский якобы приказал отнять у Огаркова подводы, предоставленные Алтын-ханом «до рубежа», и он вынужден был покупать лошадей «дорогою ценою». К тому же, по его словам, Я. Тухачевский приказал отнять у него котёл, и он вынужден был «есть мясо у огня, опекая на рожнах». На этом злоключении подьячего не закончилось. По прибытии посольства в русские ясачные волости на р. Кию, он был оставлен по приказу Я. Тухачевского «одново для тово, чтоб мне умереть голодною смертью». И лишь отправленные на его поиски воеводой Н. Егуповым-Черкасским служилые люди нашли его на р. Кии «чуть жива»³².

26 апреля 1635 г. посланцы русского царя и монгольского хана с конвоем прибыли в Томск. 12 мая Я. Тухачевский и Д. Огарков подали в приказную избу статейные списки, в которых каждый по-своему представил отчёт о выполнении по-

сольской миссии. Список Я. Тухачевского заметно отличался от отчёта Д. Огаркова краткостью и содержательностью изложения хода и итогов переговоров; акцентировкой на добросовестном исполнении всех пунктов посольского наказа, хорошем знании придворного этикета, обычаев и традиций восточных правителей и народов.

В нём, наряду с освещением всех произошедших непростых перипетий переговоров с Алтын-ханом, содержались также сведения о соседнем правителе Чагир-хане, внутреннем положении в Монголии и о других значимых событиях, происходивших в монгольских государствах. Подводя итог своей деятельности, он сравнил посольство к Алтын-хану с поездкой окольного В.Г. Коробьина в Данию в 1632 г. для обновления мирного договора и, тем самым, показал на своё знакомство с достижениями русских дипломатов в первые десятилетия правления Михаила Романова. В его отчёте, в отличие от отчёта его ретивого и скандального помощника, Я. Тухачевским не были упомянуты конфликтные ситуации, происходившие между русскими послами.

Ещё до прибытия в Томск Я. Тухачевский послал с нарочным новую челобитную на Д. Огаркова, в которой, как бы оправдывая свои действия по отношению к своему помощнику, детально по датам перечислил всё его «непослушанье и воровство».

Руководитель посольства обвинил Д. Огаркова в том, что по дороге «в мунгалы», тот уморил трёх государевых лошадей и верблюда, гружёных его «заповедными» товарами, в незаконной торговле в монгольских улусах, продаже вина и государственной бумаги, угрозе и оскорблении сына боярского Л. Васильева «очюнным матом» в присутствии Чечен-царицы, и указал, что самого Якова «лаял матерны всякою неподобною лаею», называл «изменником и мечтовщиком Ростригиным».

Подьячий обвинялся также в непристойном поведении и пренебрежительном отношении к подаркам Алтын-хана и Чечен-царицы, которые он якобы «метал о землю», а их дарителей «лаял всякою неподобною лаею», в угрозе монгольским послам: «вам де будет тож в Томском городе ограбленным». Ему также приписывалось богохульство, ведовство и развратные действия. По словам обвинителя, Д. Огарков хвастался также наличием у него особых «богохульных книг», способности «ведать... мысль

и думу» и заявлял служилым людям, что «я де у жон ваших естества краду да держю у себя, сколько хочу».

В заключительной части своей челобитной Я. Тухачевский заявлял, что по дороге домой на р. Ануге подьячий украл овцу у послов Алтын-хана. Последние взяли его с поличным: «мясо выняли и котёл с мясом взяли», а его хотели вести связанным, с ремнём на шее, до города, но Я. Тухачевский у них «одва упротил, чтоб для царского величества не опозорили ево»³³.

Примечательно, что в челобитной Алтын-хана и лабы Дайн Мерген-ланзы на имя царя от 14 января 1635 г. содержатся также жалобы на Д. Огаркова за нанесённое им «бесчестье». Если бы он не был государевым посланником, Алтын-хан повелел бы его «к коневым хвостам привязать и розно разорвать». Сообщая о принятии Алтын-ханом русского подданства, в своей грамоте царю лаба указал: «И вперед, государь, такого безумнаго человека не посылай. А бывал я во многих землях, а такова человека умного не видал, что Яков Тухачевской»³⁴.

Значительные расхождения в статейных списках русских послов и взаимные обличительные челобитные повлекли за собой разбирательство со стороны московских и томских властей. По указанию приказа Казанского дворца был проведён розыск с привлечением всех участников посольства. Тухачевский был задержан в Томске до выяснения всех обстоятельств по делу. Сопровождать Алтыновых послов в Москву отправили сына боярского Л. Васильева с четырьмя казаками, входившими в состав посольства.

В ходе сыска и проведения очных ставок обе стороны упорно стояли на своём, но рядовые казаки заняли позицию Я. Тухачевского, поддержанного также и воеводой князем Н. Егуповым-Черкасским. В результате проведения следствия «...князь Никита ж, государь, — писал позднее подьячий в своей челобитной, — меня, холопа твоего, за те государевы дела бил и бороду выдрал, и бив, посылай меня в тюрьму на 2 дни, и сидел я двое сутки». Добавим к этому, что в 1635 г. в съезжей избе на Д. Огаркова были поданы также две челобитные томским подьячим Я. Микифоровым, содержание которых нам не известно³⁵.

После долгого разбирательства и перевода в Посольском приказе грамот Алтын-хана об условиях принятия им русского подданства работа посольства была оценена положительно,

а действия Я. Тухачевского признаны соответствующими пунктам и требованиям посольского наказа. Казаку Д. Вяткину, потерпевшему убытки на подарках вельможам Алтын-хана на 22 руб., в Посольском приказе были даны тафта, сукно «аглицкое» и 15 руб. денег.

Дальнейшая судьба Я. Тухачевского сложилась вполне благополучно. Некоторое время он проживал в Москве, его знания и посольский опыт оказались востребованными в Сибирском приказе. Известно, что в 1638/1639 г. он давал в Сибирском приказе показания о количестве «конных людей» у киргиз, тубинцев и моторцев и их ясачных людях с указанием их владельцев³⁶. С учетом знания им сибирских дел в 1639 г. он был назначен вторым воеводой в Тару. В 1641 г. он возглавил крупную военную экспедицию (870 человек) в «Киргизскую землицу» на р. Чулым, где, несмотря на произошедшую в отряде смуту, было начато строительство нового русского форпоста — Ачинского острога³⁷. Затем было назначение воеводой в «златокипящую» Мангазею, переживавшую в 1640-е гг. новый подъём пушной лихорадки. Там он и умер 17 сентября 1647 г.

В тот же день по сложившейся традиции, по челобитью всего мангазейского люда, его сын Василий принял управление городом до государева указа. 9 марта 1648 г. мангазейский стрелец Иван Исаков подал в Тобольске мирскую челобитную первому воеводе И.И. Салтыкову от всего Мангазейского города с просьбой оставить Василия в Мангазее на весь срок службы его покойного отца. Тобольские наместники, по заведённой правилу, направили челобитную просителей в Москву, но Василию в управлении Мангазеей было отказано. Своё решение разрядные воеводы мотивировали тем, что Василий Тухачевский — «человек молодой, чину ни в каком у... государя и у... государевых дел нигде не бывал, и это ему не за обычай, а в Мангазее... государевы многие дела и... государева соболина ясачная казна собирается многая», и «наперед сего в многие сибирские города, где воевод не станет, посылали письменных голов, а воеводские дети, которые у... государя и в приказе были, без... государева указа, в городех после отцов своих у дел не бывали». Руководствуясь этим небесспорным аргументом, воеводы, не дожидаясь ответа из Москвы, послали в Мангазею письменного голову Андрея Секерина с новым подьячим

и велели им управлять городом, ведать все государевы дела по наказу, данному покойному воеводе, а Василия отстранить от дел. Секерин, приняв у Василия дела, вскоре умер, и по указанию из Тобольска «досиживал» его сын Андрей³⁸. Дальнейшая служба В. Тухачевского нам не известна.

Другой сын Осип Яковлев Тухачевский стал на рубеже веков стольником и воеводой в Тюмени и управлял городом до 1706 г.³⁹ В Тюменском областном архиве сохранились отдельные свидетельства его управленческой деятельности и деловой активности. В 1701 г. он получил грамоту о ссылке на пашню в Иркутск стрелецкого пятидесятника Захарова за «непристойные слова про великого государя». В этом же году воевода дал «наказную память» тюменским служилым людям о поимке беглых татар Ингалинских юрт и конфискации у них имущества. В 1704 г. в связи с развернувшимся строительством каменного кремля в Сибири он сообщил в Тобольск о первых опытах обжига кирпича в Тюмени мастером Алексеем Ремизановым⁴⁰.

Таким образом, при выполнении посольской миссии Якова Тухачевского проявились разные подходы, средства и способы общения российских посланников с «иноземцами»: жёсткий административный стиль Д. Огаркова, предполагающий безоговорочное подчинение русскому царю независимого монгольского правителя, и более сдержанный и реалистический курс Я. Тухачевского, основанный на учёте взаимовыгодных интересов сторон, умении находить общий язык с представителями других народов и на отсутствии при этом политического и этнического превосходства.

Несмотря на то, что Алтын-хан отказался в последующем подтвердить принесённую присягу и считать себя подданным Московского государства, посольство Я. Тухачевского сыграло немалую роль в укреплении русско-монгольских отношений. Его очевидным результатом стало временное прекращение военных конфликтов с русскими властями, развитие взаимовыгодного торгового и культурного обмена. Напомним, что в 1638 г. благодаря Алтын-хану новые томские послы, сыны боярские В. Старков и С. Неверов знакомят русских царей с новым напитком — чаем, который постепенно приобретёт широкую популярность в российском обществе.

¹ Евсеев Е.Н. Воевода Тухачевский // Омская старина: историко-краеведческий альманах. Омск, 1995. Вып. 3. С. 17–28.

² Миллюков А.Н. Посольство московского дворянина Якова Тухачевского в Монголию в 1634 году // Молодой учёный. 2011. №9. С. 167–170.

³ Русско-монгольские отношения. 1607–1636... №96. С. 193.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Стб. 27. Л. 237 об.

⁵ Русско-монгольские отношения. 1607–1636... №95. С. 191–192; №96. С. 193.

⁶ Там же. №104. С. 231.

⁷ Там же. №96. С. 193; №104. С. 228.

⁸ Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения... С. 38.

⁹ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 189–196. Соколовский И.Р. На двух пограничьях. К портрету воеводы Якова Тухачевского // Проблемы истории государственного управления Сибири XVI–XXI вв. Материалы VI Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2006. С. 8–12.

¹⁰ Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 5. Т. 9–10. М., 1990. С. 101.

¹¹ Соколовский И.Р. На двух пограничьях... С. 8.

¹² Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 118, 587, 705.

¹³ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 189.

¹⁴ Вершинин Е.В. Воеводское управление... С. 43; Демидова Н.Ф. Служилая бюро-

кратия в России XVII века. (1625–1700.) Биографический справочник / отв. сост. Г.А. Иванова. М–Ж. М., 2001. С. 404.

¹⁵ РИБ. Т. 2. №196. С. 921–922.

¹⁶ Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения... С. 38.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 452; Л. 449 об.; Стб. 27. Л. 267; Кн. 70. Л. 148; Сборник документов по истории Бурятии... №39. С. 143–144; Русско-монгольские отношения. 1607–1636 ... №96. С. 193, №103. С. 225; Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. (1608–1683.) М., 1969. Т. 1. С. 105.

¹⁸ Ананьев Д.А. Участие сибирских служилых людей в установлении и развитии русско-ойратских дипломатических отношений в первой половине XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. №4. С. 93–97.

¹⁹ Русско-монгольские отношения. 1607–1636... №96. С. 193; №106. С. 236–237.

²⁰ Там же. №103. С. 216; №102. С. 204.

²¹ Там же. №103. С. 220.

²² Там же. С. 225.

²³ Там же. С. 224.

²⁴ Там же. №102. С. 206–207.

²⁵ Там же. №103. С. 221.

²⁶ Там же. С. 222.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 223.

²⁹ Там же. С. 224.

³⁰ Там же. С. 225–226.

³¹ Советская историческая энциклопедия. В 16 томах / гл. ред. Е.М. Жуков. Т. 7. Кареев — Кошакер. М., 1965. С. 108.

³² Русско-монгольские отношения. 1607–1636... №96. С. 193, 225–227.

³³ Там же. №116. С. 249–250.

³⁴ Там же. №112. С. 245–246.

³⁵ Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII — начала XVIII веков в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета / сост.

В.А. Есипова, Г.Н. Старикова. Томск, 1999. №3. С. 9.

³⁶ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 3. Часть вторая. С. 179.

³⁷ Резун Д.Я. Русские в Среднем Причумылье... С. 68–70.

³⁸ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 3. Ч. 1. С. 260.

³⁹ Вершинин Е.В. Воеводское управление... С. 182.

⁴⁰ Тюменский уезд в XVII–XVIII вв. (Обзор фонда-комплекса Тюменской приказной избы и воеводской канцелярии.) Тюмень, 1969. С. 85, 135, 154.

«Китайская грамота» казака Емельяна Вершинина

Поездки русских служилых людей с посольствами к другим народам и в сопредельные с Сибирью государства в XVII в. были нередким явлением. На важность и значимость их для укрепления российского влияния в колонизируемой сибирской «окраине» обратил внимание блестящий знаток истории Сибири эпохи землепроходцев Н. Н. Оглобин. В одной из своих работ он писал: «Установление политических и торговых сношений с независимыми и полунезависимыми владетелями соседних с Сибирью мунгальских, киргизских, калмыцких и других стран, нередкие дипломатические победы над ними, все мирные завоевания порубежных земель путём посольских переговоров — всё это было делом этих непатентованных дипломатов, отбывавших “посольское дело” наряду со всяким другим “государевым делом”. Они оставили нам любопытные “статейные списки” своих посольств, представляющие ценные материалы не только для политической истории среднеазиатских владений XVII века и наших сношений с ними, но и для географии и этнографии центральной Азии»¹.

В числе таких «непатентованных» русских дипломатов, первыми проложивших дорогу в государства Восточной и Средней Азии, были рядовые томские казаки — Иван Петлин (1619 г.) и Емельян Вершинин (1640 г.). Жизненный путь и путешествие И. Петлина в Китай, Монголию и Тибет, с глубоким описанием им жизни народов восточных стран, уже достаточно подробно изучены и освещены в литературе². Меньшую известность получили поездки в сибирские «новые земли», а также в Монголию, Среднюю Азию, Китай другого русского посланника — Емельяна Вершинина. Сведения о его биографии и службе в Сибири, в отличие от его знаменитого предшественника, носят во многом ограниченный, фрагментарный характер и не дают полной картины о его широкой посольской практике и жизни в целом. Изучение и анализ сохранившихся разрозненных, отрывочных сведений позволяют получить более глубокое представление о его личности, происхождении, посольской службе,

поездках в восточные страны, а также участии в социальных движениях, хозяйственной деятельности и других сторонах жизни активного сибирского казака.

Емельян Еремеев Вершинин, по одной версии томский казак, по другой тарский, происходил из потомственной служилой среды. Его отец Еремей Вершинин, по словам сына Прокофия Вершинина, был «важенин» — выходец с берегов реки Ваги, притока Северной Двины. В 1590-е гг. в составе одного из правительственных отрядов Еремей был послан из Москвы в Сибирь, где участвовал в строительстве ряда сибирских городов: Сургута, Нарыма, Томска и Кетска, после чего был оставлен на службе в Томске³. Его сыновья Емельян и Прокофий (Пронка), очевидно, родились в Томске, ставшем центром обширного разряда, где и были повёрстаны в конные казаки. Их имена впервые встречаются в именной книге Томского города 1630 г. в составе «литовского списка», где Е. Вершинин упоминается как семейный конный казак, состоявший в десятке П. А. Попова, с окладом 7 руб. с четью, 7 четей муки, 6 четей круп, 2 пуда соли⁴. Как и многие служилые люди, Емельян занимался земледелием, в 1637 г. он служил уже без хлебного жалования, получал «с пахоты своей» 14 четей ржи, 8 четей овса, 7 четей с осминой ячменя, имел 10 десятин «перелогу» и полностью обеспечивал себя собственным хлебом⁵.

Как и все ратные люди Томского гарнизона, Емельян выполнял различные «государевы службы», среди которых наиболее важными и ответственными были поездки в неподвластные русскому государю «новые земли» и «далнии посылки» с посольством в порубежные восточные страны. Правительство придавало особое значение посольским делам, способствующим налаживанию мирных отношений и торговых связей с сопредельными государствами и установлению контактов с правителями кочевых «воинских людей», нередко совершавшими нападения на русские владения. Руководители Посольского, Казанского и Сибирского приказов требовали от воевод направлять к «иноземцам» лиц, владеющих грамотой, знающих язык, условия и особенности жизни других народов и умеющих проводить и отстаивать «государевы» интересы.

Одна из первых таких поездок Е. Вершинина состоялась в 1636 г. 28 августа он был определён в состав посольства в «мун-

гальскую землю» к монгольскому правителю Алтын-хану под началом бывшего выходца из греческих земель, томского сына боярского Степана Греченинова (Греченина). Цель поездки состояла в том, чтобы закрепить успехи русской дипломатии, достигнутые предшествующим посольством к Алтын-хану дворянина Якова Тухачевского в 1634 г., и добиться принятия российского подданства монгольским правителем. Для выполнения «дальней» государственной службы ему, как и другим спутникам, было выдано денежное жалование за 1637 г. и «подмога против годового оклада», которая составила 14 четей ржи, 8 четей овса, 7 четей с осминой ячменя⁶.

Долгий и нелёгкий путь в монгольские степи, проходивший через Киргизскую землю, был уже хорошо известен русским землепроходцам, но по-прежнему оставался тяжёлым и опасным. Особенно большую угрозу представляли енисейские киргизы и тубинцы, постоянно совершавшие нападения на русские владения. 30 октября при переправе через р. Алас «у Саянского камня» на послов внезапно напали «саянские мужики», которые пытались отнять у них государеву казну с «жалованием», предназначенным монгольскому правителю. Набег кочевников был отбит, но послы понесли при этом материальный урон, один тюк с подарками казны кочевники сумели захватить. Благодаря проводникам, высланным Алтын-ханом навстречу русским посланникам, они успешно достигли ханской ставки.

Следует отметить, что поездки русских людей в Сибири с посольскими миссиями не всегда завершались благополучным исходом. В 1645 г. было совершено убийство в Кан-Карокольской «землице» в Горном Алтае кузнецкого пятидесятника Куземки Володимерова. В 1652 г. были ограблены и унижены кузнецкий десятник Шестак Яковлев «с товарищи», направленные к телеутам в качестве послов. На обратной дороге отряд Ш. Яковлева был пленён сойонами и телеутами, которые ограбили воеводских посланцев, обрили в насмешку бороды казакам и отпустили их домой⁷.

Ещё более трагично завершилось несостоявшееся посольство тобольского сына боярского Ерофея Заболоцкого и подьячего В. Чаплина в Монголию в 1650 г. Прodelав большой путь, послы остановились на ночёвку на р. Усть-Прорве на восточном берегу Байкала, где на них внезапно напали буряты и убили 8 человек,

в том числе Ерофея, его сына Кирилла, В. Чапелина, В. Безноскова, Т. Соснина, О. Сергеева, Я. Скороходова.

9 мая 1653 г. на месте гибели отряда служилый Фёдор Афанасьев с группой казаков установили крест и поставили зимовье⁸. В 1681 г. на этом же месте 12 монахов Темниковского Санаксарского монастыря во главе с игуменом Феодосием и иеромонахом Макарием основали Посольский Спасо-Преображенский мужской монастырь⁹.

«Послование» Гречанинова — Вершинина проходило и завершилось вполне успешно. На приёме у Алтын-хана, после завершения должного посольского церемониала, уже хорошо описанного в литературе, Вершинин вместе с другими посланниками вручил правителю подарки на 19 руб., а также отдал свою саблю и пищаль, как того требовали монгольские придворные правила. После завершения своей миссии С. Гречанинов отправил Е. Вершинина нарочным в Томск с «изветом» о её результатах и возвращении домой русского отряда, отправленного вместе с монгольскими послами¹⁰.

В этом же году Вершинин снова побывал с подарками у влиятельного духовного лидера монголов — тибетского ламы Даин Мерген-ландзу, оказывавшего покровительство русским посланцам и стремившегося также заручиться поддержкой царского правительства. После обмена любезностями о здравии обоих правителей и заверений сторон жить в мире и дружбе Емельян вручил ламе «государево жалование», взамен получил «шубу баранью да озям безиной». В своём письме русскому царю Даин Мерген-ландзу выразил своё удовлетворение действиями послов и заключением соглашения заинтересованных сторон. Он также извещал, что С. Греченинов, как и его предшественник, дворянин Я. Тухачевский, в отличие от томского подьячего Д. Огаркова, занявшего жёсткую позицию в вопросе безусловного принятия русского подданства независимым монгольским правителем, «послы добрые»¹¹.

30 сентября 1638 г. Е. Вершинин с группой казаков во главе с пятидесятником Андреем Губой вновь был направлен томским воеводой И. Ромодановским с государевым жалованием «в киргизы». Служилым людям было велено идти «в Кыргызскую землю» к князю Ишею «в Тубу и Маторы», князю Кояну в «Чорные волости в Шусты», и князю Алтыбаю, где предстояло собрать

сведения об их намерениях в отношении русских: «проведать нет ли у кыргызских князцев какова збору и не чаят ли их под государевы которые города войною приход». Для придания большей убедительности аргументам в склонении кочевых владельцев к «послушанию» и принятию шерти послам надлежало сообщить о решении Алтын-хана быть под государевой «высокою рукой». Помимо этого отряду было указано на обратном пути собрать ясак в порубежных волостях — в «шустах и в гоях» на 1639 г.¹²

Результаты этой поездки неизвестны, но несомненно одно: в поездках к тюркским и монгольским владетелям Вершинин приобрёл необходимые посольские навыки и опыт общения с «иноземцами», усвоил нормы и обычаи жизни кочевников. Вскоре ему стали поручать выполнять самостоятельно другие ответственные посольские задания. 28 сентября 1640 г. воеводским указом Емельян был направлен «с товарищи»: городовым толмачом бухаретиним Ермометкой Шагалаковым и казанским гулящим татариним Алыбайком в «чёрные калмыки» к ойратскому правителю Дайчину (Тайчи-тайши), сыну известного тайши Урлюка, кочевавшего в верховьях Иртыша и Яика. Целью поездки было выдвижение традиционных к кочевым правителям предложений, содержащихся в воеводских пространных наставлениях («памятях»).

По прибытии «в калмыки» Вершинину было указано: призывать Дайчина к шерти с соблюдением им необходимых обязательств: «под твои государевы сибирские города и остроги и на твоих государевых ясачных людей войною не приходить, и на промыслех и на проездах твоих государевых русских людей и татар не побивать и не грабить и под твои государевы сибирские города и остроги и на твоих государевых ясачных людей войною не приходить, и на промыслех и на проездах твоих государевых русских людей и татар не побивать и не грабить... и с скотом и со всяким своим товаром улусных своих людей под Томской город присылать торговать»¹³.

Поставленная перед малочисленными русскими посланцами задача — склонить мирными средствами сильного калмыцкого правителя принять российское подданство — была трудным, порой безнадежным делом. Но московское правительство не всегда учитывало сложные сибирские реалии, расстановку сил в регионе и нередко настойчиво требовало от своих воевод-на-

местников добиваться безоговорочного подчинения русской власти не только правителей мелких потестарных образований, но и владетелей независимых восточных государств. Последние, как правило, рассматривали принятие шерти — присяги на верность русскому царю — не как вассальную зависимость от сильного сюзерена, а лишь как возможность заключения выгодного для них военно-политического союза с могущественным государством, способным оказать им помощь в борьбе с враждебными соседями.

Посольская миссия Вершинина к видному калмыцкому тайше непредвиденно надолго затянулась, что вызвало беспокойство воевод, сообщивших в Москву о своём неведении в отношении пропавших томских посланцев. Лишь спустя три года Вершинин сумел один, без спутников, возвратиться в Томск. 20 сентября 1643 г. он сообщил новому воеводе С. В. Клубкову-Мосальскому причину длительного отсутствия и сведения о приключениях, произошедших с ним и его товарищами во время нахождения у калмыков.

По словам Вершинина, после выполнения русскими посланниками возложенных на них обязательств тайша Дайчин удержал «силно» их в своём улусе, а сам отбыл надолго в неизвестном направлении. Составители сборника материалов по истории русско-монгольских отношений предполагают, что тайша отбыл на съезд монгольских владетельных князей, созванный в 1640 г. по инициативе ойратского Батур-хунтайджи для объединения сил в связи с угрозой маньчжурского нашествия¹⁴.

Обращение и отношение к русским послам во время их вынужденного двухгодичного пребывания в улусе тайши в целом соответствовало принятым дипломатическим нормам, по утверждению Вершинина: «Корм был доволен и никакой обиды, и тесноты ни в чём не было»¹⁵. Но возвратившись в свой улус осенью 1641 г., тайша вновь не отпустил Емельяна с товарищами в Томск. Он отправил их со своими людьми с товарами, купленными в улусе тайши, с торговым караваном в города Средней Азии, а затем и в Китай. Причину такого поведения тайши в отношении к русским полномочным посланцам Е. Вершинин не указывал. Можно лишь предположить, что, возможно, Дайчин продемонстрировал таким образом русским властям свою независимость, свободу действий в отношении царских воевод

и способность осуществлять широкие торговые и политические связи с разными государствами и народами без участия и покровительства России.

Оказавшись вновь «в неволе», русские послы вынуждены были совершить поездку с караваном сначала в Трухменкалу (город в Туркмении), затем посетили бухарские города — Самаркан и Ташкен, а также родовые владения Казачьей Орды. В пути следования каравана, при не указанных Вершининым обстоятельствах, один из его спутников был убит в какой-то «драке», другой был отпущен с товарами в Бухару, где следы его затерялись. После поездок «тяжолым ходом со вьюки» по Средней Азии караван Дайчина осенью 1641 г. достиг китайского порубежного города Сюмени (Синина), где до весны следующего года продолжил вести свои торговые дела. Лишь после возвращения каравана из Китая в улус Дайчина Емельян был отпущен в Томск с заверением готовности калмыцкого владетеля служить великому государю: «и прямить и добра хотеть и никакова дурна не думать, и под Томской город с торги приходить».

Сообщение о прибытии Вершинина в Томск, полученных от него вестях и посещении им Китая было отправлено незамедлительно воеводской отпиской в Сибирский приказ. В отличие от подробной и живописной «рописи» И. Петлина о его пребывании в Китайской империи, заметки Вершинина отличаются краткостью изложения. В своём отчёте он отметил лишь большие размеры и каменные постройки Синина, его многолюдье и оживлённую торговлю. Сведения о столице Китая Пекине, которые он получил, по-видимому, от местных купцов, также немногословны и носят общий характер: «а тот де город, где китайский царь живет, добре велик, сказывают от стены до стены поперек города конем день ездю. А товаров... в Китайском всяких много, и овощ огородной русской и немецкой всякой родится»¹⁶.

Лаконизм сообщения Вершинина, вероятно, объясняется тем, что его поездка в Китай не была предусмотрена властями, и он, следовательно, не получил перед непредвиденной поездкой в Китай специального наказа-наставления с поставленными в нём вопросами, которым обычно снабжались русские послы при отправлении в другие государства. Возможно также, что томские воеводы в расспросе не проявили большого внимания к его вынужденному путешествию в Китай или не сочли

нужным подробно описывать его наблюдения, ограничившись в своей отписке о его поездке лишь небольшими извлечениями. Следует также учитывать, что правительство не позволяло сибирским воеводам проявлять самостоятельно дипломатическую активность, а в 1616 г. специальным указом даже запретило отправлять посольства к Алтын-хану и в Китайское государство¹⁷.

Между тем во время пребывания в Синине Вершинин встречался с китайскими чиновниками, где ему, как представителю Русского государства, была вручена грамота, в которой выражалось стремление Китая поддерживать добрососедские торговые отношения с могущественным северным соседом. Вместе с отпиской воеводы китайская грамота, привезённая Вершининым, была направлена в Москву. Но, как и предыдущая, врученная И. Петлину в 1619 г., за неимением переводчиков в столичных приказах, она не была прочитана, и русское правительство так и не узнало о предложениях главы Минской империи¹⁸.

По-видимому, в Сибирском приказе сочли дипломатическую миссию томского казака, совершённую «в калмыки», успешно выполненной, а сведения, привезённые им о государствах и народах Средней Азии и Китая, заслуживающими внимания. За посольскую службу ему было велено повысить размер денежного и хлебного жалования и выплатить его за прошедшие годы. В 1643 и в 1665 гг. его полный оклад составлял 9 руб. с четью, 8 четей с осминой ржи, 6 четей овса, 2 пуда соли и был самым высоким среди рядовых конных казаков томского гарнизона¹⁹.

Последующая служба Е. Вершинина в Томске была также связана с посольскими делами. В конце 1646 г. он был направлен с уже упомянутым выше сыном боярским Степаном Гречениновым к влиятельному телеутскому князю Коке Абакову. Целью посольства было наладить ухудшившиеся отношения между русскими и телеутами в связи с взаимными «задорами», чинимыми обеими сторонами. Послование С. Греченинова «в калмыки» закончилось неудачей: у самого посла украли лошадь, а члена миссии К. Кызласова даже избили. В следующем году Е. Вершинин самостоятельно совершил поездку в улус Абаковичей с целью разрешения спорных вопросов и возобновления торгового обмена с телеутами²⁰. Очевидно, переговоры с телеутами на этот раз прошли на более приемлемых для участников условиях, поскольку в июне-июле 1647 г. вместе с товарищами

он «съезжался» с «белыми калмыками» в их владениях на р. Искитиме, «ниже Писанного камня», для «лешевания» (ведения звериного промысла)²¹.

Е. Вершинин, в отличие от многих рядовых казаков, не принимал активного участия в бурных событиях томского восстания 1648–1649 гг., направленного против злоупотреблений воеводы князя Осипа Щербатого. Есть основания считать, что он вместе с братом Прокофием (Пронкой, имеющим прозвище Жук) был в числе умеренных сторонников свергнутого воеводы. Их имена не встречаются в общегородских мирских челобитных, инициированных восставшими и направленных царю. Они не входили также в состав явных сторонников враждующих воевод, не были вовлечены в их активные действия и по завершении «смуты» не были привлечены к следствию.

Об их нейтральной позиции свидетельствуют и другие факты. В разгар «смуты», в январе 1649 г. Е. Вершинин возглавлял группу разведчиков в походе под руководством сына боярского Степана Неверова на «чёрных калмыков». Последние напали на шегарских ясачных людей, живущих недалеко от Томска, убили 8 человек, взяли в плен 40 человек, захватили собранный царю ясак и скрылись с ясырем и награбленным. Высланная вперёд разведка во главе с Е. Вершинином быстро обнаружила противника и сообщила о его местонахождении. Но брошенный за ними отряд С. Неверова из-за возникших среди казаков разногласий не сумел их догнать и вскоре вернулся ни с чем. О. Щербатый, по этому поводу, ссылаясь на мнение Вершинина, не без оснований считал, что часть казаков, являвшихся сторонниками воеводы И. Бунакова, намеренно сорвала поход на джунгар, которых можно было настигнуть и покарать²².

Однако бурные события, произошедшие в Томске, не обошли стороной брата Емельяна, конного казака Пронку Жука, пострадавшего от рук И. Бунакова. За отказ подписать коллективную челобитную, инициированную воеводой о замене томской городской печати личной печатью И. Бунакова, он был бит по приказу воеводы на воинском смотре ослопом, при этом воевода лично сломал ему руку. Но и после этого казак ответил упорным отказом, твердя, что «не хочет порудить (ослушаться. — И.К.) твоего государева указу, а крест де он целовал тебе, государю, а не ему, Илье». В мае 1649 г. его арестовали и хотели пытать, но

Прокофий сумел откупиться от истязаний, по его словам, «чтоб его за посмеих внапрасне не испортили», и тем самым сумел избежать незаслуженного наказания²³. О сильном, независимом характере П. Вершинина и умении за себя постоять может свидетельствовать и такой факт: когда на калмыцком торгу во время «смуты» у него украли из ножен нож, он вступил в драку с воровскими телеутами и сумел вернуть украденное²⁴.

Дальнейшая служба и судьба Е. Вершинина и его брата в источниках не прослеживаются. Известно лишь, что в 1658 г. они выразили свою активную позицию в отношении томского подъячего В. Чебучакова, подписавшись под общегородской мирской челобитной о его должностных злоупотреблениях, повлекшей за собой отставку ненавистного подъячего²⁵. Сохранились свидетельства о нахождении их в составе томского гарнизона в прежнем статусе в 1675 и 1680 гг.²⁶ Можно также считать, что служившие «с пашни» братья Вершинины являются основателями одноимённой деревни, возникшей в 1670-е гг. недалеко от Томска.

Таким образом, в ходе присоединения Сибири и становления в ней русской государственности большое значение имели «посольские дела» рядовых служилых людей. Благодаря поездкам с посольством томских казаков И. Петлина, Е. Вершинина и других русских посланников в Монголию, Китай и Среднюю Азию шло накопление знаний не только о «новых сибирских землях», но и сопредельных с Сибирью государствах и народах. Привезённые ими сведения оказались полезными для будущих посольств в изучении стран Центральной и Восточной Азии. Установление мирных политических и торговых связей с «иноземными» правителями на ранней стадии освоения Сибири позволяло русским властям избегать крупных военных конфликтов, характерных для западных государств в эпоху колониальных захватов, формировать политику, способствующую укреплению влияния России на восточных рубежах и превращению её в могущественную евразийскую державу.

¹ Оглоблин Н.Н. Сибирские дипломаты XVII века. (Посольские «статейные списки») // Исторический вестник, 1890. Т. 46. № 10. С. 156—171.

² Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае. (Роспись И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М., 1966.

³ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 38.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Стб. 27. Л. 129, 268.

⁵ Бояршинова З.Я. Население Томского уезда... С. 185.

⁶ Русско-китайские отношения в XVII в. ... Т. 1. С. 78.

⁷ Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда... С. 223, 250.

⁸ Служилые люди Сибири конца XVI — XVIII века: библиографический словарь / отв. ред. И.П. Каменецкий; сост.: И.П. Каменецкий, Д.А. Ананьев, Е.В. Комлева, Е.Н. Туманик. М.; СПб., 2020. С. 302.

⁹ Щеглов И.П. Хронологический перечень важнейших данных... С. 128.

¹⁰ Русско-монгольские отношения. 1607—1636... С. 32, 49.

¹¹ Там же. С. 31—34, 38—50, 78, 89, 418.

¹² Бутанаев В.Я., Абдыкалыков Л.Е. Материалы по истории Хакассии XVII — начала XVIII в. Абакан, 1995. № 18. С. 86—87.

¹³ Русско-китайские отношения в XVII в. ... С. 120.

¹⁴ Русско-монгольские отношения. 1636—1653... С. 540.

¹⁵ Русско-китайские отношения в XVII в. ... С. 120.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае... С. 5.

¹⁸ Там же. С. 31. Авторы полагают, что «из-за незнания русскими китайского языка грамота десятки лет лежала в Посольском приказе непереверённой и представляла собой неразрешаемую загадку (до тех пор, пока Н. Спафарий не перевёл её), в результате чего в русский язык вошло устойчивое выражение «китайская грамота».

¹⁹ РГАДА Ф. 214. Кн. 479. Л. 102, 114; Кн. 566. Л. 562, 566 об.

²⁰ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 73, 74, 76.

²¹ Русско-монгольские отношения. 1636—1653... С. 305.

²² Покровский Н.Н. Томск, 1648—1649 гг. ... С. 165, 272.

²³ Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 308—309, 311.

²⁴ Бояршинова З.Я. Указ. соч. С. 144.

²⁵ РГАДА. Ф. 214. Стб. 84. Л. 7 об.

²⁶ Там же. Кн. 566. Л. 556 об., 562 об; Кн. 622. Л. 64, 65.

Иван Похабов, его дела и «неистовства»

Личность известного землепроходца, енисейского администратора Ивана Похабова привлекала внимание отечественных историков ещё со времён Второй Камчатской экспедиции Г.Ф. Миллера. На его служебные злоупотребления, совершённые в Братской (Бурятской) земле и названные «неистовствами», впервые обратил внимание участник этой экспедиции И. Фишер¹. Отдельные материалы о назначении И. Похабова приказчиком в Маковском остроге и открытии им «новых земель» привёл в своём «Обзрении» Н.Н. Оглоблин². В советский период наиболее полно осветил его личностные качества и допущенные злоупотребления в Бурятской земле А.П. Окладников³. Последующие историки ограничивались лишь отдельными сведениями об его походах и хозяйственных занятиях, не давая при этом оценку его служебной деятельности. Многие вехи его биографии, административной практики, служебного и семейного окружения представлены в трудах историков фрагментарно и до сих пор не получили ещё полного и целостного освещения в литературе.

Сведения о происхождении и начальном статусе И. Похабова до отправления его в Сибирь не отличаются большой достоверностью. По одним данным, он вышел из Великого Новгорода, по другим — из Устюга, из семьи служилых людей «по отечеству». Следуя данным капитального труда С.Б. Веселовского, можно предположить, что Похабовы вышли из московской приказной среды. Один из представителей этой фамилии Фёдор Похабов был в 1553/1554 г. подьячим в Москве, другой Фёдор с 1652/1653 по 22 февраля 1657 г. был подьячим на Верхотурье⁴.

В 1641 г. И. Похабов был послан из Москвы с красноярским атаманом Милославом Кольцовым в Енисейск на «государеву» службу. В окладной книге 1643 г. он значился сыном боярским с окладом 12 руб., 10 четей ржи, 8 четей овса⁵. Назначение его сыном боярским в разрядном городе Сибири с достаточно высоким окладом может свидетельствовать о прежних заслугах его самого или его родителей.

Находясь в Енисейске, И. Похабов, как и другие начальные люди, выполнял ответственные административные поручения, главной целью которых было получение «государевой прибыли». В 1643 г. он был назначен воеводой О.Г. Аничковым приказчиком в недавно образованную Дубчасскую слободу Енисейского уезда для прибора новых крестьян и расширения государевой пашни. Но пребывание его на посту приказчика было непродолжительным. Местные крестьяне во главе с основателем слободы, предприимчивым торговым человеком Цыпаней Григорьевым убедили его, возможно, не без взятки, в бесперспективности дальнейшего расширения пашни. И. Похабов, согласившись с их доводами, вернулся в Енисейск, сообщив при этом в своей «рописи» имена лишь пяти крестьян, занимавшихся земледелием⁶. На самом деле благодаря усилиям энергичного и деятельного Цыпани за короткий период на пустынных берегах Енисея выросла слобода, состоявшая в 1651 г. из 16 крестьянских дворов⁷.

В 1644 г. И. Похабов был послан на Ангаре в Братский острог для сбора ясака и «прииску новых земель». В своих отчётах воевода Ф. Уваров и сменивший его Ф. Полибин сообщали, что, в отличие от своего предшественника, приказчик успешно справился с поставленной задачей: собрал ясак «с прибылью», кругом старого строения поставил новый острог, укрепив его надолбами и рвом. Кроме того, с тридцатью служилыми людьми он «ходил войною на братских людей» вверх по Ангаре до её притоков Осы, Белены, Куды, Иркута и, обогнув Байкал, открыл новую реку Селенгу. В 1645 г., сдав дела сменившему его приказчику, известному землепроходцу, атаману Максиму Перфильеву, Похабов вернулся в Енисейск, где продолжил нести прежнюю службу⁸.

В 1646 г. на него поступил извет от енисейского сына боярского, «немчина» испанского происхождения Ивана Ермиса (Ермес), известного своей необычной биографией и несбыточными авантюрными проектами⁹. По словам Ермеса из челобитной, изложенной царю, он много лет служил испанскому королю, плавал на больших кораблях «за море». Волей судьбы оказался в русском плену, принял православие и был послан на службу в Сибирь, в Енисейский острог, куда по прибору, по доброй воле и принудительно стекались толпы людей в поисках лучшей доли, добычи, а также искатели приключений. Чтобы показать свою значимость и вырваться из Сибири, Ермес предложил

в челобитной царю организовать экспедицию в Приамурье для завоевания какого-то далёкого богатого царства. Для этого, по его словам, ему нужно было лишь 300–400 казаков, которых он обещал набрать в Енисейске, и специалистов по морскому делу, среди них нужны один француз, один немец и «арап» для толмачества¹⁰. Не получив ожидаемой поддержки, Ермес, очевидно, пытался иным способом привлечь к себе внимание. Он обвинил И. Похабова в том, что, будучи на пиру у сына боярского И. Перфильева, тот якобы говорил «непристойные речи» о царе Михаиле Фёдоровиче. По царской грамоте 22 сентября 1647 г. было предписано доставить истца и ответчика для проведения сыска в Томск. Но Похабову удалось избежать следствия, он успел до прихода грамоты уйти с большим отрядом казаков, «охотников» и «заемщиков» (96 человек) в поход на Байкал¹¹. В составе отряда находились также шесть покрученников, нанятых Похабовым на свои средства, что не может не свидетельствовать об его предприимчивости и стремлении извлечь личную выгоду. Ермес же был доставлен в Томск, где 11 месяцев просидел скованным в тюрьме, после чего подал повинную челобитную в ложном доносе, за что в «поучение был бит кнутом и отправлен на прежнюю службу»¹².

Целью нового похода в «Братскую землю» было не только «замирение» местных непокорных бурят и сбор ясака, но и «приискание» серебряных руд и «проведывание» дороги в Китай. Как известно, после неудачной «серебряной экспедиции» воеводы Я. Хрипунова правительство не оставило новых попыток разведывания драгоценных металлов в Восточной Сибири и продолжило их поиски¹³. Кроме того, оно придавало важное значение установлению отношений с восточными странами, сбор сведений о которых постоянно присутствовал в воеводских наказах и «памятках».

Отряд Похабова благополучно дошёл до Балаганских степей, где на Осинском озере, в устье р. Унги им был заложен Осинский острог¹⁴. Весной 1647 г., после вскрытия льда, Похабов отправился в новый поход по Ангаре через Байкал на р. Селенгу и Уду. Поход длился 14 недель, сопровождался большими трудностями, в ходе его служилые люди несли немалые потери от «братских людей» и тунгусов, поддержанных монголами. В одном из столкновений с ними отряду удалось разгромить «братов», захва-

тять более 70 человек «ясыря» и соорудить небольшой острог в юго-западной части Байкала, в местечке Култук¹⁵. В сражении с бурятами и тунгусами на р. Погромной, закончившемся также победой русских, два казака попали в плен. Для их освобождения Похабов направился «лыжным ходом» с посольством к бурятскому князю Турукай-табуну и его сюзерену монгольскому правителю Цецен-хану. Скрытой целью посольства, как было уже указано, являлось проведение «в мунгалах» серебряной руды и пути в Китай¹⁶.

После завершения похода, вернувшись в Енисейск, Похабов выступил с предложением поставить на р. Осе, Белой, Иркуте, устье Селенги остроги с небольшими гарнизонами, которые могли бы собирать ясак с новой территории и контролировать движение коренных народов в Южном Приангарье. Воевода Ф.И. Полибин, как и все сибирские наместники, будучи заинтересован в расширении района ясачного сбора, направил Похабова в Тобольск для консультации с вышестоящей разрядной властью.

20 октября 1648 г., находясь в Тобольске, Похабов представил в своих «расспросных речах» сведения о новых землях, о своей поездке к Цецен-хану и попытке проехать от него к князю Богдою¹⁷. Он также подал челобитную на имя царя, в которой были перечислены его прежние службы: походы в Братскую землю, на Байкал, открытие новых земель и р. Селенги, Иркута, «строение» Байкаловского и Осинского острогов, посольство к «мунгальскому царю Цысану» и другие достижения. Его «радение государеву делу» было оценено правительством, грамотой Сибирского приказа тобольским воеводам было указано «за мунгальскую службу» увеличить Похабову жалование на 3 руб. 2 чети ржи¹⁸.

Осенью 1648 г. воевода Ф.П. Полибин вновь отправил Похабова с отрядом 86 человек на Ангару с наказом поставить острог «выше Братского прежнего острога». Зазимовав в Осинском остроге, который после ухода отряда Похабова будет сожжён бурятами, весной он ушёл на Байкал, где возвёл новый острожек для сбора ясака¹⁹.

В 1649 г. Похабов был назначен «приказным человеком» Маковского острожка и приказчиком енисейских пашенных крестьян. В наказе Сибирского приказа ему было велено смо-

треть за крестьянами «накрепко», а за «ослушание... чините наказание смотря по вине и давати их на крепкие поруки з записями, чтоб им не збежать и вперёд никаким воровством не воровать и государеву и свою пашню пахать с раденьем»²⁰.

В 1652 и последующие 1657–1659 гг. он состоял приказчиком в недавно возведённых в Братской земле служилыми людьми новых острогах: Балаганске, Братске, Баргузине, откуда неоднократно ходил на Байкал за «ясашной соболиной казной и мяхкой рухлядь»²¹. В Сибирском приказе оценили «прибыльные дела» И. Похабова, ему было значительно повышено государево жалование. В 1662 г. его должностной оклад составлял уже 20 руб., 20 четей ржи, 16 овса, 5 пудов соли и был одним из самых высоких в енисейском гарнизоне²².

Административно-хозяйственная деятельность Ивана Похабова в указанных острогах не проходила без конфликтов и протестных действий. Она сопровождалась жестоким обращением и насилием в отношении служилых и ясачных людей, что вызвало на него не одну челобитную. Служилые люди обвиняли приказчика в «обидах», притеснениях, грабеже, насилии их жён и «девок», а также в «порухе» ясачному сбору, поскольку в результате его действий часть ясачных взбунтовалась и бежала в монгольские степи. При этом, чтобы усилить его «вины», казаки обвиняли его не только в лихоимстве и разных служебных злоупотреблениях, но и в государственной измене. В своей челобитной они заявили, что Похабов тайно приобрёл много лошадей и «наряжается он в Китайское царство к китайскому царю»²³.

Многочисленные жалобы на ненавистного приказчика повлекли за собой повальный сыск, который подтвердил основные обвинения в его адрес, за исключением намерения бегства в Китай. По его результатам Похабова было велено бить батогами нещадно и запретить ему «за многое воровство» быть с казаками в «дальних съезжих службах». Однако удача вновь не оставила его. Он написал своему брату Григорию Похабову, служившему подьячим в Верхотурье, и тот, используя свои столичные связи, добился оправдательной грамоты из Москвы. Поэтому новый енисейский воевода М. Ртищев в 1657/1658 г. вновь вынужден был послать его приказчиком в Братский острог, дав при этом «жесткий» наказ²⁴.

Но, невзирая на заслуженную кару, постигшую опалу и строгие наказания, Похабов не оставил своё прежнее «воровство» и, по словам участников нового челобитья, «злее первого» стал преследовать и грабить население. 5 июня 1658 г. на него вновь подали «заручные» челобитные крестьяне братских острогов и ясачные люди, которые просили «переменить» приказчика, а 14 июля — четыре челобитные подали служилые люди с той же просьбой.

По свидетельствам пашенных крестьян, указанных в челобитной, помимо выполнения тяжёлых казённых повинностей приказчик заставил их построить для него хоромы и новую государеву «мельню», которую использовал в своих корыстных целях. При этом мельницу принудил строить в период весеннего сева, отвлекая тем самым от срочных работ на «государевой» пашне, а для возведения хором приказал использовать строения бывшего воеводы А. Пашкова, пожертвованные им для местной церкви. По словам челобитчиков, в спровоцированной самим Похабовым в остроге конфликтной ситуации приказчик даже приказал им идти «войском» на непокорных ему служилых людей, но крестьяне побоялись и отказали ему в этом²⁵.

Крестьянские челобитчики приписывали Похабову фразу, ярко характеризующую моральный облик приказчика. На обращение к нему священника «не мучить крестьян, ибо они кормят всех», он якобы ответил: «Батюшка! После меня хоть трава не расти, ныне дея я был сыт, а после меня хотя и не было»²⁶.

В своей челобитной ясачные буряты жаловались на него в непомерном сборе ясака и присвоении пушнины. А. П. Окладников по этому поводу приводит сохранившуюся в бурятском эпосе легенду о насильственном крещении бурят. Согласно ей, по приказу Похабова бурят связывали по два-три человека и, привязав к длинной жерди, погружали её три раза в крещенскую прорубь²⁷. Безусловно, к этой легенде следует относиться критически, но факты принуждения бурят, как и других народов, к крещению в православие, имели место в сибирской практике.

Служилые люди, как и раньше, жаловались на многочисленные служебные злоупотребления и вымогательства приказчика. Они припомнили ему, что ещё при воеводе Ф. Ф. Уварове он присвоил казённую «хлебную казну», которую выдавал за свои запасы и продавал служилым по 5–10 руб. и более, за что

ему не было наказания. В последующем Похабов по-прежнему вымогал деньги и «животы» у служилых людей, по их словам, отобрал у казаков денег на сумму 82 руб. Приказчику ставилось в вину также занятие тайным корчемством. Произведённое в его усадьбе «горячее вино» и пиво продавалось: пиво — за 13 алтын 2 денги за ведро, на вино приобретался ясырь у ясачных и служилых людей с последующей выгодной перепродажей. Нередко приказчик совершал поездки в Илимский острог, где продавал соболей и ясырь. Челобитчики также приводили многочисленные факты притеснений и «насильств» его подручных, «ушников» — младших приказчиков А. Фирса, Ф. Шадрикова, толмача И. Байкала²⁸.

«Неистовства» Похабова вызвали новое волнение подвластного ему населения. В ходе совместного выступления ясачных людей против приказчика он был осаждён ими в Братском остроге. На выручку Похабову были направлены из Енисейска дети боярские И. Перфильев и Я. Турчанинов с отрядом из 150 служилых людей, при приближении которых ясачные буряты бежали вверх по Ангаре и далее за горы в монгольские владения²⁹.

В своей отписке в Сибирский приказ воевода М. Ртищев подтвердил сведения о «ево Ивановых насильствах и во многих обидах», учинённых жителям и ясачным. 9 марта 1659 г. последовал царский указ новому енисейскому воеводе И. Ржевскому о проведении следствия «о наглых его поступках» и «небытии впредь... в Брацких острогах и у ясачного сбору»³⁰. Новый сыск о его противоправных поступках проводили дети боярские Яков Тургенев и Иван Максимов. 23 декабря 1659 г. после выполнения первичного расследования Максимов сменил Похабова и отправил его для проведения дальнейших допросов в Енисейск.

Но в пути следования, не доплывая Шаманова порога, Похабов оказал приставам «непослушание», в Енисейск не поехал, а отправился в Илимский острог, где управлял его приятель, стряпчий Пётр Бунаков. Туда был направлен особый гонец, но Похабов вновь без особого труда избавился от него и отказался ехать для следствия в Енисейск³¹.

Неизвестно, чем закончилось следственное дело о новых злоупотреблениях приказчика. Очевидно, за своё неповиновение

властям и прежнее «воровство» Похабов был всё же наказан и отстранён от исполнения доходных должностей. В 1662 г. он упоминается в окладной книге с прежним окладом, но его имя, в отличие от других начальных лиц, уже не упоминается больше среди приказчиков и руководителей походов в «новые земли». Судя по тому, что в 1675 г. его жена самостоятельно заключала земельную сделку, к этому времени его уже не было в живых.

Похабов был тесно связан служебными и другими отношениями со многими представителями служилого мира, открывателями новых земель. Среди них были известные енисейские первопроходцы М. Перфильев, П. Бекетов, П. Ходырев, М. Колесников, К. Иванов и другие, которые, в отличие от него, проявляли большую гибкость, обходительность и уступчивость в отношениях с бурятами и другими коренными народами. Он, очевидно, был знаком с известным братским узником протопопом Аввакумом, которого, по словам последнего, жестоко истязал воевода А. Пашков.

Похабов не был чужд насущным просьбам и запросам енисейского мирского сообщества. В 1646 г. вместе с атаманом, видным землепроходцем П. Бекетовым он был указан в числе первых лиц в заручной мирской челобитной, подписанной 52 служилыми, посадскими и крестьянами. В ней сообщалось, что в 1640/1641 г. челобитчики создали «по своему обещанию всего Енисейского острогу и уезду новая пустыня» — Спасский мужской монастырь, куда они «от болших ран и в старости постригаемся». Челобитчики жаловались, что монастырь не получает государевой руги и «всякого церковного строения, книг и колоколов, в том во всё скудно»³².

И. Похабов был дважды женат. Первая жена Ефимья, в 1652 г. ей заложил свою землю таможенный подьячий М. Хомяков. Вторая жена Пелагея в 1676/1677 г. заложила эту землю и три «жеребья» на Самоделовском острове Андрею Пелевину³³.

Его сын Яков Иванович Похабов, которого А. П. Окладников ошибочно называет однофамильцем, продолжил службу своего отца. В 1654 г., будучи казачьим пятидесятником, Яков подал челобитную о своей службе и вскоре был повёрстан в сыны боярские. В 1662 г. он значился в енисейском гарнизоне сыном боярским с окладом 12 руб., 8 четей ржи, 7 четей овса, 2 пуда соли³⁴.

В отличие от своего отца, Я. Похабов не был отмечен в источниках превышением власти и явными должностными злоупотреблениями. 5 июля 1660 г. он был послан с пятидесятником О. Оленем и 130 служилыми людьми приказчиком в Балаганский острог на смену приказчику Д. Попову. По прибытии на место Яков сообщил воеводе И. Ржевскому об откочевании «бращких» людей «за Камень в Мунгалы» из-за притеснений бывшего приказчика и принятых им мер³⁵. Весной 1661 г. с небольшим отрядом он отправился в погоню за беглыми бурятами. С тунгусским проводником отряд Я. Похабова прошёл по Ангаре до р. Иркут, поднялся вверх по реке, где «погромил» не известных русским «яндашских татар» и собрал с них первый ясак. В походе отряд застала суровая зима, служилые люди терпели большой голод и холод и лишь с помощью яндашских татар сумели с немалым трудом возвратиться в Балаганский острог³⁶. В этом же году, 6 июля Я. Похабов с отрядом 60 человек на высоком правом берегу Ангары, напротив устья р. Иркут, построил острог, получивший название Иркутского острога³⁷. Дальнейшая служба Я. Похабова была связана с новыми забайкальскими острогами. В 1667 г. вместе с детьми боярскими И. Перфильевым, А. Строгановым он принимал первый ясак из недавно основанного Селенгинского острога³⁸.

Сохранились отдельные сведения о хозяйственных занятиях Я. Похабова. Как и отец, он занимался земледелием, от него наследовал 284 десятины земли; в 1685 г. им было засеяно озимыми 11 и яровыми 10 десятинами земли³⁹.

Как было указано выше, административный произвол и насилия И. Похабова подробно рассмотрены А. П. Окладниковым. Негативно оценивая служебную деятельность и вопиющие злоупотребления И. Похабова, учёный, следуя распространённой в 1920-е гг. концепции «торгового капитала», назвал его «типичным представителем» эпохи землепроходцев, причислив «к возникшему в Сибири классу рабовладельцев». С этим категоричным утверждением, господствовавшим в указанный период, трудно согласиться. «Похабовщина» как социальное явление, несомненно, присутствовала в ранний период освоения Сибири, но не являлась всеобщим системным порождением того времени, поощряемым к тому же правительством. Как по-

казывает богатая сибирская практика, подавляющее большинство землепроходцев всё же руководствовалось правительственными установками в отношении коренного населения. Главные из них: управлять ясачными людьми «ласкою а не жесточью» и чтобы «сибирская земля полнилась, а не пустынилась» людьми. Центральная власть, исходя прежде всего из фискальных интересов, проводимой политикой стремилась осуществлять постоянную ротацию своих наместников и пресекать наиболее явные злоупотребления корыстных администраторов. Кроме того, служилые люди и пашенные крестьяне своими челобитными на имя царя также выступали против произвола наместников, отстаивая как свои интересы, так и интересы ясачного населения.

¹ Фишер И.Э. Сибирская история с самого начала открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 553.

² Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг... Часть третья. С. 12, 29, 85.

³ Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят... С. 80, 84, 99–101, 104 и др.

⁴ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие в XV–XVII вв. М., 1975. С. 429.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 153. Л. 317 об., 435 об., 436 об.

⁶ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 68.

⁷ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. III. Ч. 1. С. 219.

⁸ Окладников А.П. Указ. соч. С. 81; Александров В.А. Указ. соч. С. 80, 82, 83.

⁹ Любидарская А.А. Несостоявшаяся авантюра. Из истории переселения «иноземцев» в Сибирь в XVII веке. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 82–83.

¹⁰ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 64.

¹¹ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 210; Окладников А.П. Указ. соч. С. 84.

¹² Резун Д.Я. Указ. соч. С. 65.

¹³ Бродников А.А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века): Новосибирск, 2019. С. 284; Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений... С. 114–187.

¹⁴ Окладников А.П. Указ. соч. С. 84.

¹⁵ Копылов А.Н. Затянувшийся вопрос. (О дате основания Иркутска) // История СССР. 1960. № 5. С. 144.

¹⁶ Окладников А.П. Указ. соч. С. 85; Александров В.А. Русское население... С. 88–90.

¹⁷ Русско-китайские отношения в XVII в. ... Т. 1. С. 124–126.

¹⁸ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг... Ч. 3. С. 12, 95.

¹⁹ Окладников А.П. Указ. соч. С. 86; Копылов А.Н. Затянувшийся вопрос... С. 145.

²⁰ Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965. С. 102; Оглоблин Н.Н. Указ. соч. С. 29; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия... С. 401.

²¹ Актовые источники по истории России и Сибири... Т. 2. С. 87.

²² РГАДА. Ф. 214. Кн. 443. Л. 2 об.

²³ Окладников А.П. Указ. соч. С. 101; Копылов А.Н. Затянувшийся вопрос... С. 145.

²⁴ Окладников А.П. Указ. соч. С. 99–100.

²⁵ Окладников А.П. Указ. соч. С. 104–105.

²⁶ Там же. С. 101.

²⁷ Там же. С. 113.

²⁸ Там же. С. 101, 102–113.

²⁹ Копылов А.Н. Затянувшийся вопрос... С. 145.

³⁰ Сборник документов по истории Бурятии... С. 219–220; Актовые источники по истории России... С. 90.

³¹ Окладников А.П. Указ. соч. С. 90.

³² Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 167.

³³ Актовые источники по истории России... С. 192.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 443. Л. 4 об.

³⁵ Актовые источники... С. 90–91.

³⁶ ДАИ. СПб., 1851. Т. 4. С. 200, 238.

³⁷ Там же. С. 249; Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов... С.162; Копылов А.Н. Затянувшийся вопрос... С. 145.

³⁸ Копылов А.Н. Затянувшийся вопрос... С. 147.

³⁹ Копылов А.Н. Русские на Енисее... С. 204; Александров В.А. Русское население Сибири... С. 181, 184, 192.

«Радетельный воевода» Илларион Сенявин

Личность Иллариона (Лариона) Сенявина и его брата Бориса, а также представителя этого рода Алексея Сидоровича Сенявина (Синявина), в отличие от других родственников и потомков, ставших прославленными администраторами и адмиралами Петровской и последующей эпохи, ещё не получила в литературе должного освещения. На это обстоятельство обратил внимание М. О. Акишин¹. Сохранившиеся о них сведения носят во многом разрозненный, отрывочный характер, сопровождаются большими пробелами в их биографиях и нередко ошибками. Всё это затрудняет выяснение их служебной деятельности и родственных связей и не даёт полного представления об их многообразной управленческой практике в Сибири в период петровских преобразований. Восстановление их биографий и административного опыта в системе местного управления Сибири в эпоху радикальных изменений позволяет также глубже уяснить роль и место воевод, деятельность которых в исторической литературе зачастую отражалась преимущественно в негативных тонах.

Сенявины происходили из старого дворянского рода, предки которого в начале XVI в. выехали на службу русскому государю из Польши. Первые представители этой династии не принадлежали к высшим придворным чинам и не относились к числу крупных землевладельцев. В 1647 г. им принадлежала лишь небольшая вотчина в 11 дворов с 21 душой мужского пола². В 1688 г. московский дворянин и воевода Аким Иванович Сенявин за свою многолетнюю службу получил небольшое поместье в Боровском уезде в вотчину. Согласно «Русской родословной книге» А. Б. Лобанова-Ростовского, у Акима было 7 сыновей, перечисленные им в соответствии с их возрастом: Илларион, Ульян, Иван Большой, Иван Меньшой, Фёдор, Борис, Наум и дочь Анна.

Все сыновья Акима Сенявина в эпоху петровских преобразований проявили себя на служебном поприще, где достигли немалых успехов, а их дети и внуки стали прославленными адмиралами и видными администраторами.

Старший, Илларион (Ларион) Сенявин стал стольником и воеводой ряда сибирских городов. Ульян — генерал-майором, обер-комиссаром и директором над строениями в Санкт-Петербурге, отличился при возведении Петропавловской крепости и восстановлении Шлиссельбурга. В помощниках у Ульяна и воеводой в Бахмуте был его брат Фёдор (дед будущего командующего Балтийским флотом знаменитого адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина), который дослужился до бригадирского чина. Иван Большой также получил чин бригадира. Иван Меньшой из потешных солдат Преображенского полка вырос до директора Санкт-Петербургской адмиралтейской конторы, стал главным командиром Астраханского порта, шаутбенахтом (контр-адмиралом). Борис получил чин полковника, был воеводой сибирских городов. Наибольшую известность среди братьев Сенявиных в годы реформ Петра I снискал Наум Акимович (1681–1738) — первый из русских морских офицеров, дослужившийся до ранга вице-адмирала Российского Императорского флота, начальника Днепровской флотилии, удостоенный ордена Святого Александра Невского. Наум и Иван Сенявины входили в ближайшее окружение Петра I, состояли с ним в переписке, выполняли его ответственные поручения³.

Илларион (Ларион) Акимович Сенявин родился около 1663 г. и был старшим сыном в большой многодетной семье. О начале его служебной карьеры сведений не сохранилось, известно лишь, что он прибыл в Сибирь в чине стольника. 20 января 1685 г. И. Сенявин был включён «посольским дворянином» в отряд под командованием окольного Ф. А. Головина, который был послан на Амур в Дауры «для договоров и успокоении ссор китайского богдыхана» (урегулирования пограничного конфликта в районе Албазинского острога)⁴.

В 1697–1698 гг. И. Сенявин был назначен воеводой небольших сибирских острогов — Кетского и Нарымского⁵. В следующем году Илларион с младшим братом Борисом получили назначение в Кузнецкий острог, являвшийся важной крепостью на юге Западной Сибири. Возникший в глубоком тылу, в центре расселения абинских татар, Кузнецк постоянно подвергался нападениям воинственных кочевников: «белых калмыков» (телеутов), енисейских киргизов и «чёрных калмыков» (джунгар). Воевода И. Сенявин и его брат Борис, как

и их предшественники, вынуждены были постоянно заботиться о защите местного населения от разорительных вражеских нашествий и принимать меры по их предупреждению и предотвращению.

Наиболее тяжёлое по своим последствиям нападение кочевников состоялось в середине сентября 1700 г. В разгар уборки урожая в Кузнецкий уезд внезапно и «безвестно» вторгся большой отряд киргизских и других кочевников с примерной численностью 1500 всадников, руководимых алтырскими князьями Корчином Ереняковым и Таин Иркой. В результате нашествия восемь подгородных деревень было сожжены, убиты 42 человека русских и ясачных людей, выезжих калмыков, взяты в плен 97 человек, отогнано много лошадей и рогатого скота, уничтожены запасы хлеба в амбарах и урожай. 18 сентября началась осада крепости и расположенного неподалёку Рождественского монастыря, длившаяся неделю.

Выстоять защитникам Кузнецка помогли умелое руководство обороной крепости и значительные укрепления. Основная часть их была возведена жителями города после очередного нападения калмыков в конце 1680-х гг. при воеводе И. М. Конищеве⁶. Большую роль сыграли также накопленный почти вековой опыт борьбы с неприятелями и храбрость горожан. Защитники крепости умело использовали активную оборонительную тактику: сочетали эффективную стрельбу из огнестрельного оружия, благодаря чему «из пушек и мелкого ружья многих побивали», и осуществляли неоднократные вылазки против врагов. Очевидец боя, конный казак Яким Синкин сообщал: «...а воевода де Ларион Синявин с братом Борисом да с служилыми людьми, человек в двустах, выезжали из города трижды и с Киргизы бились, и на том бою у Киргиз одного человека убили из пушки, а служилые люди все в целости, и на бою стоял он Ларион крепко...»⁷

Благодаря стойкости кузнечан и отсутствию обещанного джунгарами подкрепления киргизам, последние вынуждены были снять осаду и отступить. Направленный в погоню отряд атамана Ф. Сорокина из 250 человек сумел настичь «оставших малых людей человек с пятьдесят», разгромил их и отбил часть пленённых людей и скота⁸. Но основная масса кочевников безнаказанно спешно растворилась в Сагайской степи.

Для предупреждения новых нашествий кузнецкие воеводы вынуждены были усиливать караулы и нести сторожевую службу в районах ясачного сбора. 12 декабря 1700 г. разведчики обнаружили в Кондомской и Кумандинской волостях большую группу киргизов, разорявших ясачных людей. Высланный воеводой отряд служилых людей (160 человек) во главе с татарским головой Я. Максюковым разгромил незваных пришельцев. В последующие годы кузнецкие воеводы также разгромили в верховьях Томи и Мрассу юрты киргизских кочевников⁹.

Многолетняя открытая и скрытая агрессия киргизских князюв в отношении русского пришлого населения побудила правительство Петра I принять ответные меры. Ещё до нападения на Кузнецк, 11 августа 1700 г. в Тобольск поступил указ, предписавший воеводам Кузнецка, Томска и Красноярска «ходить в Киргизскую землю и смирить князюв за их воровство войною»¹⁰. Руководствуясь этим указом, 11 февраля 1701 г. воевода И. Сенявин отправил отряд кузнецких воевод в состав объединённой рати томских и красноярских служилых людей во главе с сыном боярским С. Лавровым и атаманом К. Самсоновым. Совместными усилиями были разгромлены основные силы киргизов на реках Ерба и Уйбат, после чего значительная часть кочевников была выведена в Джунгарию¹¹.

В августе 1702 г. в связи с назначением его воеводой в Иркутск, И. Сенявин сдал дела своему брату Борису, который находился на воеводстве ещё четыре года. Сохранилось несколько документов — свидетельств о его самостоятельных действиях в период правления в Кузнецке. В феврале 1703 г. Б. Сенявин получил указ Петра I о невзимании с «выезжих» белых калмыков подвод на казённые нужды. В 1703, 1704 и 1706 гг. воевода подал три донесения Петру об уgone енисейских киргизов джунгарами, о возвращении части киргизов из Джунгарии и о сражении кузнецких служилых людей с ними в Тюлюберской ясачной волости¹². В марте 1704 г. Б. Сенявиным был направлен отряд служилых людей на Белое озеро, где, объединившись с томичами, они разгромили улус киргизского князюв Корчина Еренякова — организатора многих нападений на русские города и уезды¹³. 20 сентября 1704 г. по указу воеводы отряд кузнецких служилых людей в количестве 250 человек во главе с сыном боярским Д. Фёдоровым и атаманом Ф. Сорокиным разгромил кочевни-

ков, появившихся в междуречье Кондомы и Мрассу. В ходе боя они потеряли 78 человек, 94 человека обоого пола попали в плен, было захвачено много скота, лошадей и военного снаряжения. Потери кузнецких воевод составили 4 убитых и 5 раненых¹⁴.

22 декабря 1706 г. по грамоте из Сибирского приказа воевода Б. Сенявин получил предписание, по которому ему было велено «быть в Иркутске с стольником нашим и воеводою с Ларионом Акимовым сыном Синявиным в товарищах». Не дожидаясь замены и передачи крепости новому воеводе, томскому дворянину О.Р. Качанову, Б. Сенявин сдал дела казачьему голове Якову Максюкову и отбыл к брату в Иркутск¹⁵.

Время нахождения на воеводстве братьев Сенявиных в Иркутске совпало с ликвидацией военной угрозы русских владений в Прибайкалье, исходящей от монгольских и китайских вторжений до заключения Нерчинского мира. С прекращением военных действий и выводом вражеских войск с русских владений «в Даурах» активность воевод направлялась преимущественно на хозяйственное развитие края, гражданское и церковное строительство. Главной задачей воевод стало укрепление русской государственности в крае, финансово-фискальная деятельность, направленная на получение прибыли от «размножения» торговли, промыслов и «всяких сборов».

В период управления Сенявиных в Иркутске завершается строительство первого каменного здания — Приказной палаты и гостиного двора, ставшего важным транзитным центром в торговле с народами Прибайкалья и сопредельными государствами — Монголией и Китаем¹⁶. Придавая большое значение развитию восточной торговли, правительство стремилось установить монополию государства в торговле с Китаем и оградить себя от конкуренции со стороны частного торгового капитала, контролируя при этом поездки русских купцов за рубеж. В 1704 г. И. Сенявин получил предписание о ежегодной покупке в Сибири ревеня по 300 пудов и о запрете «всем партикулярным торговать оным» под страхом наказания смертной казнью¹⁷. 28 января 1706 г. воевода И. Сенявин получил грамоту о запрещении русским купцам ездить в Цинскую империю без разрешения Сибирского приказа¹⁸. В связи с нехваткой складских торговых помещений 18 апреля 1708 г. А. Сенявину поступил указ о построении на р. Чикое торговых амбаров для хранения

казённых товаров¹⁹. 5 августа 1709 г. И. Сенявину была направлена грамота, уведомившая его об отправлении приказчика гостя Петра Худякова с караваном в Китай и о содействии ему в пути следования²⁰.

Правительство также было заинтересовано в развитии местных соляных промыслов. 19 января 1705 г., в связи с указом, устанавливавшим монополию государства на производство и продажу соли, И. Сенявину была направлена грамота о расширении объёмов соледобычи в Усть-Кутском остроге Иркутского уезда²¹. Основанный там по инициативе землепроходца-предпринимателя Е. Хабарова соляной промысел снабжал солью значительную часть Восточной Сибири, в первую очередь Иркутский, Илимский уезды, а также Якутию и Камчатку. Сведений о деятельности И. Сенявина по увеличению производства соли не сохранилось, но можно утверждать, что она была успешной. Известия о функционировании солеваренного завода содержатся у Д. Г. Мессершмидта, посетившего завод в 1722 г., участников Второй Камчатской экспедиции и других учёных, исследователей Сибири²².

При братьях Сенявиных в 1706 г. в Иркутске началось строительство первой каменной церкви Восточной Сибири — храма в честь Нерукотворного Образа Спаса (Спасская церковь) и деревянной церкви во имя Тихвинской Богородицы. Возведение каменного храма осуществлялось под руководством опытного мастера М. Долгих, работавшего до приезда в Иркутск на строительстве тобольских и верхотурских храмов. Уже 1 августа 1710 г. состоялось его освящение. Из старой церкви в храм были перенесены хоругвь с образом Спаса, с которой по преданию пришли русские землепроходцы, основавшие зимовье в устье Иркуты, и церковная утварь. По указанию воеводы сюда также перенесли и царский подарок — икону в дорогой ризе, пожалованную Петром I²³. Незадолго до этого события И. Сенявину была направлена грамота «о произвождении» новопосвящённому епископу Иркутскому и Нерчинскому Варлааму жалованья и о построении за городом ему двора²⁴. Воевода проявлял также большую заботу о развитии монастырского хозяйства. В 1708 г. по его указанию Посольскому Преображенскому монастырю на Байкале (основан в 1681 г.) отвели «во владение» сенокосные луга, рыбные ловли, пашни и прочие уголья в бассейне четырёх

истоков р. Селенги, озёра Большое и Долгое общей площадью более 3 тыс. кв. км²⁵.

Сохранились сведения о выполнении И. Сенявиным других возложенных на него административных поручений. 23 января 1709 г. И. Сенявину поступил указ о назначении сына боярского Фёдора Рыпышева головой в Удинский острог на место Андрея Бейтона и о пожаловании его сына Ивана Рупышева в дети боярские²⁶. 23 июля 1710 г. И. Сенявину было предписано провести сыск об ограблении ясачными тунгусами русских промышленных людей и отписать в столицу о его результатах²⁷.

За успехи, достигнутые И. Сенявиным в управленческой практике, Пётр I пожаловал ему в 1708 г. серебряную кружку, искусно выполненную, очевидно, иностранным мастером²⁸.

9 апреля 1711 г. по указу Сената И. Сенявин с братом Борисом были отправлены в Москву, где получили новые предписания. Илларион Сенявин стал первым соликамским и чердынским комендантом (должность, заменившая воеводскую), а в 1715 г. был назначен комендантом Кунгура. Назначение И. Сенявина в Соль Камскую, очевидно, обуславливалось наличием у него уже опыта в солеварении и важностью места, которое занимал город в производстве отечественной соли. Согласно ведомости, представленной Поместным приказом в Правительствующий Сенат, Соль Камская по количеству варниц из имеющихся в разных городах России занимала первое место²⁹. Кунгур также являлся одним из первых горнозаводских центров Урала по производству цветных металлов. Во время управления Сенявина в Кунгурском уезде сторел «ручной» завод по выплавке меди, расположенный в с. Романове на р. Яйве. В 1717 г. Сенявин на том же месте построил новый медеплавильный завод, который продолжил плавку меди³⁰.

В 1721 г. И. Сенявин стал главой Боровского меньшего нижнего суда. В том же году был представлен ко двору дворянином в Серпейском, Мосальском и Венёвском уездах. В 1722 г. был назначен ассессором Московского надворного суда и затем определён к «коллежским делам». В 1724 г. подписан указ Петра I о назначении его прокурором Смоленского надворного суда³¹.

Деловые и личностные качества И. Сенявина, проявившиеся во время службы на Северном Урале, отметил основатель

российских горно-металлургических заводов В. Геннин. 28 декабря 1723 г. в письме кабинет-секретарю Петра I А. В. Макарову о заводских делах он сообщал о необходимости замены князя и воеводы в Соли Камской Н. М. Вадбольского, строителя оружейного двора в Туле (заменён в 1726 г.), И. Сенявиным. Мотивируя своё мнение, он писал: «Я не злобы ради пишу, но для пользы государственной, и весь народ — крестьяне, и бобыли, и посадские желают и просят, чтоб быть Синявину, и хвалят его очень, которой преж сего был воеводой в Соли камской и Кунгуре. И понеже я вижу ево здешнее старое медное дело в Соли Камской и в Кунгуре, то рассуждаю, что истинно охотник и радетелен горным делам. Того ради пишу о нём, чтоб быть в Соли Камской воеводою, тако ж де ему и Кунгур ведать, титул ему можно дать сверх воеводского ассесор Берг-коллегии. Государю будет немалая прибыль от такого радетелного воеводы: первое в горных делах; второе, к народу лутче доброй рассуждалщик, и правдивой, и некорыственной, и трудолюбивец»³².

И по ходатайству Геннина Сенявин был вновь направлен на службу в Кунгур, где продолжил свою прежнюю прибыльную деятельность. Но уже вскоре, в 1726 г., по именному повелению ему надлежало быть на европейском юге в крепости Бахмуте — управителем казённых соляных заводов.

Пребывание Сенявина у новых «соляных дел» было также успешным. По его инициативе на Бахмутских заводах было установлен «добрый анштадт» (учреждение), с помощью которого устранялись обнаруженные недостатки и вносились необходимые изменения в работу солепромыслов. Благодаря усилиям Сенявина рынок сбыта бахмутской соли значительно расширился. Её стали вывозить «за польскую границу» — на Правобережье Днепра³³. В 1727 г. на этой должности его сменил брат Фёдор. Умер Илларион Сенявин бездетным около 1730 г.³⁴

Его брат и соправитель Борис Сенявин после иркутской службы в 1715 г. вновь был назначен комендантом Кузнецкой крепости. Семилетний период его правления был отмечен строительством ряда важных укрепленных пунктов на всём юге Западной Сибири: Мунгацкого (1715), Бердского (1716) острогов, Белоярской (1717), Бийской (1718) крепостей, вошедших вскоре под ведомство Кузнецка.

Возведение новых крепостей потребовало от коменданта проведения большой организационной работы по мобилизации и транспортировке людских и материальных ресурсов. Так, для сооружения Белоярской крепости Б. Сенявин направил большой отряд, состоящий из 750 человек служилых людей, казачьих детей, беломестных казаков, гулящих людей, абинских татар и «выезжих» телеутов с необходимым снаряжением, вооружением и провиантом. Отряд вышел к месту назначения 1 июня 1617 г., а уже 15 июля руководитель отряда Иван Максюков доложил о сооружении новой крепости на «белом яру» близ впадения в Обь р. Черемшанки³⁵.

Подобным мобилизационным методом были возведены и другие алтайские крепости. Их строительство позволило не только значительно расширить подведомственную Кузнецку территорию, но и создать необходимые условия для её широкой земледельческой колонизации и окончательно закрепить Верхнее Притомье и Приобье за Русским государством.

Не довольствуясь достигнутыми успехами, Б. Сенявин предложил также томским воеводам и сибирскому губернатору Гагарину совместными силами кузнецких и томских ратников организовать большой поход против враждебных телеутов и джунгар, уничтоживших первую Бикатунскую и Ямышевскую крепости. Но его предложение, ввиду событий, связанных с неудачной экспедицией И. Бухгольца в джунгарские владения, не было принято³⁶.

Воеводское управление Б. Сенявина не обошлось без злоупотреблений и связанных с ними следственных дел. Во время нахождения в Иркутске его обвинили в том, что он приверстал незаконно не бывшего в службе гулящего Павла Катаманова в пятидесятники пеших казаков. Следствие показало, что П. Катаманов дал за своё незаконное назначение воеводе «портище камки пятилапной» и подъячму Фёдору Молчанову «от письма два конца китайки»³⁷.

4 мая 1722 г. был направлен указ Тобольской губернской канцелярии в Енисейскую провинцию воеводе Вердеревскому о допросе бывшего кузнецкого коменданта Бориса Сенявина (Синявина) и служилых людей в связи с челобитьем телеутского князя Байгорока Табунова в нанесённых ему воеводой «обидах и в мучительном наругательстве, и в смертном

убойстве». Причины и обстоятельства этого конфликта, возникшего между русской администрацией и кочевым правителем, уже изложены нами³⁸. Отметим лишь то, что Б. Табунов и его люди на протяжении десятилетий совершали нападения на Кузнецкий и Томский уезды, сопровождавшиеся разбоем и убийством русских и ясачных людей. Поэтому действия Б. Сенявина и его подчинённых в отношении Байгорока были признаны правомерными и адекватными обстановке, сложившейся в регионе.

После завершения сибирской службы, будучи в чине полковника, Б. Сенявин состоял начальником соляной конторы Камер-коллегии. Он также заведовал денежным сбором «во всех городах и уездах с торговых и домовых бань»³⁹. Дальнейшая судьба бывшего сибирского наместника нам не известна. По данным А.Б. Лобанова-Ростовского, Б. Сенявин не оставил после себя наследников.

Другим представителем дворянского рода Сенявиных был Алексей Сидорович Сенявин. О его происхождении и начальной службе сведений не сохранилось. Его имя также не упоминается среди известных «родовитых» представителей российского дворянства. Наиболее полные сведения о службе А. Сенявина связаны с участием его в посольстве Ф.А. Головина, наделённого чрезвычайными полномочиями, куда он был включён вместе с указанным выше Илларионом Сенявиным в январе 1686 г. В статейном списке Головина А. Сенявин был указан как стольник и «посольский дворянин»⁴⁰.

В пути следования посольства с полком «в Дауры» А. Сенявин выполнял ответственные поручения Головина. 9 августа 1686 г., не доходя до Маковского острога, он был послан в Енисейск к воеводе Степану Собакину узнать о высылке необходимых подвод и готовности речных судов для «подъёму» ратных людей и припасов через Маковский волок. 10 сентября этого года был отправлен из Енисейска в Иркутск, где, сменив на посту воеводу Л.К. Кислянского, занялся подготовкой транспортных средств, провианта и других запасов для следовавшего на место назначения полка Головина⁴¹. Вместе с енисейским воеводой им была проделана огромная организационная работа для обеспечения движения полка и посольства Головина по Восточной Сибири. Так, в Енисейске было изготовлено 120 дощаников,

оснащённых необходимыми снастями, грузоподъёмностью от 2 до 3 тонн, которые нужны были для перевозки людей, военных грузов и провианта⁴².

Время пребывания А. Сенявина в Иркутске совпало с осадой Албазина маньчжурским войском, длившейся с июля по декабрь 1687 г., и тяжёлыми сражениями русских ратников с монгольскими отрядами в Забайкалье. В связи с этими грозными событиями действия воеводы были направлены на мобилизацию всех местных ресурсов для оказания помощи войску Головина в организации отпора врагу. Под командованием А. Сенявина Иркутск стал надёжной тыловой базой российских войск, обеспечивавшей полк Головина всем необходимым для борьбы с внешней агрессией.

В январе 1687 г. А. Сенявин принял в Иркутске передовой отряд служилых людей во главе с подполковником С. Богатырёвым (170 человек), следовавший в Нерчинск. Воевода пополнил отряд продовольствием и большой командой (371 человек), собранной им в Иркутске и в Илимском остроге. В июле этого года в Иркутск прибыл основной полк Ф.А. Головина, который после отдыха и снабжения местным провиантом отправился за Байкал. На воеводу возлагалась непростая задача — обеспечить хлебом более чем 1,5 тыс. ратных людей, следовавших в Дауры, и с этой задачей он успешно справился. К осени 1687 г. на военные нужды в Иркутске было собрано 26–28 тыс. пудов муки, и в дальнейшем все воинские пополнения в Забайкалье, как показал В.А. Александров, обеспечивались преимущественно иркутским хлебом⁴³.

В декабре 1687 г. воевода получил сведения о приготовлениях монгольского правителя Очиры Саин-хана идти «войной» в Прибайкалье, чтобы отрезать войско Головина, находящееся в Селенгинске, от основных коммуникаций с Иркутском. В связи с возникшей угрозой воевода принял необходимые меры по укреплению Тункинского острога, прикрывавшего дорогу на Иркутск. Он также послал «указную память» приказчику Балаганского острога сыну боярскому Козьме Усову о необходимости «жить с великим бережением», вызванную намерением воинственных табунутов напасть на острог и ясачных братских людей⁴⁴.

Для оказания помощи отряду московских стрельцов полковника Ф. Скрипицына, ведущему тяжёлые сражения с мон-

голами под Удинском и Ильинской слободой, А. Сенявин объявил всеобщую мобилизацию русского и ясачного населения. В конце января — начале февраля 1688 г. воевода направил в Ильинскую слободу двумя партиями 179 служилых, промышленных, гулящих людей, пашенных крестьян, снабжённых оружием, порохом и свинцом, собранных в Иркутске, Верхоленске и Балаганске. С ними было направлено 80 подвод хлебных запасов (763 пуда с четью муки) и боеприпасы, а также 50 проводников-бурят. Исчерпав все имеющиеся резервы, в своей отписке Головину о предпринятых им мерах, поданной после 8 марта, А. Сенявин не без отчаяния сообщал, что «для выручки Селенгинского... итти не с кем и не с чем» и что «в казне ружья нет ни одной пищали и от малолюдства и безружья в Иркутску от неприятельских людей жить страшно»⁴⁵.

Разгром русскими ратными людьми монгольских отрядов под Удинском и Селенгинском, стойкая оборона Албазина способствовали во многом заключению перемирия с маньчжурским правительством и прекращению военных действий с монголами. А. Сенявин был отозван из Иркутска в Нерчинск, где принял непосредственное участие в заключении мирного договора.

9 августа 1689 г. он был послан Головиным к китайским послам, прибывшим на бусах в устье реки Нерчи. Русскому посланнику было велено объявить о прибытии полномочного посла России с полком в Нерчинск, разведать о количестве китайских «воинских людей и их воинских припасов», договориться о времени и «съезжем месте» для ведения переговоров⁴⁶. Выполнение такого ответственного задания может свидетельствовать о том, что среди остальных шестерых послов-помощников Головина он пользовался наибольшим доверием. 12 августа и в последующие дни А. Сенявин присутствовал также на переговорах по выработке условий подписания договора и его заключению. Согласно Нерчинскому договору, Россия уступала Китаю значительную территорию — земли по правую сторону р. Аргунь и по обоим берегам р. Амур, от р. Горбица вплоть до устья р. Буряя, но сохраняла за собой все забайкальские владения, на которые претендовала китайская сторона. Несомненным достижением русской дипломатии

было установление официальных отношений между Россией и Китаем и налаживание между сторонами взаимовыгодной торговли⁴⁷.

Правительство оценило большие усилия посольства Головина по разрешению сложного «даурского вопроса» и героические действия ратных людей по защите русских забайкальских рубежей. Ещё до подписания договора, в мае 1689 г., Ф.А. Головину было послано «похвальное слово», командирам были сделаны специальные медали, московским сибирским воинам, участвующим в боях, — золотые копейки. Другие служилые люди получили по отрезу кумача, а защитники Албазина — по золотой копейке и отрезу кумача⁴⁸. Известно также, что 29 ноября 1688 г. А. Сенявин вместе с другими послами также получил государево жалование, которое составило 65 руб.⁴⁹

Сведений о последующей службе А. Сенявина сохранилось немного. В 1689 г. он передал воеводские дела в Иркутске возвратившемуся из Москвы стольнику Л.К. Кислянскому. 6 мая 1690 г. А. Сенявин был отпущен в Москву с отпиской Головина, сообщавшей о наступлении джунгарского правителя Галдана Бошухту на мунгальских владельцев Геген и Ачаир-хана и полном их разгроме⁵⁰. Возможно, с учётом его сибирского опыта в 1693 г., он получил новое назначение — быть воеводой в Кузнецком остроге, которым управлял до 1697 г.⁵¹ Дальнейшая судьба его неизвестна.

Таким образом, служебная деятельность представителей дворянского рода Сенявиных в Сибири в эпоху петровских преобразований была отмечена важными событиями и активными действиями в их воеводском управлении. Занимая ответственные посты в разных сибирских городах, воеводы Сенявины немало сделали по укреплению русской государственности на юге Западной Сибири, в Прибайкалье, на Северном Урале, а также по становлению и обороне новых российских границ от внешних угроз, хозяйственному развитию регионов. Их широкая административная практика немало способствовала заселению и освоению огромных просторов будущей Азиатской России. Назначение их на важные должности может свидетельствовать не только о сохранении преемственности воеводского правления в условиях реформирования системы местного управления, но и об успешной попытке центральной

власти опереться на новых, «непородных» людей, хорошо зарекомендовавших и проявивших себя с деловой стороны в разных сферах государственной службы.

¹ Акишин М.О. Династия Сенявиных в истории России XVIII — начала XX в. (историографические заметки) // Санкт-Петербург и Северная Европа. 2020. № 1–2 (22). С. 127.

² Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (историко-географический очерк). М., 1996. С. 278.

³ Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 2. СПб., 1895. С. 210–211; Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие Отечество: энциклопедия дворянских родов. Красноярск; М., 2003. С. 363–364.

⁴ Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 2. 1686–1691. М., 1972. С. 71.

⁵ Биограф Д.Н. Сенявина Н.В. Скрицкий ошибочно утверждает, что И. Сенявин стал воеводой в Нарыме в 1695 г. См.: Скрицкий Н.В. Адмирал Сенявин. М., 2013. С. 12.

⁶ Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда... С. 95.

⁷ Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. СПб., 1882. С. 101–104.

⁸ Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1... С. 93.

⁹ Бобровский А.Ю. «Осада» Кузнецка 18–25 сентября 1700 г. // Кузнецкая стари-

на. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск, 2018. С. 171–172.

¹⁰ Боронин О.В. Двоеданнычество в Сибири XVII — 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002. С. 90.

¹¹ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 54.

¹² Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 207–211.

¹³ Памятники сибирской истории XVIII века... Книга 1. С. 232–233.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 1410. Л. 20, 31, 52; Бобровский А.Ю. «Осада» Кузнецка... С. 175. К победным реляциям воевод и особенно служилых людей следует относиться критически. Нередко с целью показать свою доблесть они преувеличивали масштабы сражений и завышали количество убитых врагов.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 956. Л. 2, 3; Добжанский В.Н. Кузнецкие воеводы в XVII — начале XVIII вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск, Новокузнецк, 2018. С. 140–141.

¹⁶ Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978. С. 136.

¹⁷ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России в 15 томах. Издание второе. Т. 7. М., 1837. С. 113.

¹⁸ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФРАН). Ф. «Иркутская воеводская изба». Д. 171. Л. 1 об.–2 об.

¹⁹ Актовые источники по истории России и Сибири... Т. 2. С. 173.

²⁰ Там же. Т. 2. С. 173.

²¹ Там же. Т. 2. С. 169.

²² Чивтаев Ю.И. Усть-Кутский сользавод. (Очерки из истории XVII–XX вв.) Иркутск, 2021. С. 74–75.

²³ Полунина Н.М. Живая старина Приангарья. М., 1990. С. 32. А.П. Санников ошибочно приписывает строительство церкви Алексею Сидоровичу Сенявину, бывшему воеводой в Иркутске в 1687–1689 гг. См.: Иркутск в панораме веков. Очерки истории города. Иркутск, 2002. С. 110.

²⁴ Актовые источники по истории России и Сибири... Т. 2. С. 173.

²⁵ Шмудевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья. (XVII — середина XIX вв.) Новосибирск, 1985. С. 132.

²⁶ Актовые источники по истории России и Сибири... Т. 2. С. 173.

²⁷ Там же. Т. 2. С. 173.

²⁸ Она находится в Эрмитаже среди мемориальных серебряных изделий, связанных с освоением Сибири в XVIII веке. См.: Августовский С. Микеланджело, Тициан, Рубенс, Ван Дейк прибыли в Иркутск. URL: http://pressmen.info/art/34_11_vust.htm.

²⁹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 4. Кн. 2. СПб., 1891. С. 64.

³⁰ Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. С. 433.

³¹ Сенявин, Ларион Акимович // Википедия: свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сенявин,_Ларион_Акимович.

³² Геннин В. Уральская переписка... С. 192–193.

³³ Скоробогатова С. Бахмутское казачество // Pandia: сайт. URL: <https://pandia.ru/text/77/451/10024.php>.

³⁴ Н.В. Скрицкий ошибочно указал, что он умер в 1708 г. См.: Скрицкий Н.В. Указ. соч. С. 13.

³⁵ Уманский А.П. Кузнецк и алтайские остроги. // Кузнецкая старина. Вып. 3. Новокузнецк, 1999. С. 13–14; Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда... С. 103.

³⁶ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 182.

³⁷ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг... Ч. 1. С. 112.

³⁸ Каменецкий И.П. Розыскное дело» кузнецкого воеводы Б. Синявина: к вопросу об аборигенной и ясачной политике России в Южной Сибири в правление Петра I // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2009. № 2. С. 13–18.

³⁹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого... Т. 13. С. 114. Согласно уставу о банном боре следовало взымать «новоокладной оброк с бояр, окольных, думных людей, гостей по 3 руб., со стольничих и боярских людей, помещиков, вотчинников, церковных причётников по 1 руб., с крестьян и служилых казаков и стрельцов по 15 коп. с бани в год». Там же.

«ИНОЗЕМЦЫ» НА СЛУЖБЕ В СИБИРИ

«Белорусцы» Аршинские и их соотечественники

Современные учёные уже показали, что «участие белорусов в пионерном освоении Сибири в период от эпохи землепроходцев до настоящего времени является историческим фактом»¹. Среди поставленных исследователями проблем важное значение имеет выяснение причин и характера, определявших миграцию выходцев из бывшего княжества Литовского в Сибирь и непосредственного участия их в присоединении и хозяйственном освоении Азиатской России. Решение этой задачи позволит определить вклад славянских и других нерусских народов в колонизацию сибирского региона, становление и особенности формирования нового сибирского этноса, присущих ему ментальных черт, выявить адаптационные возможности и условия вхождения в сибирское общество.

Изучение этого вопроса имеет немалые трудности, связанные, прежде всего, с необходимостью географической локализации территории проживания белорусского этноса в Восточной Европе и выделением его представителей среди достаточно многочисленной группы «литвы», оказавшейся в Сибири в силу разных обстоятельств. Как уже указывали историки, в сохранившихся документах начального и даже более поздних периодов заселения Сибири этноним и топоним «белорус» встречается довольно редко. В XVII в. выходцы из Белоруссии, оказавшиеся в Сибири, зачастую были скрыты под терминами «литва», «литовские люди», «литовские полоняники» и другими сходными обозначениями, что означало принадлежность к государству, а не этносу. Не всегда в документах того времени указывались места их рождения, национально-этническое происхождение, сословно-социальный статус, причины перехода на русскую службу. Зачастую имеются лишь косвенные указания на принадлежность их к непольской «шляхте» и «челяди». Эти затруднения не позволяют с большой степенью достоверности выявить численность, состав и источники формирования белорусской диаспоры в Сибири, и, следовательно, в полной мере определить её ре-

⁴⁰ Русско-китайские отношения в XVII в. ... Т. 2. С. 71.

⁴¹ Там же. С. 81, 82, 86, 91–93, 156, 775–776.

⁴² Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения... С.121.

⁴³ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 149, 151.

⁴⁴ Сборник документов по истории Бурятии... С. 206–207.

⁴⁵ Там же. С. 317–318.

⁴⁶ Русско-китайские отношения в XVII в. ... С. 495–496, 695.

⁴⁷ Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX вв. М., 1979 С. 50.

⁴⁸ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах... С. 172.

⁴⁹ Русско-китайские отношения в XVII в. ... С. 323.

⁵⁰ Там же. С. 629.

⁵¹ Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда... С. 338.

альный вклад и участие в заселении и освоении восточных окраин Русского государства.

В работах историков, за исключением исследований Д. Я. Резуна², не всегда прослеживались семейно-династические связи, служебная деятельность, адаптационные возможности интеграции отдельных «белорусцев» в сибирское общество и другие важные составляющие их новой этнической идентичности и адаптации к новым условиям. В отдельных работах присутствует ошибочное мнение, о том, что в Сибири «белорусы в составе литвы занимали невысокое социальное положение: они верстались в пешие казаки или зачислялись в крестьяне» и что «при зачислении в сыны боярские предпочтение отдавалось полякам»³.

На наш взгляд, одним из немаловажных «индикаторов» при определении идентификации белорусов, наряду с прямым указанием на их собственную этническую принадлежность (самоидентификацию), является то, что русские делопроизводительные документы реже называют их «иноземцами», в отличие от многих представителей Речи Посполитой и других иностранных государств. Другим косвенным «маркером» в определении национально-этнического происхождения белорусов может быть их прежнее место проживания или места выхода, а также религиозная принадлежность. Зачастую предпочтение при приёме на государеву службу в России и назначение на командные должности, как уже отмечали исследователи, отдавалось лицам православного вероисповедания и происхождения, подтверждённого родословной⁴. Дополнительным аргументом в выявлении этнической принадлежности может служить и то, что в происходивших обменах военнопленными между Россией и Речью Посполитой православные белорусы чаще, чем другие ссыльные «иноземцы», добровольно оставались на службе в Сибири. Возможным, но не всегда верным признаком этнической идентификации является также и отличие белорусских фамилий от типичных фамилий «литвы», имеющих окончание на -цкий, присутствующих преимущественно польской шляхте⁵.

Исходя из этих теоретических оснований, рассмотрим обстоятельства и время появления отдельных представителей белорусского этноса в Сибири, их служебную деятельность, условия адаптации и инкорпорации в сибирское общество, материальное

положение и участие в аграрном освоении региона, определим их роль в присоединении, системе управления и хозяйствования колонизируемого края. Рассмотрим обозначенные вопросы предполагается на примере династии тобольских «начальных людей» Аршинских и других лиц белорусского происхождения.

Основателем указанной династии был «литвин», родом из Орши, сын боярский Павел Аршинский (Оршинский). Данные о его службе лаконичны, но весьма примечательны. В 1586 г. в составе отряда воевод В. Сукина и И. Мясного он принимал участие в возведении Тюмени — первого русского форпоста в Сибири. В 1598 г. участвовал в разгроме хана Кучума на р. Ирмени и сопровождал его пленённую семью в Москву. Последнее упоминание о П. Аршинском содержится в дозорной книге Тобольска 1624 г., где его двор упоминается «в межах» наряду со строениями местных стрельцов⁶.

Его сын Богдан Павлов Аршинский прочно занял высокое положение в управленческой структуре Тобольска: был первым советником воеводы П. И. Пронского и других сибирских наместников, занимал разные командные должности, имел высокую репутацию в казачьей среде. В 1636 г. его назначили головой пеших казаков Тобольска после смерти сподвижника Ермака, весьма популярного в служилой среде атамана Гаврилы Ильина⁷. В целом, его служебная деятельность, отмеченная документами с 1618 по 1654 г., свидетельствует как о быстром карьерном росте, так и о значительном материальном благополучии. В 1630 г. он получал 20 руб., без хлебного жалования, поскольку имел собственную пашню, в 1635 — 22 руб., в 1654 — уже 25 руб., 22 чети ржи, 8 четей овса, 3 пуда соли, что являлось высшей ставкой служилого должностного оклада⁸. Достижению такого высокого положения в служилой среде предшествовала многолетняя служба, в которой воинские дела тесно переплетались с большой административной и посольской практикой.

С начала 1620-х гг. Б. Аршинский почти ежегодно возглавлял экспедиции, посольства, походы на «немирных людей», проводил различные дозоры и следствия, выполнял другие наиболее ответственные поручения.

Неоднократно под его началом осуществлялись большие экспедиции служилых и торговых людей за солью в верховье Иртыша на озеро Ямыш (1621, 1636, 1638 гг.). Эти ежегодные

поездки нередко сопровождалась столкновениями с местными воинственными кочевниками, отстаивавшими свои права на богатое соляное месторождение. Очевидно, Б. Аршинский умел заключать соглашения с кочевыми правителями и склонять их на свою сторону. Так, в сентябре 1638 г. он сообщил тобольским властям о перевозке соли ойратами к русским судам и присяге отдельных калмыцких тайшей на верность русскому царю. Помимо этого, одарив тайшей сукнами, он сумел договориться с ними о возвращении в Тобольск русских пленных, захваченных калмыками во время набегов на деревни Тарского и Тюменского уездов, и дал провожатых калмыцким послам для поездки в Тобольск⁹.

В 1625 г. Б. Аршинский был направлен с посольством к казахскому владельцу Ишиму с целью склонить его в русское подданство и добиться отказа от нападений на русские владения. Очевидно, его миссия была успешной, поскольку люди Ишима не участвовали в крупном антирусском восстании тарских и барабинских татар 1628–1631 гг., подстрекаемых к тому джунгарами¹⁰. Восстание в немалой мере было вызвано злоупотреблениями тарских воевод Ю. И. Шаховского и М. Ф. Кайсарова над ясачным населением¹¹.

Наряду с мирными дипломатическими средствами Б. Аршинский использовал и силовые методы борьбы с восставшими. С целью подавления сопротивления остатков отряда кучумовичей летом 1629 г. вместе с тобольским сыном боярским Фёдором Елагиным, тарскими служилыми людьми и юртовскими служилыми татарами он совершил поход вглубь Барабинской степи. На озере Чаны их объединённый отряд разгромил восставших татар, отбил захваченный в деревнях Тарского уезда «русский полон» и захватил в плен немало «государевых изменников»¹².

Весной 1631 г. вместе с отрядом смоленского дворянина Я. Тухачевского Б. Аршинский принял участие в сражении с телеутами за Чингизский городок, закончившемся их поражением, что привело к распаду антирусской коалиции кучумовичей — многочисленных потомков хана Кучума¹³. В этом же году, в ноябре, был отправлен с начальными людьми Ф. Шараповым, И. Внуковым в Коурдацкую волость на помощь отряду сына боярского Томилы Петрова против «воинских людей» указанного выше владельца Ишима. В 1632 г. вместе с татарским головой

Иваном Внуковым вновь ходил в поход «на кучумовых внучат» и на «государевых изменников» — тарских татар и «колмацких людей»¹⁴.

Б. Аршинскому нередко приходилось выполнять и обязанности сыщика — дознавателя в разрешении сложных конфликтных ситуаций. Летом 1626 г. он проводил в Енисейске сыск о злоупотреблениях воеводы А. Ошанина и бунте против него служилых людей под руководством казачьего атамана В. Алексева. Расследуя причины «отказа» населения воеводе, допуская «многие обиды и насильства», Б. Аршинский не только сместил Ошанина, но и арестовал «за воровство» атамана Алексева и других «пущих заводчиков», обеспечив тем самым необходимую стабильность во внутренней жизни самого отдалённого русского форпоста¹⁵.

В июле 1628 г. ему также довелось расследовать причины военного противостояния, возникшего между влиятельным калмыцким ханом Урлюком и тарскими служилыми людьми из-за барабинских татар, являвшихся долгое время двоedanцами калмыков и русских. Тарский сын боярский Богдан Байкач, уступая требованиям ясачных людей, пострадавших от калмыков на р. Оми, самовольно совершил поход на них; на бою было убито 5 калмыков, взят ясырь 15 человек, а также 20 лошадей, 3 верблюда и другое имущество. «Погромный ясырь и рухлядь» по заведённому обычаю были поделены между служилыми людьми и воеводой. Всё это осложнило отношения тобольских властей с сильным калмыцким правителем. При проведении сыска по этому делу Б. Аршинскому было приказано отобрать у тарских воевод весь ясырь и «рухлядь», вернуть их Урлюку или его детям, признав при этом правомерность претензий владельца. Вместе с тем он должен был «выговаривать» Урлюку по поводу грабежей его сыном государевых ясачных людей, что явилось причиной «задора» между калмыками и русскими. В отношении Б. Байкача предлагалось также выяснить, ходил ли он «собою» или по челобитью ясачных волостных людей¹⁶. Установившееся временное затишье на границе со степью может свидетельствовать об успехе его миротворческой миссии.

Б. Аршинский неоднократно совершал поездки в Москву. Так в 1624 г. он привёз оттуда грамоту о разрешении торговым людям ездить с Руси в Мангазею и обратно по установленным

правительством дорогам и запрете совершать поездки морским путём. В 1649 г. он также привёз из Москвы грамоту из Сибирского приказа о порядке приёма и ведения сношений с калмыцкими послами в Тобольске¹⁷.

Б. Аршинский был несомненно глубоко религиозным, православным человеком. Ему неоднократно поручал выполнять ответственные задания Тобольский Софийский двор: доставить с Москвы Знаменскому монастырю одеяния и церковные книги, произвести отвод рыболовных угодий на Иртыше, осуществить досмотр церковных земель и др. 7 января 1636 г. он вместе с сыном боярским Якубом Корвацким выполнял весьма деликатное поручение, состоявшее в переписывании имущества умершего в 1635 г. сибирского архиепископа Макария. Известно также, что в 1621 г. вместе с сыном боярским Иваном Шульгиным он пожертвовал какие-то средства на оклад образа святой Софии в Соборной церкви Тобольска, а также пахотную землю с сенокосными угодьями недалеко от Матвеевской деревни¹⁸. В 1642 г. Б. Аршинский выполнял роль приказчика у населения Бегичевых гор, принадлежавших старейшему в Сибири Тобольскому Знаменскому монастырю. В своей отписке приказчик писал о выдаче им «подмоги» монастырским крестьянам «для новое селитбы и розчистки земляные» Подмога выделялась новоприборным крестьянам государством или монастырём деньгами, скотом и зерном на определённых условиях и прикрепляла их к земле¹⁹.

Как человеку, хорошо владеющему грамотой, в 1651 г. Богдану Аршинскому с подъячим Василием Романовым поручили составить опись тюменских вотчин Тобольского архиерейского дома: Тавдинской, Покровской и Усть-Ницынской слобод и переписную книгу Тобольского уезда. Эти документы, опубликованные выдающимся сибирским археографом, академиком Н.Н. Покровским, являются ценным источником по демографической и социально-экономической истории Сибири²⁰.

Службу Б. Аршинского продолжили его сыновья — дети боярские Данила и Борис и внуки: Данила, Иван и Тихон. Их административная, военная и другая деятельность, представленная в источниках отдельными эпизодами, также свидетельствует о сохранении преемственности поколений в служилой среде, представители которой своей нелёгкой службой стремились продолжить и умножить достижения своих предков.

Данила Аршинский, как и его отец, занимал высокое положение в тобольском гарнизоне. Его жалование составляло в 1654 г. 15 руб., 15 четей ржи, 15 четей овса и 3 пуда соли, что в три раза превышало оклад конного казака и соответствовало чину атамана в разрядном городе. Служебная деятельность Д. Аршинского, как и его родственников, также была насыщенной и разнообразной. В 1641 г. он был направлен в Москву с ясачной казной и воеводскими отчётами. При сдаче дел в Сибирском приказе за него «руку приложил» мангазейский подьячий И. Логинов, что может свидетельствовать об уровне грамотности Данилы. Но это не помешало ему вместе с подьячим В. Романовым проводить перепись земельных угодий Тобольского архиерейского дома в Тюменском уезде²¹.

Впоследствии Д. Аршинский упоминается как приказчик Верхней Ницзынской слободы, которого в 1647 г. предупреждал прежний приказчик Ф. Воронов о соблюдении мер предосторожностей в связи с предстоящим походом «колмацких воинских людей» на Тюмень и близлежащие слободы²². В 1659 г. он значится как «литовский ротмистр». Вместе с татарским головой Саввой Турским и отрядом в 200 казаков они дважды (в декабре и апреле 1659 г.) приходили в Тару для оказания помощи в отражении нападений «кучумовых царевичей» и калмыков на ясачные волости, а также принимал участие в совместном походе против враждебных кочевников. В результате согласованных действий тарских, тюменских и тобольских ратных людей на «неприятельских людей» в Барабинской степи, по словам Г. Миллера, «наступило более спокойное и безопасное положение»²³.

Наряду с воинской службой Д. Аршинский, как и его отец, выполнял важные дипломатические миссии. 3 февраля 1646 г. он был направлен вместе с калмыцкими послами во владения контайши с подробным наказом от тобольских воевод. Ему было предписано урегулировать сложности с калмыками, постоянно возникавшие по вопросам сбора ясака с барабинских татар, являвшихся длительное время данниками калмыков и русских, обмена пленными, налаживания торговли и решать другие жизненно важные вопросы, способствующие упрочению мирных контактов и торговых связей между сторонами²⁴.

Брат Данилы, сын боярский Борис Богданов Аршинский занимал менее видное место в военно-административной структу-

ре Тобольска. Об этом свидетельствует более скромный размер жалования — 10 руб. и выполняемые им обязанности. В 1646 г. вместе с атаманом М. Выходцевым он отвечал за линию обороны Тобольска от Пермских до Базарных ворот. В их подчинении было 20 архиерейских служителей, 14 церковных, 78 казачьих детей, 44 служилых людей, всего 186 человек. При воротах имелась медная двухфунтовая пушка с пушкарём, у боевых окон верхних и нижних рядов несли постоянную службу 8 казачьих детей²⁵. Учитывая, что Тобольску в это время уже не угрожала опасность, его служба, очевидно, не была обременительной и позволяла ему успешно заниматься торговым предпринимательством. В 1640 г. он продал сольвыгодскому торговому человеку «мягкой рухляди», которую «привёз из калмаков», на 12 руб.²⁶ По данным Л. А. Гольденберга, вместе с Ульяном Ремезовым, отцом сибирского учёного С. У. Ремезова, он собирал ссудные пошлины с жителей Тобольска в 1645–1647 гг.²⁷

Представителем третьего поколения Аршинских был сын Данилы Богданова Данила Данилов Аршинский, повёрстанный в дети боярские с окладом 11 руб. По данным Миллера, в августе 1641 г. его небольшой отряд подвергся нападению калмыков воинственного царевича Девлетгирея (до 700 человек). Лишь 13 подчинённым вместе с Данилой с трудом удалось пробиться под защиту Тарханского острога и пережить там тяжёлую осаду²⁸.

Как и его родственным предшественникам, ему пришлось выполнять различные административные, полицейские, посольские и другие функции. В 1643 г. Даниле Аршинскому довелось сопровождать нарымского воеводу Скобельцына в Тобольск для проведения следствия о его злоупотреблениях во вверенном ему остроге²⁹. В феврале 1646 г. вместе с русскими посланниками Борисом Трофимовым и Яковом Бугалаковым он участвовал в составе важного посольства к основателю Джунгарского государства Эрдени Батуру-хунтайджи с целью склонить его в русское подданство³⁰. После завершения работы посольства ему пришлось какое-то время выполнять обязанности приказчика Верхней Ницзынской слободы. В 1659–1660 гг. вместе со своей сотней он дважды совершил походы в степь и разгромил кучумовичей и калмыков на озере Чаны³¹.

По-видимому, административные способности и воинские доблести Д. Д. Аршинского стали причиной назначения его

в 1676 г. приказчиком, а затем и воеводой отдалённого Нерчинского острога, являвшегося главным русским форпостом и основной базой распространения русского влияния на восточных рубежах — в Забайкалье и Приамурье.

Обстановка в Нерчинском уезде в конце 1660-х — начале 1670-х гг. была тревожной, во многом обусловленной обострением отношений с Китаем, Джунгарией и Халхой (Северной Монголией), стремившимися предотвратить продвижение русских в Приамурье и ослабить позиции России в Забайкалье. Осенью 1669 г. шеститысячное китайское войско во главе с военачальником Нагай Тимуру отправилось к Нерчинску с целью демонстрации силы и оказания давления на русские власти³². Воеводе Д. Аршинскому от имени китайского правительства был вручён «лист», в котором выражалось недовольство строительством русскими Албазина, появлением казаков на р. Сунгари и «погромом» там местного населения, которых китайцы считали своими подданными. Кроме того, китайские власти добивались выдачи тунгусского князя Гантимура, перешедшего в русское подданство со своими улусными людьми (172 человека).

Не дожидаясь ответа из Москвы в разрешении этих непростых межгосударственных вопросов, Д. Аршинский поспешил самостоятельно уладить их. По его указанию в апреле 1670 г. в Китай было направлено посольство, состоящее всего из четырёх человек во главе с сыном боярским Игнатием Миловановым³³.

В наказной памяти, данной Милованову, Д. Аршинский, как представитель русской власти, пытался выразить позицию России по вопросам, являвшимся долгое время камнем преткновения между сторонами. Милованов должен был заявить пекинскому двору, что казаки Албазина — такие же подданные русского царя, как и нерчинские казаки, а действия албазинцев против дючеров и дауров, которых китайские власти считали своими подданными, были вызваны их вероломным нападением на русскую крепость, убийством 12 казаков и угоном скота, и что Гантимура, перешедшего на сторону русских, Россия не выдаст, как и китайская сторона не выдаёт русским их ясачных перебежчиков³⁴.

Чтобы сократить время нахождения в пути, Милованов первым из русских посланников проследовал в Китай новым марш-

рутом. Из Нерчинска он пересёк Даурию, затем спустился по Амуру, Аргуни и притоком последней добрался степью к р. Нануну. За ней уже находилась обжитая китайцами территория, через которую Милованов следовал до самой Китайской стены. В Пекине он сумел добиться аудиенции у самого императора Сюань Е, которого известный китаевед Н. Мясников назвал «одним из выдающихся представителей маньчжурской знати»³⁵. По словам уже официального посланника России Н. Спафария, направленного Москвой, чтобы сгладить остроту отношений с Китаем, Милованов не только изложил содержание выданной ему Аршинским памяти, но и допустил неслыханную дерзость — сделал предложение императору вступить в подданство московского царя!³⁶

После выполнения своей миссии, щедро одаренные китайскими подарками, по выражению блестящего знатока истории Сибири Н. Н. Оглобина, «непатентованный» посол и его спутники благополучно возвратились в Нерчинск. Вместе с ними прибыл китайский сановник Мангатеи со свитой из 65 человек, целью которого была уже не дипломатия, а сбор сведений о количестве и состоянии русских вооружённых сил в Забайкалье для организации будущего наступления на возникшие здесь остроги. И, как показали последующие события, инициированное Аршинским посольство Милованова не только не разрядило обстановку, но привело к её обратным результатам.

Очевидно, за проявленное самовольство и дерзость в отношении сильного восточного соседа, повлёкшие за собой осаду Албазина и других русских дальневосточных форпостов, в 1673 г. Д. Аршинский был отозван в Тобольск. Решать сложные внешнеполитические конфликтные вопросы с Китаем и его подневольным союзником — северными монголами — пришлось уже новому воеводе П. Шувальгину и опытным дипломатам Н. Спафарию, затем Ф. А. Головину, что завершилось в 1689 г. подписанием невыгодного для России Нерчинского договора.

Сын Д. Аршинского Иван Данилов Аршинский унаследовал также чин сына боярского. В 1668 г. он был приказчиком в Ялуторовской слободе. В 1673 г. он упоминается как стрелецкий голова, направленный в погоню за бежавшими на «Русь» какими-то «ссылными людьми». В следующем году Иван Аршинский совершил неудачную поездку с посольством к калмыц-

кому тайше Дундуку, стоявшему в среднем течении р. Ишима, где едва не лишился жизни. Во время переговоров люди Дундука связали и ограбили русских послов «донага» и отправили их в Тобольск³⁷. В 1677/1678 г. ему довелось временно исполнять обязанности воеводы в Тюмени. В разгар крупного башкирского восстания 17 апреля 1678 г. он получил из Тобольска предписание: «чтоб ему на Тюмени содержать себя осторожно от нападения башкирцев»³⁸. В начале следующего года И. Д. Аршинский был направлен с воинской командой в скит раскольников для ареста старца Данилы, но последний с верными ему людьми «закрылся» в избе и сумел совершить самоожжение. Последнее упоминание об Иване Аршинском встречается в 1699 г., когда он возглавлял караван судов за солью на Ямыш-озеро и оставил в Таре для выдачи местным служилым людям соляного жалования два дощаника соли³⁹.

Сын Ивана Данилова Иван Иванов Аршинский — четвёртый представитель этой династии, правнук П. Аршинского — также имел чин сына боярского и выполнял схожие обязанности в Тобольске. В 1680 г., он был направлен послом «в Киргизы», совершавшие набеги на русские поселения и ясачных людей порубежных волостей. В 1693 г., будучи стрелецким головой в Тобольске, он же обратился с челобитной к царю с просьбой возвести его в сибирское дворянство. В ней И. И. Аршинский подробно перечислил заслуги своих предков и собственные достижения. Очевидно, его просьба была удовлетворена, в 1696 г. тобольский голова упоминается в той же должности, но уже как сибирский дворянин с окладом 15 руб.⁴⁰ В период с 1703 по 1709 г. И. Аршинский выполнял обязанности командира Сибирского драгунского полка вместо сбежавшего со службы непопулярного «иноземца» полковника Александра Линга⁴¹. Отметим, что Сибирский драгунский полк был первым формированием русской регулярной армии за Уралом и назначение И. И. Аршинского на этот пост являлось, несомненно, почётным и ответственным.

Как и его близкие по родству «свойственники», И. И. Аршинский проявил себя опытным военачальником. В 1706 г. руководимые им драгуны совершили поход на «чёрных калмыков» (джунгар) в верховья р. Тобола, где разгромили их под Утяцкой и Ялуторовской слободами. Впоследствии он упоминается уже

как приказчик первенцев уральской индустрии — Каменских железоделательных заводов и составитель их смет, что также свидетельствует о его немалых административных способностях и образовательном уровне⁴².

К представителям белорусской диаспоры можно отнести Самуила (Самойло) Ботвинку (Ботвинкин, Ботвинской), принадлежавшего к смоленской шляхте. При разборе в 1681 г. он сообщил, что был взят в плен в 1661 г. в бою «под Руегой» и сослан в Кузнецкий острог в конные казаки с окладом 8 руб. с четью, 7 четей ржи, 6 четвертей овса, 2 пуда соли⁴³. В отписке тобольских воевод И. Хилкова и Г. Головнина в сентябре 1661 г. сообщалось, что вместе с ним были сосланы и определены в конные казаки в Кузнецке «ссылные люди», шляхтичи С. Жаба, Д. Дубровской, Г. Островской, В. Годемирский, Б. Уницкой, а также рейтары И. Путковский, О. Лазицкий. Им было положено жалование по 6 руб., 6 четей ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли⁴⁴.

Более высокое жалование С. Ботвинки в сравнении с другими ссыльными может свидетельствовать о его непольском происхождении и каком-то особом преимуществе. Об этом свидетельствуют и другие данные его биографии. В 1664 г. вместе с указанными выше шляхтичами он был послан в Москву для размена военнопленными. В отличие от них, С. Ботвинка отказался возвращаться на родину, «бил челом блаженной памяти великому государю... чтоб мне Самойло быт в стороне царского величества высокою рукою и по указу... был верстан в службу по Кузнецкому в дети боярские». При этом оклад ему был значительно повышен и составил 13 руб., 17 четвертей ржи, 17 четвертей овса, 3 пуда соли⁴⁵.

В источниках нашли отражение и другие эпизоды воинской службы С. Ботвинки в Сибири. 9 октября 1664 г. по прибытии из Тобольска в Кузнецк он и его подчинённые получили 18 чарок «за многолетнее здравие царя»⁴⁶. В октябре 1684 г., будучи в Москве с пятидесятником Иваном Кузьминым, С. Ботвинка подал челобитную кузнецких жителей о разорительных набегах киргизов⁴⁷. В 1687 г. вместе с десятником И. Тихоновым он был послан в погоню за джунгарами в Берсояцкую волость на р. Катунь. В следующем году опять был послан на Катунь в Кондомскую волость для «проведывания вестей» о калмыках⁴⁸.

Службу С. Ботвинки наследовал его сын Фёдор Ботвинкин. Он упоминается в переписной книге Кузнецкого уезда 1719 г. как сын боярский в возрасте 48 лет вместе со своим сыном, семнадцатилетним Иваном. Согласно переписи, Ф. Ботвинкин и его семья проживали уже не в Кузнецке, а в одной из пригородных деревень, где он, наряду с несением службы, занимался и сельскохозяйственным производством⁴⁹.

Ускоренную адаптацию и успешное продвижение по службе семейной династии Аршинских, Ботвинки и других «белорусцев» можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, бывшие жители белорусских земель долгое время проживали в условиях постоянно меняющегося западного пограничья, обстановке частых европейских войн и военных конфликтов, насаждаемой колонизации населения. Это способствовало выработке у них, особенно у служилого слоя, военных навыков, а у всего белорусского населения — стремления к сохранению своей этнической целостности. Всё это облегчало их вхождение в состав сибирского сообщества, также пребывавшего во фронтирном положении, но находившегося, несмотря на все трудности начального освоения края, в более свободном и открытом состоянии.

Во-вторых, следует отметить и покровительственное отношение русских властей, особенно с середины XVII в., к белорусскому населению. Оно проявлялось в осуществлении законодательных мер, облегчавших положение белорусов и других жителей Смоленска, Полоцка, Орши и прочих мест, занятых русскими в ходе войны с Польшей, устройстве в Москве специальной Мещанской слободы, заселённой преимущественно белорусскими выходцами, широком привлечении и использовании на русской службе белорусских мастеров и военных специалистов. Эти меры, по мнению А. Г. Манькова, «преследовали цель склонить местную шляхту, состоявшую в основном из белорусов, на сторону русского правительства и предотвратить её уход в Литву»⁵⁰.

Сибирские гарнизоны пополняли и рядовые служилые «белорусцы», оказавшиеся на востоке разными путями. Как правило, их верстали в конную и пешую казачью службу. Среди них были, очевидно, участники войны за Смоленск 1632–1634 гг.: «белорусец Оршанского повету Игнашко Григорьев», «белорусец Литуково повету Войтешко Михайлов», «белорусец Копывского повету Ивашко Васильев». Перед отправлением их в Сибирь,

к месту назначения, они получили жалование по 5 руб. и сукно. В 1635 г. Иван Васильев упоминается в Томске уже как десятник пеших казаков с окладом 5 руб. с четью⁵¹.

Немало служилых белорусов из числа рядовых оказалось в Сибири в ходе войны за Украину в 1650–1660-е гг. В 1654 г. в Якутский острог на службу было направлено 12 человек «литовских людей белорусцев»: Тимошка Ондреев, Осташко Иванов, Корнилко Корнильев, Янка Васильев, Ларка Игнатъев, Дёмка Борисов, Омелка Наумов, Дениска Степанов, Тимошка Иванов, Мишка Антонов Попко, Ивашко Борисов⁵².

Белорусы из числа военнопленных этого периода в одиночку и партиями поступали и в другие сибирские города. Среди них был «литовский полоняник», оршанец Марчко Борисов. Его сослали в 1658 г. с Москвы в Томск, затем в Кузнецк, где он значился как «литовский полоняник оршанец»⁵³. В кузнецких окладных книгах за 1660 и 1662 гг. он указан как холостой конный казак с окладом 7 руб. с четью, 5 четей с осминой ржи, 2 чети овса, 1,5 пуда соли⁵⁴. Возможно, М. Борисов сообщил сведения о природных богатствах Сибири, в том числе о кузнецкой руде, известному хорватскому учёному-энциклопедисту Ю. Крижаничу во время длительного пребывания последнего в Тобольске. Эти сведения нашли отражение в знаменитом труде Крижанича «Политика»⁵⁵.

В эти же годы в Томск были направлены без указания на верстание «сылной человек белорусец» Александр Колевчевской и другие лица. В июле 1661 г. в Томск прибыли вместе с другими «ссылными людьми» и «иноземцы оршанцы». До этого они находились в Астрахани, откуда по неизвестным нам причинам и обстоятельствам совершили неудачный побег, за что и были сосланы в Сибирь в конную службу. Среди них шляхтичи: Степан Крюковской, Янко Брянской, Парфён Ширяев, Афанасей Новгородец, Карп Кунчеев, Леонтий Павлов, Иван Городецкий, Осип Карась, Миклауй Коловено⁵⁶. По данным белорусского писателя и историка В. П. Грицкевича, в 1680-е гг. из 3600 служилых Тары, Тобольска, Томска и Тюмени 800 человек были выходцами из белорусских земель⁵⁷.

Среди ссыльных «белорусцев» встречались и духовные лица. В 1659 г. указом великого государя из Сибирского приказа был отправлен в Тобольск «на вечное житьё» белорусский поп Влас.

По указанию архиепископа Симеона опальный священник был пострижен и направлен нести службу в церковь монастырского села Ивановское. Примечательно, что в это же время был сослан в отдаленный Якутский острог представитель чуждой католической веры, «иноземец»-ксёндз Тишкеев⁵⁸.

Наряду с несением службы «белорусцы» были вовлечены и в аграрное освоение Сибири. Занятию земледелием и скотоводством во многом способствовало наличие свободных и плодородных угодий, выгодно отличавшихся от земель белорусского Полесья. Указанный выше Богдан Аршинский имел значительные для того времени сельскохозяйственные и лесные угодья на Иртыше: пашни 20 десятин, перелога 12 десятин, дубравы 12 десятин, покотины 8 десятин, сенокосов 6 десятин, с которых накашивал 400 копён⁵⁹. Наличие таких угодий и заготовка большого количества грубых кормов, позволявшие содержать не менее 10 лошадей или 13–14 голов рогатого скота, указывает на то, что занятие сельским хозяйством ему было «в обычае». Очевидно также, что в его хозяйстве использовался наёмный труд и оно носило товарный характер.

Несмотря на высокие должностные оклады и возможность лишиться хлебного жалования, пашенные и другие угодья имели и другие выходцы из «Белой Руси». Так, уроженец Минского уезда кузнецкий сын боярский Пётр Буткеев 8 мая 1696 г. продал «хлеба своей пахоты» на 2 руб.⁶⁰ Земледелием успешно занимались бывший шляхтич Мстиславского воеводства, томский сын боярский Степан Круглик (Кругликов) и его сын, ставший сибирским дворянином, Алексей Степанов Кругликов. Последний был не только умелым военачальником и администратором, но и успешным сельским предпринимателем. А. Кругликов владел пашенной заимкой — деревней на р. Оби. Возможно, для защиты своих владений и других деревень по его инициативе и под его началом в 1703 г. был возведён Умревинский острог и заведена новая пашня на р. Томи у деревни Вершининой⁶¹. А. Кругликову также принадлежала на паях водяная мельница на р. Басандайке⁶². В его большом хозяйстве работали несколько дворовых людей «калмыцкой породы». Земледелием занимались и другие рядовые ссыльные белорусы. В 1655 г. был послан из Тобольска в недавно отстроенный Илимский острог «в пашню» «белорусец» Аникиев Фома⁶³.

Не вызывает сомнения, что белорусские выходцы были вовлечены в главное занятие Сибири — пушной промысел, являвшийся в первой половине века самым доходным источником. Занятию им способствовали прежние условия проживания, имевшие, несмотря на различие в климате, схожие природные ресурсы. Поэтому участие белорусов в лесном промысле, рыболовстве, соледобыче и других видах хозяйственной деятельности также является неоспоримым фактом. Но этот вопрос требует своего дальнейшего изучения и находится вне рамок нашей работы.

Таким образом, основатель династии «белорусец» Павел Аршинский и его потомки оставили заметный след в начальной истории русской Сибири. Все представители этого рода занимали важное место в военно-административном аппарате Тобольска, фактически осуществлявшем управление всей Сибирью. Сфера их деятельности была весьма разнообразной и насыщенной. Выполняя важные управленческие, военные, судебные, посольские и другие функции, Аршинские представляли собой нарождающийся слой сибирской бюрократии, без которой было бы немисливо управление колонизируемой русскими Сибирью. Достижение и сохранение за собой высокого статуса на протяжении всего столетия может свидетельствовать об успешном опыте интеграции выходцев из белорусских земель в русское сибирское сообщество и превращении отдельных представителей в его элиту. Способствующими факторами являлись языковая, религиозная близость и ментальная общность с русским народом, наследственный характер замещения командных должностей, умение взаимодействовать с коренными народами, а также схожие природные условия сибирского и белорусского пограничья. Всё это вместе взятое обеспечивало «белорусцам» Аршинским высокое социальное положение, которое, впрочем, мало отличалось от положения многих представителей Речи Посполитой и других привилегированных групп «иноземцев», проявивших себя на служебном поприще в условиях открытого и мобильного формирующегося сибирского общества и фронта.

Появление других «белорусцов» в Сибири также было неразрывно связано с начальным этапом присоединения и освоения региона. Поступление их на русскую службу было обусловлено разными факторами, в которых не последнюю роль играли

перманентные войны России с Польшей. Социальное и служебное положение выходцев из белорусских земель в Сибири зависело не только от прежнего статуса, но и от новых заслуг, достигнутых ими преимущественно в военно-административной сфере. Оказавшись на новых землях и в другом этническом окружении, белорусы не стали в Сибири обособленной этнической группой. Пребывание их в составе «литовского списка» в разрядных городах не являлось ещё условием сохранения их этнической общности. К тому же, в большинстве «малых» сибирских городов и острогов «литовских списков», как специальных подразделений-диаспор, созданных для «иноземцев», не существовало. Поэтому, в отличие от других народностей Речи Посполитой, процессы адаптации, ассимиляции и аккультурации выходцев из белорусских земель в Сибири, несмотря на определённую полонизацию, происходили ускоренно, более интенсивно и менее болезненно.

¹ Белорусы в Сибири / В.А. Ламин, Н.С. Шашкевич, Д.Я. Резун и др.; отв. ред. В.А. Ламин, Н.С. Шашкевич. Новосибирск, 2000. С. 4.

² Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 19–20; Резун Д.Я., Соколовский И.Р. О «Литве» в Сибири XVII в. // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 22–64.

³ Крих А.А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья. (XVII–XX века). Омск, 2012. С. 46.

⁴ Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVIII вв. М., 2007. С. 107.

⁵ Люцидарская А.А. Белорусы Сибири XVII в. // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск, 2011.

⁶ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 19; Резун Д.Я., Соколовский И.Р. О «Литве» в Сибири XVII в. ... С. 29.

⁷ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 93, 116, 154–155.

⁸ Резун Д.Я., Соколовский И.Р. Указ. соч. С. 30.

⁹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 128–129, 527–528.

¹⁰ Волкова К.Е. Восстание татар Тарского уезда 1628–1631 гг. // Сибирь периода феодализма. Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 116–122.

¹¹ Щеглов И.П. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882. Иркутск, 1883. С. 129.

¹² Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 114, 417–418, 705; Т. 3. С. 681–683.

¹³ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 49.

¹⁴ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 445–446, 706.

¹⁵ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 449–450; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 239, 272;

¹⁶ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 118–119.

¹⁷ Резун Д.Я., Соколовский И.Р. О «Литве» в Сибири XVII в. ... С. 29.

¹⁸ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 170; Ромодановская Е.К. Опись имущества сибирского архиепископа Макария (1636 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1988. С. 5, 7, 13; Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1985. С. 70.

¹⁹ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия... С. 383, 386–387.

²⁰ Тобольский архиерейский дом... С. 251–254.

²¹ Резун Д.Я., Соколовский И.Р. О «Литве» в Сибири XVII в. ... С. 31; Тобольский архиерейский дом... С. 251.

²² Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 607, 324.

²³ Там же. Т. 2. С. 36–38, 405–406, 413–414, 423, 426–427, 429, 431.

²⁴ Там же. Т. 3. С. 24–27, 312–314.

²⁵ Словоцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С. 136.

²⁶ Томск в XVII в. Материалы для истории города... С. 141.

²⁷ Гольденберг Л.А. Семён Ульянович Ремезов... С. 10.

²⁸ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. III. С. 130, 556.

²⁹ Резун Д.Я., Соколовский И.Р. О «Литве» в Сибири XVII в. ... С. 32.

³⁰ Русско-монгольские отношения. 1636–1654... С. 271–276; Сибирские переселения. Вып. 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII — начале XX вв.: сб. док-тов / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2010. С. 21–26.

³¹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 607; Андриевич В.К. История Сибири. Ч. 1. СПб., 1889. С. 108–109.

³² Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах... С. 52–53, 69–70.

³³ Там же. С. 53; Русско-монгольские отношения. 1636–1654... С. 415, 503, 505.

³⁴ Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. Т. 1. Империя Цзинн и Русское государство в XVII веке. М., 2015. С. 124–129; Русско-китайские отношения... Т. 1. С. 270–271, 274–275.

³⁵ Мясников В.С. Указ. соч. С. 117.

³⁶ Русско-китайские отношения... Т. 1. С. 415, 503, 505.

³⁷ Резун Д.Я., Соколовский И.Р. О «Литве» в Сибири XVII в. ... С. 33.

³⁸ Актовые источники по истории России и Сибири... Т. 1. С. 149.

³⁹ Резун Д.Я., Соколовский И.Р. О «Литве» в Сибири XVII в. ... С. 33.

⁴⁰ Там же. С. 33.

⁴¹ Гольденберг Л.А. Семён Ульянович Ремезов... С. 229; Акишин М.О. Сибирские служилые люди как источник комплектования воевод в начале XVIII в. // Казаки

Урала и Сибири в XVII—XX вв. Сборник науч. трудов. Екатеринбург, 1993. С. 66—67.

⁴² Резун Д.Я., Соколовский И.Р. О «Литве» в Сибири XVII в. ... С. 33.

⁴³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 992 об.—993.

⁴⁴ Белокуров С.А. Юрий Крижанич в России. М., 1901. С. 46.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 993.

⁴⁶ Там же. Ф. 214. Кн. 479. Л. 48.

⁴⁷ Там же. Ф. 214. Стб. 749. Л. 574 об.

⁴⁸ Резун Д.Я., Соколовский И.Р. О «Литве» в Сибири XVII в. ... С. 38.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1611. Л. 72.

⁵⁰ Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 2002. С. 42.

⁵¹ Леценко Р.Ф. Белорусы-переселенцы в Сибири (конец XVI—XVII вв.) // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 15; Резун Д.Я., Соколовский И.Р. О «Литве» в Сибири... С. 40.

⁵² Белокуров С.А. Юрий Крижанич... С. 52.

⁵³ ЧОИДР. Кн. 3. М., 1903. С. 58.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 415. Л. 7; Кн. 438. Л. 235.

⁵⁵ Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 389, 419. Косвенное подтверждение тому имеет у Белокурова. См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 58.

⁵⁶ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 45, 68.

⁵⁷ Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов... С. 52.

⁵⁸ Там же. С. 60—61, 73.

⁵⁹ Резун Д.Я., Соколовский И.Р. Указ. соч. С. 30.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1125. Л. 51.

⁶¹ Соколовский И.Р. Приказчик Умревинского острога Алексей Круглик и его отец (биографии двух «чиновников» XVII — начала XVIII века) // Проблемы местного самоуправления Сибири XVIII—XX веков. Новосибирск, 1996. С. 8—9.

⁶² Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов... С. 278.

⁶³ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 55.

Сибирская ссылка и служба Демьяна Многогрешного

В политической ссылке в Сибири в XVII в. пребывало немало известных лиц, сосланных за различные государственные преступления. Среди них оказались видные участники борьбы за свободу украинского народа в 1648—1654 гг. — бывший гетман Левобережной Украины Демьян Игнатович (Иванович) Многогрешный, его брат, нежинский полковник Василий Многогрешный и их соратники. Причины и обстоятельства их ссылки в Сибирь уже были рассмотрены С.М. Соловьёвым, отдельные эпизоды сибирской жизни и государевой службы описаны Н.Н. Оглоблиным и С.В. Бахрушиным¹. Но в служебной деятельности опальных лиц во время нахождения их в Сибири существует ещё немало невыясненных вопросов. Недостаточно полно освещено их социальное и материальное положение, служебная деятельность, родственные связи, участие в боевых действиях и социальных движениях. Новые материалы и имеющиеся в литературе сведения о братьях Многогрешных и их окружении позволяют решить эти вопросы и получить более полное представление об их образе жизни и службе в Сибири.

28 мая 1672 г. в Москве на Болотной площади была установлена плаха для казни бывшего гетмана Левобережной Украины Демьяна Многогрешного, его близких родственников и соратников. Гетман обвинялся в различных политических преступлениях, главным образом в измене великому государю, оскорбительном высказывании в его адрес, недовольстве условиями мирного договора с Польшей, попытке проводить самостоятельную политику, тайных сношениях с гетманом Правобережной Украины П.Д. Дорошенко и желании с ним перейти в подданство к «турскому султану», грабительском походе на белорусский Гомель и других «изменах». Основанием для розыска явились многочисленные изветы, поступившие в Москву от генерального обозного Петра Забелы, генерального судьи Ивана Домонтовича, переяславского полковника Дмитрашко Райча, генерального писаря Карпа Мокреевича, черниговского полковника И. Са-

мойловича, стародубского полковника Петра Рославца и других должностных лиц, являвшихся руководителями заговора против прежнего гетмана². К политическим преступлениям гетмана добавились и должностные проступки, связанные в немалой степени с его буйным и неуравновешенным характером. По свидетельству С. М. Соловьёва, Д. Многогрешный будучи пьяным, «изрубил» саблей переяславского полковника Дмитрашку Райчу, избил и хотел рубить саблей судью Ивана Домонтовича, самовольно менял полковников на угодных ему людей, бранил и угрожал другим казачьим старшинам. При этом в пьяном кураже заявлял: «Я сам московским людям дам отпор своей храбростью, как Александр Македонский; тот был Александр, а я Демьян, не меньше его, опустошу московское государство, как и Александр воевал грады»³.

Наряду с Демьяном были арестованы и привлечены к следствию его близкие соратники: брат Василий Многогрешный, нежинский полковник Матвей Гвинтовка, есаул Павел Грибович, племянник Д. Многогрешного Михаил Зиновьев. Они также обвинялись в «измене»: оставлении своих постов, бегстве из Чернигова, стремлении обособиться от Москвы и перейти на сторону турок.

Следствие над бывшим черкасским гетманом и его соратниками началось 14 апреля 1672 г. в Посольском приказе. Суд вершили хорошо знающие малороссийские дела приближённый к царю ближний боярин Артамон Матвеев и думный дьяк Андрей Богданов. Демьян Многогрешный тщетно пытался отвести предъявленные ему политические обвинения, заявляя на наиболее опасные для него высказывания, что он «человек простой и неграмотный» и «говорил неистовые речи в беспамятстве, пьянством»⁴. Д. Многогрешного подвергли пыткам, но и под ними он не сознался в совершении вменявшихся ему преступлений. Однако неубедительные доводы гетмана, как и оправдательные показания его соучастников, не явились смягчающим обстоятельством для судей, вынесших всем суровый приговор.

После проведения скорого розыска Боярским приговором братья Многогрешные и их сообщники как «изменники и клятвопреступники» были приговорены к смертной казни. Но в последний момент, когда их тела находились уже на

плахе, гонец сообщил об их помиловании государем, замене казни ссылкой в «дальние сибирские города на вечное житьё». Подобная милость нередко практиковалась среди московских царей, особенно при Алексее Михайловиче, в отношении лиц, связанных с политическими и религиозными делами. Очевидно также, что Д. Многогрешный имел немало сторонников не только на Левобережной Украине, но и в Москве, и это обстоятельство, возможно, облегчило участь гетмана и его сторонников⁵.

Избежавшим смерти сообщили на следующий день, что государь не только пожаловал им жизнь, но и велел дать милостыню: Демьяну 15 руб., Василию 10 руб., М. Гвинтовке и П. Грибовичу по 5 руб. Д. Многогрешному было возвращено его имущество, с которым он прибыл в Москву, и двое дворовых людей. Имущество гетмана на Украине было позднее поделено между заговорщиками⁶. Бывший гетман и бывший полковник С. Гвинтовка были отправлены с семьями в ссылку в Сибирь. Семейство Д. Многогрешного состояло из двух сыновей, Петра и Ивана, дочери Елены, племянника Михайлы Зиновьева и двух работниц. С Гвинтовкой отправились в ссылку жена Ирина и два сына — Ефим и Фёдор.

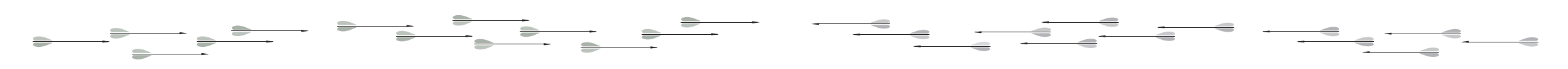
По прибытии в Тобольск условия конвоирования Д. Многогрешного «с товарищи» были ужесточены. Во многом это было связано с побегом бывшего есаула П. Грибовича с группой, состоящей из пяти ссыльных людей из Томска. Побег был удачным, и беглец вскоре объявился «в запорогах», о чём сообщил 5 октября 1673 г. в Москву тобольский воевода П. М. Салтыков. В связи с этим происшествием новым указом было велено «черкасских» ссыльных «посадить порознь скованных в тюрьмы и держать их с великим береженьем»⁷.

В Тобольске судьба украинских тюремных сидельцев была окончательно решена. Последовавшим новым указом было велено направить их под усиленным конвоем в пешую казачью службу по разным сибирским городам: Демьяна в Селенгинский острог, Василия в Красноярский, Матвея Гвинтовку в Кузнецкий, Михаила Зиновьева в Якутск. В августе 1674 г. ссыльные «изменники» прибыли в Енисейский острог, но по неясным причинам («за поздним путём») они не были отправлены в «указные места». Узнав об их задержке, правительство

вновь потребовало «немешкотно» послать их из Енисейска до места ссылки. Исполняя распоряжение, воевода М. Приклонский направил всех лиц по указанным правительством острогам, за исключением Демьяна, которого выслал в Иркутский острог. Мотивируя своё решение, он сообщал в Москву, что в Селенгинский острог послать не велел, поскольку он «стоит на край Мунгальской земли, и селенгинские служилые люди «самовольны, указных памятей не слушают и делают сами по своим прихотям», и чтоб его «куда не отпустили»⁸. Спустя шесть лет нахождения в Иркутской тюрьме, 14 декабря 1682 г., царской грамотой Д. Многогрешный был освобождён и повёрстан в дети боярские с годовым окладом 18 руб., 18 четей ржи и 4,5 пуда соли. Но его пребывание на свободе в новом статусе было непродолжительным. Вскоре по просьбе нового малороссийского гетмана Ивана Самойловича он был лишён чина и вновь помещён в тюрьму «за крепкими и твердыми караулы». В 1683 г. году бывший гетман был переведён в Селенгинский острог с прежним предписанием — содержать его «за крепким караулом»⁹.

В связи со сложной военной обстановкой, сложившейся в Забайкалье в 1680-е гг., возникла острая потребность в опытных командирах. В 1687 г. обладающий широкими полномочиями чрезвычайный посол Ф. А. Головин, прибывший для переговоров с Китаем, приказал освободить из тюрьмы Д. Многогрешного и поверстать его вновь в дети боярские с окладом 17 руб. денег и хлебным жалованием «против денег вдвое». Так, благодаря заступничеству Головина, селенгинский узник вновь обрёл свободу и был восстановлен на службе в прежнем чине. С учётом имеющегося у него военного и командного опыта ему стали доверять ответственные поручения, с которыми он успешно справлялся.

В январе 1688 г. монгольские войска во главе с Очирой Саинханом осадили Селенгинск, другая часть их отрядов подошла к Удинскому острогу и создала угрозу Иркутску. Селенгинский гарнизон оказался в плотной осаде и находился в ней 11 недель. 29 февраля монголы предприняли ожесточённый ночной штурм острога, они засыпали его «огненными стрелами» и поддерживали штурмующие отряды огнём из пищалей. Гарнизон во главе с воеводой Ф. А. Головиным сумел отбить штурм,

но по-прежнему находился в тяжёлом положении. На помощь осаждённым были направлены стрелецкие полки Ф. Скрипичина, П. Грабова и А. Смаленберга, находившиеся в Ильинской слободе. Чтобы не дать прорвать блокаду и соединиться русским силам, командующий монгольской армией Шидишири решился атаковать русские полки в 20 верстах от острога. Головин воспользовался удобным моментом, выслал из крепости конный отряд под командованием Д. Многогрешного, который ударил в тыл врага. В коротком, но ожесточённом сражении 20 марта, длившемся «с обеда до вечера», монгольское войско потерпело полное поражение и вынуждено было уйти в пределы Северной Монголии. Согласно преданию, ввиду больших потерь с обеих сторон, место сражения позже стало называться «падьё убиенных»¹⁰.

Осенью 1688 г. Д. Многогрешный участвовал в большой военной экспедиции на кочевников-табунутов, не признавших русское подданство, но претендовавших на право кочевий в Забайкалье. 30 сентября 1688 г. 500 служилых людей и 300 человек бурят и тунгусов под руководством Д. Многогрешного переправились через р. Хилок и нанесли поражение табунутам. Следствием победы стал переход до трёх тысяч в русское подданство и переход на службу их тайшей¹¹.

В декабре 1689 г. Д. Многогрешный с небольшим отрядом был направлен из Селенгинска для поиска бежавших в Мунгальскую землю принявших русское подданство «новых выходцов мунгальских людей». Отряд дошёл до «караульного камня и выше» по р. Селенге, не обнаружил беглецов и за «малолюдством... вдаль ехать не посмел»¹².

За успешную оборону Забайкалья от монгольских и китайских войск и переход большого количества монгольских и табунутских тайшей в русское подданство в мае 1689 г. отличившиеся командиры были награждены специальными медалями, рядовые служилые люди — золотыми копейками и отрезами кумача¹³. Очевидно, среди них был руководитель военных походов Д. Многогрешный. Наряду с проведением военных операций Д. Многогрешный был включён в состав посольских дворян и принимал активное участие в посольских делах, связанных с урегулированием отношений России с монгольскими и китайскими правителями.

По данным С.М. Соловьёва, Головин привлёк Д. Многогрешного к организации проведения съезда с китайцами в Нерчинске для заключения мирного договора. По его поручению Д. Многогрешный определял места и разбивал наметы (места дислокации) для китайских войск в поле недалеко от Нерчинска. Он также увещевал изменников бурят и онкотов, пытавшихся затруднить работу съезда, и взял в плен трёх человек.

Составитель сборника «Русско-монгольские отношения» Г.И. Слесарчук считает, что Д. Многогрешный был включён Головиным в состав посольских дворян и принимал активное участие в переговорах с монгольскими тайджи о разграничении сфер влияния между русской стороной и северомонгольскими правителями в отношении коренных народов Забайкалья¹⁴. Благодаря активным действиям русских послов и успешной обороне русских владений обстановка в Забайкалье нормализовалась в пользу России. По данным В.А. Александрова, перешли в русское подданство до 10 тыс. человек¹⁵.

В июле 1689 г. Д. Многогрешный подал Ф. Головину челобитную, в которой сообщал, что «ныне он стар и от ран болен», и просил пожаловать его и сыновей «за службу и за раны, велети их из Селенгинска из детьми освободить куда к хлебному месту». Но узнав, что его собираются переводить в Томск, написал Головину о своей невозможности «за скудостью и дальностью» совершить такой переезд. Уступая его просьбе, Головин направил его и сыновей на новое место жительства «к хлебному месту» — в Иркутск с тем же жалованием¹⁶.

В 1690 г. Д. Многогрешный был назначен приказчиком Селенгинского острога. Ему пришлось решать не только внутренние задачи, но и сложные внешние вопросы, связанные с изменениями в Забайкальском крае после подписания Нерчинского договора.

Его разведчики и перебежчики постоянно сообщали ему сведения о состоянии раздираемой внутренними противоречиями Мунгальской земли, о стремлении Джунгарии подчинить себе северную часть Монголии (Халху) и походе Галдана с семидесятитысячным войском во владения халхских правителей.

В своей отписке Ф. Головину от 11 марта 1690 г. он писал о взаимоотношениях монгольских тайджи, местах кочеваний, об их войне с джунгарским правителем Галдан Бошокту-ханом

и возможной угрозе Селенгинскому острогу. В связи с полученными тревожными вестями Головин распорядился послать приказчику «для всякой осторожности» 100 служилых людей из Удинского острога¹⁷.

В декабре 1691 г. приказчик сообщил иркутскому воеводе Л. К. Кислянскому о сообщении «монгольского выходца» Сайниса относительно похода Галдана Бошокту против цинов и о намерении монгольского тайши Катан-батура идти зимой на селенгинских ясачных людей¹⁸. 30 марта он вновь предоставил Кислянскому подробные сведения о сложном положении в Халхе, междуусобной борьбе монгольских тайджи и войне с Галдан Бошокту-ханом, а также о возможности призвать в русское подданство монгольского хутухту Далая Манжиширея¹⁹.

9 августа 1691 г. Д. Многогрешный сообщил Л. К. Кислянскому полученные им сведения от выходцев Мунгальской земли о голоде в войсках Галдана и разорении его ставки на р. Кобдо Цевен-Рабданом²⁰. Также он сообщал нерчинскому воеводе о предпринятых им мерах в отношении «неприятельских воровских мугальских людей», организации «отъезжих» дневных и ночных караулов, сборе сведений о намерениях мунгальских и табунуцких зайсанов с выяснением, «нет ли в них шатости и злого умыслу»²¹.

Полученные данные направлялись приказчиком в ставку Головину, где на основе их выработывался взвешенный подход в отношениях с Китаем, Джунгарией и Северной Монголией в решении сложных пограничных и других вопросов.

Служба Д. Многогрешного в Селенгинске не обошлась для него без новых жизненных испытаний. В 1691 г. на Селенгинский острог совершили нападение «воровские мунгальские люди». Набег был отбит, но в ходе сражения Демьян был ранен «многими раны», а его сын, иркутский сын боярский Пётр Многогрешный был убит. В этом же году по неизвестной причине умер другой сын Демьяна — Яков Многогрешный, служивший в Иркутске сыном боярским. Возможно, потеря близких людей определила дальнейшую судьбу Демьяна. В 1696 г. он постригся в монахи в Иркутский Вознесенский монастырь, где и закончил свой жизненный путь²². Сведений о других родственниках Д. Многогрешного сохранилось немного. Его дочь Елена вышла замуж за защитника Албазина

А. Бейтона. По словам П. А. Слоцова, от этого брака пошли две линии, «пользующиеся в Иркутске хорошим именем по учебной и гражданской службе»²³.

Судьба и деятельность в сибирской ссылке его брата Василия была многом схожей с судьбой Демьяна. В 1674 г. Василий был отправлен из Тобольска в Красноярск и посажен в тюрьму. Обрести свободу ему, как и брату, помогли произошедшие военные события. 14 сентября 1679 г. Красноярск подвергся очередной осаде енисейскими киргизами во главе с одним из правителей «чёрных калмыков» Сенге-тайшою. В условиях полной блокады города и, казалось бы, безнадежного положения служилые люди выпустили Василия из тюрьмы и поручили ему командование войском. Под его руководством была налажена эффективная оборона города, служилые люди «ходили строем и уредя полк» «с пушками и со всяким огненным боем» против войска Ереняка. Василий лично руководил артиллерией и «на боях с киргизами бился явственно не щадя головы своей»²⁴. Благодаря его умелому руководству красноярцы сумели не только выстоять, но и «побить» много киргизов, принудить их к отступлению от города и организовать их преследование. В ходе боя едва не погиб предводитель киргизов князец Ереняк²⁵. Заслуги В. Многогрешного были отмечены в послужном списке похода красноярских служилых людей против киргизов 18 января 1680 г. «И мы служилые люди видели всем полком иво василеву службу, что он, Василий Многогрешный, великому государю служил и прямил и добра во всём хотел». По челобитной всего гарнизона указом Сибирского приказа Василий был поверстан в сыны боярские с окладом 15 руб., 7 четей ржи, 7 четей овса и 4 пуда соли²⁶.

Последующая жизнь бывшего нежинского полковника была тесно связана со службой в красноярском гарнизоне. Очередной раз В. Многогрешный отличился во время большого похода в Канскую землю, состоявшегося в начале февраля 1692 г. В нём приняли участие 730 человек, в том числе 472 человека из служилых людей, 87 качинских служилых и «охочих» татар и 184 человека «всяких чинов». Целью похода было обращение в русское подданство тубинских людей, совершавших постоянные нападения на Красноярск и его владения. После безуспешной попытки передового отряда мирным путём при-

нудить тубинцев принять подданство русского царя состоялось сражение. В ходе упорных боёв с 28 февраля по 2 марта 1692 г. основные силы Тубинского улуса были разгромлены. По явно преувеличенным данным, приведённым служилыми людьми, тубинцы потеряли около 500 убитых, 600 женщин и детей были взяты в плен, потери русских составили 6 человек убитыми и 21 человек ранеными²⁷. По мнению П. Н. Бараховича, эта победа была самым крупным успехом красноярцев в борьбе с их противниками. Отличившиеся в боях были отмечены денежными наградами, установленными Сибирским приказом: «за убитого и взятого мужика и за служилых людей раны, которых на боях ранет — по рублю, а за явственный бой — по полтине человеку»²⁸.

В. Многогрешный, как и его брат, не принимал участия в социальных движениях, происходивших на востоке Сибири в 1680–1690 гг. В ходе знаменитой красноярской «смуты» В. Многогрешный не поддержал восставших горожан, сохранил верность низложенному воеводе М. Башковскому и новому воеводе С. И. Дурново. Вместе с последним он сел в осаду в малом городе и со сторонниками воеводы Микулой Вроблевским, атаманом Фёдором Кольцовым и другими ссыльными людьми пытался безуспешно остановить «смуту». Очевидно, на его неприятие «смуты» и оппозицию к восставшим повлиял ряд факторов: положение бывшего тюремного сидельца, боязнь за свою обретенную свободу и опасение за будущее своих сыновей. Накануне «смуты» он бил челом о верстании своих сыновей в службу: Дмитрия на своё место, Петра на место умершего Ю. Саковского, и его просьба была исполнена²⁹.

Последующая судьба и дата смерти В. Многогрешного неизвестна. С его именем связано возникновение одной из первых в Сибири частных богаделен. После смерти городничего Р. Рыдаря В. Многогрешный купил его двор в малом остроге и пустил туда жить трёх отставных казаков — стариков «сердобольных»³⁰.

Племянник гетмана Михаил Зиновьев Многогрешный (прозвище Черкашенин), отбывавший ссылку в Якутске, был также освобождён из тюрьмы и повёрстан в дети боярские. В начале 1690-х гг. он нёс службу приказчиком в самом отдалённом Анадырском остроге. Оттуда он посылал небольшие отряды служилых и промышленных людей не только в вер-

ховья Анадыря и Колымы, но и на Камчатку, «в корякскую землю» и, возможно, на близлежащие Курильские острова. Два похода из них возглавил Лука Старицын по прозвищу Морозко, другие — сам М. Многогрешный³¹. Эти экспедиции положили начало покорению и освоению земли Камчатки ещё до похода знаменитого «камчатского Ермака» Владимира Атласова. Благодаря этим походам в 1693 и 1696 гг. русскими был впервые собран ясак по р. Пенжине и р. Апуке и разведан путь в глубину полуострова.

В 1696 г. М. Многогрешный передал дела прибывшему ему на смену казачьему пятидесятнику Владимиру Атласову и вернулся в Якутск. Но в 1702 г. он вновь был направлен на Камчатку приказчиком основанных русскими зимовий-острогов. За короткий период пребывания там (полтора года) М. Многогрешным было сделано немало: в устье р. Большой был основан Большерецкий острог, перенесено на новое место Нижнекамчатское зимовье, завезены первые ясачные книги, что позволило перейти от «повального» ясака к постоянному налогообложению³². Он также совершил два похода на «немирных камчатских мужиков» в устье р. Камчатки и на какие-то острова Курильской гряды, о чём поведал участник похода казак Михаил Насеткин. Дальнейшие следы бывшего черкаса и якутского узника в сибирских источниках не прослеживаются.

Примечательной и в целом благополучной своим исходом оказалась жизнь в ссылке членов семьи бывшего нежинского полковника Матвея Гвинтовки. Как уже говорилось, он был сослан в Кузнецк с семьёй в 1673 г., где через некоторое время был освобождён. Его имя не встречается в сохранившихся отчётных именных книгах за 1680–1690 гг., но его сын Елфим Гвинтовкин упоминается как сын боярский и казачий голова в более поздних документах. В январе 1701 г. вместе с атаманом Фёдором Сорокиным Е. Гвинтовкин ходил в поход с кузнецким войском «в киргизы»³³. В августе 1707 г. был послан в Москву с воеводскими отписками, где сообщалось о положении дел в Телеутской «землице» и отношениях с джунгарами. По-видимому, из Москвы он привёз грамоту кузнецкому воеводе М. Овцыну с предписанием «острожного строения» на р. Бии и Катунь³⁴. 2 июня 1709 г. Е. Гвинтовкин возглавил большую экспедицию (свыше 660 человек), направленную для строительства крепости

при слиянии Бии и Катуня. Крепость была возведена в короткие сроки, в ней был оставлен гарнизон из 100 казаков во главе с приказчиком А. Муратовым. Но возведённая в самом центре Телеутской земли Бикатунская крепость просуществовала недолго, летом 1710 г. она была сожжена джунгарами. Её уничтожение не остановило русского продвижения в бассейн Верхнего Приобья. В 1715 и 1716 гг. с участием кузнецких служилых людей были возведены Бердский острог и Мунгацкий станец, в 1617 и 1718 гг. — Белоярская и Бийская крепости. В строительстве указанных крепостей Е. Гвинтовкину отводилась немалая роль. Вместе с воеводой Б. Сенявиным он отвечал за набор людей для похода, снабжение строителей всем необходимым, выбор места для строения новых крепостей и решал другие вопросы³⁵. В этом ему оказывал помощь сын Иван Гвинтовкин, служивший также сыном боярским.

В переписной книге Кузнецкого уезда 1719 г. Елфим Гвинтовкин указан уже в зрелом возрасте — 69 лет. В состав его большой нераздельной семьи входили дети и внуки: Иван (33 года), с сыновьями Иваном (6 лет) и Семёном (3 года); Василий (29 лет) с сыном Алексеем (3 года); Дмитрий (26 лет), а также «наёмный человек» Прокофий (26 лет)³⁶. В 1722 г. дети боярские Иван и Василий Гвинтовкины были отмечены в списке «лутчих людей из кузнецких обывателей»³⁷.

Таким образом, в судьбе братьев Многогрешных и их сподвижников во многом проявились противоречия и трудности формирующегося украинского общества, освобождённого от длительного польского господства, но не ставшего на путь самостоятельного государственного развития. Отсутствие политического единства среди правящих кругов украинской автономии, нередкие заговоры и оппозиция к власти приводили к частой смене малороссийских правителей, жертвами которых стали гетман Многогрешный и его сторонники. Оказавшись в ссылке в удалённых районах Сибири, бывшие узники сумели преодолеть все тяготы тюремной жизни, обрести новый, более высокий статус и занять достойное место в сибирском сообществе. Обладая большим воинским опытом и организаторскими способностями, они внесли свой вклад в оборону и освоение русских восточных и южных рубежей Сибири, а их потомки во многом продолжили их дело.

¹ Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. VI. Т. 11–12; С. 413–424; Оглоблин Н.Н. Служба в Сибири Демьяна Многогрешного // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Т. 4. Киев, 1892. С. 149–170. Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 4, 72, 79, 104, 185.

² Алмазов А.С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012. С. 44–46.

³ Соловьёв С.М. Указ. соч. С. 418.

⁴ Там же. С. 418, 420, 422–423.

⁵ Слухи о его возможном возвращении из ссылки ещё долго распространялись «за порогами», что вызывало беспокойство у нового гетмана Самойловича. Соловьёв С.М. Указ. соч. С. 464.

⁶ Алмазов А.С. Политический портрет... С. 47–48.

⁷ ДАИ. Т. 6. №95. С. 324–325; Алмазов А.С. Указ. соч. С. 200–201.

⁸ ДАИ. Т. 6. №95. СПб., 1857. С. 327.

⁹ Оглоблин Н.Н. Указ. соч. С. 150–151. Примечательно, что гетман И. Самойлович будет свергнут своими соратниками, участниками заговора против Д. Многогрешного, и сослан также в Сибирь. Он умрёт в 1682 г. в Тобольске по пути следования в енисейскую ссылку. Алмазов А.С. Указ. соч. С. 221–226. Частая смена власти гетманов на Украине свидетельствует о её слабости, наличии сепаративных тенденций в верховных кругах и слабой интеграции политической элиты в систему российской государственности.

¹⁰ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах... С. 161–162; Слобцов П.А. Историческое обозрение Сибири... С. 181.

¹¹ Александров В.А. Указ. соч. С. 170.

¹² Русско-монгольские отношения. 1685–1691... №87. С. 243.

¹³ Александров В.А. Указ. соч. С. 172.

¹⁴ Русско-монгольские отношения. 1685–1691... С. 432.

¹⁵ Александров В.А. Указ. соч. С. 171.

¹⁶ Русско-монгольские отношения. 1685–1691... С. 432.

¹⁷ Там же. №97. С. 260–261.

¹⁸ Там же. №129. С. 317–318.

¹⁹ Там же. №138. С. 345–351.

²⁰ Там же. №150. С. 365–366.

²¹ Там же. №154. С. 371.

²² Оглоблин Н.Н. Обозрение столбов и книг... Ч. 1. С. 13.

²³ Слобцов П.А. Указ. соч. С. 185.

²⁴ Барахович П.Н. Служилое население... С. 415.

²⁵ ДАИ. Т. 8. №15. С. 48; Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 63–64; Бутанаев В.Я., Абдыкалыков Л.Е. Материалы по истории... №46. С. 162–163.

²⁶ Барахович П.Н. Служилое население... С. 415.

²⁷ Там же. С. 205.

²⁸ Там же. С. 242.

²⁹ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 64, 104, 185.

³⁰ Там же. С. 104.

³¹ Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов... С. 65; Зуев А.С. Русские и аборигены... С. 228–229.

³² Леонтьева Г.А. Указ. соч. С. 139–140; Зуев А.С. Указ. соч. С. 237–238.

³³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1352. Л. 134.

³⁴ Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А.Е. Материалы по истории... № 64. С. 213–214;

Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы... С. 102–103.

³⁵ Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда... С. 107–109.

³⁶ РГАДА. Ф. 214. Кн. 161. Л. 4 об.

³⁷ Карпенко З.Г. Присоединение Кузнецкой земли и её освоение // История Кузбасса с древнейших времён до великой Октябрьской социалистической революции. Кемерово, 1967. С. 45.

Павел Хмелевский и другие «иноземцы»

Как известно, ссыльные «опальные» люди русского и «иноземного» происхождения играли заметную роль в жизни Сибири XVII в. Правительство особенно высоко ценило грамотных, энергичных людей, способных исполнителей государевых указов, успешных администраторов, которым за достигнутые заслуги на службе в Сибири нередко прощались их вины за прежние прегрешения и даже серьёзные государственные преступления. Но не все ссыльные оправдывали оказанную им «высокую государеву милость» и возложенные на них ответственные обязанности. Сказывалась разница в восприятии русской действительности, обусловленная различными мировоззренческими позициями, лежавшими в религиозном и правовом поле. Ссыльные «западники» католического толка имели свои представления о светской власти, которые обуславливали их поведение, образ жизни, способ общения, что нередко в новой этнополитической и социальной среде порождало конфликтные ситуации, в частности, с воеводским управлением Сибири и его народонаселением.

Как правило, все поступавшие на государеву службу в России «иноземцы» принимали православие, что являлось обязательным, непререкаемым условием. Однако в одночасье изменить привычное устойчивое мировоззрение в новых реалиях не представлялось возможным. Это был длительный и болезненный процесс, не всегда приводивший к искомым результатам. Именно поэтому поступавшие на службу к русскому царю «западники» зачастую совершали неблагоприятные, а порой и греховные, с точки зрения светского (государственного) и церковного православного миропорядка поступки. Ссыльные «литвины», «немчины, поляки и другие западные «выходцы» подчас допускали пренебрежение к установленным в православии нормам поведения. С учётом пристального внимания к ним со стороны властей это приводило к недовольству воеводского окружения, зачастую препятствуя продвижению ссыльных «иноземцев» по служебной лестнице, и порождало различные конфликтные

ситуации, завершавшиеся порой драматическим исходом. Отдельные личности, преодолев непростой процесс адаптации к новым условиям, успешно продвигались по служебной лестнице, испытывая порой взлёты и падения, иные же вступали в конфликтные отношения с властями, возвращаясь при этом на исходные позиции.

Одним из первых исследователей, обратившихся к проблеме социальной интеграции и взаимодействия «иноземцев» с воеводской властью в Сибири, был С. В. Бахрушин. В блестящих очерках о польском шляхтиче Павле Хмелевском и выходеце из «Барабандской и Голанской земли» дворянине Савве Французенине им были представлены выразительные портреты служилых «иноземцев», показаны непростые отношения, которые складывались между ними и воеводской и церковной властью во время пребывания их в Сибири¹.

Учёный убедительно показал склонность указанных личностей к авантурным действиям, их неуравновешенный, жестокий характер, стремление к риску и обогащению, которые сочетались у них с кипучей энергией, образованностью, способностью входить в доверие необходимых лиц и достигать поставленных целей любыми средствами. Всё это на первых порах позволяло им добиваться расположения воевод, лавировать между враждующими сторонами, исполнять важные административные поручения, избегая при этом большой ответственности за допущенные злоупотребления.

В данном очерке ставится задача показать на судьбах указанных выше ссыльных западных «иноземцев» пути и способы вхождения их в сибирское сообщество, выявить некоторые черты и особенности их этнического и национального самосознания, отношение к русской власти, которые проявлялись в обыденных для Сибири ситуациях и во многом определяли не только их непосредственное поведение и социальное положение, но и отражали в значительной мере процесс формирования межэтнического общения и консолидации населения колонизируемой восточной окраины России.

В жизненном пути и судьбах служилых «иноземцев» П. Хмелевского и С. Французенина до ссылки в Сибирь было немало общего. Они оба вышли из рядов «заносчивого воинства» Смутного времени, совершившего «перелёты» на сторону вчерашних

врагов и вынужденно принявшего русское православие. Почти одновременно они были сосланы в Сибирь «за измену», за которой крылись попытки контактов с соотечественниками и планы бегства из разорённой Смутой России. Оказавшись в новой среде обитания и новом статусе (Хмелевский прибыл в Тобольск даже колодником), ссыльным «иноземцам» пришлось приложить немало усилий для своей реабилитации, приспособления к новым порядкам и интеграции в новую систему русского общества, достигнув при этом немалых успехов. Благодаря своей грамотности, деловым качествам, военным и управленческим навыкам они вскоре были пожалованы в высший разряд служилых людей — детей боярских. В именной окладной книге 1625 г. бывший колодник «литвин» П. Хмелевский значился первым в списке начальных людей Тобольского гарнизона с самым высоким денежным окладом 20 руб., его товарищ по ссылке Савва Француженин также занял высокое положение, он указан первым среди детей боярских с окладом 17 руб.²

Став полноправными представителями воеводской власти, названные «иноземцы», как и другие дети боярские, привлекались к исполнению важных административных, хозяйственных, военных и других поручений. Так, Савва Француженин, согласно его челобитной, участвовал в походе на кучумовых царевичей, руководил заселением пустых земель Успенского монастыря, вместе с Павлом Хмелевским осуществлял «дозор» Тобольского уезда, собирал ясак с Кодских волостей, ходил за солью к Ямыш-озеру³. П. Хмелевский в 1622 г. был назначен даже управлять крупным Енисейским острогом, но вскоре был сменён присланным из Москвы воеводой Я. Хрипуновым. По возвращении в Тобольск П. Хмелевский поднял вопрос перед разрядным воеводой М. М. Годуновым об организации в Енисейске постоянного большого гарнизона. Он не без основания считал, что имеющиеся там «годовальщики», присланные из разных сибирских городов, только и «помнят как бы им назад к себе в города быть», и что они не радеют о сборе ясака. Вместе с детьми боярскими М. Байкашиным, М. Трубчаниновым и М. Ушаковым он указал на необходимость посылки в Качинскую «землицу» большой экспедиции (500 служилых людей) для строительства там нового острога (будущего Красноярска), для защиты русских владений от киргизских и братских людей⁴. В 1625 г. Хмелевский

возглавил отряд из 120 русских служилых людей и 80 юртовских татар, направленный для защиты Томска от енисейских киргизов, выполнял и другие службы⁵.

Но, по-видимому, рутинная государева служба, несмотря на солидное жалование и высокое занимаемое положение в главном городе Сибири — Тобольске, не во всём устраивала кипучую и деятельную натуру П. Хмелевского, не обременённого к тому же семейными и хозяйственными связями. Как показал С. В. Бахрушин, он постоянно стремился к смене обстановки, поиску и обретению новых источников доходов. Такая возможность представилась ему в 1625 г., когда он был послан с ревизией в самый удалённый и северный город Сибири — «златокипящую» Мангазею.

Прибыв в наиболее богатую «государеву вотчину», Хмелевский развил бурную и кипучую деятельность: сумел вскрыть «налоги и насильство... многое» бывшего воеводы Д. С. Погожего и подать на него челобитную, сблизился с новым воеводой И. Н. Пушкиным, быстро установил контакты с местным промысловым населением. Но при этом облечённый большими полномочиями сыщик сам допустил немало злоупотреблений: торговал привезённым им вином и запретным табаком, скупал пушнину в больших объёмах, а при её вывозе отказался от уплаты таможенных пошлин, тем самым нарушая все возложенные на него предписания, чем не замедлили воспользоваться его немалочисленные недруги.

Его незаконная предпринимательская деятельность, как выяснилось при розыске, была в немалой мере санкционирована тобольским воеводой М. А. Вельяминовым и письменным головой Семёном Чаплиным, снабдившими ревизора в поездке своим вином для продажи. Однако, несмотря на причастность последних к злоупотреблениям Хмелевского, наказанию подвергся лишь он — «за воровство» был бит кнутом, а незаконно приобретенная «рухлядь» его была конфискована⁶.

Но это наказание не остановило предприимчивого и неутомного польского шляхтича. Хорошо усвоив русские обычаи и способы получения доверия в Сибири, он вскоре восстановил своё пошатнувшееся положение и приобрёл новых покровителей.

В 1630 г. по челобитью П. Хмелевского опальный шляхтич вновь был отправлен морским путём в Мангазею с государевы-

ми хлебными запасами. При выполнении нового задания он, как и раньше, преследовал свои корыстные интересы: с собой вёз по-прежнему 20 вёдер вина и 10 пудов мёда. По прибытии в Мангазею жадный до приключений и наживы Хмелевский не стал сторонним наблюдателем в разгоревшейся «смуте» между воеводами А. Ф. Палицыным и Г. И. Кокоревым, красочно описанной С. В. Бахрушиным. Он не только принял сторону близкого ему по духу, «с польскими вкусами и наносным вольнодумством» воеводы А. Ф. Палицына, но и обеспечил ему поддержку жителей Туруханского острога, самовольно сместив их приказчика Фёдора Момота и установив там своё правление. При этом он, как и прежде, продолжил свою доходную деятельность, торгуя запретными товарами: табаком и вином, и скупая, как и в первый приезд, в больших объёмах «заповедную» пушнину у местных промышленников и ясачных людей. Враждебно настроенный к нему Г. Кокорев не без острого сарказма писал по этому поводу своим сторонникам: «...а добрые люди и в Польше вином и табаком не торгуют, а торгуют бабы шингарки»⁷.

Однако энергичный и рискованный бывший шляхтич не учёл в своих опрометчивых шагах лично-местнический характер и семейно-родовую клановость воеводской власти, которая в Сибири была распространённым явлением и широко использовалась в конфликтных ситуациях при поддержке провинившихся родственников. Активными противоправными действиями Хмелевского не преминули воспользоваться его враги, бывшие мангазейские воеводы Дмитрий Погожий и Григорий Кокорев, которые, объединившись, подали на него новую изветную челобитную. В ней, помимо указанных выше незаконных торговых операций и самоуправства, Хмелевский обвинялся также в церковном неблагочестии и пренебрежении к установленным в православии правилам.

По словам Д. Погожего, во время нахождения в Туруханском остроге Хмелевский «ходил в церковь в одном полукафтани и поругался местному образу Николы чудотворца и носил с собою саблю и ставил за образы». Кроме того, по указке Погожего дворовые люди Хмелевского Ф. Митрофанов и Г. Фёдоров подали на своего хозяина «государево дело», заявив о распространении им тревожных слухов и «грамоток» о беспокойном положении в Москве и о недостойном его поведении во время

употребления вина за государево многолетнее здоровье⁸. Таким образом, обидчики на Хмелевского пытались обвинить его не только в махинациях с пушшиной, превышении должностных полномочий, но и в политическом преступлении — церковных прегрешениях, нарушении «государевой чести», что было самым тяжёлым и опасным для ответчика.

Закалённому в боях и искущённому в интригах Хмелевскому удалось на первых порах дезавуировать предъявленные ему обвинения встречной челобитной в Москву и двумя челобитными на имя влиятельного архиепископа Макария. В них он жаловался на пристрастное отношение к нему нового воеводы Фёдора Погожего, являвшегося близким родственником Дмитрия Погожева, заявлял о своей глубокой лояльности к государю и даже просил взять его к Москве или отпустить на р. Лену для «прииска» государевой прибыли.

Его бывшие служебные заслуги, умелое красноречие и склонность к «сочинительству» вновь сыграли свою положительную роль. Последовавшим указом из Москвы было велено отдать его на поруки с запретом направлять впредь на службу в «дальние посылки»⁹. В 1635 г. он по-прежнему служил с Саввой Французениным в Тобольске и получал вместе с сыном боярским Меньшом Ремезовым, дедом будущего выдающегося географа и картографа Семёна Ремезова, один из самых высоких окладов жалования — 20 руб., 20 четей ржи, 20 четей овса, 3 пуда соли. Денежный оклад его сотоварища С. Французенина по-прежнему составлял 17 руб.¹⁰

Однако, уверовав в свою безнаказанность и непогрешимость, неутомный шляхтич вместе с Саввой не сумел своевременно сориентироваться в сложной обстановке борьбы и интриг, возникшей в 1638 г. между партиями враждующих тобольских наместников. Будучи втянуты в конфликт между младшим воеводой А. В. Вольнским с дьяками и старшим воеводой князем М. М. Темкиным-Ростовским, не любившим «немцев», и поддерживающим его архиепископом Нектарием, оба «иноземца» потерпели сокрушительное поражение. Нектарий, желая очернить Савву, а вместе с ним и Хмелевского, в своей челобитной царю жаловался, что Хмелевский «на меня похваляется всяким дурном», и особенно упирал на то, что они с Саввой уже не раз изменяли государю, за что и были сосланы в Сибирь, поэтому

верить им нельзя¹¹. Архиепископ также использовал как дополнительный аргумент несдержанный буйный характер и жестокое обращение Хмелевского со своими слугами, которые не раз обращались к нему с жалобами на «неистовства» своего хозяина.

Осенью 1638 г. царской грамотой было велено П. Хмелевского посадить в тюрьму на неделю, затем выслать в Томск; по пути следования в новую ссылку опальный литвин скончался. Савва был бит батогами, сослан в Кузнецк, где также вступил в конфликт с воеводой Д. В. Кафтыревым. После непродолжительного нахождения в Кузнецке он был выслан в Красноярск, где вновь оказался вовлечён в конфликт между воеводой А. П. Баскаковым и красноярцами¹². В последующий период следы его теряются.

Итоги жизни и деятельности в Сибири рассмотренных выше западных «чужеземцев» в немалой мере можно считать предсказанными. Ввиду большой востребованности в Сибири образованных и энергичных администраторов, заинтересованное в их знаниях и опыте правительство нередко закрывало глаза не только на их тёмное прошлое, но и на совершенные в Сибири проступки. Но при этом оно контролировало и ограничивало их криминальную деятельность, которая вступала в противоречие с проводимой политикой, прежде всего, в финансовой и конфессиональной сферах. П. Хмелевский и С. Французенин, несмотря на попытки, так и не смогли до конца интегрироваться в сложную систему отношений русского общества, где на первом месте преобладали не привычные им западные ценности: стремление к личному обогащению, возвышению и достижению целей любыми путями, а «государева служба и прибыль», войсковой корпоративизм и семейно-родовая клановость власти, и в силу этого потерпели поражение.

По-другому складывался жизненный путь и служба в Сибири ещё одного ссыльного «литвина», Андрея Бернадского, также являвшегося во многом знаковой фигурой того времени, ранее мало привлекавшего внимание историков. Он, в отличие от указанных выше героев, преодолев неизбежный в подобных случаях путь взлётов и падений, сумел более достойно пополнить ряды сибирского служилого сословия и занять в нём своё место.

Первое упоминание об Андрее Онуфриевиче Бернадском относится к лету 1633 г. В своей челобитной от 7 июня 1633 г. на имя царя он обвинил московского стрелецкого голову Петра

Красного в совершении поджога его двора, размещавшегося в Китай-городе. Причиной поджога, по мнению истца, явилась «недружба» П. Красного к нему из-за беглой кабальной «жонки», принадлежавшей Андрею. Названную жонку голова якобы укрывал у себя во дворе, но люди Бернадского сумели обнаружить её и вернуть на прежнее место жительства¹³. Краткость содержания челобитной и отсутствие других материалов не позволяют выяснить все обстоятельства и результаты возникшего между сторонами судебного дела. Но очевидно, что проживание А. Бернадского в старой части Москвы, заселённой преимущественно боярами и дворянами, наличие двора и дворовых людей может свидетельствовать о его зажиточности и принадлежности к достаточно знатному шляхетскому сословию.

Однако вряд ли возникший на бытовой почве конфликт можно считать причиной «опалы» и ссылки А. Бернадского в Сибирь. По-видимому, в судебном деле А. Бернадского появились более веские аргументы, вылившиеся в какое-то «великое государево дело», в котором он был обвинён. Возможно, его обвинили в шпионаже в пользу Польши в период начавшейся войны России за Смоленск, что явилось более веским основанием для ссылки. Подобные случаи были нередки в московской судебной практике. Так, пятью годами позже в Кузнецк были посланы литвин П. Нарбут и поляк П. Бемонт, которые также были замешаны в каком-то «государевом деле». По данным С. М. Соловьёва, они бегали на посольский двор к польским посланникам Яну Оборскому и князю Самуилу Соколинскому¹⁴.

Летом 1634 г. А. Бернадский был выслан из Москвы, вместе с ним были отправлены в ссылку на четырёх подводах жена, шесть детей и четверо дворовых людей. После короткого нахождения в Нижнем Новгороде, Тюмени и в Тобольске семья Бернадского оказалась в Томске, где возникла весьма тревожная обстановка. Местные воеводы князь Н. И. Егупов-Черкасский и Ф. Г. Шишкин, не дожидаясь государева указа, осуществили жестокую расправу над участниками раскрытого заговора ссыльной «литвы», обвинённой в неудавшейся попытке захвата города и бегства в Литву, повесив 12 активных его участников¹⁵. Пребывание ссыльного Андрея в Томске совпало также с возмущением жителей, выступивших против злоупотреблений новых воевод И. Ромодановского и А. Бунакова летом 1637 г. В одной

из мирских челобитных на воевод посадские люди жаловались, что Андрея с семьёй «ставили» на содержание в их дворы по очереди и требовали давать ему по 2–3 руб. на «корм»¹⁶.

По-видимому, оказавшись в сложной ситуации в городе, жена и дочь Андрея, не желая примириться с новым незавидным положением и подозрительным отношением воевод к ссыльным «литвинам», возникшим после расправы над заговорщиками, вступили в острый конфликт с местной властью. По словам воеводы, князя И. Ромодановского, его ругали «всякою позорною бранью», а дочь Фёдора посылала в Тобольск на него челобитные, написанные на польском языке.

Очевидно, воевода предпринял ответные меры, и вскоре за проявленную строптивость, ябедничество и оскорбление рядного воеводы 13 июня 1637 г. большое семейство Бернадского было направлено в Кузнецк в сопровождении сына боярского, бывшего ссыльного поляка Павла Рыхлевского.

По прибытии опального «литвина» на новое место ссылки воеводе Г.Я. Кушелеву было велено поставить в остроге две избы, огородить их тыном, в одной из них поселить Андрея с семьёй, в другой его людей. Воевода также получил строгое предписание «приставить к Ондрюшке и жене пристава служилого человека... чтоб они из Кузнецкого острогу не ушли и дурна никакого не учинили, и никаких людей к нему и жене его не пропускать, и ни о чём с ними разговаривать не велено»¹⁷. Для пропитания его семьи и дворовых людей было назначено достаточно значительное содержание — «полуполтина на день», в год это составляло около 90 руб., что свидетельствует о высокой сословной принадлежности ссыльного литвина¹⁸.

Однако правительственное распоряжение о размещении А. Бернадского в отдельном дворе сразу не было выполнено. Воевода скупно сообщил, что служилые люди по причине служебной занятости ему отказали и возводить двор «нечем да и не кем». Бернадского с семьёй временно разместили во дворе авторитетного казачьего пятидесятника Куземки Володимерова, поставив к нему пристава пятидесятника Сидора Фёдорова. Но затем его всё же перевели в отдельную, выстроенную и огороженную тыном избу, которую Бернадский называл в своей челобитной «темницей». По-видимому, такие строгие охранительные меры были вызваны как значимостью фигуры Бернадского, так и по-

пытками бегства указанной «литвы» из Томска и «черкас» из Кузнецка в 1627 и 1628 гг.¹⁹

Находясь в отдалённом, окружённом немирными народами форпосте, Бернадский подал не одну челобитную на имя царя, где жаловался на своё трудное положение и просил о государственной милости и снисхождении к нему. В одной из них, датированной 1640 г., написанной хорошим литературным языком и явно стущающей краски, он называл себя «бедный и заключённый и беспомощной холоп твой», который с семьёй «заключены во дворе и за приставом шесть лет, живот свой мучим в великом голоде, в наготе и босоте», и о том, что Кузнецкий острог «место нужное голодное, что с Руси хлеба твоего государева жалования привезут, тем питаются и купить у некого», и что он «не хотя детишек поморить голодом, мелю, толку, и всякую работу делая, обезсилил уже»²⁰.

Опальный литвин также утверждал, что положение ссыльного не позволяет ему выдать замуж свою дочь Федосью за правителя Коды остяцкого князя Дмитрия Алачева, с которым «сговорил» ещё в Москве и заключил с ним «зарядную запись», т.е. своеобразный брачный договор²¹. В заключение Бернадский, обращаясь с просьбой к царю, провозглашает: «Милосердный государь! Пожалуй меня холопа твоего, вели меня с такого места дальнего, голодного и бесхлебного из заключения освободить, взять к твоей государевой светлости к Москве... чтоб мне холопу твоему робкою смертью не скончаться»²².

В другой челобитной, датированной 1642 г., Бернадский вновь жалуется на свою зависимость от кузнецкого воеводы Д. Кафтырева, который якобы, находясь в родстве с томским воеводой князем С.В. Клубковым-Мосальским, не принимал его челобитий. Он также указывает на значительное уменьшение прежнего жалования, которое составляло «по гривне на день», сообщает о гибели своего сына во время вероломного нападения телеутов на «калмацком торгу», где его самого «многими ранами изранили и увечили». Нападение телеутов действительно состоялось 7 октября 1639 г., в ходе его было убито 15 человек, многие ранены²³. Заметим, что во всех челобитных не указывается его прежняя вина, но содержатся жалобы на своё жалкое состояние, ограничения в жаловании, в подаче челобитных и свободе передвижения и постоянная просьба отпустить его в Москву.

В свою очередь, воевода Д. Кафтырев, оправдывая свои действия, в отписке царю сообщал, что А. Бернадский ходил с сыном на «калмацкий торг» «без его, Дементьева ведома» и тем самым нарушил правительственное предписание. В связи с трагическим происшествием на торгу воевода провёл следствие, назначил нового пристава и усилил меры по охране Бернадского, что вызвало новую челобитную об ограничении свободы кузнецкого узника с прежней просьбой отпустить его в Москву или в другие русские города²⁴.

Многочисленные жалобы Бернадского на своё бедственное положение возымели действие, его просьба была частично удовлетворена. В конце 1640-х гг. Бернадский был прощён, переведён в Енисейск, где служил уже сыном боярским со значительным окладом 20 руб., 15 четей овса, 20 четей ржи, 6 пудов соли, что позволило ему заметно улучшить своё материальное состояние. Через некоторое время, очевидно, не довольствуясь своим новым положением, он вновь обратился к царю с просьбой о переводе его на другое место службы. Грамотой от 9 декабря 1648 г. бывший ссыльный литвин был переведён с женой и детьми и с тем же окладом в Верхотурье, а на его место в Енисейске был назначен будущий известный землепроходец Пётр Бекетов²⁵.

Служба в одном из самых развитых земледельческих и торговых районов Сибири складывалась для А. Бернадского вполне успешно. Его административная деятельность не была отмечена злоупотреблениями и следственными делами, характерными для многих приказчиков Верхотурско-Тобольского района. В течение почти двадцати лет он был «на приказе» в Ирбитской, Туринской, Белослудской, Пышминской и Тагильской слободах, густо заселённых пашенными крестьянами. За свою службу и усердие к «государевой пашне» в 1652 г. получил прибавку к окладу — 3 руб., 3 чети ржи, 8 четей овса²⁶. По-видимому, приказчик проявлял какие-то самостоятельные действия в руководстве сельской общиной. 30 декабря 1652 г. он получил выговор от властей за то, что крестьяне в Ирбитской слободе без письменного разрешения воеводы самовольно подселяют к себе поселенцев, в том числе и беглых людей²⁷.

Сохранились и другие свидетельства его беспокойной административно-хозяйственной деятельности, связанной во многом с военными угрозами, сопровождавшимися нередко гибелью

подведомственного ему слободского населения от вражеских нашествий.

22 августа 1653 г. Бернадский сообщал верхотурскому воеводе Л. Т. Измайлову о нападении «калмацких воинских людей» на охрану склада с черенковым ревенем на р. Исети, при котором один сторож был убит — «ссечен», а другой пропал без вести, а ремень нападавшими был сожжён²⁸.

В 1655 г. приказчик Пышминской слободы Пятой Ощепков сообщил Бернадскому о принятии мер безопасности в связи с поступившими сведениями о приближении калмыков к Долматову монастырю²⁹. Особенно тяжёлые потери понесли слободчики в 1662 г., когда калмыки сожгли вместе с людьми расположенную на правом берегу р. Ирбита многолюдную Белослудскую слободу.

В 1664 г. будучи приказчиком Тагильской слободы, Бернадский просил воеводу И. Я. Колтовского направить служилых людей «для обережи» тагильских пашенных крестьян от «изменников» ясачных татар и «вогуличей». Вскоре он сообщил, что неизвестные «изменники» Катайский острог осадили и около Далматова монастыря деревни разорили, а скот и людей побили. В этом же году приказчик просил прислать десять стрельцов для поиска взбунтовавшегося Василия Чернышова «с товарищи»³⁰.

В следующем году Бернадский вновь сообщил об осаде татарами и башкирцами Катайского острога и о необходимости оказания ему военной помощи. В неурожайном 1665/1666 г. у него сложились какие-то «нестроения» с крестьянами и расквартированными в слободе солдатами и рейтарами. Последние, недовольные высокими ценами на хлебные запасы в слободе, вызванные недородом хлеба, приходили к нему «с великим шумом» и угрожали расправой. В 1666 г. вместе с приказчиком Г. Чертковым он проводил «дозор» пашенных земель Верхотурского уезда³¹. Умер Бернадский, очевидно, в 1668 г., поскольку в этом году на его место просился С. Вистицкий, имевший оклад 15 руб.³²

Вопрос о судьбе его старшей дочери и других детей остаётся открытым. По данным С. В. Бахрушина, на его дочери был женат праправнук пельмского князя Аблегерима — Семён Андреевич Пельмский, возведённый в чин сына боярского, а его внуки — в сибирские дворяне³³. По сведениям же Е. В. Вершинина, как уже было указано, брачный договор был заключён с князем

Дмитрием Алачевым, внуком кодского остяцкого князя Игичея. Но этот брак, по мнению историка, так и не состоялся ввиду отсутствия на то царского разрешения³⁴.

Таким образом, «литвин» А. Бернадский, в отличие от указанных выше «иноземцев» П. Хмелевского и С. Французенина, в большей мере следовал сложившимся нормам и принципам, действовавшим в среде сибирского сообщества, что позволило ему со временем из положения «чужого» стать «своим». Он не только изменил свою конфессиональную принадлежность и отношение к воеводской власти, но и настолько усвоил поощряемое правительством толерантное отношение к аборигенным этносам, что пытался породниться с внуком известного остяцкого князя. Можно также сделать вывод, что «иноземец» западного происхождения А. Бернадский, преодолев отчуждённость от русского общества и немалые трудности сибирского бытия, сумел влиться в ряды русского служилого сословия Сибири, являясь знаковой фигурой этого неоднозначного, но реально существующего процесса.

¹ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 3. Ч. 1. С. 163–177.

² РГАДА. Ф. 214. Кн. 14. Л. 79.

³ Там же. Ф. 214. Ст. 246. Л. 117–119.

⁴ Александров В.А. Русское население... С. 37, 38.

⁵ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 52, 59, 679.

⁶ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 3. Ч. 1. С. 168–169.

⁷ Там же. С. 170–171.

⁸ Там же. С. 171.

⁹ Там же. С. 172.

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 62. Л. 159 об.

¹¹ Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» Сибири... С. 109.

¹² РГАДА. Ф. 214. Стб. 296. Л. 118–119.

¹³ Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. С. 48–50.

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 153. Л. 176. Названные официальные лица прибыли в Москву в 1637 г. с приглашением послать русских послов в Речь Посполитую для участия в праздничной церемонии, связанной с заключением брака польского короля Владислава IV с эрцгерцогиней Цецилией Ренатой Австрийской. Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. V. Т. 9–10. М., 1990. С. 179–180.

¹⁵ Оглоблин Н.Н. Заговор томской «литвы» в 1634 г. Киев 1894. С. 8.

¹⁶ Оглоблин Н.Н. Томский бунт 1637–1638 гг. // Исторический вестник. 1901. Т. 75. С. 244.

¹⁷ ЧОИДР. 1908 год. Кн. 4. С. 40–41.

¹⁸ Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири... С. 379.

¹⁹ Каменецкий И.П. Волнения служилых людей в Кузнецком остроге в 20-е годы XVII в. // Сибирские города XVII — начала XX вв. Новосибирск, С. 120–122.

²⁰ ЧОИДР. Кн. 4. М., 1905. С. 40–41.

²¹ Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 379–380.

²² ЧОИДР. 1908 год. Кн. 4. С. 42–43.

²³ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 63.

²⁴ ЧОИДР. 1908 год. Кн. 4. С. 43.

²⁵ Сборник документов по истории Бурятии... Вып. 1. С. 178, 184.

²⁶ Шашков А.Т. Воеводское управление на Урале в XVII в. (верхотурский «розыск» о служилых людях 1678–1679 гг. и судьба Я.Б. Лепехина) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. № 3. С. 52.

²⁷ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 31; Актовые источники по истории России и Сибири... С. 32.

²⁸ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 377, 379.

²⁹ ДАИ. Т. 4. СПб., 1851. С. 37.

³⁰ Актовые источники по истории России и Сибири... С. 36–37.

³¹ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... С. 95, 347.

³² РГАДА. Ф. 214. Стб. 812. Л. 232.

³³ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 3. Ч. 2. С. 145.

³⁴ Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири... С. 379–380.

Ссылные греки в Сибири

Уже установлено, что сословно-социальная структура формирующегося сибирского общества в начальный период освоения Сибири отличалась большой неоднородностью и этнической пестротой. При преобладающей численности русского служилого населения в составе сибирских гарнизонов наряду с представителями украинской, белорусской и литовской народностей встречались и выходцы из самых разных частей Западной Европы: поляки, «литва», «немцы» и другие народы, именуемые в русских источниках как «иноземцы». Среди носителей православного вероисповедания нередко встречались и лица греческого происхождения, оказавшиеся разными путями и судьбами в России. Сложную, необычайно бурную, насыщенную разными коллизиями и приключениями жизнь и судьбу греческих выходцев из бывшей могущественной Византии — Степана Греченина (Греченинова), Мануила Константинова, Микулая Скуларикова и Юрия Трапезундского осветила талантливая исследовательница Т.А. Опарина¹.

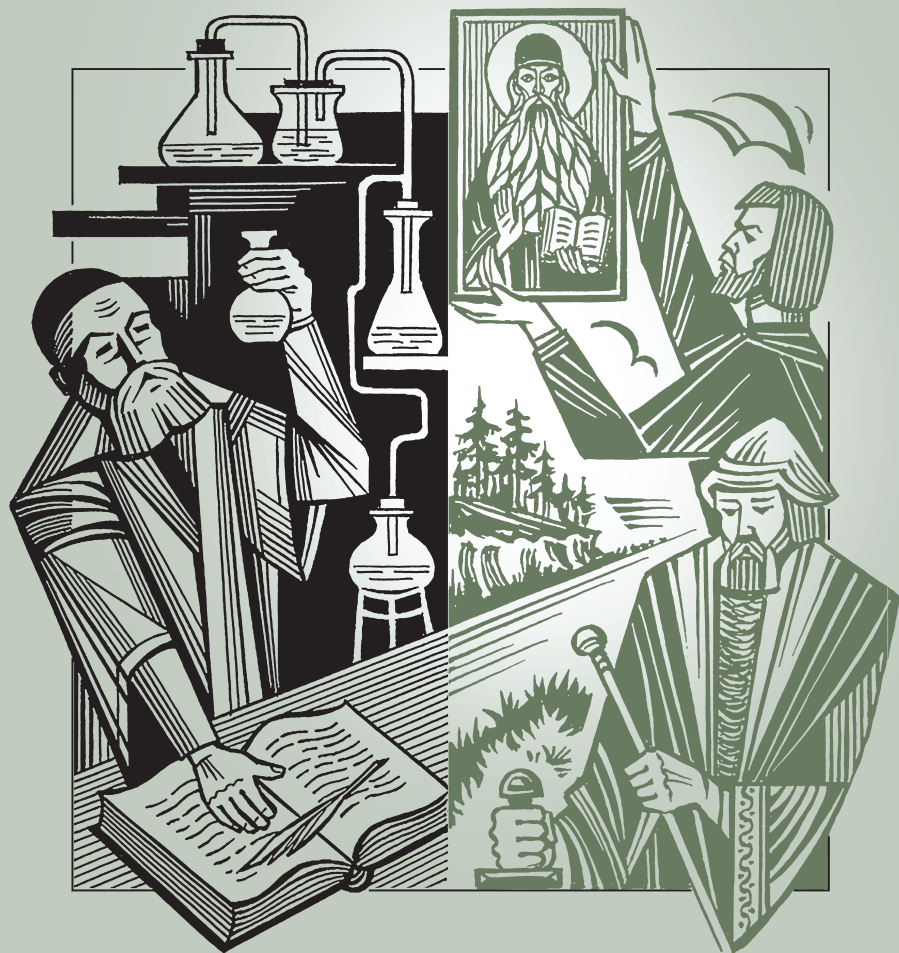
Историк детально выяснила обстоятельства появления и службу их в России, раскрыла содержание представленных русскому правительству авантюрно-утопических проектов, выдвинутых ими с целью добиться покровительства и получения государевой милости у московских властей, установила причины ссылки их в Сибирь. Однако сибирский период жизни опальных греков и их потомков не получил в её работах должного освещения. Изучение разрозненных данных о сибирской службе названных выше представителей «греческой веры» и их потомков позволяет выяснить более полно содержание их служебной деятельности, место в социальной структуре сибирского общества, показать непосредственное участие в хозяйственной жизни, социальных движениях и определить их общий вклад в процесс присоединения и освоения региона.

Одними из первых греческих выходцев в Сибири оказались Степан Александров, названный в русских официальных источниках Степаном Александровым Греком и Степаном

Греченином (Гречениновым), и Николай Петров Скулариков (Скугор). До ссылки в Томск они под видом монахов занимались в Москве сбором пожертвований и сомнительными алхимическими опытами, пытаясь с помощью некоего «философского камня» добыть золото. Затем греческие мигранты несли службу в «греческой роте», сформированной в 1630 г. для вышедших из Османской империи лиц православного происхождения. Когда обман с их сомнительными опытами вскрылся, оба грека в 1632 г. были сосланы в Томск, ставший вторым после Тобольска разрядным центром Сибири, где их поверстали в сыны боярские с окладом 10 руб.² В 1643 г. оклад С. Греченинова составлял уже 16 руб., но в этом же году, по непонятным причинам, ему велено быть в прежнем окладе, а 6 руб. было у него изъято и добавлено известному в будущем землепроходцу атаману Дмитрию Копылову³. В 1651 г. опальный грек по-прежнему получал 10 руб., но в 1667 г. его полный оклад вновь составил 16 руб., 16 четей ржи, 16 четей овса⁴. Н. Скулариков также был повёрстан в дети боярские с окладом 8 руб., но проживание его в Сибири было непродолжительным, в 1643 г. он значился как умерший⁵.

Уже в первые годы пребывания в Сибири Степан Греченин проявил себя опытным администратором и дипломатом, выполнявшим важные воеводские поручения. В 1636 г. он был назначен главой посольства к Алтын-хану, которое началось 28 августа. В подчинении Греченина находились подъячий Андрей Самсонов, толмач и семь казаков охраны. Посланники должны были выяснить прочность принесённой в ходе предыдущего посольства Я. Тухачевского людьми Алтын-хана присяги на верность русскому царю и привести к шерти самого хана. В наказе Греченину также указывалось, чтобы Алтын-хан заставил киргизов не нападать «под государевы города под Кузнецкой и Красноярской и в ясачные волости войною», вернуть в указанные остроги захваченные ими табуны, ясачных людей, дать заложников из своих «луттчих людей» в Томск, признать русское подданство и прекратить собирать ясак. Русские послы везли Алтын-хану царскую грамоту и «государево жалование», состоящее из дорогих подарков, которые он запрашивал в своих письмах.

Путь в монгольские владения хотя и был уже известен русским посланникам, по-прежнему оставался тяжёлым и опас-

ным. 30 октября при переправе на р. Алас «у Саянского камня» на послов напали «саянские мужики» и хотели отнять у них государеву казну. Набег кочевников был успешно отбит, но послы понесли при этом материальный урон, один из тюков с подарками был захвачен нападавшими.

Посольство провело в монгольских владениях почти полгода, с 18 октября по 8 февраля 1637 г., однако ему не удалось справиться со всеми поставленными задачами. Алтын-хан вновь отказался «самолично» приносить шерть и выполнять другие предписания, за него подтвердили ранее принесённую присягу Дурал Табунанг и лама Даин Мерген-ландзу. 23 апреля 1637 г. Греченин со своими спутниками и с послами Алтын-хана благополучно вернулся в Томск, где устроил торжественный приём с традиционным угощением, едва не закончившийся для Дурал-Табунанга непредвиденным смертельным исходом⁶.

В своём письме русскому царю монгольский лама Даин Мерген-ландзу извещал, что С. Греченин, как и его предшественник Я. Тухачевский, «послы добрые»⁷.

В июне 1647 г. С. Греченин был послан с посольской миссией к телеутскому правителю Коке Абакову, упорно препятствовавшему русскому продвижению на юг Сибири. Но это посольство не привело к желаемым результатам ввиду ухудшения отношений между сторонами из-за спорных ясачных людей и похода кузнецких служилых людей на телесов, которых телеуты считали своими кыштымами. У главы посольства украли коня, а его подчинённого, казака К. Кызланова, даже избили⁸. К тому же по возвращении домой посланники понесли значительный урон от своего воеводы — корыстолюбца О.И. Щербатого. Последний «взял себе сильно угрожаючи им всякими муками и бедами» у С. Греченина и трёх его спутников пушнину на сумму 50 руб., выменянные ими у телеутов на «русские товары»⁹.

Возможно, это обстоятельство послужило одной из причин участия С. Греченина в томском восстании 1648–1649 гг. В начальный период «смуты» он оказался в числе советников второго воеводы И. Бунакова, ставшего в оппозицию к О. Щербатому и пытавшегося возглавить движение томских жителей. По словам низложенного О. Щербатого, С. Греченин принимал деятельное участие в «воровских кругах» и исправно выполнял все решения возникшего мирского самоуправления. В августе

1649 г. он сопровождал съестные припасы, отнятые у О. Щербатого, в Ачинский и Мелесский остроги для раздачи ясным людям. Его подписи о мотивах отстранения воеводы от власти содержались во всех направленных царю общегородских челобитных¹⁰. Однако, по мере роста радикальных настроений и действий служилого мира, он, как и большая часть детей боярских, отошёл от восставших и в ходе проведённого Москвой розыска не был наказан за участие в «смуте».

По окончании «смуты» С. Греченин вновь привлекался воеводами к выполнению непростых посольских дел. В сентябре 1659 г. он был направлен с посольством к монгольскому правителю Лубсан-гайджи. Преодолев чинимые киргизами различные препоны, после тяжёлого пятимесячного пути Греченин добрался до озера Убса, где находилась ставка Лубсан-гайджи, ставшего к этому времени Алтын-ханом. Новый верховный правитель Северной Монголии, укрепивший своё положение, отказался подтвердить присягу на верность русскому царю, принесённую его отцом, заявив, что хочет поддерживать добрые отношения с Москвой, оставаясь при этом независимым правителем, «меньшим братом» московского царя. В ответ на его «дерзкие слова» Греченин заявил: «Ты, Лобзян, говоришь такие незбыточные речи, и будет впредь у тебя услышу такие невежливые слова и у меня с тобою посольства отнюдь не будет и говорить с тобою о государевых посольских делах ни о каких не стану»¹¹. Несмотря на то, что длительные переговоры с новым Алтын-ханом зашли в тупик, они не прошли бесследно. Лубсан всё же отправил в Москву со С. Греченином своих послов и больше не вторгался во владения русских.

Степан Греченин имел семью, его сын Фёдор Степанов Греченинов продолжил его службу. В 1680 на «разборе» в Томске Фёдор сообщил, что его отец родом из Царьграда, сослан из Москвы в Томск и служил «лет с полчетвертатцать» (35 лет), а он повёрстан при воеводе стольнике И. Бутурлине (1659–1664) вместо отца и служит «лет с пятнадцат» без пашни¹². Согласно томским именованным окладным книгам 1665 и 1675 гг. оклад Фёдора был достаточно значительным и составлял 16 руб., 16 четей ржи, 16 четей овса, 4 пуда соли¹³.

Другим ярким представителем греческой колонии в Томске был Манойло (Мануил) Константинов Грек, именуемый чаще

в официальных источниках как Манойло Греченинов. Как уже установила Т.А. Опарина, он был выходцем из Трапезунда, родился в православной семье, но был насильно обращён турками в ислам. Ещё ребёнком Манойло был захвачен в плен донскими казаками во время очередного их набега, затем продан находившемуся на русской службе в Москве англичанину Якову Гасту, который обратил его в протестанскую веру. От англичанина Манойло бежал к князю и воеводе И. Ф. Татеву, с помощью которого вновь принял православную веру и вместе с ним вскоре оказался на службе в Томске¹⁴.

Приведённые выше биографические данные Манойлы дополняются сведениями его близких родственников. По словам его сыновей Данилы и Тимофея Гречениновых, их отец был «выезжий гречанин», при Михаиле Фёдоровиче выехал «к Москве» и служил там «многие годы» в греческой роте. В 1642 г. по указу великого государя Манойло с другими «греченями» был направлен в Томск, где его поверстали в сыны боярские с окладом 12 руб., 10 четей ржи, 7 четей овса, 3 пуда соли¹⁵. Показания сыновей подтверждаются другими источниками. В томской окладной книге за 1663/1664, 1675/1676 гг. М. Греченинов указан в числе немногих детей боярских, служивших с пашни, с прежним денежным окладом¹⁶. Очевидно, Манойло был неграмотен, в 1658 г. вместо него расписывался под войсковой челобитной И. Кулаковский¹⁷.

По-видимому, в Сибири Манойло завёл семью, в «разборном списке» 1680 г. названы его сыновья: Дмитрий 20 лет, Аверка 17 лет, Пронка 3 года, с ним также проживал внук Пётр 9 лет, отец которого «на годовой службе помер»¹⁸. В окладных книгах также указаны и другие его взрослые сыновья: Иван, Калина, Савелий, Тимофей, Фёдор¹⁹.

М. Греченинов прожил долгую жизнь, его служба в Томске составила около 60 лет, после отставки в его место был повёрстан сын Савелий. В 1703 г. его овдовевшая жена жила в большой усадьбе со всеми необходимыми жилыми и хозяйственными постройками. В отличие от других верхов томского общества, двор М. Греченинова был не только крытым, но и мощёным, а огород был ограждён не частоколом, как у большинства жителей, а заплотом, что являлось несомненным свидетельством зажиточности его хозяина²⁰.

Иван Манойлов, по-видимому, являлся старшим сыном М. Греченинова, он упоминается сыном боярским в 1665 г. с окладом 10 руб., в 1675 и 1676 гг. его полный оклад составлял 11 руб. 10 четей ржи, 10 четей овса, 3 пуда соли²¹. В 1680 г. вместе с томским сыном боярским Романом Старковым Иван Греченинов возглавил большой сводный отряд служилых людей, казачьих детей, посадских, крестьян (1018 человек), посланный томскими воеводами в верховья Енисея на борьбу с местными воинственными кочевниками. Целью экспедиции было сломить противодействие енисейских киргизов русскому продвижению на юг Сибири и положить конец их постоянным разорительным набегам, сопровождавшимся убийствами и грабежами русских и ясачных людей. Одержав первую победу над ними, И. Греченинов непосредственно вёл переговоры о мире с людьми киргизского князя Ереняка, а затем и с самим «войнолюбивым», по выражению С. В. Бахрушина, Ереняком, пытаясь склонить его в русское подданство. Но, несмотря на демонстрацию силы и заключение с киргизами мирных соглашений, русским не удалось переломить ситуацию в свою пользу и установить своё господство в Южной Сибири. И. Греченинову удалось лишь добиться выдачи захваченного киргизами «русского полона» и двух пушек из сожжённого ими Ачинского острога. Русские военачальники вынуждены были признать независимость Киргизской земли и согласиться на установление границы между владениями обеих воюющих сторон по р. Июс²².

Наряду с военными функциями, И. Греченинов выполнял другие поручения административно-хозяйственного характера. Известно, что в 1695 г. с сыном боярским С. Тупальским и подьячим Д. Пупковым он описывал отсышной хлеб в Томском уезде²³.

Другой сын, Калина Манойлов Греченинов, был повёрстан в сыны боярские при воеводе Н. А. Вельяминове в 1670 г. с окладом 10 руб., 10 четей ржи, 10 четей овса, 3 пуда соли, который сохранялся в неизменном виде в последующие годы (1676, 1680)²⁴. Источники сохранили отдельные сведения о его служебной разъездной (посыльной) деятельности и торговых делах. 2 января 1686 г. он прибыл в Москву с ясачной казной и воеводской отпиской о текущих делах, в 1700 г. вновь посетил столицу, где был спрошен в Сибирском приказе о положении дел в Киргизской земле²⁵.

В отличие от отца, Калина владел письменной грамотой, в 1705 г. его подпись содержится в переписной книге мельниц Томского уезда²⁶. Как и многие служилые люди, он занимался пушной торговлей. Находясь в Сургуте, 1 декабря 1674 г. вместе с конным казаком Данилом Антипиным Калина явил в таможене пушнину «нарымской остяцкой покупки»: 274 горностая, 2 выдры, 6 белых песцов, 1 красную лисицу, 26 белок стоимостью 9 руб.²⁷

Сведений о верстании и начальной службе сына боярского Дмитрия Манойлова не сохранилось. Известно лишь, что в конце XVII в. он состоял приказчиком отстроенного вновь Ачинского острога. 20 ноября 1699 г. им были посланы вверх по Чулыму для сбора ясака четверо служилых людей. В результате нападения киргизов один казак был убит, трое взяты в плен и приведены для выкупа в Ачинский острог. В результате переговоров пленники были выкуплены у киргиз за «русские товары», предназначенные для мены пушнины с ясачными людьми, что приказчик предпочёл скрыть от воеводы²⁸. В источниках отмечено также его занятие земледелием, в 1705 г. он имел заимку в 30 десятин на р. Малой Киргизке²⁹.

Данные о других сыновьях Манойлы скупы и разрозненны. Тимофей и Савелий Манойловы были вёрстаны в сыны боярские в 1678 г. с окладами 7 руб. на «выбылое» место другого «греченина», «деда своего» Христофора Тонгаилова³⁰. Их брат Фёдор Манойлов отмечен в документах в 1676 г. также сыном боярским с денежным окладом 10 руб.³¹ В томской таможенной книге 1689/1690 г. отмечено занятие Савелия торговлей, в октябре он был отпущен в Нарым с 12 четвертями ржи на сумму 12 руб., согласно записи хлеб был приобретён им в Томске «на торгу на явленные им деньги»³².

Весьма сложной, бурной и противоречивой была жизнь и судьба ещё одного «греченина» — Юрия (Юшки) Трапезундского (Трапезонского), получившего, очевидно, свою фамилию по месту своего рождения в Османской империи. Его жизненный путь имел немало общих черт с судьбой Мануила Константинова Греченинова. Они оба были родом из Трапезунда, имели православное вероисповедание и не по своей воле оказались вдали от родины, сначала в Москве, затем были пленниками в Польше и, наконец, оказались в ссылке в Сибири. Но биогра-

фия Ю. Трапезундского более наполнена разными жизненными коллизиями и перипетиями. До ссылки в Сибирь Ю. Трапезундский побывал во многих странах: был охранником греческого торгового судна, рабом-гребцом на турецком корабле, алжирским корсаром, служил наёмником в голландской и английской армиях. В 1627 г., прибыв в Россию, он поступил на службу русскому государю, обустроился, женился и дослужился до чина ротмистра в Иноземном приказе³³.

Столь быстрая адаптация к русским реалиям и успешное продвижение по службе объясняются, по-видимому, не только большой жизненной практикой и умением выживать в самых сложных и трудных условиях, но и покровительственным отношением русских властей к своим православным единоверцам. Как справедливо заметили исследователи: «На греков в XVII–XVIII вв. не распространялись многие ограничения, характерные на Руси для иноверцев — “немцев”. Бывших византийцев куда охотнее пропускали через границу и принимали в русское подданство»³⁴.

В апреле 1642 г. в результате конфликта, возникшего в греческой колонии, Ю. Трапезундский вместе с М. Константиновым был обвинён в «государевой измене», сослан в Томск и определён в службу сыном боярским. Его начальный оклад составлял в 1653 г. 12 руб., 14 четей ржи, 12 четей овса, в 1664/1665 г. он получал уже 18 руб., размер его оклада занимал второе место в денежном обеспечении командного состава томского гарнизона³⁵.

Ю. Трапезундский, как и его земляк и соратник М. Греченинов, принимал активное участие во всех сферах жизни сибирского разрядного города. Обладая огромным житейским опытом, высокой способностью к адаптации и усвоению образа жизни и культур многих европейских и азиатских народов, он быстро освоил и суровые сибирские реалии. Войдя в доверие к местным воеводам, бывший корсар и «наймит» вскоре стал их помощником, особенно в части незаконного обогащения. По указанию воеводы О. Щербатого он неоднократно ездил в ясачные волости на р. Чулым и в Мелесский острог с «русскими товарами» и вином, которые обменивались у ясачных людей на пушнину ещё до уплаты ими ясака. Об этом красноречиво свидетельствовали в челобитной царю восставшие томичи: «Да он же, князь Осип, посылал от себя с товары во многие земли в твои в государевы в ясачные волости на Чулым, в Мелеский острог многие русские товары и вино с сыном боярским с Юрьем

Тропизондским да служивыми людьми, и велел на те свои товары покупать у твоих государевых служивых ясачных людей всякую мяхкую рухледь». При этом, по словам челобитчиков, Юрий переписывал у ясачных людей «молодых кормленных лисиц чёрных, которых выкармливают тебе, государю», а затем этих лисиц князь Осип забирал себе³⁶.

Сохранилось немало сведений о других торговых операциях Ю. Трапезундского, которые успешно совмещались им с частыми служебными поездками. Так, 13 сентября 1648 г. он был отпущен «к Руси» со служилыми людьми Д. Вяткиным и А. Захарьевым с пушниной стоимостью 50 руб.³⁷ 12 июня 1656 г. пришёл из Мелесского острога с пушниной на 10 руб.³⁸

На начальной стадии «смуты» в Томске Юрий Трапезундский, как и его соотечественники Степан Греченинов и Манойло Греченинов, перешёл на сторону восставших томичей. Низложенный ими О. Щербатый не без оснований называл его в числе главных советников воеводы И. Бунакова и руководителей «воровского круга», решением которого Щербатому было «отказано» в управлении городом и разрядом в целом.

Об активной деятельности Ю. Трапезундского в томском восстании свидетельствуют многочисленные факты. 4 августа 1648 г. он оказался среди главных организаторов столкновения «воровских казаков» с оставшимися верными О. Щербатому служилыми людьми и не позволил воеводе с семьёй покинуть город³⁹. Вместе с детьми боярскими В. Ергольским, Ю. Ядловским и другими повстанцами бывший воеводский ушник участвовал в аресте и расправе над священником Сидором Лазаревым, обвинённом в том, что в своём письме он призывал тобольского воеводу скорее расправиться с восставшими. 10 января 1649 г. Ю. Трапезундский прибыл в Москву с ясачной казной (не исключено, что с ним была и его собственная пушнина). Вместе с ней он привёз общегородскую челобитную на тобольского дьяка М. И. Ключарева, посланного в Томск для замещения Щербатого и управления делами, но не принятого упорными томичами. В расспросе в Сибирском приказе он подробно изложил точку зрения восставших о причинах и ходе восстания, о просьбах к царю его активных участников⁴⁰.

Однако, несмотря на его немаловажную роль в томском восстании, Ю. Трапезундский, в отличие от других «пушних

заводчиков», сумел избежать наказания. По мнению Т.А. Опариной, этому во многом способствовали его старые связи с влиятельными людьми греческой общины в Москве, а также полученные жизненные умения «выходить сухим из воды». Он сумел не только сохранить свой статус, но и упрочить своё положение. При новых воеводах ему по-прежнему доверяли важные поручения и ответственные дела. В 1650 г. Ю. Трапезундский ездил послом к телеутскому правителю Коке Абакову за шертью, затем к орчакам для приведения их в подданство русского царя⁴¹. В 1651 г. ему было поручено вести следствие в Енисейске по делу о произношении «непристойных слов» о государевых грамотах енисейского гулящего Л. Хомякова⁴². В 1656/1657 г. Ю. Трапезундский был приказчиком у пашенных крестьян в Спасском селе⁴³. В 1658/1659 г. томские воеводы И.Н. Приимков-Ростовский и А.А. Коковинский поручили ему перенести Ачинский острог в Басагарскую волость, где были бы «пашенные земли и рыбные и звериные угодья поблизку». Трапезундский успешно справился с поставленной задачей: осуществив «дозор» земель в указанной волости возле р. Чулыма и Кангалы, перенёс туда Ачинский острог в выбранном им «угожем месте»⁴⁴.

Трапезундский, несомненно, обладал сильным, ярко выраженным характером с высокой социальной активностью и умением выживать и отстаивать свои интересы в любых, даже самых неблагоприятных для себя обстоятельствах. В 1656 г. он подал два иска на влиятельного в Томске сына боярского Василия Былина и на конного казака Василия Толстого, обвинив их «в бесчестье своего», мотивы и результаты судебного разбирательства которого нам не известны. В 1658 г. он подписался под мирской челобитной на злоупотребления ненавистного томичами подьячего В. Чебучакова, итогом которой стали розыск и отстранение последнего от должности⁴⁵.

Дальнейшая судьба этого незаурядного человека, большого искателя приключений с авантюрным складом, оказавшегося в Сибири в поисках добычи и чинов, нам не известна. Возможно, его жизненный путь завершился в Сибири, ставшей последним пристанищем в его бурной, сложной и беспокойной жизни.

Таким образом, греческие переселенцы и их потомки, как и немало других вынужденных европейских мигрантов, остави-

ли заметный след в истории Томска и Сибири в целом. Пройдя через многие жизненные испытания и невзгоды, выходя из бывшей могущественной Византии, оказавшись в сибирской ссылке, успешно интегрировались в этнокультурную демографическую среду сибирского гарнизона. Занимая важные военно-административные должности, они активно участвовали в укреплении русского влияния в Сибири, хозяйственном развитии региона, социальных движениях. Принятию русского подданства и продвижению их по службе в значительной мере способствовали сохранившиеся в России политические и культурные связи с бывшей Византией, религиозная близость, а также незаурядные личностные качества указанных лиц, выработанные большой жизненной практикой.

¹ Опарина Т.А. Сибирская ссылка греческих переселенцев в XVII в.: пути и судьбы // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 1. С. 171–196; Она же. Алхимик, янычар и «родич византийских царей»: Палеологи в России конца XVI — первой половины XVII в. // *Петербургские балканские и славянские исследования*. 2016. № 1 (19). С. 131–158.

² Опарина Т.А. Сибирская ссылка греческих переселенцев... С. 173–174; Она же. Алхимик, янычар и «родич ...». С. 138.

³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 189. Л. 3.

⁴ Там же. Ф. 214. Кн. 438. Л. 4; Кн. 466. Л. 29 об., 93.

⁵ Там же. Ф. 214. Кн. 189. Л. 5 об.

⁶ Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские... С. 45, 49.

⁷ Русско-монгольские отношения. 1636–1653... С. 31–34, 38–50, 78, 89, 418.

⁸ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 73–74.

⁹ Покровский Н.Н. Начальные челобитные томского восстания 1648–1649 гг. // *Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России*. Новосибирск, 1987. С. 79; Покровский Н.Н. Томск, 1648–1649 гг. ... С. 96–97.

¹⁰ Покровский Н.Н. Томск, 1648–1649 гг. ... С. 196, 232, 250.

¹¹ Шастина Н.П. Указ. соч. С. 83, 85.

¹² РГАДА. Ф. 214. Кн. 698. Л. 36.

¹³ Там же. Ф. 214. Кн. 466. Л. 41 об. Кн. 479. Л. 45; Кн. 566. Л. 540.

¹⁴ Опарина Т.А. Сибирская ссылка греческих переселенцев... С. 174.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 698. Л. 32, 38, 46 об.; Кн. 479. Л. 46 об.

¹⁶ Там же. Ф. 214. Кн. 466. Л. 112; Кн. 479. Л. 96 об.; Кн. 566. Л. 55 об.; Кн. 622. Л. 58 об.

¹⁷ Там же. Ф. 214. Стб. 84. Л. 7–7 об.

¹⁸ Там же. Ф. 214. Кн. 698. Л. 32.

¹⁹ Томск в XVII веке: материалы... С. 38, 40, 41, 43; Соколовский И. Р. Служилые «иноземцы» Сибири... С. 99.

²⁰ Люцидарская А. А. Старожилы Сибири... С. 27–29.

²¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 479. Л. 97; Кн. 556. Л. 550; Кн. 622. Л. 59.

²² Бахрушин С. В. Указ. соч. Т. 3. Ч. 2. С. 215–219; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков Л. Е. Указ. соч. С. 170.

²³ Первое столетие освоения Сибири русскими: новые документы: Собрание сибирских грамот XVII — начала XVIII веков в фондах Научной библиотеки Томского гос. ун-та / сост. В. А. Есипова, Г. Н. Стариков. Томск, 1999. С. 122.

²⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 698. Л. 39 об.; Кн. 622. Л. 59 об.

²⁵ Там же. Ф. 214. Стб. 749. Л. 568 об.

²⁶ Там же. Ф. 214. Кн. 1408. Л. 620 об.; Памятники сибирской истории... Кн. 1. № 23. С. 101.

²⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 632. Л. 53 об.

²⁸ Памятники сибирской истории... Кн. 1. № 1. С. 9; № 3. С. 22–23.

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1409. Л. 58.

³⁰ Там же. Ф. 214. Кн. 698. Л. 46 об.; Томск в XVII веке... С. 43.

³¹ Там же. Ф. 214. Кн. 622. Л. 59 об.

³² Там же. Ф. 214. Кн. 979. Л. 426.

³³ Опарина Т. А. Сибирская ссылка греческих переселенцев ... С. 177–178.

³⁴ Вольнец А. Выходцы из бывшей Византии сделали для России не меньше, чем наёмные специалисты из Западной Европы // Профиль: еженедельный журнал. URL: <https://profile.ru/history/vuxodcy-iz-byvshej-vizantii-sdelali-dlya-rossii-ne-menshe-chem-naemnye-specialisty-iz-zapadnoj-evropy-174638/>.

³⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 438. Л. 29 об.; Кн. 1518. Л. 4.

³⁶ Покровский Н. Н. Начальные челобитные... С. 79; Покровский Н. Н. Томск, 1648–1649 гг. ... С. 97.

³⁷ РГАДА. Ф. 214. Ф. 214. Кн. 251. Л. 12.

³⁸ Там же. Ф. 214. Кн. 359. Л. 65.

³⁹ Опарина Т. А. Сибирская ссылка греческих переселенцев... С. 191.

⁴⁰ Покровский Н. Н. Томск. 1648–1649 гг. ... С. 164, 197, 215, 232.

⁴¹ Актовые источники по истории России и Сибири... Т. 2. № 272. С. 19.

⁴² Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 330.

⁴³ РГАДА. Ф. 24. Ед. хр. 659. Л. 66.

⁴⁴ Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий... С. 188; Он же. Русские в Среднем Причудымье... С. 79–80.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1518. Л. 4.

Поляки и «литва» Кузнецкого острога

В составе гарнизонов первых сибирских городов и городского населения заметное место занимали служилые «иноземцы» — преимущественно выходцы из стран Восточной и Западной Европы. Изучению их численности, статуса, профессиональной и хозяйственной деятельности посвящено уже немало трудов в отечественной историографии¹. Но следует признать, что в изучении сибирского периода жизни «иноземцев» существует ещё немало трудностей и нерешённых вопросов. Прежде всего, это проблема определения национально-этнической и государственной идентификации «поляков», «литвы», «немцев», «черкас» и других западных и восточных европейцев. Отсутствие зачастую прямых указаний на их этническую принадлежность побуждает исследователей рассматривать их происхождение исходя из косвенных признаков: государственной территории, на которой они ранее проживали, данных ономастики, топонимики, особенностей написания имён и фамилий и других данных.

Задачей данного очерка является выделение среди служилого войска Кузнецкого острога поляков и «литвы», являвшихся преимущественно подданными Речи Посполитой, выяснение времени и причин появления их в Сибири, занимаемого статуса, материального и служебного положения в условиях фронта Южной Сибири. Изучение этих вопросов позволит внести определённый вклад в выявление и уточнение источников формирования населения сибирских городов и их гарнизонов, определить роль выходцев из стран Восточной Европы в начальной колонизации будущей Азиатской России.

Заселение кузнецкого фронта и комплектование его гарнизона осуществлялось в ранний период освоения Сибири переводом и ссылкой различных групп населения из Европейской России, в том числе и служилых «иноземцев». Одним из первых иностранцев, оказавшихся в Кузнецке, был поляк Пётр Есмонт. В 1639 г. его вместе с «литвином» Петром Нарбутом за участие в каком-то «государевом деле» сослали из Москвы. Они были определены в пешие казаки².

Служба П. Есмонта в отдалённом сибирском остроге проходила вполне успешно. В 1643 г. он значился в кузнецких окладных книгах как десятник пеших казаков, в 1655 г. — пятидесятник³. Его сын Андрей Петров Есмонтов начинал службу конным казаком, в 1684 г. упоминается уже как сын боярский с жалованием 11 руб.⁴

Пётр Нарбут служил пешим казаком с окладом 5 руб., позднее конным казаком⁵. Летом 1648 г. с бывшим «иноземцем», пятидесятником Фёдором Мосальским по заданию воеводы А. Сытина он прибыл в Томск «проведать что делатца» в восстановленном городе. Находясь в Томске, на базаре и гостином дворе они расспрашивали жителей о происходящих событиях и «воровских грамотах», появившихся в Кузнецке с призывом расправиться со «многими добрыми людьми» по примеру бунтующих томичей⁶.

В 1641 г. из Томска в Кузнецк была выслана новая группа «черкас» и других ссыльных людей неизвестного происхождения, пытавшихся совершить побег на «Русь». Среди них был Ян Шварц, названный в документе «поляком». Он и его товарищи были определены в конную службу с окладом 7 руб. 25 коп., 6 четей ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли⁷.

Продолжительное время в Кузнецке не было детей боярских, названных Н. Н. Оглоблиным «служилой аристократией». По этому поводу воевода Д. Кафтырев даже жаловался в Москву, указывая, что «во всех сибирских городах дети боярские головы и сотники есть», а в Кузнецком остроге у 146 служилых людей «отаман да пятидесятники»⁸.

Первым сыном боярским в гарнизоне стал переведённый из Томска в 1641 г. Роман Грожевский. Согласно «скаске», сообщённой при разборе в 1681 г. его сыном Михаилом, отец был «родом полских городов Ковны города шлектич». В начале правления Михаила Романова Р. Грожевский перешёл в русское подданство, был крещён и повёрстан в Москве в дети боярские «по томскому списку» с окладом 13 руб., 12 четей ржи⁹. После его смерти в разряд детей боярских были повёрстаны его сыновья: Михаил, Максим, Стефан. Внуки Р. Грожевского — Иван и Дмитрий Грожевские — в период 1699–1702 гг. значились в разных делопроизводственных документах в Кузнецке как невёрстанные сыны боярские¹⁰.

Численность лиц польско-литовского происхождения в Сибири значительно возросла в ходе войны России с Польшей в 1654–1667 гг. Почти ежегодно в Кузнецк и другие города Сибири поступали различные партии «ссыльных людей», преимущественно из «шляхты»: поляки, «литвины», «немцы», «изменники черкасы»; установить их национально-этническую принадлежность не всегда представляется возможным. Можно лишь заметить, что в Кузнецке, в отличие от других, более крупных гарнизонов, они были относительно малочисленны, не представляли собой образованный отряд — «литовский список», который, впрочем, не был обособлен от других воинских подразделений, что способствовало их более быстрой адаптации и русификации.

Постоянная военная угроза, исходящая от кочевников, требовавшая единения и сплочения всего населения, также вела к утрате их прежней национальной идентичности и способствовала быстрому растворению в русском государствообразующем этносе.

Первая группа «литовских полоняников», взятых в боях под Оршей, была отправлена из Москвы в Кузнецк в 1658 г. Четверо из них — Янка Чесноковской, Марчко Борисов, Ортюшка Репчевский и Игнатко Детковский — были определены в конные казаки с окладом 7 руб. 25 коп. и соответствующим их статусу хлебным и соляным жалованием¹¹.

В 1660 г. указом из Тобольска в Кузнецк были направлены «ссыльные литовские люди шляхта» (6 человек): Семён Подборской, Самойло Дацковской, Игнат Детковской, Михайло Тяпильской, Ерошка Чахов и Янка Александров. Но в окладной книге за 1662 г. названы лишь 3 человека: С. Дашковский, И. Детковской и Е. Чахов, которые были повёрстаны в конные казаки с таким же жалованием, как и у ранее сосланной «литвы»¹².

В 1661 г. из Москвы в Кузнецк были посланы «ссыльные польские и литовские и немецкие люди» (18 человек), но на место службы из них прибыли только 15. Они были повёрстаны в конные казаки с различным денежным окладом: по 7 руб. получали Самойло Березовский, Павел Орловский, Матвей Скугор; по 6 руб. — Степан Христофоров, Микифор Княжнин, Юрка Вербиловский, Северин Быцкеевич, Ян Красилской; по 8 руб. — Самойла Жабя, Григорий Островской, Демьян Дубровской, Войтех Годимирской, Базелей Уницкой, рейтар Индрик Путков-

ской¹³. Такое различие в окладах может свидетельствовать о том, что названные лица имели ранее в польско-литовском войске разные воинские чины и звания, которые учитывало русское правительство при назначении их на сибирскую службу.

В следующем году в Кузнецкий острог была направлена «в службу» значительная группа (25 человек) выходцев из Речи Посполитой. Одни из них были взяты в плен в ходе войны России с Польшей, другие, приняв православие, добровольно поступали на русскую «государеву» службу. Большая часть их, преимущественно польская «шляхта» (9 человек), были повёрстаны в Москве и Тобольске в дети боярские с окладами от 11 до 25 руб. Среди них были Фёдор Гатлевский, Пётр Буткеев, Степан Валишевский, Марко Борковской, Андрей Буяновский, Михайло Грожевский, Самойло Ботвинко, Павел Рыхлевский, Степан Круглик.

Согласно их «скасам», поданным ими при «разборе» (служебная аттестация) в 1681 г., они являлись выходцами Мстиславского, Калишского, Литовского воеводств, Ольшанского повета и других мест. Своей родиной называли «польские города»: Вильно, Каменец-Подольский, Смоленск¹⁴.

Многие из них сообщали обстоятельства их пленения и верстания на русскую службу, свои заслуги во время пребывания в Сибири перед новым отечеством, подчёркивая при этом свой отказ от возвращения на родину при размене пленными воюющими сторонами, и то, что они «служили истиною правдою и беспорочно». Так, сын боярский Степан Кругликов заявил, что его взяли в плен в 1655 г. под Быховым казаки украинского гетмана Золотаренко и «отдали великому государю в полон, во время русского похода под Вильню и великий государь меня Стеньку пожаловал, вместо смерти живот дал, на Москве указал поверстать в дети боярские... из Москвы указал сослать в Сибирь в Томский город». В 1663 г. при состоявшемся обмене военнопленными между Россией и Польшей ему было предложено вернуться на родину либо остаться служить в Томске со значительным при этом повышением оклада. Он, как и немало других поляков, «на размен идти не похотел», остался в Сибири. За «службишку изрядную» его жалование было повышено почти в два раза и составило 25 руб., 20 четей ржи, 20 четей овса, 5 пуд. соли. Но из-за каких-то происков его «недоброжелателей», томских детей боярских Романа Старкова и Василия

Бубенного, их «ложного и составного челобитья», о содержании которого С. Кругликов предпочёл не упоминать, его оклад был значительно урезан, а сам он был сослан в Кузнецк с сохранением прежнего чина¹⁵.

Любопытное объяснение перехода на русскую службу и принятия русского подданства дал другой «шлектич» Андрей Буяновский. По его словам, будучи в Москве, он «на размен не похотел итти к польскому королю в рабю землю», а пожелал остаться «в стороне его царского величества», за что и был повёрстан в дети боярские с высоким окладом и отправлен на службу в Кузнецк¹⁶.

В последующий период присылок поляков и «литвы» в Кузнецк источниками не отмечено. Это, по-видимому, было связано как с укомплектованием местного гарнизона, так и с ограничительными мерами правительства по прибору в служилые люди «ссылных людей». В грамоте кузнецкому воеводе Н. Доможирову от 30 ноября 1670 г. было указано: «На выбылые места... привёрстывать в службу после умерших и побитых детей и братьев и племянников»; «гулящих и иных людей никаго на выбылые места не переводить», «ссылных людей... мимо указных чинов не привёрстывать». Сибирский приказ запрещал также доверять служилым людям из ссылных выполнение особо важных поручений, например, сопровождение «соболиной казны» в Москву¹⁷. Но этот указ не всегда выполнялся и не распространялся на потомков первых сибирских служилых «иноземцев», для которых Сибирь стала вторым отечеством.

В 1670–1680 и последующие годы кузнецкий гарнизон пополнялся вторым и третьим поколениями потомков служилых людей из бывших ссылных и переведённых «иноземцев», чья служба приобретала наследственный характер. Среди них близкие родственники П. Буткеева — дети боярские Яков, Дмитрий и Иван Буткеевы; Р. Грожевского — дети боярские Стефан, Фёдор и Максим, а также невёрстанные сыны боярские Дмитрий и Иван Грожевские; С. Ботвинка — дети боярские Фёдор, Василий и Иван Ботвинкины; Д. Дубровского — сыны боярские Афанасий и Панфил Дубровские; С. Валишевского — сыны боярские Михаил и Стефан Валишевские; Ф. Годлевского — сыны боярские Михаил, Леонтий и Иван Годлевские; П. Рыхлевского — сыны боярские Андрей, Михайло и Григорий Рыхлевские; А. Буяновского — сын

боярский Стефан Буяновский; П. Есмонтова — сын боярский Андрей Есмонтов¹⁸. При «разборе» они уже не называли себя «иноземцами». Этот термин, как и прежняя государственная принадлежность, указанная их родителями, полностью исчезает из русских делопроизводственных документов в конце XVII в.

В 1681 г. общая численность кузнецкого гарнизона насчитывала 232 человека, из них 30 человек (12,1 %) относились к «бывшим» «полякам», «литве», а также их потомкам. В командном составе гарнизона (сыны боярские, атаманы, пятидесятники) они занимали почти половину вакансий (6 из 14). Отсутствие в архивах «окладных» и других «именных» книг за последующий период (до первой переписи населения 1719 г.) не позволяет проследить динамику численности этой этнической группы, ставшей составной частью общерусского сибирского населения.

Обращает на себя внимание непростая судьба других польских военнопленных, оказавшихся в Сибири в результате происходивших в Европе частых военных конфликтов. Примечательным в этом отношении является воинский путь бывшего польского шляхтича Якуба Морозовского, ставшего пленником сразу трёх государств и закончившего свой жизненный путь на службе в Сибири.

Летом 1649 г. в тобольской съезжей избе он подал челобитную царю с просьбой поверстать его в сыны боярские вместо «иноземца» Ивана Рыцкова, служившего в Томске. В ней, наряду с просьбой, он поведал о своей сложной, полной злоключений судьбе и заслугах перед великим государем.

По его словам, его взяли в «полон» в сражении под Хотинном в Литве в 1618 г., во время войны Польши с Турцией. В плену в «Турской земле» Якуб находился четыре года, затем, по неуказанным им обстоятельствам, его взяли «в полон» в «Орапскую землю за Еросалимом», где он находился полгода. Из плена Якуба «выпустили» вновь в Турскую землю и поверстали в турецкое войско. Вместе с турецкими воинами он сражался под Вавилоном против «кызылбахского царя Шахабаса» (Аббаса 1. — И. К.). В ходе сражения кызылбахские люди «турских людей всех побили» и он вновь был взят в плен и привезён в Ыспоган (Исфahan), где находился пять лет.

Очевидно, во время пребывания в Исфahане Якуб находился на каком-то особом положении, что позволило ему трижды об-

рашаться к царю Шахабасу с просьбой об отпуске его в «Святую русскую землю» к Москве, и получил, в конце концов, на то разрешение. Из «Кизилбаш» он выехал с послом Маняселбеком и каким-то «полоном» на «Русь», по прибытии в Москву был взят на службу и отправлен служить в Тобольск.

При верстании его в конные казаки, по словам Якуба, была допущена какая-то «неправда». Из-за незнания им русского языка ему назначили жалование «не против моей братьи иноземцев поверстати, с кем я отечеством и службою буду», а значительно меньше — 7 руб. с четью, 6 четей с осминой ржи, 4 чети овса. Этот оклад ему учинил разрядный подъячий Савин Емиков якобы «по недружбе», несмотря на то, что его собратья «иноземцы» в Тобольске «моложе меня и отчеством и службою» получают значительно больше¹⁹.

Приведённые Якубом сведения о жаловании подтверждаются данными окладных книг тобольского гарнизона. Согласно им, Якуб (Якушко) служил в Тобольске в 1634–1649 гг. «с пашни», т.е. без выплаты хлебного жалования. В 1636 г. его денежный оклад составлял 7 руб. 8 алтын 2 денги²⁰. В 1643–1648 гг. он также получал 7 руб. с четью, 7 четей с осминой ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли²¹.

Свою просьбу о верстании его в дети боярские Якуб подкрепил сведениями о службе в Сибири, где он служил более 20 лет и участвовал во многих больших походах на разных «калмацких людей».

Так, во время посылки в Тару с тобольским сотником Владимиром Клепиковым в походе «на калмаков» убил «двух мужиков, а под третьим коня ранил». Под началом Бориса Толбузина «мужика ранил, а под другим коня убил». С воеводой Яковом Тухачевским находился «в киргизах полтретья года», в походе с ним «на бою мужика убил, а другова жива взял языком». С полковым воеводой Иваном Кобыльским был также «в киргизах», и в том походе «мужика ранил, а под другим коня убил». Перечисляя свои ратные дела, Якуб сетует: невзирая на его заслуги, он, в отличие от своих товарищей, не был пожалован «твоим государевым жалованием послугою и к старым их окладом прибавкою».

Свою челобитную Я. Морозовский сопровождает традиционными заверениями в своей преданности Великому госу-

дарю, за которого «всегда на боях бился... и за Православную Христианскую веру умираю и кровь проливаю». Как и многие служилые люди, он красноречиво ссылается на своё трудное материальное положение: «...будучи я, холоп твой на твоих государевых службах, одолжал неоплатными великими долгами и за тебя, государя, кровь свою проливал и с твоими государевыми непослушники бился нещадя головы своей, и на ваших государских службах всякую нужду и бедность и голод терпели душу свою осквернил, а тем твоим государевым жалованьем мне, холопу твоему, прокормиться и твоей государевы службы служить впредь нечем, вконец погиб²²».

Поясняя причину своей запоздалой челобитной, Якуб заявил, что ему до этого к Москве «выезду не бывало» и что он нёс «государевы службы», будучи некрещённым. Но в 1649 г., по прибытии с соболиной казною в Москву, крестился в «православную христианскую веру». В связи с этим он просил пожаловать его «за многие службы» за выезд... и «за крещённое» царским денежным и хлебным жалованием и поверстать «по Томскому городу в упалое место иноземца Ивана Рыцкова»²³.

Его челобитная была удовлетворена. В 1649 г. Яков упоминается на службе в Томске как сын боярский с более высоким окладом. Известно также его участие в социальном движении. В ходе томского восстания 1648–1649 гг. он подписался под второй общегородской челобитной, направленной против воеводы О. Щербатого²⁴. Его имя упоминается в именной книге жалования Томска 1653 г. с хлебным окладом 10 четей ржи 10 пудов овса²⁵. В 1662 и 1663, 1666 гг. в именной книге упоминается, очевидно, его сын — сын боярский Пётр Яковлев Морозовский с окладом 8 руб., 8 четей ржи, 4 чети овса²⁶.

Процессы социальной адаптации и интеграции «иноземцев» в полиэтничное сибирское сообщество и их аккультуризация, как уже показано выше, проходили не для всех одинаково. Менее болезненно воспринимали ссылку и нелёгкую службу на сибирском фронтире участники боевых действий в войнах Польши с Россией. Изучение их биографических сведений, служебной и иной деятельности, социальных связей говорит об успешном вхождении «иноземцев» в формирующееся сибирское сообщество. Многие из них не только сумели примириться с новым положением, окружением и условиями проживания,

но и приобрели иной, нередко более высокий, чем на бывшей родине, статус, умело ориентировались в новой среде и успешно маневрировали в возникавших сложных социальных и других ситуациях. Как справедливо заметила А. А. Люцидарская, «они имели возможность развивать и реализовывать свои способности, активно участвовать в городской жизни, отстаивать интересы своей группы»²⁷.

Примером тому является активная и успешная деятельность уже упомянутого сына боярского Романа Грожевского. В Кузнецке он имел высокую репутацию в служилой среде, был советником влиятельных воевод О. Сытина, Ф. Баскакова и других наместников, входил в состав «лучших людей» города. Во время томской «смуты» 1648–1649 гг. проявлял скрытую симпатию к восставшим горожанам, выступившим против местного воеводского произвола и злоупотреблений. Будучи хорошо осведомлённым о бурных событиях в Томске, находясь в Тобольске, он не назвал разрядным воеводам имён руководителей восстания и других активных участников, как об этом просил отстранённый от воеводства князь О. Щербатый²⁸. В августе 1653 г. Р. Грожевский стал одним из главных фигурантов кузнецкого «гиля» — открытого выступления служилых людей против действий присланной из Томска следственной комиссии во главе с сыном боярским Романом Старковым. Члены комиссии были призваны установить виновников самовольного казачьего похода на телеутов в марте 1653 г., а также арестовать и наказать Р. Грожевского и П. Лаврова за их старое и новое неповиновение томским властям. В ходе следствия за них заступилось всё служилое «войско», в результате чего арестованные были освобождены, а томские сыщики «побиты»²⁹.

Менее успешной в нелёгких сибирских условиях была адаптация ссыльных польских и литовских «иноземцев», названных в официальных документах «опальными людьми». Некоторые из них оказались в остроге в первые, самые трудные десятилетия его существования и не были вёрстаны в службу, являвшуюся одним из важнейших, хоть и не единственным источником их жизнеобеспечения. Характерной в этом отношении была судьба «литвина» Андрея Бернацкого, замешанного в каком-то «государевом великом деле» и сосланного с семьёй и дворовыми

людьми в Кузнецк в 1634 г.; их жизненным коллизиям в ссылке посвящён отдельный очерк (см. выше).

Не сумели прижиться в отдалённом остроге и скандально известные в Сибири ссыльные «иноземцы»: «литвин» Григорий Плещеев-Подрез, выходец из Брабанта сын боярский Савва Французенин, бывший московский рейтар неизвестного происхождения, определённый в пешую службу Севастьян Хлыновский. Из-за созданных ими конфликтных ситуаций они не без труда были выдворены из Кузнецка местными воеводами, использовавшими при этом поддержку служилого «мира», в другие, более удалённые восточные остроги³⁰.

Исследователи истории начальной колонизации Сибири уже отмечали, что сибирская администрация ценила военные навыки, административные умения и достаточно высокий культурный уровень ссыльных людей польско-литовского происхождения³¹. Имея значительную военную практику, опыт управления и борьбы с татарами и турками на юге, шведами на севере, украинцами и русскими на востоке, оказавшись в сибирской ссылке, поляки и «литва» успешно использовали свои навыки и на восточном фронтире. Сибирские воеводы доверяли им сбор ясака, проведение военных операций, посылки ясачной казны в Москву, основание укреплённых пунктов и другие ответственные поручения.

В 1663 г. руководимый Р. Грожевским отряд «погромил» большую группу телеутов князца Бойдона в устье р. Чумыш и привёл её в русское подданство³². Неоднократно совершали походы за ясаком и выполняли дипломатические миссии в «калмыки» и «киргизы» сыны боярские Павел и Андрей Рыхлевские. Последний за успешный сбор ясака в верховьях Томи в 1666 г. наряду с жалованием получил награду — три чарки «горячего вина». Их родственник, сын боярский Григорий Рыхлевский весной 1713 г., преследуя телеутского князя Дюренга, грабившего ясачных Кузнецкого уезда, отбил у него большой «алман» (награбленное имущество)³³.

«Служилые иноземцы» вместе с жителями Кузнецка и его уезда неоднократно отражали нападения и переживали осаду города от «киргизских и калмыцких воинских людей». Они принимали участие в совместных походах сибирских ратных людей в «Киргизскую землю» под командованием полкового воеводы

А. Просовецкого в 1634 г., дворянина Я. Тухачевского в 1641 г., детей боярских Р. Старкова и И. Греченинова в 1680 г., письменного головы И. Суворова в 1682 г., сына боярского С. Лаврова в 1700–1701 и 1704–1705 гг., участвовали во многих сражениях с воинственными кочевниками³⁴.

Многие из них были задействованы в возведении Бикатунской, Белоярской, Бийской крепостей, Абаканского и Бердского острогов, значительно расширивших пределы владений России в Южной Сибири. Отряд под руководством Алексея Кругликова в 1701 г. нанёс поражение киргизам на р. Томи у с. Пачинского, в 1703 г. служилые люди под его началом возвели Умревинский острог, приказчиком которого он был назначен³⁵. Сын боярский Иван Буткеев стал одним из первых приказчиков Бердского острога, возведённого на рубеже Телеутской «землицы»³⁶.

Таким образом, в присоединении, заселении и освоении Верхнего Притомья, Верхнего Приобья, верховий Енисея, формировании кузнецкого гарнизона в XVII в. немаловажное место принадлежало выходцам из Речи Посполитой. Занесённые не по своей воле военными и другими обстоятельствами в отдалённый сибирский острог, бывшие «польские и литовские люди» успешно адаптировались и интегрировались в сибирское русскоязычное сообщество, став его составной органической частью. Занимая преимущественно высокое положение в служилой среде, бывшие поляки, «литва» и их потомки активно участвовали в осуществлении сложных колонизационных задач и защите русских границ в Южной Сибири.

¹ Емельянов Н.Ф. Томские служилые люди. «Литва» в XVII — первой четверти XVIII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Вып. 2. Томск, 1982. С. 34–42; Резун Д.Я. «Литва» Кузнецкого уезда XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 37–45; Никитин Н.И. Тобольская литва в XVII веке // Город и горожане России в XVII — первой половине XIX в. М., 1991. С. 47–73; Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда... С. 117, 119–121; Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII в. Новосибирск, 2002.

² ЧОИДР. Кн. 2. М., 1909. С. 56; РГАДА. Ф. 214. Кн. 153. Л. 176.

³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 189. Л. 189, 73.

⁴ Там же. Ф. 214. Кн. 438. Л. 233; Кн. 590. Л. 509 об.; Кн. 1352. Л. 273 об.

⁵ Там же. Ф. 214. Кн. 189. Л. 75 об.

⁶ Покровский Н.Н. Томск, 1648–1649 гг. ... С. 242, 245, 246.

⁷ Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности). Томск, 1980. С. 103; РГАДА. Ф. 214. Кн. 153. Л. 171; Кн. 189. Л. 72.

⁸ РГАДА. Ф. 214. Стб. 113. Л. 219.

⁹ Там же. Ф. 214. Кн. 716. Л. 991 об.–992 об.

¹⁰ ДАИ. Т. 12. СПб., 1872. С. 299, 43; Т. 8. СПб., 1862. С. 43; РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 992, 388, 432; Кн. 590. Л. 545 об.; Стб. 198. Л. 9 об., 16; Стб. 749. Л. 445 и др.; Кн. 1223. Л. 20 об., 85 об., 157 об.; Кн. 1352. Л. 237, 249 об.

¹¹ ЧОИДР. Кн. 3 (206). М., 1903. С. 58; РГАДА. Ф. 214. Кн. 438. Л. 235–235 об.

¹² ЧОИДР. Кн. 3 (206)... С. 63; РГАДА. Ф. 214. Кн. 438. Л. 251 об.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 438. Л. 236–238. Из указанных лиц Д. Дубровский вскоре будет переведён в сыны боярские.

¹⁴ Там же. Ф. 214. Кн. 716. Л. 984, 986 об., 989, 990, 992 об. и др.

¹⁵ Каменецкий И.П. Русское население... С. 120, 285–287.

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 1000–1001.

¹⁷ АИ. Т. 4. СПб., 1842. № 190. С. 460–461, 361–362.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 590. Л. 504 об.–505, 545 об.; Кн. 716. 985–994.

¹⁹ Барахович П.Н. Служилое население... С. 106–107, 409–410.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 92. Л. 111 об.

²¹ Там же. Ф. 214. Стб. 141 Л. 155 об., 168; Стб. 159. Л. 164; Кн. 210. Л. 84 об.

²² Барахович П.Н. Указ. соч. С. 106–107, 409–410.

²³ Там же.

²⁴ Покровский Н.Н. Томск, 1648–1649 гг. ... С. 346.

²⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1518. Л. 4 об.

²⁶ Там же. Ф. 214. Кн. 438. Л. 31, 94; Кн. 479. Л. 165 об.

²⁷ Люцидарская А.А. Старожилы Сибири... С. 60.

²⁸ Покровский Н.Н. Томск, 1648–1649 гг. ... С. 20–21, 35, 41.

²⁹ Каменецкий И.П. Русское население... С. 214–215, 234–244.

³⁰ Там же. С. 214–215, 234–244.

³¹ Люцидарская А.А. Старожилы Сибири... С. 58–59; Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы»... С. 119.

³² Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 118, 193, 214.

³³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 479. Л. 605 об.; Уманский А.П. Указ. соч. С. 176.

³⁴ Каменецкий И.П. Русское население... С. 74, 94, 99, 231–233.

³⁵ Соколовский И.Р. Приказчик Умревинского острога... С. 52–54.

³⁶ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 184–185.

Крымские татары в сибирской ссылке

Как уже отмечалось выше, сословно-социальная структура формирующегося нового сибирского общества в XVII в. отличалась большой этнической неоднородностью, принадлежностью её представителей к разным государствам и территориально-потестарным образованиям. Особенно сложным был состав первых сибирских гарнизонов, где при преобладании русского населения нередко встречались «белорусцы», «черкасы», выходцы из Речи Посполитой: поляки, «литва» и иные «иноземцы», а также тюркские, монгольские и другие народности.

В этом, по образному выражению историков, «сибирском плавильном котле» встречались и выходцы из Крымского ханства, правители которого, считая себя наследниками Золотой Орды, занимали зачастую враждебную политику в отношении к Московскому государству, причиняя тем самым немало забот и беспокойств русским царям в процессе укрепления южных подвижных рубежей. Но, несмотря на всю сложность и остроту отношений, частые военные столкновения и войны между враждующими сторонами, посольские связи между Крымом и Москвой практически не прерывались. Отдельные представители крымских татар нередко добровольно или вынужденно совершали «выезды» к Москве, где новые подданные, в зависимости от их прежнего статуса и заслуг, получали государеву милость, позволявшую им занимать достаточно высокие посты в системе государственного управления и служилом войске Российского государства.

Одним из наиболее известных выходцев из Крыма был сын крымского посла в России Юрий Яншеевич Сулешев. Начав свою карьеру при дворе Бориса Годунова, он принял деятельное участие во многих событиях Смутного времени, а по завершении Смуты вошёл в ближайшее окружение молодого царя Михаила Романова. После нахождения на ответственных должностях на приказах в Москве и провинции Ю. Сулешев был отправлен в почётную ссылку первым воеводой в Тобольск, являвшийся центром самого обширного разряда в Сибири и России в целом. Несмотря на короткий срок пребывания «в дальней сибирской

украине» (1623–1625 гг.), Сулешев сделал значительно больше, чем многие его предшественники. Всестороннюю, глубокую и в то же время несколько противоречивую оценку его преобразований, во многом вызванную навязанной господствующей идеологией своего времени, дал блестящий знаток российской и сибирской истории С. В. Бахрушин¹. Его выдающиеся последователи В. А. Александров и Н. Н. Покровский скорректировали выводы С. В. Бахрушина о значении сибирского воеводского правления Ю. Сулешева. Положительно оценивая результаты его реформ, учёные справедливо считали, что административная деятельность Сулешева «постепенно стала основой социальной и финансовой политики на востоке страны», определившей во многом направления дальнейшего развития сибирского региона².

Не затрагивая сущность и содержание сулешевских реформ, уже рассмотренных предшественниками, отметим лишь одно из главных его достижений на воеводстве в Сибири. Особое значение в своей административной деятельности Сулешев придавал ясачным делам и соблюдению ясачного режима, при котором служилые люди должны были действовать «не жесточью, а ласкою». В ходе проведённой им переписи ясачных «иноземцев» они были освобождены от всех недоимок за прошлые годы, также был установлен нормированный размер ясака, смягчены повинности служилым татарам и приняты другие меры.

С целью облегчения получения ясака и преодоления языкового барьера воевода-реформатор уделял немалое внимание учреждению в сибирских гарнизонах «штата» переводчиков — толмачей, которые назначались, как правило, из коренных народов или близких им по языку представителей. Так, в сентябре 1624 г. в недавно возведённый Кузнецкий острог с группой опальных «черкас» и пашенных крестьян был направлен его бывший соотечественник, крымский татарин Досачка Никитин (после крещения Савин), ставший вскоре татарским толмачом, а позднее и татарским головой. Вместе с ним был послан в конную службу его брат Нифанко Никитин, служивший ранее в Тобольске пешим казаком с окладом 5 руб.³

Сохранившиеся источники позволяют рассмотреть служебную деятельность, материальное положение, установить семейно-родственные связи выходцев из Крыма братьев Никитиных, выявить других представителей крымско-татарского

этноса и определить их место в структуре сибирского общества в ранний период его становления.

По прибытии в Кузнецк С. Никитин и его брат были определены в конные казаки с окладом 7 руб. с четью; в 1630, 1637 гг. их полный оклад составлял 7 руб. с четью, 6 четей с осминой ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли⁴.

Служба в самом отдалённом южном сибирском остроге, окружённом многочисленными «воинскими людьми», была сопряжена со многими трудностями и, прежде всего, с военной опасностью. Немногочисленному гарнизону служилых людей приходилось не только собирать ясак с подвластных им абинских и других кузнецких татар, но и отражать частые нападения на Кузнецк и подведомственную ему территорию «белых» и «чёрных» калмыков, енисейских киргизов, считавших коренное население своими вассалами — кышымами.

Особенно тяжёлыми для жителей Кузнецка были 1630-е гг., когда, по словам О.В. Боронина, многочисленные «кыргызские отряды буквально хозяйничали в ясачных волостях Кузнецкого ведомства» и служилым людям приходилось с трудом сдерживать натиск кочевников и их временных ненадёжных союзников⁵.

В 1632 г. С. Никитин был послан воеводой с отрядом служилых людей (50 человек) усмирить непокорных воинственных чоинцев, которые «повоевали» тюлюберских и баянских ясачных людей. Но поход не был во всём успешным, захватить в плен удалось лишь одного из нападавших, да и тот был отпущен. По словам воеводы Ф. Нащокина, руководитель похода «чоинцев не сыскал, а улусного мужика отпустил»⁶. Но вряд ли обвинение С. Никитина в плохом исполнении воеводского указа было справедливым и обоснованным. Как уже не раз было указано, служилые люди нередко руководствовались собственными соображениями, исходя из своего опыта общения с ясачными людьми и «воинскими людьми», а не следовали слепо исполнению воеводских наказов.

К тому же сам воевода проявил явное «нерадение» государеву делу. Служилые люди подали на него коллективную челобитную, где обвинили его в неумелом управлении, некомпетентности в военных делах и непринятии надлежащих мер безопасности при нападении на Кузнецк и его ясачные волости киргизских

людей — алтысаров в сентябре 1634 г.⁷ Алтысары сожгли хлеб и сено, увели пятерых ясачных калмыков и всех лошадей служилых людей. В связи с этими событиями С. Никитину было поручено выявить участников грабительского похода и определить нанесённый ими хозяйству кузнечан материальный ущерб⁸. Выполнение указанного поручения свидетельствует о том, что С. Никитин владел не только татарским языком, близким другим тюркским народам, но и русской грамотой.

Благодаря участию в походах, «распросным речам» служилых и ясачных людей, а также захваченным «языкам», С. Никитин быстро освоился в суровых условиях сибирского фронта. Он хорошо знал обстановку в регионе и пути, ведущие в Горный Алтай, Верхнее Приобье, Киргизскую и Мунгальскую земли. Об осведомлённости С. Никитина в «калмацких и киргизских делах» свидетельствует тот факт, что осенью 1634 г. отправленный с посольством к Алтын-хану дворянин Я. Тухачевский, остановившись в Кузнецке, получил от Никитина необходимые сведения о маршруте движения и киргизских людях, что позволило ему успешно и беспрепятственно достичь Мунгальской земли⁹.

Набеги кочевников, непрекращающиеся и в последующий период, по-видимому, отразились на судьбе его брата. В результате вероломного нападения телеутов 7 октября 1639 г. на подгородном «калмыцком торгу», возникшем у крепостных стен Кузнецка, было убито 15 человек и 15 ранено, среди погибших был, очевидно, и его брат Н. Никитин¹⁰. В отчётных списках служилых людей 1640 и 1642 гг. его имя уже не значится:

Согласно окладным книгам, в 1642 и 1643 гг. С. Никитин исполнял обязанности уже не конного казака, а городского толмача с окладом 8 руб., 8 четей ржи, 4 чети овса¹¹. В связи с ростом численности гарнизона и поверстанием в службу небольшой группы абинских татар и «выезжих белых калмыков», его статус значительно вырос. В 1652 г. грамотой из Москвы Никитин был назначен татарским головой и городовым толмачом с окладом 10 руб., 10 четвертей ржи, 10 четвертей овса, 3 пуда соли¹². Примечательно, что он и его близкие родственники служили «без пашни», т. е. с выплатой им не только денежного, но и хлебного жалования. Это объяснялось, очевидно, тем, что у коренных крымских татар занятие земледелием не являлось престижным. Кроме того, небезопасные условия хлебопашества в данном

районе не позволяли в полной мере заниматься земледелием и другим первопоселенцам Кузнецкого острога.

Отсутствие источников не позволяет определить реальное участие С. Никитина в сборе ясака, посылках в Москву и сибирские города, а также в походах кузнечких служилых людей на телеутов, енисейских киргизов и других «немирных людей», происходивших нередко в этот период. Но сам факт значительного расширения территории ясачного сбора, поступления в казну большого объёма кузнечкого соболя (в 1640 г. он составил 3797 единиц и был наибольшим в Западной Сибири)¹³ может свидетельствовать и об его немалом вкладе в учинение «государевой прибыли».

Его имя отсутствует в мирских жалобах на воевод и других начальных людей. Не отмечено и его участие в социальных волнениях, происходивших в Кузнецке в 1642, 1648, 1653 гг., что может свидетельствовать как об отсутствии у крымского выходца должностных злоупотреблений, так и о лояльности к властям и относительной стабильности его материального положения. Исключением является лишь участие С. Никитина в челобитной на имя царя, поданной начальными людьми Кузнецка 3 октября 1659 г. в связи с невыплатой служилым людям денежного и хлебного жалования на 1559/1660 г. и недоплате жалования за прошлые годы, что для удалённого от разрядных центров и пашенных районов Кузнецка было нередкой практикой¹⁴.

Последнее упоминание о С. Никитине относится к 1662 г. Он указан как татарский голова в Кузнецком остроге, взявший в Томске у приказчика гостя В.Г. Шорина в долг 100 руб. медных денег, а за них «по уговорной цене» обязался отдать «3 сорока 14 соболей кузнечких добрых, рослых, в козках»¹⁵. Этот факт может свидетельствовать о совершаемых им значительных торговых операциях с пушниной, но отсутствие таможенных книг за этот период не позволяет установить подлинные масштабы и объёмы осуществлённых им торговых сделок.

Его сыновья — Евтифей, Иван и Яков Савиновы — во многом продолжили службу своего отца. Евтифей упоминается впервые в окладных книгах 1660 и 1662 гг. как конный казак, с окладом 7 руб. с четью, 6 четей с осминой ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли; служил без пашни¹⁶. Как и его отец, он владел грамотой, что, несомненно, способствовало повышению его военного и соци-

ального статуса. В 1673 г. он был повёрстан в Москве «за службу отца» в сыны боярские с окладом 9 руб., 9 четей ржи, 9 четей овса, 3 пуда соли¹⁷. Как было уже указано, жалование служилым людям в Сибири выплачивалось нередко с перебоями и не в полном объёме; известно, что, находясь в посылке в Москве, он получил недоплату за многие годы¹⁸.

Сведений о его служебных делах сохранилось немного. 20 ноября 1673 г. Е. Савинов выступил в роли понятого при обыске у пашенных крестьян Куземки, Обросимки, Терешки Горбуновых, укравших с В. Пантелеевым товары у приезжего бухарского купца. В результате проведённых активных поисков три сумы китаек были найдены спрятанными в сене во дворе А. Горбунова, остальной товар обнаружили в разных местах¹⁹.

В 1678 г. Е. Савинов совершал с отрядом служилых людей рейды по ясачным волостям; 13 марта пришёл из Кондомской волости, 7 апреля из Таганской²⁰. В 1681 г., согласно проведённому «разбору» служилых людей, Евтифей нёс службу в Кузнецком остроге в прежнем чине и окладе²¹.

Его брат Иван Савинов унаследовал от отца должность городского толмача. Первое известие о нём относится к 1666 г.; в книге винной выдачи Кузнецка он указан как толмач, получивший три чарки вина²². В окладных книгах 1673, 1681 гг. его имя значится среди начальных лиц с окладом 10 руб., 10 четей ржи, 10 четей овса, 3 пуда соли²³.

В источниках сохранились отдельные сведения об исполнении им своих должностных обязанностей. В июне (после 3 июня) 1673 г. он участвовал в походе атамана Ивана Бедаря на телеутов (белых калмыков) князца Табуна, совершивших «воровски тайно» набег на русские деревни Кузнецкого уезда. В результате этого дерзкого нашествия была сожжена в избе семья казака Тихонова, сожжена деревня казака Шебалина, убиты трое ясачных людей, угнан скот.

Но и нападавшие кочевники не ушли от справедливого возмездия. Настигнув телеутов в верховьях р. Чумыш, кузнецкие ратники вступили с ними в переговоры. По словам служилых людей, Иван Савинов пытался «миром звать непослушников» в русское подданство и в обеспечение верности потребовал выдать заложников — аманатов. Но «калмаки того разговору не послушали», открыли стрельбу и ранили атамана Бедаря

«в щоку». В результате сражения телеуты были разгромлены и обращены в бегство. Посланный за ними отряд И. Савинова настиг «воровских калмаков» на четвёртый день на р. Горевой, где они вновь потерпели поражение²⁴.

Документальных свидетельств о третьем сыне основателя кузнецкой династии С. Никитина Якове Савинове сохранилось также немного. Он, как и его родственники, участвовал в борьбе с воинственными енисейскими киргизами. Будучи конным казаком, в сентябре 1674 г. был послан в погоню за киргизами, грабившими ясачных людей Кузнецкого уезда²⁵. Он также владел языками тюркских народов. В 1688 г. Яков значился в кузнецком гарнизоне городовым толмачом; 3 октября вместе с сыном боярским А. Буяновским в этом качестве был послан «в киргизы» в Мрасские волости²⁶.

Выходцы из Крыма отмечены в источниках и в других сибирских городах. 15 января 1656 г. верхотурский воевода Л. Т. Измайлов сообщил о присылке из Казани по государеву указу большой партии ссыльных «литовских людей и татар», взятых «во языцех» (в плен). Ссыльных людей предписано было верстать в пешую службу в Тару, Тюмень и Сургут. Среди них были крымские «татаровя» Алексей Арослонов, Булатко Детямиров, Меглибей Исколев, которым было указано служить в Томске²⁷. Названные лица отмечены при «разборе» служилых людей в Томске в 1681 г. как пешие казаки, состоящие в десятке Кондратия Фёдорова с окладом 4 руб. с четью, 5 четей ржи, 4 чети овса, 1,5 пуда соли²⁸.

Таким образом, оказавшиеся разными путями и судьбами в Сибири, крымские татары, как и другие сосланные и повёрстаные в русскую службу «иноземцы», успешно интегрировались в новую полиэтническую и природную среду и стали составной частью формирующегося сибирского социума. Вместе с другими служилыми людьми они внесли свою лепту в процесс начального освоения и заселения Сибири.

¹ Бахрушин С. В. Указ. соч. Т. 3. Часть первая. С. 265–273, 288.

² Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество... С. 204–205.

³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 458. Л. 4.

⁴ Там же. Ф. 214. Кн. 70. Л. 135.

⁵ Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири... С. 60.

⁶ Добжанский В. Н. Новые документы о приходе киргизов под Кузнецкий острог

Воеводы Кузнецка

осенью 1633 г. // Из кузнецкой старины. Вып. 7. Новокузнецк, 2017. С. 157.

⁷ Вершинин В.Е. Воеводское управление... С. 58, 62.

⁸ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. № 320. С. 477.

⁹ Русско-монгольские отношения. 1607–1636... С. 217.

¹⁰ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 63.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 153. Л. 177; Кн. 189. Л. 70.

¹² Там же. Ф. 214. Кн. 415. Л. 2 об.

¹³ Павлов П.Н. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40–70-е гг. XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири в XVII–XIX вв. Новосибирск, 1974. С. 31.

¹⁴ Добжанский В.Н. Кузнецкий острог и его население в XVII в. ... С. 140–141.

¹⁵ Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. С. 143.

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Кн. 415. Л. 5 об.; Кн. 438. Л. 233 об.

¹⁷ Там же. Ф. 214. Кн. 590. Л. 505, 508 об., 546.

¹⁸ Сорокин М.Е. Кузнецк и Кузнецкий уезд в в XVII в. // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Новокузнецк, 1971. С. 30.

¹⁹ Первое столетие освоения Сибири русскими... С. 19, 23–25, 27, 28.

²⁰ ДАИ. Т. 8. СПб., 1862. С. 42.

²¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 996.

²² Там же. Ф. 214. Кн. 415. Л. 600 об.

²³ Там же. Ф. 214. Кн. 590. Л. 545–590; Кн. 622. Л. 81.

²⁴ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 121; Уманский А.П. Причумышь в русских документах XVII столетия / Нижнее Причумышь. Очерки истории и культуры: мат. краевой науч.-практ. и метод. конф. Тальменка, 1997. С. 50–51.

²⁵ ДАИ. Т. 6. СПб., 1857. С. 314. № 93.

²⁶ Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А.Е. Указ. соч. С. 194.

²⁷ Белокуров С.А. Юрий Крижанич в Сибири... С. 58.

²⁸ Томск в XVII в.: Материалы для истории города... С. 112.

Вопрос о месте и роли сибирских воевод в системе административного управления Азиатской России уже не раз привлекал исследователей. Наиболее полно проблема возникновения и организации воеводской власти, её функционирования и взаимодействия с сибирским обществом нашли отражение в фундаментальных исследованиях С.В. Бахрушина, В.А. Александрова и Н.Н. Покровского; состав и компетенции сибирских воевод в конце XVII–XVIII вв. рассмотрены в работах Е.В. Вершинина, М.О. Акишина, Д.В. Ананьева. Но вне поля зрения исследователей по-прежнему остаётся изучение состава, происхождения и служебной деятельности воевод отдельных фронтальных крепостей-острогов: Кузнецка, Красноярска, Нерчинска и других форпостов, отдалённых от основных баз русской колонизации, постоянно подвергавшихся военным угрозам и вызовам со стороны воинственных автохтонов. Выяснение состава, социального происхождения и административной практики кузнецких воевод и определение их места в системе военно-административного управления Южной Сибири позволит частично решить поставленную задачу.

Основание Кузнецкого острога в 1618 г. было связано с томским сыном боярским Остафием Харламовым. Руководимый им отряд служилых людей летом 1618 г. заложил в устье р. Кондомы в предгорьях Алтая самый южный в Сибири форпост, ставший важным центром русской колонизации¹.

Первыми воеводами Кузнецкого острога были Тимофей Степанович Бобарыкин, который доводился племянником томскому воеводе Ф.В. Бобарыкину, и сын боярский Осип Герасимович Аничков. Они представляли интересы томской администрации, на которую была возложена забота о защите и устройстве нового острога. Сведения об их прежней службе весьма ограничены. Т.С. Бобарыкин принадлежал к старинному разветвлённому дворянскому роду, ведущему своё начало со времён Ивана III. В XVII в. фамилию Бобарыкиных носили несколько сибирских воевод: Тимофей Васильевич Бобарыкин (Боборыкин), который

с 1627 г. служил в Мангазее; Фёдор Васильевич Боборыкин, служивший в 1613–1616 гг. в Тюмени, а в 1616–1620 гг. — в Томске. Его помощник О.Г. Аничков в 1641–1644 г. был воеводой в Енисейске, где умер 8 сентября 1644 г.²

В годы их правления (1620–1623) был осуществлён перенос Кузнецкого острога на новое место летом 1620 г. и начался процесс присоединения и интеграции различных народностей Северного Алтая в состав Русского государства.

Положение Кузнецкого острога в первые годы его существования было весьма неустойчивым, а административный статус воевод, подчинённых Томску, — весьма ограниченным. Томские правители, не имеющие достаточных ресурсов для поддержания нового опорного пункта, выдвинутого далеко на юг, в предгорья Алтая, отводили ему лишь подчинённую, второстепенную роль. Это открыто проявилось в нежелании служилых людей осуществлять перенос острога на новое место и в стремлении томских воевод контролировать деятельность Т. Бобарыкина и его советника. Лишь твёрдая установка Москвы позволила сохранить за Кузнецком статус самостоятельного форпоста с ограниченными при этом полномочиями.

Несмотря на все трудности проживания в незнакомом, тревожном крае, воевода и его помощник сумели отстоять определённую независимость от Томска и начали обустроить жизнь первых поселенцев. Наряду с «острожным строением» — острогом с двумя «глухими» и одной воротной рублеными башнями, в Кузнецке были возведены дом воеводы, дворы служилых людей, началось строительство деревянного храма, получившего название Спасо-Преображенской церкви. Воевода и его подчинённые сумели отразить нападение «киргизских людей» на местных абинских татар, совершить походы в «новые земли», собрать ясак и первые сведения о коренном населении.

Новый воевода Евдоким Иванович Баскаков также происходил из старинного дворянского рода, представители которого были воеводами, стольниками, стряпчими и московскими дворянами. В XVII в. четверо Баскаковых несли службу в Сибири в качестве воевод небольших городов-острогов: Иван Алексеич в 1623–1625 гг. — в Кетске, Евдоким Иванович в 1623–1625 гг. — в Кузнецке, в 1633–1635 гг. — в Пельме; его сын Фёдор Евдокимович в 1651–1655 гг. — в Кузнецке; Елевферий (Алферий) Петрович

в 1640–1644 гг. — в Красноярске, а в 1652–1654 гг. — в Нарыме, где и умер; Станислав Ульянович Баскаков в 1639–1643 гг. был письменным головой в Тобольске. До назначения в Кузнецк Евдоким Баскаков уже имел административный опыт, его помещный оклад с придачей за «можайскую службу» в 1617/1618 г. составлял 1000 четвертей, денежный — 49 руб.³ В отличие от своих предшественников, Евдоким Баскаков был наделён более широкими властными полномочиями, что позволяло ему проводить более самостоятельную политику в отношении Томска. В период его воеводства начался активный процесс закрепления Верхнего Притомья за Русским государством и его первичного хозяйственного освоения. Несмотря на короткий срок управления, Е. Баскакову удалось сделать немало. С учётом военной опасности служилыми людьми был значительно укреплен новый форпост путём удлинения крепостной стены, возведения новой «боин»-башни, ворот, земляного вала, что позволило увеличить острожные укрепления, по его словам, «вчетверо»⁴. Очевидно, в это же время завершилось строительство Спасо-Преображенской церкви. Для её оснащения в 1623 г. воеводой были направлены в Тобольск к митрополиту Киприану казаки В. Аверкиев и Ф. Филипов. Получив от него благословение и грамоту, они прибыли в Москву, где по указанию патриарха Филарета получили необходимые церковные принадлежности⁵.

По государеву наказу воеводой были сделаны также первые шаги в заведении «государевой пашни» и пашни служилых людей, которые вскоре возникли в «елани» в непосредственной близости острога. Для их защиты «от киргизских и всяких воинских людей» был возведён «малый» острожек с конным караулом. Большую заботу воевода проявлял о пополнении служилого и крестьянского населения острога, обращаясь по этому поводу с неоднократными просьбами к разрядным властям. Ему удалось добиться присылки из Тобольска в 1624/1625 г. 40 гулящих и 21 «ссылных черкас», которые были повёрстаны в пешую и конную казачью службу⁶.

При Е. Баскакове началось активное объясачивание не только кузнецких «татар», но и их многочисленных соседей, что обострило отношения с телеутским князем Абаком, считавшим коренное население своими данниками. В 1623–1625 гг. кузнецкие служилые люди были посланы в «новые окольные

землицы»: Телесскую, Щелканскую, Сагайскую, Кумандинскую волости, Бачектаев улус. С этих «землиц» собрали 3 сорока 34 соболя, 4 недособоля, 3 лисицы; всего, по отписке воеводы, было «прибрано» в ясак 550 человек⁷. Тем самым, было положено начало подчинению России Северного Алтая и Верхнего Приобья, населённого многочисленными алтайскими и тюркскими народностями, с которыми русские были ещё мало знакомы.

Достиженные успехи сопровождались большими трудностями и тяготами, переживаемыми русскими колонистами, многие из которых оказались не по своей воле в малочисленном, отдалённом и окружённом «немирными людьми» остроге. 8 июля 1622 г. произошло очередное нападение «киргизских людей» на Абинскую волость, жители которой первыми признали власть русского царя и платили ему ясак. В июне 1624 г. калмыки напали на Кузнецкий острог и, не сумев взять его, отогнали 13 лошадей⁸.

Военная опасность и материальная необеспеченность первых поселенцев создавали серьёзную угрозу их жизни и существованию самого острога. В 1625 г. воеводе Е. Баскакову стало известно, что «для скудости и что места новые» служилые люди «меж собой советуются, хотят Кузнецкий острог, покинув, бежать». По свидетельству воеводы, содержащемуся в его отписке в Москву, побегу были предотвращены лишь благодаря его влиянию и поддержке: «и я, холоп твой, уговаривал, чтоб твоему государеву делу нарушение не учинилась, и с ними последним своим запасешком делился»⁹.

Служебная деятельность Е. Баскакова не была обойдена вниманием правительства, оценившего его заслуги. Наградным указом от 1 сентября 1627 г. он был пожалован «ковшом серебряным весом в две гривенки, 10 аршинами камки куфтери лазоревой и 40 собольми в 50 рубли». В указе были перечислены все достижения и результаты его административной практики: «за его службу и за прибыль, что он им государям служил, посылал из Кузнецкого острогу государевых служилых людей и татар в новые землицы приводить под государеву царёву высокую руку, и те служилые люди и татарове новых землиц Кузенский городок приступом взяли, и в полон поимали, и их землицы под государеву руку с них вновь взяли. Да Овдоким же в Кузнецком остроге в государю челом ударил своей распашной

земли 14 десятин да сверх той распашной земли засеяной земли рожью 5 десятин». По подсчётам историка Газенвинкеля К. Б., такой наградой были удостоены далеко не все сибирские «послужники». За период с 1613 по 1634 г. из более чем 180 воевод, сменившихся в Сибири, только 7 были пожалованы царской наградой¹⁰. Примечательно, что Е. Баскаков, как и многие сибирские администраторы, во время несения государевой службы не забывал и о своей личной «корысти». В 1635 г., когда он был воеводой в Пелыме, на него заявил «государево дело» верхотурский посадский человек Василий Ворошилов, обвинивший воеводу в незаконном обмене «русских товаров» на ценную пушнину у ясачных людей и подмене хороших мехов, предназначенных для сдачи в казну, плохими¹¹.

Третий воевода Кузнецка Фёдор Иванович Голенищев-Кутузов Меньшой также принадлежал к одной из ветвей древнего дворянского рода. До назначения в Кузнецк был воеводой в Сургуте в 1620–1623 гг., после сибирской службы воеводствовал в Галиче и Валуйках. Возможно, его родственник Иван Фёдорович Голенищев-Кутузов Большой был воеводой в Якутске в 1660–1666 гг.¹²

В годы правления Ф. Голенищева-Кутузова (1625–1627) административное положение Кузнецка окончательно упрочилось. Новым указом острог приобрёл статус самостоятельного форпоста с присущими многим сибирским городам административными функциями. Местные воеводы становились фактически не зависимыми от Томска, им было предписано отчитываться по текущим делам перед Тобольском, а «о больших делах» писать в Москву. Вскоре острог получил и надлежащие правовые атрибуты власти: «Печать Кузнецкова города», служившую одновременно и гербом, на котором первоначально был изображён волк. Но с образованием Томского разряда в 1629 г. воеводы Кузнецка утратили часть своих «суверенных» прав. Сохраняя за собой внутреннее управление подведомственной территорией, кузнецкие наместники вынуждены были согласовывать выполнение ряда важных функций с Томском, особенно в решении судебных и внешнеполитических дел, что порождало немалое недовольство как воевод, так и всего населения уезда.

Административный аппарат первых воевод в ранний период существования острога был невелик, он состоял из небольшого

гарнизона, съезжей избы с подъячим, таможни и тюрьмы. В отличие от разрядных центров, Кузнецк, в силу своего малолюдства и удалённости от основных сибирских городов-факторий, долгое время не располагал необходимой социально-бытовой «инфраструктурой». Здесь не было казённых бань, гостиного, кружечного и постоялого дворов и других атрибутов городской жизни, которые бы делали жизнь поселенцев более насыщенной и разнообразной. Основное содержание деятельности воевод и его гарнизона было направлено на оборону и освоение новых русских владений, сбор ясака с небольшой, но самой заселённой территории Сибири, окружённой различными немирными «землицами».

Несмотря на трудные условия существования: военную угрозу, малочисленность гарнизона и отсутствие значительной помощи из Томска, Ф. Голенищев-Кутузов предпринимал энергичные меры по усилению русского влияния в Кузнецком Притомье. При нём были значительно расширены ясачные владения, которые простёрлись не только на верховья р. Кондомы и Мрассу, но и на междуречье Бии и Чумыша. В сфере его ясачных интересов оказались отдалённые Тубинская, Качинская и даже часть Киргизской «землицы», куда были направлены небольшие группы служилых землепроходцев. Но их дальнейшее проникновение на восток, к верховьям Енисея, было остановлено встречным наступательным движением западно-монгольских правителей, с которыми, по верному замечанию С. В. Бахрушина, «приходилось делить добычу и часто удовлетворяться лишь номинальным и временным подчинением “порубежных землиц”»¹³. Серьёзным препятствием на пути продвижения русских в других направлениях стали также правители потестарных образований: Телеутской, Кан-Каракольской, Киргизской «землицы» и образовавшегося вскоре сильного Джунгарского ханства. Поэтому первым кузнецким воеводам приходилось поначалу довольствоваться сбором ясака на территории проживания кузнецких татар, ограниченной междуречьем р. Мрассу и Кондомы.

При Ф. Голенищеве-Кутузове были предприняты очередные шаги по увеличению кузнецкой пашни. В 1626 г. в Кузнецк прибыли 13 семей пашенных крестьян, сосланных за убийство приказчика Ницынской слободы С. Молчанова, которые были определены воеводой в государеву пашню, возникшую рядом с пашней служилых людей¹⁴.

Наряду со сбором ясака и заведением пашни правительство проявляло большой интерес к разработке местной железной руды, о высоком качестве которой в Москве было известно ещё до строительства Томска. Осенью 1622 г. столичная власть указала воеводе Е. Баскакову наладить в «кузнецкой вершине» производство железа и оружия. Чтобы ускорить процесс их изготовления, Москва предписала взимать у ясачных людей вместо мехов кричное железо и переделывать его в отсучи и полосы. В 1624 г. для переработки кричного железа в Кузнецке была построена большая государева кузница, целью которой было обеспечение сибирских городов железом и необходимыми изделиями, в которых остро нуждались русские поселенцы.

При воеводе Голенищеве-Кутузове и его преемниках кузнецкое железо стало поставляться в небольших объёмах в Томск, Тобольск и даже в Москву¹⁵. Но попытка наладить местное железоделательное производство в промышленном масштабе не увенчалась успехом. Открытие более дешёвых и доступных месторождений на Урале побудило Москву отказаться от дальнейшей разработки кузнецкой железной руды, продукты которой стали использоваться лишь для удовлетворения потребностей местного населения.

Сменивший Ф. Голенищева-Кутузова Савва Александрович Языков (1627–1629) происходил из смоленских дворян. В годы Смуты он отличился в борьбе с поляками, за что ему в 1616 г. было пожаловано 40 куниц, камка и чарка¹⁶. При нём было завершено строительство Спасо-Преображенской церкви, в возведении и оснащении её большое участие принимали служилые люди. В своей челобитной на имя царя в 1628 г. последние сообщали о сборе ими средств на приобретение колокола и просили воеводу предоставить подводы для его доставки. В этом же году группа ссыльных литвин жаловалась воеводе на нежелание местного священника И. Иванова крестить их в православную веру. По этому поводу С. Языков вынужден был даже обратиться к царю. Ответ последовал незамедлительно: «иноземцев, которые хотят креститься... велели их по их челобитью крестить, и за их крещение велели дати по государеву указу, как давано за крещение иным, таким же иноземцам»¹⁷.

В правление С. Языкова был совершён побег «на Русь» группой «присыльных опальных черкас», служилых людей и пашен-

ных крестьян (17 человек). Организованная воеводой С. Языковым погоня оказалась безуспешной. Боясь ответственности, в своей отписке в Москву воевода уменьшил число беглецов, за что получил строгое предупреждение: «и толко учнёт так жить вперёд, и он и головы своей не унесёт». Беглецы всё же были схвачены томскими служилыми за Нарымом и возвращены в Кузнецк, но угроза новых побегов сохранялась и в последующие годы¹⁸.

Новый кузнецкий воевода князь Иван Михайлович Волконский (1629–1631) принадлежал к старинному княжескому роду. Его отец Волконский-Жмурка Михаил Петрович начинал свою службу в 1594 г. первым головой в Тобольске, где служил до декабря 1597 г., затем был воеводой в нескольких южнорусских городах. Он также приходился родственником руководителю костромского ополчения в 1612 г. Фёдору Ивановичу Волконскому. По-видимому, другим родственником И. Волконского был князь Волконский Лев Михайлович, бывший в 1625–1627 гг. воеводой в Берёзове¹⁹.

Воеводе И. Волконскому пришлось действовать в условиях «шатости великой» и «измены» подвластного ясачного населения, отказавшегося платить дань русскому царю. «Шатость» была вызвана сильным противодействием русским властям телеутского князя Абака и восстанием барабинских татар в 1628–1630 гг. В связи с возникшей угрозой новых нападений воевода вынужден был «жить с великим береженьем», просить прибавку у тобольских воевод служилых людей и вновь приводить отпавшие волости в русское подданство.

Последующие воеводы князь Фёдор Иванович Нащокин (1631–1633), Фёдор Иванович Хоненев (1633–1635) и Григорий Яковлевич Кушелёв (1635–1639) также относились к представителям старых дворянских родов, тесно связанных своей службой не только с Центральной Россией, но и с Сибирью. Так, очевидно, родственник Ф. Нащокина, Борис Иванович Нащокин в 1608–1612 гг. был вторым воеводой в Тобольске. Другой Нащокин — стольник Никифор Осипович Нащокин — был воеводой в Томске в 1652–1656 гг., его племянник Нащокин Семён Владимирович в 1655–1656 г. управлял Нарымом²⁰.

Новым воеводам пришлось не только вновь приводить коренное население «под высокую государеву руку», собирать

«не сполна» ясак, но и отражать почти ежегодные нападения телеутских и киргизских князцов на Кузнецкий острог и его окрестности. Особенно тяжёлым для кузнечан был набег киргизских алтысаров 16 сентября 1633 г. В результате его были угнаны все лошади у служилых людей, сожжены хлеб и сено. Чтобы восполнить свои потери, служилые люди вынуждены были покупать в Томске лошадей и хлеб «дорогой ценой»²¹. Очевидно, также, что воевода Ф. Нащокин во время нашествия кочевников оказался не на высоте и допустил ряд оплошностей. Им не были приняты надлежащие меры по организации обороны и отпора кочевникам, а также своевременному завозу хлеба из Томска, в связи с чем служилые люди подали на воеводу коллективную челобитную об его «нераденье». При возвращении на «Русь» Ф. Нащокин также подвергся оскорблениям со стороны воеводы Томского разряда князя Н. И. Егупова-Черкасского. Последний, несмотря на предъявленную грамоту, разрешавшую Нащокину выезд в Москву, не хотел давать ему лошадей и, по его словам, «тое грамоту кинул под стол, а его Фёдора велел выбить из избы в шею»²².

Эпизод с нераденьем воеводы и другие последующие события незримо показывают, что воеводская власть в Кузнецке, как и в других сибирских городах, не была безраздельной и всемогущей. С самого начала своего правления воеводы-«временщики» вынуждены были считаться с существованием и большим влиянием в Кузнецке «второй власти» — служилого мира, или «войска». Отстаивая интересы всего кузнецкого общества, войско оказывало большое давление на воевод и челобитными на имя царя и разрядных воевод зачастую добивалось своих целей. Начиная с 1630-х гг. особую активность и настойчивость кузнецкий служилый мир проявлял в решении вопросов судебного производства, военных делах и даже в служебных назначениях. Так, в своей заручной мирской челобитной от всего гарнизона, датированной 1634/1635 г., служилые люди добивались организации суда и производства в самом Кузнецке, а не в Томске. Мотивируя свою просьбу, челобитчики указывали, что «во всяя годы» в Томске бывает по 20–30 человек по судебным делам и взимают с них по «зазывным грамотам» по 5 рублей, а во всяких рассылках бывает ежегодно по 60 человек, что создаёт угрозу безопасности Кузнецку и его жителям²³.

Часто сменявшие друг друга воеводы, оказавшись в незнакомой обстановке, вынуждены были учитывать реальность угроз, исходящих от кочевников, и считаться с мнением служилого мира, более сведущего в военных делах и в вопросах, связанных с обеспечением безопасности населения. Так, внезапное нападение князя Ишея на Кузнецк 17 сентября 1636 г., несмотря на успешное отражение врага, наглядно показало слабые места в обороне города: малочисленность гарнизона и недостаток огнестрельного «наряда». Это породило новую мирскую челобитную, поддержанную самим воеводой Г. Кушелёвым. В ней воевода и служилые люди просили царя о перевооружении кузнецкого гарнизона более совершенным оружием и его пополнении служилыми людьми. Правительство, учитывая сложную военную ситуацию в крае, вынуждено было удовлетворить их просьбу. По срочному распоряжению Сибирского и Оружейного приказов в Зяузской слободе были изготовлены и направлены в Кузнецк 63 ручные пищали, 50 карабинов и колокол «для сполошного времени»²⁴.

Наряду с новым вооружением по просьбе воеводы в Кузнецк были направлены в казачью службу 13 «белгородских изменников» с семьями и группа томских казаков, сосланных в Кузнецк за участие в побеге на «Русь» в 1639 г.²⁵ Кроме того, в 1641 г. были присланы в конные казаки 13 черкас, прибывших с семьями, и поляк Янко Шварц. В следующем году были повёрстаны в конную службу московские «воровские» стрельцы²⁶. Наряду с естественным приростом это позволило довести численность гарнизона до 146 человек и несколько увеличить население Кузнецка. Но и этих сил было недостаточно, чтобы вести активную борьбу с мобильными, хорошо вооружёнными отрядами кочевников, использующих широкий арсенал средств в остром противостоянии с русскими колонистами. Это наглядно проявилось 7 октября 1639 г., когда телеутский князец Мачик под предлогом торговли прибыл в предместье Кузнецка. Не подозревая об обмане, жители вышли из ворот на подгородный «калмыцкий торг» — традиционное место обмена товаров. В разгар торговли «воровские заводные люди» Мачика «начали кузнецких служилых людей и кузнецких татар на торговище побивать». В результате вероломного нападения 15 человек были убиты и 15 ранены. Захватив русские товары

и другой «погромный полон», телеуты поспешно ушли в верховья Оби²⁷.

Не имея возможности силовым путём предотвратить нападения кочевников, кузнецкие и томские воеводы предпочитали зачастую использовать превентивную оборонительную тактику: вели постоянную разведку, осуществляли активную дипломатическую деятельность с правителями Джунгарии, государством Алтын-хана, енисейскими киргизами и телеутскими князьями, привлекая их на русскую сторону различными подарками, «посулами» и призывами служить великому государю. Умело, сочетая политику «кнута и пряника», используя противоречия и конфликты между кочевыми правителями, недовольство коренного населения многоданничеством, они последовательно и неуклонно осуществляли свою главную задачу — сбор ясака с подвластного населения путём устранения конкурентов и расширения сфер своего влияния.

Сведений о последующем воеводе Кузнецка Дементии Васильевиче Кафтыреве (1639–1643) сохранилось немного. В 1633 г. он упоминается воеводой Кольского уезда, позднее в качестве московского дворянина находился на дипломатической службе, был приставом у турецкого посла. Его возможный родственник Никита Васильевич Кафтырев был воеводой в Туринске в 1639–1640 гг., где основал новые слободы на р. Нице; затем судьёй Владимирского приказа, участвовал в войне с Польшей. Другой представитель этой фамилии — Кафтырев Андрей Васильевич — был воеводой в Тюмени в 1659–1661 гг.²⁸

Д. Кафтырев являлся, очевидно, сторонником более жёстких мер и решительных действий в отношении «немирных людей», которые не всегда согласовывал с указаниями вышестоящих рядных воевод. В годы его пребывания в Кузнецке были достигнуты новые успехи в объясачивании коренного населения. При нём были вновь подчинены автохтоны верховий Бии и Катуня и предприняты новые попытки закрепиться в Горном Алтае. Летом 1641 г. кузнецкие служилые люди (50 человек) под началом К. Володимерова в составе большой военной экспедиции Я. Тухачевского совершили дальний поход «в киргизы». Отряду удалось одержать победу над войском князя Ишея на р. Уйбат, но вскоре он был окружён превосходящими силами противника и вынужден был пробиваться назад через многочисленные заслоны

врагов. Несмотря на потери и возникшую в войске «смуту», где «пушиными ворами», по словам его предводителя, были кузнецкие казаки, поход завершился строительством в Киргизской степи нового опорного пункта — Ачинского острога²⁹.

Невзирая на запрет томских воевод самостоятельно воевать с сильными правителями потестарных образований, Д. Кафтырев организовал зимой 1643 г. под началом атамана П. Дорофеева и пятидесятника К. Володимерова поход в отдалённые бийские волости, в котором был задействован почти весь военный состав гарнизона: 93 конных казака и 15 подгородных татар. Посланные воеводой служилые люди повоевали жителей Керсагальской волости, часть которых участвовала в вероломном нападении на «калмацком торгу» в 1639 г., взяли с них ясак, аманатов и «погромный полон». Другой отряд под началом Ш. Яковлева собрал ясак с «захребетных» усленских и салунских людей, «погromил» мундуских, тоттошских, кезегецких людей, плативших ясак «белым» и «чёрным» калмыкам³⁰. Активные действия воеводы вызвали недовольство джунгарского контайши, считавшего их своими подданными, которое отразилось в жалобе русскому царю и угрозе «воевать» сибирские города. Но московские власти, направив в ставку контайше посольство стрелецкого сотника В. Клепикова, сумели дезавуировать его претензии и традиционными подарками и «посулами» снять остроту отношений³¹.

Благодаря неустанным усилиям кузнецких воевод, постоянным походам служилых людей в подвластные волости ясачный сбор в 1640 г. составил 3885 соболей и был наивысшим в Западной Сибири³². Наряду с достижениями в ясачном пушном сборе определённые успехи были достигнуты в земледелии. При Д. Кафтыреве значительная часть ратных людей была занята земледелием, служила с пашни и обеспечивала себя полностью или частично собственным хлебом, небольшое количество которого поставлялось на томский рынок.

В 1643 г. новым воеводой был назначен Афанасий Иванович Зубов, происходивший, очевидно, из смоленских дворян. Представители этого многочисленного служилого клана имели значительный опыт управления сибирскими «вотчинами». Родоначальник династии Зубов Иван Игнатьевич в 1606–1608 гг. был головой и воеводой в Берёзове, затем стольником при дворе Михаила Фёдоровича, имел четырёх сыновей: Дмитрий Ива-

нович Старший был воеводой на Верхотурье в 1679–1680 гг., Дмитрий Иванович Младший был убит при осаде Смоленска в 1634 г., третий сын Илья Иванович служил воеводой в Берёзове в 1625–1627 гг., затем в Астрахани, стольником при дворе. Сыновья Дмитрия Ивановича Младшего также несли административную и ратную службу: Иван Дмитриевич в 1677–1679 гг. был воеводой в Илимске, Клементий Дмитриевич был убит в сражении при Конотопе в 1659 г. Сам Афанасий Иванович до назначения в кузнецкую службу был воеводой в Туринске (1629–1631). Его сын Зубов Борис Афанасьевич был воеводой в 1659–1664 гг. в Берёзове, в 1668 г. служил стряпчим, в 1679 г. — стольником; внук Зубов Михаил Борисович в 1710–1711 гг. был воеводой в Кузнецке. Зубов Степан Афанасьевич в 1658 г. был стольником, в 1649 г. — стряпчим, а в 1665–1667 гг. служил воеводой в Вологде³³.

Правление Афанасия Зубова (1643–1648) было отмечено новым периодом обострения отношений между телеутскими правителями и русскими наместниками за право монопольной эксплуатации ясачного населения и эксплуатации богатых промысловых угодий Северного и Горного Алтая. В ответ на убийство «телескими людьми» кузнецких сборщиков ясака во главе с авторитетным пятидесятником К. Володимеровым воевода А. Зубов под давлением служилого мира направил в их волости два отряда под командованием своего сына Бориса Зубова и пятидесятника А. Иванова. В ходе военной операции «телесцы» были разбиты, а их предводитель Айдар с женой были пленены³⁴. Самовольный поход служилых людей на Телецкое озеро вновь ухудшил русско-телеутские отношения, что вызвало большое недовольство томских воевод, но его необходимость была признана Москвой. Спустя семь лет, будучи уже стряпчим, Б. Зубов был даже пожалован за этот успешный рейд³⁵.

Как уже хорошо известно, сибирские воеводы зачастую рассматривали свою службу как средство обогащения и допускали в своей административной практике немало крупных злоупотреблений, вскрываемых мирскими челобитными и сопровождавшихся, как правило, повальными сысками, в которые вовлекалось всё взрослое население. Кузнецкие воеводы не были исключением из этого ряда. Во время правления А. Зубова на него дважды объявлял «государево дело» ссыльный «литвин»

Григорий Плещеев-Подрез, обвиняя воеводу во взяточничестве, пьянстве, утайке ясачного меха и других прегрешениях. Однако сам обвинитель уже прославился в сибирских городах скандальностью, кипучей энергией и авантюризмом, за что и оказался в Кузнецке, где занимался незаконным кормчеством, устраивал различные «заводы» и оказывал сопротивление властям. Воевода, опираясь на поддержку служилого мира, с помощью заручной челобитной жителей Кузнецка сумел добиться выдворения Г. Плещеева-Подреза в Томск, где воеводы, уже зная о его неблагоприятных делах, отправили обличителя-скандалиста в Енисейск, а оттуда в Якутск³⁶.

Воевода Афанасий Филиппович Сытин (1648–1650), очевидно, был сторонником ненасильственных действий и взаимных уступок в отношениях с кочевым миром. Он неоднократно пытался разрешить вопрос о спорных ясачных людях с телеутским князем К. Абаковым мирным путём. С этой целью к нему было направлено два посольства, возглавляемые Ш. Яковлевым, И. Ивановым, И. Усом. Но, несмотря на то, что князец признал власть русского царя и даже позднее присягнул ему на верность, его люди продолжали собирать ясак в русских владениях и создавали угрозу самому Кузнецку³⁷. Чтобы предотвратить внезапность нападений кочевников на Кузнецк с юга, на правом берегу Томи, ниже по течению, был возведён Христорождественский мужской монастырь и основано село Ильинское. Новые укрепленные пункты стали важными сторожевыми форпостами на подступах к острогу и не раз первыми принимали удары врагов.

Воеводство А. Сытина совпало с произошедшим в Томске в 1648–1649 гг. сильным возмущением населения, направленным против произвола и злоупотреблений воеводы О. Щербатого. Воеводе пришлось приложить немало усилий для предотвращения распространения томского бунта в Кузнецке. Несмотря на то, что о событиях в Томске было хорошо известно в Кузнецке и восставшие томичи призывали действовать кузнецких жителей заодно, А. Сытину удалось удержать ситуацию под контролем. Будучи не замешан в обычных для того времени служебных злоупотреблениях, он сумел успокоить собравшихся на площади людей и не допустил расправы над «лучшими людьми» по примеру томичей³⁸. За успешную «прибыльную» государеву службу в Сибири А. Сытин был пожалован деревней Заболот-

ная и землями в районе Костромы, а также, вместе с братьями Ильёй и Дмитрием, получил деревни Павловское, Покровское, Пантелеево, Химлово и другие под Вологдой.

Сменивший А. Сытина на воеводском посту Фёдор Евдокимович Баскаков (1651–1655), как уже говорилось выше, доводился сыном бывшему кузнецкому воеводе Е. Баскакову. Он во многом продолжил деятельность своих предшественников по расширению районов ясачного сбора, обороне и упрочению положения русских владений. Как и предыдущие воеводы, Ф. Баскаков стремился увеличить ясачный сбор и обеспечить безопасность населению Кузнецка и его уезда. Для этого он предложил томским воеводам возвести острог в богатом пушной районе на устье Бии и Катуня, в самом центре Телеутской «землицы». Но Сибирский приказ, учитывая сложные отношения с непокорными телеутскими князьями, не дал на то санкцию, призывая Баскакова, как и прежних воевод, «жить с великим бережением»³⁹.

Несмотря на существующие запреты «воевать» телеутов, Баскаков предпринял решительные действия в отношении их правителей. Причиной тому послужил грабительский набег князя К. Абакова на окрестности Кузнецка и кондомские волости, совершённый в марте 1653 г., а также ограбление и унижение Ш. Яковлева «с товарищи», направленных в 1652 г. к телеутам в качестве послов. В ответ на эти враждебные акции воевода направил в Телесскую волость большой отряд (150–200 человек), руководимый влиятельным атаманом П. Дорофеевым. Служилые люди не дошли до «телесов», но по пути следования они «повоевали» Азкештимскую волость, в верховьях р. Чумыш обнаружили большую группу телеутских промышленников. Захватив у них богатую добычу, они благополучно вернулись домой. Эти действия вызвали резкий протест князя Коки томским властям с требованием наказать виновных и вернуть захваченный «калмацкий полон». Чтобы разрешить возникший конфликт, разрядные воеводы направили в Кузнецк следственную комиссию во главе с сыном боярским Р. Старковым. Но Ф. Баскаков решительно выступил в защиту своих подчинённых и, ощущая мощную поддержку служилого мира, не позволил томским сыщикам производить над ними следствие и расправу⁴⁰.

Сведения о прежнем статусе и служебном положении последующих кузнецких воевод: Фёдора Даниловича Павлова (1656–1659), Василия Дмитриевича Овцына (1659–1664), Ивана Романовича Кокошкина (1664–1666) представлены в источниках в разрозненном виде. В списке дворянских родов Российской империи носители этих фамилий среди потомственных дворян не встречаются, но они содержатся в Бархатной книге 1687 г., что свидетельствует о менее знатном происхождении указанных лиц. Согласно имеющимся данным, до назначения в Кузнецк Фёдор Павлов нёс воеводскую службу в небольших городах Центральной России: Одоеве (1651) и Михайлове (1656). Его возможный родственник Павлов Михаил Данилович был воеводой в Тюмени в 1661–1666 гг., где он сменил умершего Кафтырева Андрея Васильевича. Другой Павлов, Родион Михайлович, был стольником и воеводой в Мангазее в 1664–1670 гг., а с 1679 по 1680 г. — воеводой Верхотурья.

Представители дворянского рода Овцыных в XVII в. были стольниками, воеводами в Курске, в Самаре и других городах. Отец Ивана Кокошкина Роман Гаврилович Кокошкин был убит при осаде Смоленска в 1634 г. Возможный родственник Неупокоев Андреевич Кокошкин в 1628–1630 гг. был судьёй Поместного приказа, затем вторым воеводой в Таре в 1633–1635 гг.⁴¹

В правление названных выше воевод произошло значительное пополнение командного и рядового состава кузнецкого гарнизона за счёт присылки «польских людей» и «литвы» (25 человек), взятых в плен в ходе войны России с Польшей. Большая часть «шляхты и литвы», с учётом их крещения, боевого опыта и наличия командных качеств, была поверстана в Москве в сыны боярские и отправлена в Кузнецк, где потребность в начальных лицах была всегда острой. В конную казачью службу также были определены 20 «подгородных юртовских татар»⁴². Несмотря на острую нехватку воинского состава, численность служилых татар в Кузнецке, в отличие от других городов, не была значительной. В условиях постоянной внешней угрозы кузнецкие воеводы не стремились привлекать на службу представителей коренного населения, опасаясь их измены и перехода на сторону врагов.

Наряду с увеличением контингента ратных людей, усилением его начальствующего состава, воеводы Кузнецка и Томска значительное внимание уделяли усилению крепостных сооруже-

ний Кузнецка и строительству новых фронтальных укреплений. Для обеспечения более надёжной связи с Томском и контроля над кочевниками на границе с Телеутской «землицей» были возведены Сосновский (1656) и Верхотомский (1657) остроги. Их строительство позволило частично преодолеть изолированность Кузнецка и облегчить поставки хлеба и других запасов, в которых остро нуждались русские поселенцы.

Возведение русскими властями новых форпостов привело к обострению отношений с телеутскими и джунгарскими правителями. 21 июля 1657 г. объединённые силы телеутов К. Абакова и Коки совершили набег на Сосновский острог, отогнали более ста лошадей и нанесли поражение отряду Д. Копылова, прибывшего на помощь из Томска. Осенью этого же года джунгарский хан Паузан совместно с телеутами пытался штурмом взять Кузнецк и Томск, но получил отпор. В последующие годы, несмотря на заключение соглашения «не воевать» с русским царём, достигнутого в 1658 г. в ходе телеутского посольства в Москве, обстановка в междуречье Томи и Оби сохраняла прежнюю напряжённость. В 1662 г. состоялись новые походы «войною» телеутов князя Бойдона на русские владения, в результате которых в Кузнецком уезде было отогнано свыше 200 лошадей служилых людей и уведена часть ясачных людей⁴³.

Разорительные набеги телеутов вызвали ответные меры. Под давлением служилых людей воевода И. Кокошкин организовал новый поход на телеутов, состоявшийся зимой 1663 г. Отряду под руководством сына боярского Р. Грожевского удалось разгромить группу Бойдона в районе р. Мереть и устье Чумыша и пленить «лучших людей». Несмотря на отпор, телеуты через год вновь оказались под Кузнецком, грабя местное население и требуя выдачи захваченных Р. Грожевским своих князцов⁴⁴.

В 1666 г. управление Кузнецка перешло воеводе Никите Борисовичу Доможирову. Его дед Борис Иванович Доможиров был заметной фигурой в истории русской Сибири на её начальном этапе. В 1594 г. письменный голова Б. Доможиров вместе с князем А. В. Елецким и головой Григорием Елизаровым был послан из Москвы возводить Тарский город. В следующем году Б. Доможиров возглавил большой отряд (276 человек), нанёс поражение хану Кучуму и взял без потерь татарский Чёрный городок. Весной этого же года он совершил новый поход

на татарские улусы по Иртышу на городок Тунус, за что все участники были пожалованы грамотой Фёдора Иоановича, «золотыми и деньгами»⁴⁵. В начале XVII в. Б. Доможиров стоял во главе нижегородской служилой корпорации, имел чин выборного дворянина и являлся самым крупным помещиком в уезде. В 1607 г. при окладе 600 четей имел 545 четей пашни, 600 копён сена, мельницу. Его сын Иван был активным участником событий Смутного времени, дослужившимся к 1618 г. до чина дворянина московского. Другой сын Никита Доможиров до назначения в Сибирь значился «московским дворянином», был воеводой в Короче (1647–1649), а также воеводой и «переписчиком» в Нижнем Новгороде⁴⁶.

Правление Н. Б. Доможирова примечательно тем, что после его смерти в ноябре 1672 г. воеводой был избран решением служилого мира его сын Логгин (Лонгин) Никитич, исполнявший эти обязанности до конца 1674 г. Ему также пришлось принимать меры по обороне кузнецких жителей и предотвращению набегов кочевников. В июне 1673 г. произошло очередное нападение телеутов, в результате которого была сожжена деревня Шебалина вместе с семьёй казака А. Тихонова (9 человек), убиты трое ясачных людей, остальные взяты в плен⁴⁷. В ответ на эту враждебную акцию Л. Доможиров направил крупную экспедицию (250 человек) под руководством атамана И. Бедаря, которая настигла телеутов в укрепленном «городище» на устье р. Чумыш. После безуспешных переговоров о принятии русского подданства и выдаче аманатов телеуты были разбиты, взята «в полон» семья брата главного предводителя телеутов Коки Абакова — Ивана Абакова⁴⁸. Но уже в октябре 1673 г. на Кузнецк совершил нападение правитель енисейских киргизов Ереняк, в результате чего были сожжены ряд деревень и побиты казаки⁴⁹.

С 1674 г. Сибирский приказ направляет воеводами в Кузнецк стольников Григория Васильевича Волкова (1674–1676), Ивана Ильича Давыдова (1676–1681) и Петра Ивановича Дубровского (1681–1684). Все указанные лица имели значительный опыт управления и хозяйствования, приобретённый ими в результате «сидения» в разных городах и службы при дворе. Г. В. Волков в 1646 г. находился в составе посольства в Польше, в 1652–1655 гг. был воеводой в Берёзове, в 1658 г. — в Терках, с 1674 г. — в Кузнецке. И. И. Давыдов принадлежал к древнему дворянскому

роду, в 1689 г. его потомки были пожалованы поместьями указом Иоанна и Петра Алексеевичей. Представители дворянского рода Дубровских занимали ответственные посты при первых Романовых, владели населёнными имениями. П. И. Дубровский до назначения в Кузнецк был воеводой в Кольском остроге, его сын Фёдор Петрович Дубровский являлся стольником Петра I, был замешан в деле царевича Алексея Петровича⁵⁰.

Воеводское правление указанных воевод было отмечено новым витком напряжённости в отношениях с кочевыми владельцами и ослаблением русских позиций в подведомственном административном районе. Воеводы, как и их предшественники, стремились сохранить объёмы ясачного сбора, ослабить влияние джунгарских правителей и енисейских киргизов на ясачное население, значительная часть которого находилась в положении многоданников, наладить мирные отношения с телеутами. Но джунгарские и киргизские власти по-прежнему оказывали сильное противодействие устремлениям русских властей. В июле 1679 г. киргизы, поддерживаемые ойратами, вновь разорили Кузнецкий уезд и пытались взять штурмом сам Кузнецк. В результате их нашествия, по словам воеводы И. Давыдова, «что де было у ясачных людей изготовлено в ясак соболей и всякого зверя, и то у них воровские люди, киргизы и калмыки пограбили всё, без остатку»⁵¹.

Последующие нападения киргизских людей и телеутов привели не только к значительному недобору ясачной и поминочной ружьяди, но и к большому хозяйственному разорению и лишениям русских поселенцев. 3 июля 1682 г. воевода П. Дубровский с тревогой и отчаянием сообщал томскому воеводе князю Кольцову-Мосальскому о своём тяжёлом положении: «А я, господине, июля с 3-го сижу в осаде, и в остроге, и около посаду живу с великим опасением и оттого кузнецким всяких чинов людям от караулов, и от проезжих сторож, и от многих дальних скорых посылок великая нужда и беспокойство, и по сие число на полях хлеб не жат, и в новый год не сеяно, и сена не кошены, и оттого кузнецкие жители разорились без остатку»⁵².

Для усмирения воинственных киргизов правительством были организованы новые экспедиции в Киргизскую землю. Воеводам И. Давыдову и П. Дубровскому было предписано выделить отряды казаков для участия в совместных походах сибирских

служилых людей под руководством Р. Старкова и И. Гречанинова, состоявшихся в январе 1680 и в июне 1682 г. Но, несмотря на решимость властей и многочисленность русской рати, сражения с ними не привели к значительным результатам. Летом 1682 г. киргизский князь Матур в очередной раз напал на Кузнецкий острог и на окрестные деревни. Одновременно были произведены нападения на русские владения Томского и Красноярского уездов, приведшие к разорению русских и ясачных людей⁵³. С трудом отразив натиск неприятелей, кузнецкие воеводы вновь обращаются в Томск и Сибирский приказ с просьбой выслать «прибавочных людей для оберегания». Однако служилые люди (30 человек), отправленные из Томска воеводой И. М. Мосальским, как следует из отписки П. Дубровского, «в Кузнецке не бывали» и «оберечь Кузнецкого острога некем и нечем». Ссылные же люди, направленные по его просьбе из Москвы, самовольно остались в Томске, где были более благоприятные и безопасные условия существования⁵⁴.

Неудачный исход походов объединённых сил служилых людей «в киргизы» и постоянные опустошительные нашествия воинственных кочевников побудили правительство принять новые меры по обеспечению безопасности и защите русского и ясачного населения. Убедившись в неэффективности прежних способов ведения борьбы с киргизами, исходивших, как правило, путём указаний «сверху» и не учитывавших всех особенностей войны со степняками, правительство вынуждено было обратиться непосредственно к воеводам и служилым людям за получением подробной оперативной информации для подготовки новых походов.

27 марта 1683 г. П. Дубровский получил царскую грамоту с указанием провести опрос «кузнецких добрых и старых людей, которые в киргизской войны и во всяких посылках бывали и кому воинское дело за обычай... пристойно ли такому промыслу быть или иной способ на такое дело они знают? И то б они служилые люди сказали вправду как томским, красноярским и енисейским ратным людям на киргиз войной ходить и хлебные запасы проводить и в которое время лутче...»⁵⁵. До этого правительство также предписало воеводе провести «разбор» служилых людей, который явился своеобразным смотром состояния вооружённых сил, выявления его состава, окладов и боеготовности⁵⁶.

Новым распоряжением воеводам Кузнецка, Томска и Красноярска было указано значительно укрепить обороноспособность своих городов. При воеводе Иване Меркурьевиче Конищеве (1684—1689), ставшем позднее стольником и полковником московских стрельцов, в Кузнецке была создана новая линия укреплений: выкопан глубокий ров, насыпан большой земляной вал, устроены «земляные городки» с деревянными башнями, прилегающая к городу пашня была защищена крепостной стеной (обрубом)⁵⁷.

Наряду с укреплением Кузнецка и своего влияния в ясачных владениях воеводы придавали большое значение сбору информации о внутреннем положении и намерениях джунгарских и киргизских правителей в отношении русского и ясачного населения. Для проводывания «воинских вестей» направленные воеводами служилые люди вели активную разведку в порубежных волостях и «землицах» Южной Сибири.

14 июля 1688 г. И. Конищев подал в Сибирский приказ обширную отписку о местоположении, передвижениях и военных приготовлениях телеутов, енисейских киргизов и монгольских отрядов и других сведениях, добытых служилыми людьми и информаторами из числа ясачных людей. Согласно представленному отчёту, с августа 1687 г. по июнь 1688 г. им было организовано 12 посылок служилых людей в порубежные ясачные волости, являвшиеся предметом спора между русской стороной и кочевыми владельцами. Наряду с изложением вестей о «воинских людях», донесение воеводы содержало предложение об организации нового похода «в Кыргызы» силами кузнецких, томских и красноярских людей и строительстве в центре Киргизской земли на р. Абакан острога с постоянным гарнизоном. Однако правительство не располагало ещё достаточными силами в Сибири для возведения нового форпоста в этом районе, поэтому предложение Конищева было признано преждевременным. Утрата Албазина и русского Приамурья в этот период, очевидно, также сказалась на выжидательной политике и тактике центральной власти.

В период своего правления И. Давыдов не избежал служебных злоупотреблений, обернувшихся для него большим повальным сыском. Их инициировал пеший казак, бывший московский рейтар Севостьян Хлыновский, сосланный в Кузнецк

в 1676 г. В своих челобитных на имя царя он обвинил И. Давыдова в «умучение» своего денежного жалования, а начальных людей: атамана М. Попова, пятидесятника Г. Шороха, Ф. Сорокина, сынов боярских М. Нехорошего, Ф. Петлина, Ф. Захарьева и других — «во многих воровствах и разорениях великих государей ясачных волостей и ясачных людей», пятидесятника И. Кузьмина — в продаже пороха в «киргызы»⁵⁸.

Эти обвинения не были беспочвенны и могли повлечь для указанных лиц серьёзные последствия. Но воевода и его окружение сумели овладеть ситуацией. Они прибегли к уже не раз испытанному средству — инспирировали мирскую челобитную, в которой обвинили С. Хлыновского в «составном заводе», кормчестве, оскорблении воеводы, «увече и бесчестии» ряда казаков и других противоправных деяниях⁵⁹.

По указанию Москвы 21 ноября 1687 г. в Кузнецке по делу С. Хлыновского состоялся «повальный сыск всяких жителей». Его проведение было поручено томскому воеводе С. Мосальскому, который, будучи связан с И. Конищевым не только служебными, но и личными отношениями, провёл следствие с пристрастием и нарушениями процедур розыскного процесса. В сыске не участвовали обвиняемые С. Хлыновским лица, которым, по его словам, указано было воеводой «в те поры в городе не быть» и они намеренно оказались разосланными «по разным делам». Подавляющую часть участников сыска составили сторонники воеводы и начальные люди. Они единодушно подтвердили многие факты «бунтовства» и «воровства» С. Хлыновского за период проживания его в Кузнецке и тем самым предрешили исход сыска и судьбу «ябедника». Результаты сыска были посланы в Москву, где ознакомившись с ними, указали С. Хлыновского бить кнутом «на козле» и выслать беспокойного казака в Красноярск.

Воеводское правление последующих воевод — Степана Моисеевича Скрыплева (1689—1691) и стольника Алексея Фёдоровича Писарева (1691—1693) — было непродолжительным и не оставило большого следа в истории Кузнецка. Сведения об их дворянской службе в европейской части России и Сибири слабо представлены источниками. Известно, лишь то, что А. Ф. Писарев был в 1678 г. воеводой в Ливнах⁶⁰. Правление Степана Скрыплева было отмечено следственным делом, возникшим по извету на воеводу томского казака А. Одинцова. Последний обвинил

Скрыплева в том, что он его «безвинно мучал» в Кузнецке, когда тот «товарищев своих годовальщиков оставя, дорогой занемог»⁶¹. Ввиду плохой сохранности этого дела и отсутствия материалов сыска трудно представить его полное содержание, но суть его очевидна: факты «умучений», вымогательств у служилых людей денег, имущества и других воеводских злоупотреблений были нередким явлением в сибирской административной практике.

Данные о служебной деятельности и семейном окружении воеводы стольника Синявина (Сенявина) Алексея Сидоровича (1693–1696/1697) уже приведены выше. До управления в Кузнецке А. Синявин был воеводой в Иркутске, где успешно отразил нападение монголов в 1687 г. После окончания кузнецкой службы сидел воеводой в Нарыме и Кецке. Его родственник, стольник Ларион Акимович Синявин был воеводой в Кузнецке (1699–1703), затем в Нарыме, Иркутске, Соликамске, Бахмутской провинции⁶².

Тяжёлым испытанием для воеводы А. Синявина и всех жителей уезда стало нападение на Кузнецк объединённого отряда джунгар и енисейских киргизов, состоявшееся 18 сентября 1700 г. Благодаря возведённым ранее укреплениям, умелому руководству и храбрости жителей, город сумел выдержать очередной натиск врага. Но в ходе недельной осады население Кузнецка понесло большие людские и материальные потери: погибли 41 человек русских и ясачных людей, 102 человека уведены в плен, нападавшими был сожжён Христорождественский монастырь и 20 дворов в подгородной слободе, угнано много скота, уничтожен хлеб⁶³. Почти одновременно подверглись нападению енисейских киргизов и джунгарских отрядов Томский и Красноярский уезды, населённым пунктам которых был нанесён немалый урон.

Открытая агрессия киргизских князцов и джунгарских правителей в Южной Сибири побудила правительство Петра I принять ответные решительные меры. Ещё до нападения на Кузнецк, 11 августа 1700 г. в Тобольск поступил указ, предписывавший воеводам Кузнецка, Томска и Красноярска «ходить в Киргизскую землю и смирить киргизцов за их воровство войною»⁶⁴. Руководствуясь этим указом, объединённые силы кузнецких, томских и красноярских служилых людей во главе С. Лавровым и К. Самсоновым разгромили основные силы кир-

гизов на р. Ерба и Уйбат. В последующие годы походами ратных людей было сломлено сопротивление оставшихся енисейских князцов, большая часть которых была выведена в Джунгарию⁶⁵. Тем самым были созданы необходимые предпосылки для установления полного господства России на юге Западной и Средней Сибири, особенно в верховьях Оби и Енисея, богатых не только пушными угодами, но и свободными плодородными землями, давно привлекавшими русских земледельцев.

С начала XVIII в. воеводами в Кузнецк назначаются представители сибирской служилой аристократии, что связано с появлением вакансий среди московских служилых людей и увеличением численности сибирских дворян. В 1706 г. воеводой в Кузнецк был назначен Осип Родионович Качанов. Он происходил из большой династии томских детей боярских, в которой три брата получили дворянский чин и занимали важные административные должности. Иван Родионович переписывал слободы в Тобольском уезде, был товарищем воеводы в Томске; Фёдор Родионович служил воеводой в Илимске, комендантом Нерчинска и Томска.

До назначения в Кузнецк Осип служил головой пеших и конных казаков в Томске, где имел большое хозяйство и дворовых людей. В 1703 г. он владел двумя заимками, с которых накашивал 400 копён сена, рыбными ловлями и мельницей на р. Ушайке. Исполнение своих воеводских обязанностей в Кузнецке он сочетал с незаконным предпринимательством, в 1709 г. был обвинён в винокурении и продаже христианина «басурманину», за что был отрешён от должности и выслан для следствия в Москву⁶⁶.

В период его короткого правления обстановка в крае сохраняла свою напряжённость. Большая опасность по-прежнему исходила от джунгарских правителей, стремящихся сохранить контроль над автохтонами Южной Сибири и предотвратить продвижение русских в новые неосвоенные районы. Потерпев тяжёлое поражение от цинских войск, значительная часть джунгар в начале XVIII в. устремилась в верховья Енисея и Оби-Иртышское междуречье. В июне 1707 г. О. Качанов получил от разведчиков А. Балаева, Е. Кириллова, А. Буимова новые тревожные сведения. Они сообщили о намерении джунгарского контайши переселить большую часть подвластного ему населения в пределы Телеутской и бывшей Киргизской «землиц»,

граничивших непосредственно с русскими владениями. Эти данные были подтверждены выезжими телеутами и другими источниками. Уже летом 1707 г., спасаясь от маньчжурского преследования, большая группа ойратов перекочевала «во многолюдстве» в пределы Кузнецкого уезда. По пути следования на запад вынужденные мигранты разоряли ясачные волости, грабили и убивали коренных жителей. О. Качанову и служилым людям пришлось силой выдворять кочевников с подведомственной территории. В августе 1707 г. состоялось сражение кузнецкого войска с большим отрядом джунгар в верховьях Чумыша, завершившееся разгромом последних⁶⁷.

Для предотвращения опасной джунгарской миграции российское правительство предпринимает энергичные меры по присоединению спорных порубежных земель путём строительства в Южной Сибири от Енисея до Иртыша цепи новых острогов и крепостей. С целью пресечения джунгарского переселения в степные районы Минусинской котловины был издан указ о снаряжении военной экспедиции и строительстве острога на р. Абакан. В экспедиции наряду с томскими, красноярскими, енисейскими ратниками приняли участие и кузнецкие служилые люди (100 человек). После соединения в намеченном месте сводным отрядом под руководством сына боярского И. Цыцурина в короткий срок с 4 по 9 августа 1707 г. был возведён Абаканский острог, положивший начало русскому освоению Присяянья⁶⁸.

Разгром киргизов, ослабление Джунгарского ханства и проводимая Петром политика централизации и бюрократизации управления привели к значительному упрочению положения региональных властей. Сменившие О. Качанова воевода Михаил Алексеевич Овцын (1708–1710) и Михаил Борисович Зубов (1710–1711) были наделены новыми властными полномочиями, позволяющими им проводить самостоятельную политику в решении не только внутренних, но и, отчасти, внешнеполитических вопросов. 29 февраля 1708 г. будущий губернатор Сибири, глава Сибирского приказа князь М. П. Гагарин поручил подготовить грамоту к назначенному в Кузнецк воеводе М. Овцыну. В ней наряду с постановкой новых задач было указано: «А томским воеводам ево, Михаила, ведать ни в чём не велеть. И о том в Томской послать великого государя грамоту»⁶⁹. В своих

действиях воеводы руководствовались непосредственно указами Петра, мало считаясь при этом с решениями местного самоуправления, роль которого заметно ослабевала. Наделение кузнецких воевод чрезвычайными полномочиями было не случайным. Кузнецк, обладающий к этому времени значительным гарнизоном и вековым опытом борьбы с кочевниками, рассматривался правительством как главная база продвижения на Алтай и Верхнее Приобье.

Вскоре, 5 марта 1708 г. Сибирский приказ издаёт новый указ, адресованный непосредственно кузнецкому воеводе М. Овцыну, предписывающий строительство своими силами новых острогов «со всякими крепостями» в центре телеутских владений. Выполнение этой задачи должно было устранить господство джунгаро-телеутских правителей в Верхнем Приобье и создать условия для земледельческого освоения региона. По этому указу воеводой 2 июня 1709 г. был направлен на Бию из Кузнецка большой отряд, не менее 300 человек, под руководством казачьего головы Я. Максюкова. 18 июня на месте слияния Бии и Катунь была возведена новая Бикатунская крепость, ставшая самым южным российским форпостом в Западной Сибири⁷⁰.

Возведение русской крепости в глубине телеутской «землицы» вызвало острое противодействие телеутской и джунгарской знати. С целью пресечь дальнейшее продвижение русских в августе этого года большое войско джунгар и телеутов численностью до тысячи человек совершило нападение на Кузнецк и его деревни. В результате набега, по словам М. Овцына, были разорены и сожжены ряд деревень, осаждено село Ильинское, «хлебы и сено около тех деревень сожгли без остатку». 23 августа 1709 г. в трёх верстах от города состоялось сражение, в котором служилые люди нанесли поражение кочевникам и «полоненных русских людей... и кошт 677 лошадей калмыцких отбили»⁷¹. В следующем году джунгарский зайсан Духар с ещё более многочисленным войском вновь вторгся в пределы Кузнецкого уезда. Кочевники разорили 8 деревень, сожгли в них 94 двора, 2 часовни, «всякого чина людей побили и в полон побрали», отогнали 260 лошадей, 839 «рогатых скотин», 949 овец, нанесли ущерб на сумму 8070 руб.⁷² Уклонившись от сражения с русским войском, нападавшие по пути следования в свои владения напали на Бикатунский острог. После трёхдневной осады крепость

была сожжена, а её немногочисленный гарнизон (60 человек) оказался в плену.

Обстоятельства падения и гибели Бикатунской крепости до сих пор до конца не выяснены и вызывают споры историков⁷³. Очевидно одно: приказчиком крепости была допущена какая-то оплошность, в результате которой кочевники сумели достичь военного успеха. В «наказной памяти» кузнецкому сыну боярскому Ф. Сорокину, назначенному приказчиком новой Бикатунской крепости, от 9 ноября 1720 г. содержалось указание: «От приходу воинских людей калмыков жить с великим предостережением, не так как прежний приказчик Муратов, который Бикатунскую крепость отдал калмыкам»⁷⁴.

Уничтожение джунгарами Бикатунской крепости несколько замедлило, но не остановило русское движение в Верхнее Приобье. В последующее десятилетие администрация Петра I, невзирая на протесты джунгарского правителя Рабдана, предпринимает широкомасштабное наступление крепостями по всей границе русских владений в Южной Сибири.

Важное место в осуществлении уже испытанной правительственной стратегии по-прежнему отводилось Кузнецку и его новым воеводам: Дмитрию Борисовичу Зубову (1710–1715) и Борису Акимовичу Синявину (1715–1722), имевшим к этому времени большой опыт управления в сибирских провинциях и близкие родственные связи с бывшими управителями Кузнецка. Д. Зубов доводился внуком бывшему воеводе А. И. Зубову и сыном стольнику Б. А. Зубову, подчинившему непокорных телессов; Б. Синявин доводился младшим братом Лариону Синявину и управлял Кузнецком в 1703–1706 гг. Стольник Зубов до назначения в Кузнецк был приказчиком тобольской подгородной слободы, сыщиком в Нарыме и Кетске, после окончания кузнецкой службы был комендантом Тюмени и Красноярска.

Десятилетний период их воеводского правления был отмечен строительством ряда укрепленных пунктов на всём юге Западной Сибири: Мунгацкого (1713) и Бердского (1715) острогов, Белоярской (1717) и Бийской (1718) крепостей, вошедших вскоре под ведомство Кузнецка. Возведение новых опорных пунктов на землях данников ойратского контайши позволило не только значительно расширить подведомственную территорию,

но и создать необходимые условия для её широкой земледельческой колонизации, окончательно закрепить Верхнее Приобье и Приобье за Русским государством.

Таким образом, в системе военно-административного управления Сибири XVII в. немаловажное место принадлежало воеводам Кузнецка, происходившим преимущественно из нетитулованных слоёв российского служилого дворянства. Обладая необходимым опытом управления и хозяйствования, полученным на службе в старорусских и сибирских городах, они являлись не только хорошими исполнителями правительственных установок, но и выступали важной организующей силой русского населения, подвергавшегося постоянной военной угрозе.

Наличие общих служебных обязанностей и военная опасность сближали воевод с подчинёнными им начальными людьми, со служилой массой, что повышало эффективность управления подведомственной территорией и способствовало успешной борьбе с кочевниками, обеспечению в крае безопасных условий проживания всего населения и созданию предпосылок для последующего этапа колонизации южносибирского региона.

Несмотря на существующие злоупотребления отдельных воевод, в Кузнецке не было крупных социальных потрясений, характерных для других сибирских городов, что объяснялось сохранением в крае военной опасности и наличием местного самоуправления, ограничивавшего воеводское самовластие и обеспечивавшего необходимую стабильность кузнецкого общества в конфликтных ситуациях.

С проведением Петром I военной и административной реформ наблюдается значительная централизация управления, упрочение воеводской власти, расширение её полномочий и компетенций. Замена сословно-представительного принципа управления военно-бюрократическим неизбежно сопровождалась снижением роли кузнецкого служилого «войска» в управлении и реформированием его в более организованное и послушное линейное казачество.

⁷³ Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий... С. 122–123; Соколовский И. Р. К вопросу о фигуре основателя Кузнецкого

острога // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России, Томск; Новокузнецк, 2018. С. 97–10.

² Русский биографический словарь. Бетанкур — Бякетер. Т. 3. Изд. Император. РИО А.А. Половцева. СПб., 1908. С. 109–111; Вершинин Е.В. Воеводское управление... С. 155, 161, 176, 180.

³ Долгоруков П.В. Российская родословная книга, изданная князем П.В. Долгоруковым. СПб., 1856. Ч. 3. С. 263; Вершинин Е.В. Воеводское управление... С. 88, 158–160, 163, 165, 172.

⁴ Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. / сост. М.О. Акишин. Новосибирск, 2000. С. 85.

⁵ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг. Ч. 3... С. 136.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Кн. 458. Л. 1–12.

⁷ Там же. Ф. 214. Стб. 10. Л. 1–6; Прибыльные дела... С. 85.

⁸ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 360.

⁹ Прибыльные дела... С. 85.

¹⁰ Газенвинкель К.Б. Государево жалование послужникам... С. 17, 34.

¹¹ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 220, 242.

¹² Долгоруков П.В. Российская родословная книга... Ч. 2. С. 245, 250; Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 51–52, 183.

¹³ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 3. Часть первая. С. 150.

¹⁴ РИБ. Т. 8. СПб., 1882. С. 471–472.

¹⁵ Сергеев В.И. Железодельное производство в Томске и Кузнецке в первой

трети XVII в. / Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 125–130.

¹⁶ Разрядная книга 1550–1636 гг. / отв. ред. В.И. Буганов; АН СССР, Институт истории СССР; сост. Л.Ф. Кузьмина. М.: [б. и.], 1975. С. 415–417.

¹⁷ РИБ. Т. 8. СПб., 1882. С. 470.

¹⁸ Каменецкий И.П. Волнения служилых людей в Кузнецком остроге в 20-х годах XVII в. // Сибирские города XVII–XX вв. Новосибирск, 1981. С. 119–128.

¹⁹ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 1... С. 302; Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 151, 170.

²⁰ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 247, 252, 254; Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 170, 163, 177.

²¹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 478.

²² Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 92.

²³ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 490–491.

²⁴ Бродников А.А. «Послать людей добрых с вогненным боем» // Родина. 2003. № 6. С. 39–41.

²⁵ РГАДА. Ф. 214. Стб. 112. Л. 544–545.

²⁶ Там же. Ф. 214. Кн. 153. Л. 168–177.

²⁷ ЧОИДР. Кн. 2 (229). М., 1908. С. 41.

²⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона в 86 томах. Т. 13 А. (26). Исторические журналы — Калайдович. СПб., 1894. С. 402–403; Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 164–165, 530; Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 160, 179, 181.

²⁹ Резун Д.Я. Русские в среднем Причудьмье... С. 42–83.

³⁰ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 566–569.

³¹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 293–297.

³² Павлов П.Н. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40–70-е гг. XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1974. С. 31.

³³ Долгоруков П.В. Указ. соч. Ч. 3. С. 136; Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 152–153, 157, 178, 160.

³⁴ АИ. СПб., 1842. Т. 3. С. 58–59; Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 73.

³⁵ Прибыльные дела... С. 171–173.

³⁶ Покровский Н.Н. Томск, 1648–1649 гг. ... С. 43.

³⁷ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 75, 81.

³⁸ Каменецкий И.П. Русское население... С. 215–218.

³⁹ Там же. С. 85–86.

⁴⁰ Уманский А.П. Указ. соч. С. 83–89.

⁴¹ Долгоруков П.В. Указ. соч. Ч. 4. С. 127; Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 159, 139, 119, 254; Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 162, 181.

⁴² РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 985–1003; Стб. 812. Л. 81–82.

⁴³ Каменецкий И.П. Русское население... С. 87–89.

⁴⁴ Уманский А.П. Указ. соч. С. 49–50.

⁴⁵ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 290, 289, 359, 361–363; Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987. С. 16.

⁴⁶ Мусихин А.Л. Борис Иванович Доможиров: штрихи биографии // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья: материалы V науч.-практ. конф., посвящ. памяти А.В. Ваганова. Тара, 2010. Т. 2. С. 118–123.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 590. Л. 509–509 об.

⁴⁸ Уманский А.П. Указ. соч. С. 121.

⁴⁹ ДАИ. 1857. Т. 6 (1670–1675). С. 318–319.

⁵⁰ Долгоруков П.В. Указ. соч. Ч. 4. С. 347–348, 396, 428–439, 431; Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 151.

⁵¹ Боронин О.В. Двоеданничество в Сибири... С. 91.

⁵² Исторические акты XVII столетия... С. 16–17.

⁵³ РГАДА. Ф. 214. Стб. 715/716. Л. 275–278; 283–286.

⁵⁴ Там же. Ф. 214. Стб. 1042. Л. 292–293.

⁵⁵ АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 165.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 982–1089.

⁵⁷ Кауфман А.О. Артиллерия Кузнецка в XVII–XVIII вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 5–11.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 214. Стб. 198. Л. 6–7; Стб. 1071. Л. 52.

⁵⁹ Там же. Ф. 214. Стб. 198. Л. 61.

⁶⁰ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1888. Т. 62. С. 156.

⁶¹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 1052. Л. 677–678.

⁶² Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах... С. 160–161; Акишин М.О. Российский абсолютизм... С. 74–75.

⁶³ Памятники сибирской истории XVIII века. Книга вторая... С. 93; Бобровский А.Ю. «Осада» Кузнецка 18–25 сентября 1700 г. // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск, 2018. С. 171–172.

⁶⁴ Боронин О.В. Двоеданничество в Сибири... С. 90.

⁶⁵ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 58.

⁶⁶ Акишин М.О. Российский абсолютизм... С. 79–83.

⁶⁷ Боронин О.В. Двоеданничество в Сибири... С. 128.

⁶⁸ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края... С. 50–53.

⁶⁹ Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы... С. 95.

⁷⁰ Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда... С. 103.

⁷¹ АРАН Ф. 21. Оп. 5. Д. 152. Л. 137.

⁷² АРАН Ф. 21. Оп. 5. Д. 152. Л. 137; Оп. 4. Д. 19. Л. 51

⁷³ Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы... С. 97–101.

⁷⁴ История Алтая в документах... С. 29.

Атаман Пётр Дорофеев и его окружение

Имя Петра Дорофеева — кузнецкого атамана, землепроходца, одного из первостроителей Кузнецкого острога — нередко встречается в актовом источниках и материалах по истории Сибири первой половины XVIII в. Но, несмотря на его несомненные заслуги, достигнутые в ходе освоения и присоединения Верхнего Притомья и Горного Алтая к России, фигура атамана, в отличие от других видных представителей сибирского служилого мира, не стала ещё предметом специального исследования. Исключением является работа Д. Я. Резуна, где в художественной форме содержатся краткие сведения о его биографии¹. Изучение разрозненных данных о «службах» П. Дорофеева и его потомков позволяет воссоздать социальный облик служилого человека в одной из самых «горячих точек» Южной Сибири — Кузнецком остроге — и выяснить его роль в становлении кузнецкого общества, определить его участие и вклад в освоение региона.

О происхождении, социальном статусе и начальной службе Петра Дорофеева до отправки в Сибирь сохранились лишь лаконичные сведения, требующие пояснения. На «разборе» служилых людей в Кузнецке в 1681 г. его сын атаман Корнило Петров заявил, что его отец нёс службу в полках «под Великим новым градом и подо Псковым и под Тихвиным и подмасковные многие служил против неприятельских людей и после тоих служб по указу великого государя отец мой в Кузнецком многие году истинною и правдою безупречно у конных казаков атаманом лет сорок и изволением ему божиим отец мой умре...»²

Трудно судить, в каких полках и под чьим началом нёс службу Пётр Дорофеев, каковы причины появления его в Сибири. По-видимому, он участвовал в тяжёлых боях за освобождение оккупированных шведами северо-западных русских земель под командованием одного из руководителей Первого земского ополчения, князя Д. М. Трубецкого. Как известно, русская армия под его началом потерпела поражение в сражении 16 июля 1614 г. под Бронницей, на подступах к Новгороду, что позволи-

ло шведам начать осаду Тихвина летом 1614 и Пскова осенью 1615 г. Возможно, он также принимал участие в отражении наступления польско-литовских войск королевича Владислава на Москву в сентябре-октябре 1618 г.³

Очевидно также, что появление П. Дорофеева, как и многих других представителей бывшего вольного казачества, в начале 1620 гг. в Сибири не было случайным эпизодом в его биографии. Как показал А.С. Станиславский, правительство стремилось избавиться от значительной части непокорного, своевольного казачества, сыгравшего немалую роль в период Смуты, путём удаления его активных членов на южные и восточные окраины Русского государства⁴. Примечательно, что на восток также был отправлен в ссылку воеводой в Тобольск казачий предводитель, бывший претендент на царский престол князь Д.М. Трубецкой, который по пути следования в Сибирь заболел и внезапно скончался.

Сохранившиеся источники позволяют более достоверно восстановить воинский путь П. Дорофеева, направленного на службу в Кузнецкий острог, определить его участие и роль в общественной жизни фронтального города-ostroга, а также выявить его семейно-родственные связи.

В окладных книгах Кузнецкого острога 1623/1624 г. он упоминается как пеший казак с окладом 4 руб. с четью, 5 четей с осминой муки, по 2 чети круп и толокна, 1,5 пуда соли⁵. В 1625 г. отмечен уже как десятник конных казаков с окладом 7 руб. с четью, в 1638 г. — пятидесятник, в 1642 г. — атаман конных казаков с окладом 8 руб. 25 алтын, 6 четей ржи, 2 чети овса⁶. Такой успешный карьерный рост, очевидно, объясняется наличием у Дорофеева боевого опыта, командных качеств и заслуг, достигнутых им в сборе ясака, «приискании новых земель» и обороне ясачных людей и Кузнецка от воинственных кочевников.

С самого начала пребывания П. Дорофеева в недавно возведённом остроге ему поручают ответственные задания по расширению района ясачного сбора и приведению коренного населения «под высокую государеву руку». В 1624 г. он возглавил отряд из 93 служилых людей и 15 абинских татар, с которыми направился в верховья Кондомы в Кузенскую волость, где осадил каменный городок с «кузенскими и колмацкими людьми». В ходе трёхдневной осады их укреплённый лагерь был взят при-

ступом, а местный князец Баигулта «с товарищи» взят в плен и привезён в Кузнецк⁷.

В январе 1627 г. его небольшой отряд, собрав ясак с тюркских родов, живущих по р. Кондоме, первым из служилых людей достиг верховий Бии, где им была подчинена часть местных племён тубаларов и разведаны пути, ведущие в Северный и Горный Алтай⁸.

11 января 1629 г. П. Дорофеев с казаками В. Аверкиевым, И. Ивановым, Ш. Яковлевым и другими служилыми людьми совершили четырёхнедельный лыжный поход в «новые земли» — Кизигиченскую и Ислельскую волости, расположенные в бассейне р. Мрассу. Местное население, используя военную помощь телеутов, безуспешно пыталось разгромить отряд и отбить пленных сородичей, взятых казаками в «аманаты». Но отряду Дорофеева с захваченными двумя «лучшими людьми» удалось уйти от преследователей и благополучно вернуться в Кузнецк⁹.

Зимой 1632 г. П. Дорофеев с отрядом из 80 служилых людей участвовал в первой совместной экспедиции томских и кузнецких служилых людей на Алтын-озеро (Телецкое) под началом сына боярского П. Сабанского. В результате похода «телеские» люди были разгромлены в своём «городке», пленён их князец Айдар с женой и детьми. При этом успех сражения во многом был обеспечен умелыми действиями казаков Дорофеева, сумевших в решающий момент боя внезапно напасть на неприятеля и нанести ему поражение¹⁰.

Победа над сильным телесским князем была серьёзным успехом русских служилых людей по пути продвижения в Горный Алтай. Заметим, что попытка томских воевод И. Ф. Татеева и С. И. Воейкова летом 1632 г. укрепиться в верховьях Бии и поставить острог в самом центре Телеутской «землицы» была сорвана военным противодействием правителя «белых калмыков» Абака. Последний резонно усмотрел в их действиях реальную угрозу «суверенности» своих владений в верховьях Оби и Томи. Снабжённая всем необходимым для дальнего похода, экспедиция томских казаков (60 человек) во главе с сыном боярским Фёдором Пушным достигла на дощаниках устья Чумыша, но продвинуться дальше не смогла. Русские ратники были обстреляны стрелами засевших в засаде телеутов и вви-

ду превосходящих сил противника («многих орд»), не вступая в бой, повернули назад¹¹.

Летом 1634 г. будущий атаман с десятниками С. Панфиловым и К. Володимировым вновь ходил за ясаком в порубежную Мрасскую волость. Там он встретился с влиятельным киргизским князем Талаем, угрожавшим нападением на русские владения, о чём служилые люди незамедлительно сообщили воеводе Ф. Нащокину¹². Но, несмотря на полученные тревожные вести, воевода не принял надлежащих мер безопасности. Бездействие воеводы привело к внезапному нападению на Кузнецк и его ясачные волости киргизских людей — алтысаров. В результате их нашествия, последовавшего в сентябре 1634 г., были сожжены хлеб и сено, уведены 5 ясачных людей и все лошади кузнецких казаков. В связи с этим происшествием служилые люди с П. Дорофеевым подали коллективную челобитную о «нераденье» своего воеводы, разорении их киргизами и плохом снабжении хлебом кузнецкого гарнизона¹³.

Наряду с киргизами и подчинёнными им различными родоплеменными группами, большую угрозу русскому населению Кузнецкого уезда представляли правители телеутских потестарных образований (улусов) — князцы Мачик и Абак. Как уже упоминалось выше, 7 октября 1639 г. улусные люди Мачика коварно напали на мирных русских людей на «калмацком торгу», в результате чего было убито 15 человек, столько же ранено, а также захвачено в плен немало кузнецчан. Дорофеев со своими подчинёнными участвовал в погоне за телеутами, сумел настигнуть отставших и отбить часть «русского полона», но основной отряд сумел безнаказанно уйти от погони¹⁴.

Зимой 1643 г. атаман возглавил отряд из 93 служилых людей и 15 подгородных татар, с которыми ходил на керсагалов, участвовавших с телеутами в вероломном нападении на Кузнецк и не плативших ясак с 1632 г. «Изменники», собрав около сотни воинов, вступили со служилыми людьми в бой, который закончился для них поражением, после чего они прислали часть ясака в Кузнецк и сообщили о своей готовности к принятию русского подданства¹⁵.

В 1649 г. воевода А. Сытин направил П. Дорофеева «с товарищи» в бассейн Бии, где находились Кумандинская, Кузенская, Щелкальская, Тиргешская и Комляшская волости, для выяс-

нения причин уменьшения ясачного сбора. Жители указанных ясачных волостей объяснили сокращение своего ясака (с 10 до 5 соболей с человека) положением двоеданников, при котором им приходилось платить ясак русскому царю и телеутскому князю Коке.

С целью ликвидации возникшей системы двоеданничества, а порой и троеданничества, которая была нередким явлением в сибирской практике, служилые люди П. Дорофеева подали челобитную с предложением строительства острога на месте слияния Бии и Катунь. Казаки мотивировали свою просьбу выгодностью места расположения будущего острога «на калмацком перевозе серед земель неясашных», новой ясачной прибылью и возможностью осуществлять оборону от «немирных орд».

В челобитной содержались также условия, при которых возможно было осуществить возведение нового острога в самом центре Телеутской земли¹⁶. Но правительство, не располагая значительными силами в данном регионе, сочло их инициативу преждевременной. Очевидно, это хорошо понимал и сам атаман Дорофеев, поэтому его подпись в челобитной отсутствовала.

Служебная деятельность П. Дорофеева не ограничивалась лишь сбором ясака и военными походами на «изменников» и «немирных людей». Являясь авторитетным старожилом Кузнецка, он выступал активным участником и проводником многих инициатив и решений войсковой организации — служилого «мира», который во многом сдерживал самовластие воевод и был в Сибири по сути «второй властью». Принимаемые миром решения были направлены на выполнение задач местного управления, в первую очередь на создание необходимых жизненных условий и удовлетворение насущных потребностей населения в удалённом от основных русских баз и коммуникаций пограничном остроге.

В начале 1623 г. в Кузнецке было завершено строительство Преображенской (Спасской) церкви, возведённой по инициативе жителей и при поддержке сибирского архиепископа Киприана, но её оснащение «церковным строением» затянулось на несколько лет. Для приобретения колокола в 1628 г. служилыми людьми было собрано «600 хвостов собольих» и подана коллективная челобитная на имя царя с просьбой о даче казённых

подвод для доставки колокола из Москвы. Среди подписавших челобитную был и десятник Дорофеев¹⁷.

В 1641 г., будучи уже атаманом, он просил от имени всех жителей определить ссыльного нерехтского попа С. Михайлова, посланного в Кузнецк в пашню за «разбойное дело», священником в местную церковь¹⁸. Эта просьба была вызвана недовольством службой местного попа Ивана Иванова, бывшего московского «архангельского ключаря», отказывавшегося крестить служилых «иноземцев» в православную веру. Правительство отклонило предложение жителей Кузнецка, но вскоре прислало туда своего священника Меркурия Левонтьева¹⁹.

Имя Дорофеева упоминается в 1634/1635 г. в другой мирской челобитной об организации суда и судопроизводства в самом Кузнецке, а не в удалённом разрядном центре — Томске²⁰. Ходатайство было удовлетворено, вскоре кузнецкие воеводы получили право самостоятельно вершить суд и расправу над населением.

В 1636 г. Дорофеев с воеводой Я. Кушелёвым от имени 110 служилых людей обратился в Сибирский приказ с просьбой об оснащении гарнизона более совершенным огнестрельным оружием, так как «киргизские и калмацкие люди... збруйные, в кукях и в пансырях и в шеломах и тех коротких пищалей на бою не пробивают». Вскоре в Кузнецк поступило из Москвы 60 ручных пищалей, 50 карабинов и колокол «сполошного боя»²¹.

Круг служебных обязанностей атамана в пограничном, удалённом остроге, в отличие от наказов воеводам, не был определён официальными рамками и предписаниями. Наряду с несением воинской службы ему приходилось выполнять и полицейские функции: осуществлять надзор над ссыльными «опальными людьми», «колодниками», принимать меры в отношении лиц, нарушающих царские указы и общественное спокойствие.

17 октября 1640 г., по указанию воеводы Г. Кушелёва, П. Дорофееву довелось проводить допрос «литвина» Андрея Бернацкого, сосланного с семьёй в Кузнецк по какому-то «великому государеву делу», который «без воеводского ведома» и пристава самовольно ходил на «калмацкий торг», расположенный за стенами острога²².

Как уже упоминалось выше, в 1635 г. в Кузнецк был сослан в службу скандально известный своими похождениями в Сиби-

ри тобольский сын боярский Савва Французенин, а в 1645 г. «ссылный служилый человек» Григорий Плещеев-Подрез. Указанные лица пытались продолжить в Кузнецке свою прежнюю «воровскую», криминальную деятельность: курили вино, варили пиво, которое продавалось горожанам, подбивали ссыльных к побегу и оказывали неповиновение местным властям. Но их «воровские» действия вскоре были пресечены не без участия атамана и служилых людей. По их челобитью оба смутьяна были высланы за пределы острога: Г. Плещеев-Подрез через некоторое время оказался в далёком Якутске, С. Французенин — в более ближнем Красноярском остроге²³.

Атаман, в отличие от часто меняющихся воевод, также проявлял большую заботу об обеспечении ратных людей денежным и хлебным жалованием, которое нередко задерживалось и не выплачивалось в полном объёме. Весной 1643 г. П. Дорофеев с группой казаков сопровождал ясачную казну в Москву, 9 августа вернулся обратно с государевой грамотой и полным денежным жалованием служилым людям²⁴.

Выросший из служилой среды, хорошо знавший и соблюдавший её неписаные и незыблемые правила, атаман пользовался несомненным авторитетом и широкой поддержкой среди всего населения Кузнецка. Это наглядно проявилось летом 1648 г. в тревожной обстановке, вызванной вестями о начале большой «смуты» в Томске. Восставшие томичи в своих «воровских письмах» призывали кузнецких жителей последовать их примеру — свергнуть воеводу А. Сытина, «побить» его советника — атамана П. Дорофеева, других «лутчих людей» (6 человек) и «быть совете во всём» с томскими казаками²⁵. Но радикальные действия томского служилого мира не были поддержаны большинством населения Кузнецка. Воевода и атаман сумели удержать ситуацию под контролем, успокоить собравшихся на площади людей и не допустить раскола общества. Кузнецкая «смута», в отличие от продолжительного томского «бунта» и городских волнений, произошедших в Верхотурье, Нарыме, Таре и Тюмени, не помешала своему дальнейшему развитию.

Другим свидетельством доверия к атаману и воеводской власти со стороны служилых людей стали события 1653 г., получившие название «кузнецкого гиля». Подробно это будет показано ниже.

Свою служебную деятельность атаман успешно сочетал с земледельческим трудом. В 1642 г. он был единственным из начальных людей, кто служил без хлебного жалования, «с пашни», т.е. полностью обеспечивал себя собственным хлебом²⁶. Его имя, в отличие от других начальных лиц, не упоминается в «додаточных росписях», фиксирующих задолженность хлебного жалования служилым людям за многие годы. Возделываемая им пашня размещалась в 15 верстах от города; со временем она выросла в большую деревню, получившую название Атаманово. Очевидно, размеры пашни Дорофеева превышали установленные ещё тобольским воеводой-реформатором Ю. Сулешевым нормы, так как в начале 1650-х гг. атаман вместе с детьми боярскими П. Лавровым и Р. Грожевским препятствовали проведению переписи пахотных земель, не давали их описывать и призывали к тому же всех кузнецких жителей-земледельцев²⁷.

В 1660 г. его имя уже не упоминается в окладных книгах, очевидно, к этому времени атамана не было в живых или он был отставлен от службы. На его место был повёрстан его старший сын Нефёд Петров, с окладом 10 руб., 6 четей ржи, 4 чети овса²⁸. После смерти Нефёда по мирской «заручной» челобитной при воеводе Г. Волкове (1674–1676) был вёрстан в атаманы другой сын Петра Дорофеева Корнило Петров. В своей «скаске» на указанном выше «разборе» Корнило сообщил, что до назначения его в атаманском звании он состоял десять лет в конных казаках с окладом 7 руб. с четью, 6 четей с осминой ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли и «в том своем казатцком окладе служу государю многие годы истинною правдою и беспорочно». Упоминание о его службе в чине атамана встречается в источниках в 1681, 1685 гг.²⁹

Подводя итоги служебной деятельности кузнецкого атамана, следует отметить, что воинский путь и государева служба П. Дорофеева во многом были схожи с деятельностью многих ратных людей, оказавшихся в Сибири в начальный, наиболее трудный период её освоения. Характерной чертой его личности была активная жизненная позиция, в которой тесно сочетались ратные дела, непосредственное участие в обустройстве внутренней жизни города, хозяйственные занятия и земледельческая деятельность. Участие в событиях Смутного времени, борьба с западными «неприятельскими» людьми

и восточными воинственными кочевниками выработали в нём качества несомненного лидера, способного противостоять как внешним вызовам, так и угрозе внутренней безопасности русского населения в условиях сибирского фронта. Отстаивая и защищая интересы своего сословия, П. Дорофеев в то же время выступал за сотрудничество и взаимодействие с местными воеводами, являвшимися носителями государственной власти, что позволяло сохранять единство и сплочённость кузнецкого общества в военных конфликтах с кочевниками и внутренних чрезвычайных ситуациях.

¹ Резун Д.Я., Василевский Р.С. Родословная сибирских фамилий... С. 58–59.

² РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 1003 об.–1004.

³ Замятин А. «Псковское сиденье» (Героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г.) // Академия наук СССР. Исторические записки. Т. 40. М., 1952. С. 186–213; Станиславский А.А. Гражданская война в России... С. 116–117.

⁴ Станиславский А.А. Указ. соч. С. 240.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 6. Л. 167; Стб. 27. Л. 299; Кн. 458. Л. 82.

⁶ Там же. Ф. 214. Кн. 458. Л. 6 об., 82; Кн. 70. Л. 587 об., 133 об., 213 об.; Кн. 153. Л. 168; Кн. 189. Л. 70.

⁷ Прибыльные дела сибирских воевод... С. 85.

⁸ РИБ. СПб., 1882. Т. 8. № XXXV. С. 474–475.

⁹ Там же. Т. 8. № LXI. С. 600–601.

¹⁰ Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — в середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. С. 82; Добжанский В.Н.

Походы П. Сабанского на Телецкое озеро и Ф. Пушина на реку Бия: время, причины, последствия // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2017. № 1. С. 30, 33.

¹¹ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 50–54.

¹² Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 477.

¹³ Вершинин В. Воеводское управление в Сибири... С. 58, 62.

¹⁴ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 63.

¹⁵ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 566–567; Самаев Г.П. Горный Алтай... С. 64–65.

¹⁶ Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул, 2015. С. 43–45.

¹⁷ РИБ. Т. 8. № XLVIII. СПб., 1882. С. 529–430.

¹⁸ Архив Института российской истории Санкт-Петербургского отделения РАН (далее СПб ф ИРИ РАН). Ф. 246. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

¹⁹ Добжанский В.Н. Первый кузнецкий священник И. Иванов // Кузнецкая старина. Вып. 5. Новокузнецк, 2003. С. 13–15.

²⁰ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 490–491.

²¹ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 68–69.

²² ЧОИДР. Кн. 4. М. 1908. С. 41.

²³ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество ... С. 89; Чистякова Е.В. Томское восстание 1648 / Русское население Поморья и Сибири (эпоха феодализма). М., 1973. С. 78–79.

²⁴ Исторические акты XVII столетия (1633–1699)... 1890. С. 9.

²⁵ Чистякова Е.В. Указ. соч. С. 87–88; Покровский Н.Н. Томск, 1648–1649 г. ... С. 242–243.

²⁶ РГАДА. Ф. 214. Кн. 153. Л. 169.

²⁷ Уманский А.П. Указ. соч. С. 86.

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 415. Л. 1; Кн. 716. Л. 389; Кн. 716. Л. 1003 об.

²⁹ Там же. Ф. 214. Кн. 716. Л. 1003 об.–1004 об.; Стб. 749. Л. 633.

Служилый мир Кузнецка и воеводская власть

Исследованию истории создания и функционирования системы управления Сибири в конце XVI — начале XVII в. посвящено уже немало работ. Наиболее значительной является монография В. А. Александрова и Н. Н. Покровского, показавших сложный процесс становления в Сибири политического института российской сословно-представительной монархии, основанного на реальном взаимодействии воеводской администрации с земскими мирами русского населения и с социальными структурами коренных народов¹. Учёные убедительно показали, что отдалённость восточного региона, его малая заселённость и относительная слабость государственных органов управления во многом способствовали возникновению в Сибири особой системы и структуры воеводской власти, осуществлявшей важные управленческие функции совместно с демократическими мирскими организациями.

Однако изучению специфики управления в отдельных порубежных районах до недавнего прошлого не уделялось должного внимания. Исследователи либо ограничивались отдельными сведениями о правлении воевод в порубежных уездах, либо вообще отрицали наличие на фронтире особых представительных организаций — служилых «миров». Между тем в отдалённых порубежных районах (Кузнецк, Красноярск, Нерчинск, Албазин) последние играли значительную роль в местном управлении и оказывали большое влияние на воеводскую власть и все стороны жизнедеятельности русского и коренного населения на всём протяжении XVII в.

Задача настоящего очерка — раскрыть механизм взаимодействия воеводской власти и служилого «мира» кузнецкого общества в XVII в., выяснить сферы сотрудничества и причины конфликтов, возникавших между сторонами, определить роль и значение местного управления в условиях фронта Южной Сибири.

Возведённый в 1618 г. в Верхнем Притомье Кузнецкий острог с самого начала был призван защищать южные рубежи русских

владений в Западной Сибири и собирать ясак с коренного подвластного населения. Выполнение этих функций осуществлялось в обстановке постоянной военной угрозы со стороны южно-сибирских кочевых правителей, их частых и разорительных набегов, оторванности от основных баз русской колонизации, малочисленности первых поселенцев и других неблагоприятных факторов.

Невзирая на нелёгкие условия проживания на фронтире, русское и русскоязычное население успешно решало возложенные на него задачи колонизационного характера.

Закреплению русских на новой сибирской «окраине», её заселению и успешному освоению во многом способствовало создание и функционирование в Кузнецке особой системы управления. Её представляли, с одной стороны, часто сменявшиеся воеводы «с Руси» с постоянной местной бюрократией, с другой — сильный общесословный служилый «мир» (или «войско»), состоящий преимущественно из казаков и начальных людей — атаманов и детей боярских. Указанный сословный институт нередко выступал противовесом воеводскому всевластному правлению и являлся своеобразным гарантом внутренней стабильности и социальной защищённости населения уезда.

Благодаря наличию этого устойчивого «двоевластия» небольшой Кузнецкий острог сумел не только выстоять в трудные для него времена, отразить удары многочисленных врагов, но и значительно расширить свою территорию, а также принять участие в совместных походах служилых людей и возведении новых русских острогов и городов. В отличие от других зауральских городов-крепостей, его не потрясли значительные «бунты» и «смуты», которые были нередким явлением в сибирской жизни. Все 28 кузнецких воевод в течение столетия (1618–1718 гг.) благополучно «досидели» отведённое им на своём посту время и не были сметены, как в других местах, народными волнениями или мирскими челобитными, зачастую вскрывавшими их огромные злоупотребления и произвол. Находясь у власти непродолжительное время (от 2 до 5 лет), не имея прочных связей с разрядными городами и возможности получать от них своевременную помощь, кузнецкие воеводы вынуждены были приспособляться к местным условиям, сложившейся до них практике управления и, так или иначе, мириться с наличием

«второй власти», опираться на неё, а при необходимости использовать её в своих целях.

Когда и каким образом возник этот своеобразный дуализм власти, и какую роль он играл в жизни Кузнецка?

Складывание служилого «мира» в Кузнецком остроге было тесно связано с формированием постоянного гарнизона и образованием самостоятельного воеводства. Ядро гарнизона составили томские годовальщики, присланные из Тобольска казаки, повёрстанные в служилые гулящие люди и ссыльный служилый элемент, в котором преобладали «черкасы» и «литва». Опасные и тяжёлые условия существования колонистов среди многочисленных и враждебных аборигенов побуждали их к единству, сплочению и созданию собственного органа управления. Его руководителями становились наиболее опытные, авторитетные и преимущественно грамотные представители служилой среды. Большинство из них составляли начальные люди, происходившие из разных слоёв, в том числе и из рядовых казаков. Благодаря своим личным качествам и ратным заслугам они были выдвинуты на командные должности. К ним относились: дети боярские Роман Грожевский, Фёдор Сорокин, Иван Петлин, Пётр Лавров; атаманы Пётр Дорофеев, Корнила Петров, Иван Бедарь; пятидесятники Кузьма Володимеров, Пётр Кузьмин, Кондратий Бызов; десятники Владимир Оверкиев, Борис Кузьмин, Шестак Яковлев, Парфен Борисов, Максим Остафьев, Степан Варламов, Григорий Тузовский и другие. Подписи указанных лиц сопровождали многочисленные мирские челобитные, содержание которых отражает реальное участие мира в постановке и разрешении самых злободневных вопросов жизнеобеспечения всех русских поселенцев.

Челобитная практика особенно широко использовалась «миром» в 20–30-е гг. XVII в., когда шёл процесс формирования постоянного контингента русского населения Верхнего Притомья. Своими «заручными» мирскими челобитными на имя царя его представители выражали и отстаивали наиболее насущные жизненные интересы и потребности всех жителей острога и уезда. Среди них были просьбы об отмене таможенных пошлин при покупке лошадей, угнанных у них кочевниками (1628 г.), уменьшении государственной пашни (1629 г.), выделении подвод для перевозки колокола и назначении ссыльного

С. Михайлова попом в Преображенскую церковь (1628, 1641 гг.), организации судопроизводства в Кузнецке (1634 г.) и др.² Все они свидетельствовали о стремлении кузнецян обустроить свою жизнь на долговременной постоянной основе, а невозможность решить эти вопросы своими силами побуждала их обращаться непосредственно к центральной власти. Чтобы усилить своё воздействие на центр и добиться удовлетворения своих просьб, «мир» нередко мотивировал их исполнение интересами государственной целесообразности и получения «государевой прибыли», подчёркивал их значимость и, как правило, не получал отказа в их исполнении.

Наиболее заметно участие «мира» проявлялось в обсуждении и выполнении различных государевых служб и осуществлении военной деятельности. Все кузнецкие воеводы вынуждены были считаться с мнением мира в организации обороны города и уезда, проведении военных операций и походов, определении их сроков и маршрутов, назначении командиров и осуществлении других военных мероприятий.

Напомним, что попытка воеводы Ф.И. Нащокина в 1634 г. игнорировать мнение служилых людей по укреплению обороны острога обернулась для гарнизона большими материальными потерями и навлекла на него мирскую челобитную. В ней воевода обоснованно обвинялся в непринятии необходимых мер безопасности во время набега «киргизов», в результате чего им удалось сжечь хлеб на полях и нанести городу большой материальный ущерб³. С учетом этого «нерадения» его преемнику воеводе Г.Я. Кушелёву пришлось спешно укреплять острог и от имени всего мира просить Москву о замене «коротких» пищалей на более совершенные, способные в бою пробивать «куяки», «пансыри» и «шеломы» и дополнительном «огненном наряде», что было незамедлительно выполнено со стороны правительства⁴.

В 1678 г. при выполнении нового «острожного строения» по предложению «мира» было принято решение отказаться от ежегодного укрепления земляного вала, который постоянно осыпался и не был для врагов серьёзным препятствием. Взамен этого на валу были сооружены прочные деревянные туры, наполненные землёй, углублён ров, продолжены и усилены крепостные стены «огненным нарядом» (артиллерией)⁵. Благо-

даря новым, более совершенным укреплениям и вооружению, Кузнецк успешно выдержал не одну осаду и отразил нашествия многочисленных врагов.

Осведомлённость и компетентность служилого мира в военной сфере высоко ценили в Сибирском приказе. Уже упоминалось, что 27 марта 1638 г. в царской грамоте воеводе П.И. Дубровскому содержалось требование предоставить в Москву подробную информацию для подготовки запланированного большого похода сибирских служилых людей против енисейских киргизов.

Служилый мир оказывал непосредственное влияние на обстановку в уезде и в период социальных потрясений, когда возникла угроза внутренней стабильности и безопасности всего населения. В мае 1648 г. благодаря поддержке служилого мира воеводе Ф.А. Сытину удалось предотвратить распространение «смуты великой», начавшейся под воздействием известного томского восстания 1648–1649 гг., и избежать её опасных и тяжёлых последствий⁶.

Совместные действия и единство «мира» с воеводской властью, их решимость отстаивать и защищать общие интересы наиболее ярко проявились в «калмыцком гиле» в марте 1653 г. Это событие во многом было обусловлено грабительскими набегами телеутов на Кузнецк и его окрестности. В ответ на их враждебные действия воевода Ф.И. Баскаков, заручившись поддержкой «мира», организовал несанкционированный поход на кочевников, в результате чего его участниками была захвачена и поделена между собой богатая добыча: 170 лосиных туш «с кожами и мясом» и 16 человек «ясыря». В свою очередь, самовольные действия кузнецян вызвали жалобу телеутского князя К. Абакова томской администрации, обеспечивающей руководство внешними и военными делами в разряде. Прибывшей в Кузнецк из Томска следственной комиссии было предписано выявить и конфисковать «калмыцкий полон», арестовать и наказать руководителей похода атамана П. Дорофеева, сына боярского Р. Грожевского и других лиц. Но воевода Ф. Баскаков, ссылаясь на практику своего отца Е.И. Баскакова, управлявшего острогом в 1623–1625 гг., решительно выступил в защиту своих подчинённых. Он заявил, что его отец единолично, не советуясь с Томском, решал вопросы войны и мира с телеутами, и он не по-

зволит комиссии осуществлять расправу над его людьми и не отдаст ни одного ясыря в Томск. На помощь воеводе пришли рядовые служилые люди, которые отбили арестованных кузнечан, а самих сыщиков избили. При этом десятник конных казаков С. Варламов заявил пострадавшей комиссии: «Кузнецкий де острог покинем и поставим себе острог на устье Бии, Катуня или на Алтын озере... а ис Томского де хотя пришлют тысячу людей и болши и мы не дадимся»⁷.

Примечательно, что никто из участников «гиля», направленного против представителей вышестоящей разрядной власти, серьёзно не пострадал. Все действующие лица продолжали нести нелёгкую государеву службу на сибирском фронтире, принимать и осуществлять на свой страх и риск решения, не всегда согласовывая их с Томском или Москвой.

Влияние служилого мира на положение дел в остроге и уезде проявилось не только в осуществлении военных, ясачных и других функций, но и в решении кадровых вопросов. В ноябре 1672 г. в Кузнецке скоропостижно умер воевода Н.Б. Доможиров, который пользовался авторитетом среди населения. Не дожидаясь указа из Москвы о назначении нового воеводы, служилый мир по-своему решил вопрос об определении его преемника. Атаман конных казаков Иван Бедарь вручил заручную мирскую челобитную на государево имя сыну умершего Логину Доможирову, в которой все жители города и уезда просили царя о назначении его воеводой вместо отца. При этом выборные мирские лица пригрозили жаловаться на его «нерадение», если он откажет им и уезд останется без воеводского правления со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями. Под давлением мира Л. Доможиров вынужден был вступить в эту должность и выполнять воеводские обязанности в течение года⁸.

Однако сотрудничество и взаимодействие «мира» с местной и центральной властью не всегда являлось прочным и долговременным. Кузнецкий мир, как и все сибирские мирские организации, стремился не только приносить государству «прибыль», но и одновременно удовлетворять свои потребности и интересы, которые не всегда совпадали с воеводскими (правительственными) предписаниями. Как точно подметил Н.Н. Покровский, «бездумное подчинение замыслам и приказам воевод, даже если

они исходили из Москвы, не входило зачастую в их планы»⁹. В Кузнецке, как и в других сибирских городах, нередко возникали конфликтные ситуации «мира» с воеводами и другими неудобными лицами. Как правило, они были связаны с отказом служилых людей выполнять обременительные повинности, скрытым саботажем или корректировкой невыгодных для них правительственных распоряжений, обвинением воевод в нерадении, злоупотреблениях и т.д.

В июне 1620 г. служилые люди отказались переносить острог на новое место, а когда воевода Т.С. Бобарыкин пытался силой заставить их выполнять правительственное распоряжение, это вызвало открытое сопротивление, при котором он и его помощники были избиты¹⁰. В 1638 г. служилый мир отказал воеводе Г.Я. Кушелёву в строительстве тюремной избы, обнесённой «тыном», для «опального литвина» А. Вернадского, мотивируя это загруженностью другими, более важными делами¹¹.

При подготовке похода Я. Тухачевского в 1641 г. в «киргизскую землю» для постановки Ачинского острога кузнечане вместе с другими служилыми людьми отказывались идти под его началом. Когда поход всё же состоялся, они выступили в роли «пущих воров и заводчиков», оставили воеводу «посеред киргизской степи» и увели с собой значительную часть его отряда по «старой кузнецкой дороге». «Пущим воров и заводчиком» при этом выступил казачий пятидесятник Куземка Володимиров¹².

При осуществлении дальних походов на «неприятельских людей» служилый мир нередко выработывал более приемлемые и выгодные для себя варианты походов, устанавливал свои сроки и маршруты и, тем самым, вносил значительные изменения в правительственные указы, направленные Москвой кузнецким и томским воеводам. Зимой 1700 г. Сибирский приказ потребовал от Кузнецка и Томска оказать совместными силами военную помощь красноярцам в борьбе с енисейскими киргизами. Но служилые люди, ссылаясь на «снега большие» и «морозы великие», отказались совершать тяжёлый и дальний поход на Енисей. Они ограничились неглубокими рейдами в пределах Кузнецкого и Томского уездов и, тем самым, по-своему решили поставленную задачу¹³.

В то же время, отказывая воеводам в осуществлении отдельных тяжёлых и обременительных служб, внося значительные

корректировки в правительственные распоряжения, служилые люди по указанию «мира» исправно выполняли обязанности по защите своих границ, сбору ясака, строительству новых крепостей и т.п. Попытки отдельных представителей кузнецкого общества нарушить установленный порядок, завести «воровство», вовлечь в него недовольных людей и тем самым нанести ущерб «государеву делу» пресекались не только воеводой, но и самим миром.

В 1645 г. воевода А. И. Зубов при поддержке служилого мира добился высылки из Кузнецка известного в Сибири своей разоблачительной и криминальной деятельностью ссыльного дворянина Г. Плещеева-Подреза. Во время «калмыцкого гиля» 1653 г. служилый мир не поддержал конного казака А. Жернакова, пытавшегося своим «изветом» изобличить воеводу Ф. Баскакова и его начальных лиц, организовавших самовольный поход на телеутов¹⁴.

Схожая ситуация возникла в 1687 г., когда пеший казак С. Хлыновский обличал воевод И. Давыдова, П. Дубровского, И. Конищева и других начальных лиц в разорении ясачных людей, утайке государева жалования, торговле оружием и т.д. Но все его обвинения были умело дезавуированы воеводами и начальными людьми, которые инспирировали на него не одну мирскую челобитную на имя царя, где он был представлен как «составщик», «задирик», «напрасный миропродатель», «наглый заводчик и поругатель». Характеризуя С. Хлыновского как враждебный всему обществу элемент, мирского отступника, от которого жители «вконец погибают, домами разоряются», а несение государевой службы «задерживается», воевода И. Конищев добился высылки его в Томск, оттуда вскоре, по челобитной уже томичей, его отправили в Красноярск¹⁵. Тем самым, влияние мира использовалось для расправы с неудобными лицами, чья бурная и неуёмная деятельность сочетала в себе, наряду с разоблачением махинаций воевод и военной верхушки, свои неблагоприятные, нередко криминального характера действия, которые не находили широкой поддержки у населения.

Таким образом, приведённый материал свидетельствует о наличии в Кузнецком уезде в XVII в. особой системы местного самоуправления — мирского корпоративного сообщества, представлявшего собой реальный дуализм воеводского (прави-

тельного) и служилого (военно-публичного) начал. Тесное взаимодействие и сотрудничество «двух властей» во многих сферах жизни кузнецкого общества было обусловлено фронтальным положением уезда и относительно слабой воеводской (государственной) властью, которая с помощью «мира» успешно решала сложные задачи в деле колонизации новой территории и закреплении её за Русским государством.

¹ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

² Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. № 316. С. 406–497; РГАДА. Ф. 214. Стб. 49. Л. 125; РИБ. Т. 8. СПб, 1884; Стб. 609–610, 629–630.

³ Вершинин Е. В. Воеводское управление... С. 58, 62.

⁴ Уманский А. П. Телеуты и русские... С. 68–69.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Стб. 1052. Л. 252–256.

⁶ Покровский Н. Н. Томск, 1648–1649 гг. ... С. 242–245.

⁷ Уманский А. П. Указ. соч. С. 86–87.

⁸ Вершинин Е. В. Указ. соч. С. 62.

⁹ Александров В. А., Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 172.

¹⁰ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. № 97. С. 453–454.

¹¹ ЧОИДР. М., 1908. Кн. 4. С. 40–43.

¹² Резун Д. Я. Русские в Причумылье... С. 66–68.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1. Л. 1–5; Памятники сибирской истории ... Кн. 1. № 25. С. 107–108.

¹⁴ Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 43.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Стб. 1071. Л. 1–5 об., 50–62; Стб. 198. Л. 1–16 об.

«Разбор» служилых людей Кузнецка в 1681 г.

Правление царя Фёдора Алексеевича, несмотря на кратковременный период, было отмечено серьёзными преобразованиями в военной сфере. Наряду с созданием военных округов и централизацией управления вооружённых сил, правительством были предприняты серьёзные шаги по улучшению кадрового состава русского войска. В начале 1680-х гг. по всей стране был проведён «разбор» служилого приборного войска, целью которого стало выявление его количественного и качественного состава и очищение от выходцев из «тягла» и лиц неслужилого происхождения.

Летом 1681 г. кузнецкий воевода П. И. Дубровский получил наказ из Сибирского приказа о проведении «разбора» командного состава и конных казаков вверенного ему гарнизона. В нём было предписано: «разобрать детей боярских и атаманов и литву и конных казаков которые годятся в городовую и полковую службу» с соблюдением следующих условий: «скольких то лет служат и в каком окладе поверстаны и по какому его великого государя указу и в каком окладе поверстаны и которые по его великого государя грамотами верстаны в дети боярские и какого они чину наперед сего были и каких отцов дети и о том взять у детей боярских сказки за руками... и о том велено писать к нему великого государя в Сибирский приказ»¹.

Руководствуясь этими указаниями, 15 июня 1681 г. воевода осуществил «разбор» детей боярских и конных казаков кузнецкого гарнизона, на основании которого составлен «именной разборный список», показания каждого из участников «разбора» были изложены в «скасах» и подтверждены личной подписью или «за руками» доверенных лиц.

В разборе приняли участие 92 кузнецких ратника, что составило почти 40% от всего военного контингента гарнизона. Среди подавших «скаски» было 24 представителя командного состава и 68 конных казаков, по причине командировки в Москву отсутствовали 4 человека.

Итоги «разбора», представленные в «разборном списке» в Сибирский приказ, несут ценную информацию для исследо-

вателей истории вооружённых сил Русского государства в преддверии реформ Петра I. Они содержат не только сведения о военном статусе, размерах окладов, времени и сроках несения службы ратных людей Кузнецка, но и дают достаточно полное представление об источниках формирования сибирского служилого войска, порядке верстания в службу, этническом и социальном происхождении его представителей, семейных связях, условиях несения службы и других важных моментах, характеризующих состав и военную сферу деятельности служилого населения фронтального сибирского города XVII в.

Анализ «разбора» свидетельствует о том, что воинскому контингенту Кузнецкого острога были свойственны структурные элементы, присущие всем сибирским городам, за исключением специальных подразделений, созданных в разрядных центрах для лиц иностранного происхождения — «литовского списка» и полков «нового строя».

Высший слой гарнизона составляли «начальные люди»: дети боярские, сотники (атаманы) и пятидесятники (полусотники). Согласно предъявленному воеводой списку в «разборе» участвовало: 14 детей боярских, 1 атаман, 2 пятидесятника. Характерной особенностью командного состава Кузнецка являлось то, что значительную часть детей боярских (9 человек из 14) составляли выходцы из Речи Посполитой, в том числе 1 из крымских татар, представителей русского происхождения насчитывалось лишь 5 человек. Почти все поляки, за исключением Михайлы Грошевского (Грожевского), были взяты в плен в ходе войны России с Польшей в 1650–1660-е гг.

Русскую группу «начальных лиц» Кузнецка составляли 3 сына боярских, 1 атаман и 1 пятидесятник. Они являлись потомками сибирских служилых людей и представляли сравнительно молодое поколение командных лиц, срок службы которых в Кузнецке составлял от 5 до 10 лет. Своим назначением они в основном были обязаны заслугам их родственников, имевших богатый опыт службы в Европейской России и Сибири. Так, атаман Корнило Петров сообщил, что его отец Пётр Дорофеев нёс службы «против неприятельских людей» под Москвой, Великим Новгородом, Псковом, Тихвином; находясь в Кузнецке, был атаманом у конных казаков «лет сорок», где и умер, а он «пожалован на место отца своего» и служит в Кузнецке «верой и правдой» десять лет².

Пятидесятник конных казаков Фёдор Кузьмин указал в своей «скаске», что его дед — выходец из Колмогор (Холмогоры) Владимир Аверкиев — был «прибран» из поморского города и повёрстан в Тобольске в конную службу, из Тобольска переведён в Кузнецк, где служил в десятниках 25 лет. Отец Фёдора Кузьма Володимеров за службу деда был пожалован в пятидесятники конных казаков и служил в Кузнецке 20 лет до своего «смертного убийства». После гибели Кузьмы на его место был повёрстан его старший сын Пётр Кузьмин, состоявший в этом чине девять лет. После смерти Петра в 1671 г. пятидесятником стал его брат Фёдор³.

Приведённые Ф. Кузьминым данные о службе своих родичей подтверждаются другими источниками. Его отец, именуемый в официальных документах как Куземка Володимеров, упоминается в Кузнецком остроге в 1624 г. как пеший казак, в 1630 и 1633 гг. — конный казак с окладом 5 руб., 5 четей с осминой ржи, 2 чети овса, пуд соли. В 1637 г. он значился десятником конных казаков с окладом 7 руб. с четью, 6 четей с осминой ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли, в 1642 г. — пятидесятник с окладом 9 руб., 7 четей ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли.

К. Володимеров прославился своими успешными походами в ясачные волости в предгорья и глубины Алтая. Жизнь его завершилась трагически. Во время поездки за сбором ясака на Алтын-озеро (Телецкое) в декабре 1645 г. он был убит «телецкими людьми», возглавляемыми князем Айдаром⁴.

В своих «скасках» бывшие польские военнопленные идентифицировали себя как «польские шлектичи», перешедшие на службу великому государю. По их словам, они отказались вернуться на родину при обмене военнопленными, были крещены, повёрстаны в Москве в дети боярские с окладами от 10 до 20 руб. и направлены в Кузнецк. Их дети, повёрстанные в службу и занимавшие разные воинские чины в кузнецком гарнизоне, уже не отождествляли себя с польскими шляхтичами. Упоминания о «шляхте», «литве», «черкасах» как особых группах этнической общности в составе русских гарнизонов к концу века полностью исчезают из именных окладных книг и других русских делопроизводственных документов. Но, несмотря на заметное обрусение, потомки поляков, крымских татар, черкасов и других этносов сохранили историческую память о своих этнических корнях и социальном происхождении,

которая отчетливо прослеживается в документе проводимого служебного «разбора».

Об «иноземном» происхождении своих корней сообщил и рядовой конный казак Ивашка Флик (Фликов). По его словам, дед и отец (имена их он не называет) были «немецкой породы», а «выехали на ево государево имя из Вифлиеенской земли». В Москве дед И. Флика был повёрстан в конные казаки с высоким для этого чина окладом: 9 руб., 8 четей ржи, 5 четвертей овса, 2 пуда соли и сослан на службу в Кузнецкий острог «тому ныне сорок лет», где вскоре и умер. В его место и оклад был повёрстан отец Ивашки, который при воеводе И. Давыдове, правившем в 1676–1681 гг., «за старостью» от службы был отставлен. Сам Ивашка был принят на службу в 1678 г. с окладом его отца⁵.

В состав начальных людей входили представители «черкасских» (украинских) городов и земель. Среди них был сын боярский атаман Иван Бедарев, прославившийся в борьбе с телеутами и енисейскими киргизами. Его сыновья, конные казаки Иван и Григорий Бедаревы на «разборе» сообщили, что «отец наш Иван Бедарев черкасской породы и в прошлых годах тому сорок пят лет по указу великого государя... и по грамоте из Сибирского приказа прислан отец наш с Москвы в Сибир в Кузнецкой и велено быть в конной казачьей службе, и служил великому государю отец наш в конной службе лет дватцат и из Кузнецкого отец наш был на Москве и бил челом великому государю, чтоб ему быть в Кузнецком у конных казаков в пятидесятниках, и по указу великого государя и по грамоте из Сибирского приказу отец наш служил великому государю в пятидесятниках двадцат девят лет». Затем И. Бедарев вновь обратился с челобитной царю о назначении его атаманом у конных казаков. Его просьба была удовлетворена. По словам своих сыновей, И. Бедарев «служил великому государю в атаманех лет здесят и изволением божиим умре». Его оклад был учинён сыну Ивану, другой сын Григорий был повёрстан в «выбылое место» конного казака Еремея Кузьмина⁶.

К «черкасской породе» отнесли себя конные казаки: Евтюшка и Ивашка Карповы, Андюшка Есмонтов, Ивашка Веригин, Ивашка Черкашенин, Сенка и Артюшка Тузовские, Ивашка Тихонов, Ивашка и Гришка Ивановы «дети Бедаревы», Иван Демьянов, Мартынка Худолеев, Данилка Кузьмин, Илюшка

Черкашенин, Стенька Уманский, Емелька Калачиков, Демка Веригин, Климка Момотов⁷.

Низшее начальное звено при разборе представляли десятники конных казаков (7 человек). По их показаниям, они были назначены воеводами с одинаковым окладом жалования и происходили в основном из местной служилой среды. Срок службы в Кузнецке этой категории насчитывал от 1 года до 20 лет. Местами прежнего проживания своих отцов они указали города Европейского Севера: Устюг Великий, Вычегоду, Белоозеро, а также Запорожье.

Подробные и интересные сведения о службе своих родственников сообщил представитель этой группы Алексей Кирилов. Он показал, что его прадед был посадником в Великом Новгороде, но «от гнева сошёл на Великий Устюг, а с Устюга в Пермь Великую и как шёл с Волги атаман Ермак Тимофеевич и деда моего взял с собою в Сибир вожем». После взятия Сибири его дед нёс конную казачью службу в разных сибирских городах и даже был определён по челобитью томских жителей «в священство». Отец указанного десятника Кирилл Меркурьев был таможенным подьячим в Томске, Нарыме и Кузнецке, а сам Алексей Кирилов был повёрстан в десятники конных казаков на «выбылое место» воеводой И. И. Давыдовым в 1680 г.⁸ Приведённые им данные были подтверждены проведённым известным историком Д. Я. Резуном исследованием о неизвестных сподвижниках Ермака⁹.

Самую многочисленную группу в «разборе» (71 человек) составляли конные казаки. Данные разбора свидетельствуют, что почти половина из них (34 человека, 47,8 %) являлись потомками русских служилых людей: казаков, стрельцов, беломестных казаков, казачьих детей, являвшихся старожилками Кузнецка, а также детей ссыльных московских стрельцов, томских казаков и запорожских казаков (черкас). Почти все они указали местом рождения и верстания Кузнецкий острог, продолжительность и места службы своих близких родственников, направленных как «по прибору», так и сосланных «по указу», в Кузнецк в разные годы.

Большая доля казаков конной службы (26 человек, 36,6 %) была повёрстана в Тобольске и Кузнецке из гулящих и посадских людей, происходивших преимущественно из городов Европейского Севера: Холмогор, Вологды, Великого Устюга, Сысолы, Белоозера, Вычегоды, Соли Вычегодской, Яренска и др. 4 человека (5,6 %) назвали себя выходцами из немецких городов и Крыма,

7 человек (9,8%) не указали своё социальное происхождение и места выхода своих отцов¹⁰.

Наличие достаточно большой доли служилых людей — выходцев из посадских, гулящих и крестьян — свидетельствует о том, что запреты правительства об ограничении доступа в служилые сословия лиц неслужилого происхождения в Кузнецком остроге, как и в других пограничных форпостах, слабо соблюдались. Между тем царской грамотой от 30 ноября 1670 г. кузнецкому воеводе Н. Доможирову предписывалось: «На выбылые места... привёрстывать в службу после умерших и побитых детей и братьев и племянников», «гулящих и иных людей никакого на выбылые места не переводить»¹¹. Но малочисленность воинского контингента и постоянная военная угроза в южносибирском пограничье заставляли воевод принимать на службу всех лиц мужского пола, способных владеть оружием.

В «разборе» участвовал и выходец из коренного населения тюркского происхождения, конный казак Иван Байдай. В поданной им «скаске» он сообщил о своей непростой судьбе. По его словам, Иван был взят служилыми людьми в 1643 г. в Керсагальской волости в «полон» и привезён в Кузнецк. По-видимому, Байдай был пленён во время похода атамана П. Дорофеева и пятидесятника К. Володимерова в феврале 1643 г. Отряд Дорофеева погромил керсагальцев, участвовавших в нападении на кузнецкий торг в 1639 г. и отказавшихся платить ясак¹². В Кузнецком остроге его купил устюжанин, торговый человек Пахом Иванов, крестил в православную веру и обратился с челобитной к царю о поверстании его в конные казаки. По указу великого государя И. Байдая верстали в выбылое место переведенца из Кетского острога, фамилию которого он не помнит, с окладом 7 руб. с четью хлеба, 6 четей с осминой ржи, 4 чети овса и 2 пуда соли¹³.

«Разбор» выявил немалое влияние на назначение командных и других должностей в Кузнецке служилого мира и сохранение традиций казачьего самоуправления, с которыми вынуждены были считаться не только местные воеводы, но и Сибирский приказ.

Атаман конных казаков Пётр Корнилов сообщил, что был «поставлен на место отца своего» в атаманы в 1674 г. по мирской заручной челобитной. В 1677 г. по челобитью служилых людей был назначен десятником конных казаков Андрей Попов. Последний известен тем, что предлагал воеводам Кузнецка и Томска ещё в се-

редине 1650-х гг. возвести острог на устье Бии и Катуня для сбора ясака с подвластных телеутом коренных народов. По челобитным служилого мира был выбран трапезником в Преображенскую церковь отец десятника Сидора Тихонова и прислан из Томска для починки оружия казённый кузнец Леонтий Родионов¹⁴.

Отдельные участники разбора не забыли упомянуть в своих показаниях личные заслуги и достижения своих предков. Сын боярский Степан Круглик сообщил, что он поставил острог и завёл слободу с пашенными крестьянами в верховьях р. Сосновки¹⁵. Конный казак Иван Попугаев указал, что его дед, томский казак, был в составе посольства в Китае (возможно, это было посольство И. Петлина в 1618 г. — И.К.)¹⁶. Фёдор Тихонов заявил, что его отец Тихон Дементьев вместе с воеводой О. Аничковым ставил Кузнецкий острог и служил в нём «лет с пятьдесят»¹⁷. Конный казак Михаил Вершина, происходивший из крымских татар, сообщил, что его отчим томский казак Кузьма Салогоаев «проведывал» серебряную руду и слюду на Алтае¹⁸.

В разборном списке нашли отражение трудности несения военной службы на южносибирском фронтире, связанные с сильным противодействием русским «калмыцких и киргизских людей», борьбой с воинственными кочевниками, которая неизбежно влекла за собой человеческие жертвы. Конный казак Иван Шестаков сообщил, что его отец Прохор был убит «чёрными калмыками» (джунгарами) при сборе ясака в 1630-е гг.¹⁹ В результате вероломного нападения телеутов на «колмацком торгу» 7 октября 1639 г. погибло немало кузнецких жителей, среди них был Нифантий Максимов, дед конного казака Василия Максимова²⁰. В 1645 г. были убиты «телескими людьми» находящиеся на «государевой службе» отец пятидесятника Фёдора Кузьмина Кузьма Володимеров и конный казак К. Салогоаев²¹. Отец конного казака Никиты Петлина Иван Петлин был убит в Томске «при выласке» киргизами в 1650-е гг., дед конного казака Ивана Ишкулина был убит «на бою» «белыми калмыками» в 1680 г.²² Летом 1673 г. в результате набега «белых колмаков» на пригородные деревни Кузнецкого уезда, как уже говорилось, был сожжён в избе конный казак Тихонов с семьёй из девяти человек и погиб отец конного казака Левонтия Иевлева²³.

Таким образом, результаты «разбора» служилых людей Кузнецка показывают, что к началу 1680-х гг. его гарнизону были свой-

ственные традиционные черты, присущие военной организации Сибири и России в целом. Его основу составили потомки служилых людей, вышедшие преимущественно из казачьей среды. Этнический, сословно-социальный, региональный состав ратных людей и их предшественников отличался большой неоднородностью и пестротой происхождения. В высшем командном составе преобладали перешедшие на службу России и имеющие военный опыт выходцы из Речи Посполитой, в среднем и низшем начальном звене и среди конных казаков подавляющее большинство составляли русские служилые люди различного происхождения, вышедшие преимущественно из городов Поморья. Наличие в казачьей среде различных социально-этнических групп и источников формирования гарнизона, сохранение традиций казачьего самоуправления, нелёгкие условия службы были характерными чертами многих гарнизонов городов-крепостей сибирского порубежья.

Джунгарский пленник Иван Сорокин

В июне 1730 г. в российскую столицу возвратилось из Джунгарии посольство во главе с тобольским дворянином Максимом Этыгеровым. Вместе с ним прибыли отпущенные контайшой из плена десять россиян, среди них был и кузнецкий сын боярский Иван Сорокин. Последний поведал в Коллегии иностранных дел о своих злоключениях в джунгарском плену, пребывании там других «полоняников», в том числе и бывшего российского военнопленного, шведского штык-юнкера Иоганна Рената, ставшего волей судьбы или случая пленником двух держав, и о других важных известиях, вызвавших интерес у чиновников внешнеполитического ведомства¹.

Благодаря сведениям И. Сорокина в Петербурге стало известно об осуществлении Ренатом различных проектов в Джунгарии: организации артиллерийского и суконного производств, школы канониров, попытках модернизации ойратской армии, обучении детей и о других вынужденных инициативах, принятых им с единственной целью — получить обещанную контайшой свободу и вернуться на свою родину.

На фоне разносторонней деятельности Рената в Джунгарии личность И. Сорокина оказалась незамеченной. Его имя упоминается В. А. Моисеевым лишь в связи с изложением биографии И. Рената и участием И. Сорокина в посольстве Л. Угримова². Между тем имеющиеся архивные источники свидетельствуют о необычной и в то же время характерной и знаковой для своего времени жизни и судьбе русского служилого человека, чья деятельность проходила в условиях колониационного фронта Верхнего Приобья и Верхнего Прииртышья, являвшихся длительное время наиболее «горячими точками» сибирского региона. Изучение служебной биографии Сорокина и его генетических связей позволяет также выяснить источники пополнения сибирского дворянства, его социальный статус, особенности и отличия от других представителей служилого дворянства Европейской России.

Герой нашего очерка вышел из потомственной семьи сибирских служилых людей. Родословие этой династии и служба

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 716. Л. 982.

² Там же. Л. 1003 об.—1004 об.

³ Там же. Л. 1005—1006.

⁴ Служилые люди Сибири конца XVI — начала XVIII века... С. 171.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 1072 об.

⁶ Там же. Л. 1063.

⁷ Там же. Л. 1017 об.—1018, 1022—1022 об., 1030, 1032—1032 об., 1058 об., 1063—1064 об. и др.

⁸ Там же. Л. 1006 об.

⁹ Резун Д. Я. Новое об ермаковских казаках... С. 8.

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 1006 об.—1088.

¹¹ АИ. Т. 4. СПб., 1842. № 190. С. 460—461.

¹² Самаев Г. П. Горный Алтай... С. 69; Каме-
нецкий И. П. Русское население... С. 82.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 1088—1088 об.

¹⁴ Там же. Л. 1004 об.—1005, 1071—1072,
1048—1049.

¹⁵ Там же. Л. 1001 об.—1002.

¹⁶ Там же. Л. 1026 об.

¹⁷ Там же. Л. 1037—1037 об.

¹⁸ Там же. Л. 1035 об.—1036.

¹⁹ Там же. Л. 1008.

²⁰ Там же. Л. 107 об.—1008.

²¹ Там же. Л. 1036.

²² Там же. Л. 102, 1036 об.

²³ Там же. Л. 1013 об.

в Сибири её представителей достаточно полно прослеживаются в различных документах XVII — начала XVIII в. и дают хорошую иллюстрацию к его портрету.

Его прадед Тарас Семёнов Сорокин происходил из посадских людей Вологды. В 1620-е гг. по государеву указу был послан в Сибирь и повёрстан в конные казаки тобольским воеводой Д. Трубецким. Первые 20 лет своей службы он провёл в Таре, затем был переведён в самый южный сибирский форпост — Кузнецкий острог, где его дело продолжили сыновья³.

Один из них, Филимон Сорокин, был повёрстан на место своего отца в конные казаки. Его имя упоминается в окладных книгах Кузнецкого острога 1662, 1664 гг. с жалованием 7 руб., 6 четей с осминой ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли⁴. Отмечены и его ратные заслуги. 18 сентября 1674 г. он ходил с отрядом на калмыков, разорвавших русские деревни, отличился в сражении с воинственными кочевниками в центре Телеутской земли на р. Горевой, где ранил одного из них⁵.

Другой сын, Борис Сорокин, был повёрстан в конную службу в 1677 г., до этого 25 лет он был подъячим таможенной избы⁶. Как и другие ратные люди Кузнецка, братья Сорокины успешно прошли «разбор» в 1681 г., где указали, что они достойно продолжают дело своего отца и несут «государеву» службу «истинною правдою и беспорочно»⁷.

Сын Филимона Сорокина Фёдор Сорокин упоминается в следственном деле 1687 г. как пятидесятник конных казаков. Он обвинялся во время следствия над пешим казаком С. Хлыновским наряду с другими начальными людьми Кузнецка «во многих воровствах» и разорениях ясачных людей⁸. В 1690-е и последующие годы Ф. Сорокин, будучи уже сыном боярским и атаманом конных казаков, прославился военными успехами в борьбе с враждебными кочевниками. В сентябре 1700 г. он отличился при обороне Кузнецка, осаждённого джунгарами и телеутами, осуществил прорыв из крепости и во главе 250 казаков, преследуя врагов, сумел отбить у них большую партию пленных, скот и другое захваченное имущество⁹. В 1704 г. кузнецкий атаман руководил военной экспедицией, предпринятой против енисейских киргизов, где было захвачено большое количество ясыря. Выдачи этого «полона» долго и безуспешно добивались джунгарские владельцы¹⁰. В 1708 г. казаки атамана

ходили в «Калмыцкую землю», где на р. Чумыш и Битемир разбили «воровских калмыков»¹¹. В 1713 г. подразделение Ф. Сорокина прогнало отряд джунгарского чиновника, незаконно собиравшего ясак с территории давно освоенной русскими Абинской волости¹². В ноябре 1720 г. он был назначен приказчиком недавно отстроенной Бикатунской крепости, возведение которой обозначило новые пределы русских владений в Верхнем Приобье¹³.

Наряду с несением службы Ф. Сорокин успешно занимался торговлей и другими видами предпринимательства. В 1705 г. он направил с бухаретениным Айтмаметом в джунгарскую Ургу 20 лошадей, «дома кормленных», общей стоимостью 34 руб. и продал на базаре 4 бычьих туши за 5,5 руб.¹⁴ В его большом домашнем хозяйстве широко использовался труд зависимых людей, состоящих из «ясыря» и военнопленных калмыков. В переписной книге Кузнецкого уезда 1719 г. наряду с членами его семьи указаны 5 душ мужского пола дворовых людей в возрасте от 20 до 50 лет, в другом источнике — 3 женщины «калмыцкой породы», взятые им как ясырь в разные годы¹⁵.

Таким образом, представители династии Сорокиных принадлежали к видному клану сибирских служилых людей, имевших большой опыт государственной службы и давние и прочные генеалогические связи со служилой средой. Своими ратными и другими заслугами они сумели подняться на вершину служебной лестницы, успешно сочетая при этом государственную службу с разными видами предпринимательской деятельности, включая внешнюю торговлю, в том числе и незаконную. Можно предположить, что из этой династии вырос известный в Сибири в середине XIX в. кулундинский купец-миллионер Михаил Меркулов Сорокин, ведущий своё огромное многоотраслевое хозяйство уже на ярко выраженной буржуазно-протестантской основе¹⁶.

Служебная деятельность четвёртого представителя этой династии — сына боярского Ивана Фёдоровича Сорокина — также отмечена ратными и другими делами. В июне 1707 г. он возглавил отряд в 86 человек, направленный на строительство острога в верховьях Енисея. Соединившись с енисейскими и красноярскими служилыми людьми, его подчинённые участвовали в возведении Абаканского острога¹⁷. В 1709 г. И. Сорокин в составе большой экспедиции кузнецчан принимал участие

в строительстве Бикатунской крепости, сожжённой вскоре джунгарами. Вполне возможно, что он и его люди были задействованы в сооружении и других крепостей Южной Сибири, интенсивно возводившихся русскими в первые десятилетия XVIII в. Но в последующий период жизни его судьба сложилась непросто.

4 марта 1717 г. И. Сорокин был послан с 7 казаками собирать ясак в Кондомские волости, где хотел также реализовать в улусах свои товары на значительную сумму — 763 руб. Как известно, торговля в ясачных владениях была запрещена правительством, особенно строгие запреты существовали в эпоху Петра I. В «наказной памяти» от 9 ноября 1720 г. кузнецкий воевода Б. Синявин предостерегал его отца Ф. Сорокина: «А будешь делать всякие дела без государева указа... товарами торговать, людей для своих торгов в ясачные волости посылать... и тебе за то будет учинена смертная казнь, а имение твоё движимое и недвижимое взято будет Великому Государю бесповоротно»¹⁸. Но, невзирая на все правительственные запреты и угрозы, незаконная торговля с ясачными людьми, как уже не раз отмечалось исследователями, осуществлялась повсеместно.

Во время очередного сбора ясака и торговли с аборигенами И. Сорокин и его люди были взяты в «полон» и ограблены большим отрядом джунгар во главе с зайсаном Баацаком¹⁹. Вероятно, захват в плен И. Сорокина с товарищами был ответной акцией джунгар, связанной с пленением летом 1715 г. их вассала — телеутского князя Байгорока Табунова, сына известного правителя «белых калмыков» Табуна Кокина. Байгорок и его люди неоднократно взимали ясак в русских ясачных волостях, в 1710 г. вместе с джунгарами они участвовали в разорении деревень Кузнецкого уезда, а также в осаде и разрушении Бикатунской крепости, в результате чего было захвачено в плен немало русских и ясачных людей²⁰.

В плену И. Сорокин и его спутники находились 14 лет. Обращение с русскими пленными во владениях контайши во многом зависело от характера и состояния отношений, складывавшихся между Джунгарией и Россией в разное время. В первые годы неволи, по словам И. Сорокина, они «претерпевали великие и несносные нужды» и неоднократно «были сажены в земляную и глубокую тюрьму», затем он был препровождён

в Ургу к контайше, где был «удержан в железе целое лето, а зимою пас овец»²¹.

Однако в связи с угрозой разгрома джунгарских войск цинами и стремлением установить с Россией союзнические отношения расположение к русским пленникам заметно изменилось. В 1719 г. «около троицына дня» И. Сорокин был отдан в холопы зайсану Машибу, у которого находился 11 лет. По-видимому, условия проживания у этого владельца были для И. Сорокина более благоприятными, чем его жизнь в прежней неволе. Он сумел занять какое-то «привилегированное» положение: завёл семью, «имел при себе купленную свою женку бруцкой породы именем Ханиш» и двух сыновей, названных русскими именами, — Емельяна и Владимира, занимался каким-то делом и даже нажил «собственным трудом пожитков, скота и прочего» на 1000 зенденей или на 200 руб.²²

Но его жена и дети во многом оказались заложниками непростых джунгаро-русских отношений. При освобождении И. Сорокина из плена и возвращении его в Россию джунгарский правитель Галдан-Цэрен не разрешил ему взять с собой семью и нажитое имущество. По словам И. Сорокина, он заявил через своего посла, направленного в Россию, что если там «всё доброе учинится, то жена и дети и багаж мне возвратитца. Ежели на их пользу (т.е. джунгар. — И.К.) не состоится то не только... жена и дети и багаж но и единого из России возвращено не будет»²³.

Находясь в Урге, И. Сорокин пользовался относительной свободой и имел возможность передвигаться и общаться с другими пленными. В своей «скаске», поданной в коллегии иностранных дел, он сообщал, что «многажды» встречался со шведом И. Ренатом в Урге и на озере Тескел, где под руководством последнего был сооружён большой оружейный завод.

Шведской штык-юнкер Иоган Ренат попал в плен к джунгарам во время неудачной экспедиции подполковника И. Бухольца за песочным золотом в Яркенд. Находясь в плену вместе с другими невольниками, Ренат первое время выполнял тяжёлую физическую работу: ломал и возил камни, заготавливал дрова, копал землю. Но уже через полтора года, как показал И. Сорокин, Ренат вместе со своим товарищем поручиком Дешем начал с согласия ойратских зайсанов «делать сукна как украинские и учить контайшинцов, чего для и мельницы завели, от чего

ныне в контайшинских улусах немалое число из природных контайшинцов суконщики находятся»²⁴. Через несколько лет Ренат стал пользоваться большим уважением кочевников. В открытой им школе он начал «учить малых детей лет от 12 до 13 арифметике». Контайша Цэван-Рабдан покровительствовал Ренату и поощрял его деятельность. Решив использовать его знания и опыт, он предложил ему построить в Джунгарии пушечный завод, пообещав, если он «ево людей всему тому научит, чему сам искусен», отпустить его в Германию через Индию²⁵.

По-видимому, беседы И. Сорокина при встречах с Ренатом носили доверительный характер. В одной из них штык-юнкер заявил ему, что хотя он лёт пушки и обучает джунгар военному делу, «в том де он вины своей не признаёт понеже швецкие полоненики чинили в России тому подобное, а он... не токмо российской но и контайшин пленник и службу в России не принимал и желает всегда как бы оттуда выехать»²⁶.

Источники не позволяют установить, почему и при каких обстоятельствах при освобождении из плена выбор пал на Сорокина и его команду. В Джунгарии в этот период находилось несколько тысяч русских и бывших ясачных людей России, оказавшихся там по разным причинам. Можно предположить, что И. Сорокин тайно встречался в Урге с находившимся там с посольством русским посланником М. Этыгеровым, сообщил ему многие интересующие его сведения, в том числе о русских пленниках, выдачи которых постоянно добивалось российское правительство, чем и способствовал своему освобождению. Прибытие И. Сорокина вместе с русским посольством непосредственно в Петербург летом 1730 г. также может свидетельствовать в пользу этой версии. Примечательно, что он, вероятно, также способствовал вызволению из плена и своих семерых товарищей, так как они с тремя тарскими жителями были отпущены на родину вместе с ним.

Заметим также, что освобождение многих других русских пленников (ясырей), находившихся в Джунгарии, произошло при разгроме и крушении Джунгарского ханства Китаем в 1755—1756 гг. Падение последней кочевой империи привело к огромному потоку мигрантов, устремившихся в русские пределы. Летом 1756 г. в Бийской крепости при проведении переписи джунгарских и алтайских народов, принявших российское

подданство, были выявлены двое бывших русских пленников, имевших ойратские имена (мужчина Ашира и женщина Даулат). Житель Кузнецка разночинец Никифор Брагин признал в них своего брата и племянницу. По словам джунгарских невольников, они были взяты в плен во время набега ойратского нойона Духара на г. Кузнецк в 1710 г. и находились в рабстве 46 лет! Общим согласием офицеров Бийской крепости они были отданы Н. Брагину, который увёз их в Кузнецк²⁷.

Находясь в столице, бывший пленник подробно рассказал в Коллегии по иностранным делам об обстоятельствах своего пленения, условиях содержания в плену, состоянии ойратской армии, деятельности Рената и о других важных известиях. Находясь в Петербурге, И. Сорокин обратился с челобитной к императрице Анне Иоанновне с просьбой о содействии в вызволении его семьи из владений контайши и уверением в готовности нести по-прежнему свою службу²⁸. С учётом прежних заслуг И. Сорокина и его предков, а также вынужденного пребывания в «полону» он был восстановлен в своих правах, ему был пожалован чин сибирского дворянина, который, впрочем, кроме увеличения жалования, не давал особых привилегий.

Вскоре И. Сорокин получил новое назначение. Благодаря знанию монгольского языка и внутренней жизни Джунгарии, а также личной заинтересованности в решении своих семейных дел, он был включён в состав нового посольства, возглавляемого майором Л. Угримовым²⁹. В инструкции, данной Угримову в Коллегии иностранных дел, наряду с отстаиванием общероссийских интересов указывалось, чтобы он контайше «представление учинил об отпуске его (И. Сорокина) жены, сыновей и пожитков»³⁰. В отношении Рената было предписано проверить подлинность сведений о нём и произвести вербовку в Россию с обещанием последующего возвращения его на свою родину.

И. Сорокину в посольстве отводилась немаловажная роль, он был назначен комиссаром с высоким жалованием 20 руб., 10 четвертей хлеба, 20 четвертей овса³¹. В его обязанности входило осуществление необходимых заказов и закупок для длительного и нелёгкого путешествия: разных припасов, инструментов, провианта, фуража, канцелярских принадлежностей, а также учёт и контроль за их расходом.

Экспедиция готовилась долго и тщательно. Её состав был более представительным, а расходы значительно превышали предшествующую посольскую миссию. Наряду с Л. Угримовым, И. Сорокиным и толмачом М. Эдыгеровым в посольскую свиту вошли геодезист, два птичника, священник, двое подъячих, фельдшер, слесарь, конвой, работные люди. В Тобольске к экспедиции присоединился крупный караван торговцев во главе с П. Сокольниковым. Содействие в снабжении и организации экспедиции оказывали не только столичные, но и сибирские власти. Из тобольской Рентереи И. Сорокину было выдано дополнительно для «необходимых в пути нужд и на покупку упалых верблюдов и лошадей удобных товаров и мяжкой рухляди» 400 руб.³² В Таре её участники получили взамен судов 127 лошадей, 70 саней, 100 подвод, 44 верблюда³³.

Ход и результаты этого посольства уже подробно освещены В. А. Моисеевым³⁴. Отметим лишь то, что посольство Л. Угримова находилось в Джунгарии более двух лет, ведя напряжённые, завершившиеся немалым успехом переговоры с контайшой. Одним из важнейших их итогов стало возвращение в Россию многих её подданных: пленных, перебежчиков, задержанных торговцев и др. Среди них был и шттык-юнкер Ренат, с которым правительство Джунгарии рассталось весьма неохотно. Всего с Л. Угримовым было отправлено из Джунгарии в Россию 554 человека, что являлось несомненным достижением русской дипломатии. Была ли среди них семья И. Сорокина — остаётся неизвестным. Успешное завершение работы посольства позволяет на это надеяться.

В декабре 1733 г. русское посольство вместе с джунгарским возвратилось в Москву, где И. Сорокин сложил свои полномочия. Вскоре он вместе с Л. Угримовым, М. Этигеровым и ойратским посольством был вызван в Петербург. По пути следования в столицу и в последующий период И. Сорокин выполнял обязанности переводчика и пристава у ойратских послов. Последние проявляли всегда повышенный интерес к русским военным технологиям и осуществляли в Москве и Петербурге несанкционированные закупки огнестрельного и другого оружия. Осуществляя надзор над ними, он направил в Коллегию иностранных дел несколько донесений, где указал на факты приобретения джунгарами оружия и попытки установить контакты

с русскими военными мастерами. Так, он сообщил, что джунгары завели знакомство со «шпажным мастером» иноземцем Иваном Фёдоровым, который взялся обучить ойрата Хурюмши и уйгура Нияза, «как делают шпаги и их калят». Получив эти сведения, правительство запретило ойратам выходить из посольского двора без сопровождения и предписало И. Сорокину усилить контроль за их действиями³⁵.

Дальнейшая карьера и судьба И. Сорокина нам не известны. Можно лишь предположить, что с учётом его знаний жизни кочевников и посольского опыта он мог быть использован Коллегией иностранных дел в деле организации и осуществления последующих посольств в Джунгарию или другие восточные страны.

Выяснение его жизненного пути и служебной карьеры могут свидетельствовать не только о непростых перипетиях судьбы служилого человека, оказавшегося в плену, но и об источниках и путях формирования сибирского дворянства, появление и статус которого во многом определялись не наследственным характером, а большим вкладом предков и личными заслугами. Выдвижение Сорокина, как и других служилых людей, в разряд сибирского дворянства обуславливалось также и сложными условиями фронта Южной Сибири, где сталкивались и переплетались в Новое время интересы двух государств: земледельческой России и кочевой Джунгарии.

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. 113. «Зюнгорские дела». Оп. 113/1. Ед. хр. 1. Л. 217–219, 297–300.

² Моисеев В. А. В джунгарском плену // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 211; Он же. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерк внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998. С. 80, 97.

³ Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда... С. 291.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 438. Л. 233 об; Кн. 415. Л. 12 об.

⁵ ДАИ. Т. 6. СПб, 1859. С. 314.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Кн. 438. Л. 243; Кн. 590. Л. 556 об., 51 об; Кн. 716. Л. 389, 438.

⁷ Там же. Ф. 214. Кн. 716. Л. 982–1088, 1012.

⁸ Каменецкий И. П. Указ. соч. С. 239–240.

⁹ Памятники сибирской истории. Кн. 1. 1700–1713... С. 92–93.

¹⁰ Каменецкий И. П. Указ. соч. С. 105, 233.

¹¹ Уманский А. П. Телеуты и русские... С. 173–174.

¹² Памятники сибирской истории. Кн. 2. 1714–1730... С. 340.

¹³ История Алтая в документах и материалах... С. 29–30.

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1352. Л. 250 об; Кн. 1425. Л. 162.

¹⁵ Там же. Кн. 1311. Л. 32; Кн. 1611. Л. 70.

¹⁶ Мамсик Т. С. Кулундинский миллионер Сорокин и его чимеевская родня // Зауралье в панораме веков. Межвузовской сборник научных трудов. Курган, 2000. С. 130–131.

¹⁷ Каменецкий И. П. Указ. соч. С. 233–234; Быкопя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края... С. 43–44.

¹⁸ Басов В. Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII веках (Очерки внешнеполитических отношений). Алма-Ата, 1971. С. 30–31.

¹⁹ АВПРИ. Ф. «Зюнгорские дела». Оп. 1. 113/1. Ед. хр. 1. Л. 200. Вместе с ним в плену оказались конные казаки Андрей Ефремов, Алексей Тиханов, Иван Шабалин, Иван Гадлевский, Иван Попов, Алексей Носков. Там же. Л. 194.

²⁰ Уманский А. П. Телеуты и русские... С. 182.

²¹ АВПРИ. Ф. «Зюнгорские дела». Оп. 113/1. Ед. хр. 1. Л. 217.

²² Там же. Л. 212. Примечательно, что немало русских людей, находившихся в Джунгарии и проживавших там годами, имели своих «жонок», которых оставляли при возвращении в Россию. Однако у Сорокина в отношении своей жены и детей были более серьёзные намерения.

²³ Там же. Л. 200.

²⁴ Там же. Л. 219.

²⁵ Там же. Л. 218–219.

²⁶ Там же. Л. 201.

²⁷ Каменецкий И. П. Торговля ясырём в Сибири в XVII в.: правовое регулирование, состав и использование труда невольников // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XVIII вв.) Материалы МНК. 28–29 ноября 2016. Новосибирск, 2017. С. 397.

²⁸ АВПРИ. Ф. «Зюнгорские дела». Оп. 113/1. Ед. хр. 1. Л. 295–296, 297–300.

²⁹ Басов В. Я. Россия и казахские ханства... С. 75; Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерк внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998. С. 80.

³⁰ АВПРИ. Ф. «Зюнгорские дела». Оп. 113/1. Ед. хр. 1. Л. 99.

³¹ Там же. Л. 407, 482, 482. Это жалование в два раза превышало оклад кузнецких дворян по штату 1732 г. и приравнивалось к жалованию тобольских дворян.

³² АВПРИ. Ф. «Зюнгорские дела». Оп. 113/1. Ед. хр. 1. Л. 478. Наряду с миссией Л. Угримова в августе 1731 г. было отправлено в ставку казахского хана Абулхаира посольство А. И. Тевкелеева. Оно было призвано привести к присяге на подданство России правителем Младше-го и Среднего жузов (Басов В. Я. Указ. соч. С. 137). Одновременная посылка посольств в Джунгарию и казахские жузы свидетельствует о стремлении правительства России играть весомую роль в отно-

шениях между враждующими кочевыми правителями и укреплять своё влияние в Центральной Азии в противовес агрессивным устремлениям Цинского Китая. Как справедливо заметил М. В. Шиловский: «Российское правительство проводило политику равноудалённости, пытаясь дипломатическими и военными средствами обезопасить свои южные рубежи и создать плацдарм для последующей экспансии» (Роль государства в освоении

Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. / отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск, 2009. С. 361).

³³ Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство... С. 79–81.

³⁴ Там же. С. 69–75.

³⁵ АВПРИ. Ф. «Зюнгорские дела» Оп. 113/1. Ед. хр. 1. Л. 98–99.

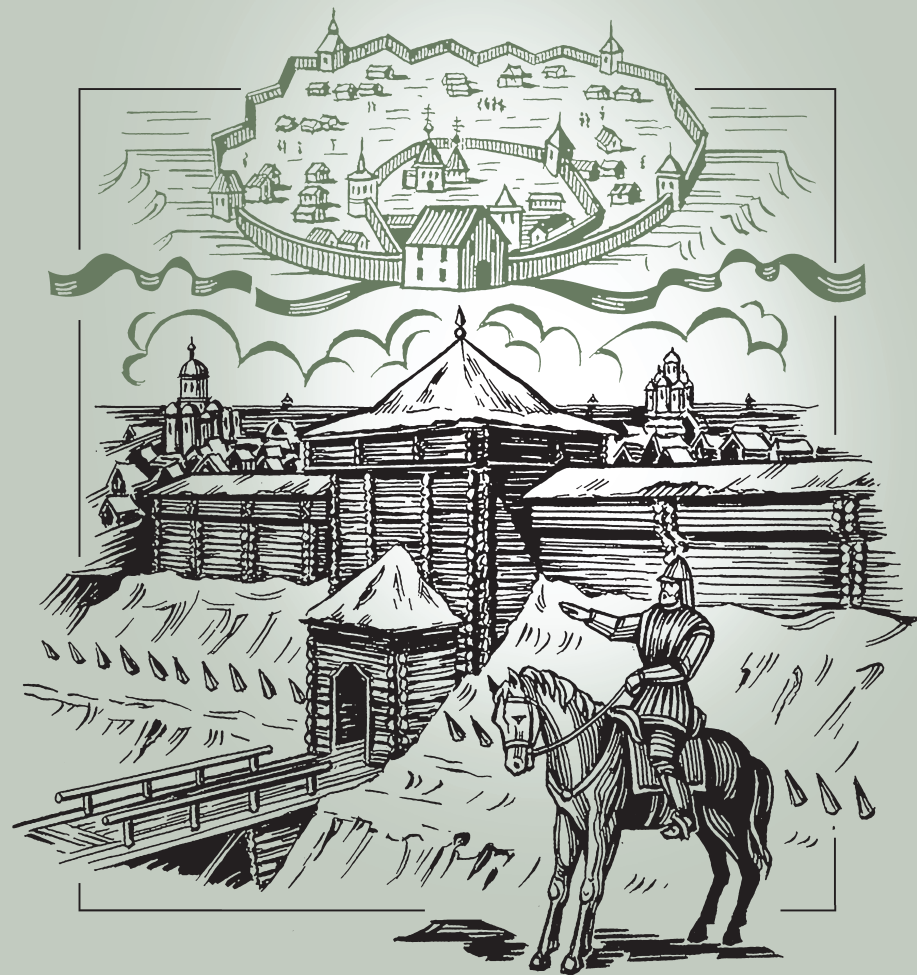

Крепости земли Кузнецкой

История создания и развития крепостных оборонительных укреплений Кузнецка и его подведомственной территории уже рассматривалась исследователями с точки зрения изучения их историко-архитектурного наследия. Вопросы застройки, планировки и особенности градостроительного облика Кузнецка в XVII в. представлены в работах краеведа А. Д. Сергеева, архитекторов В. И. Кочадамова и А. М. Прибытковой, историка А. П. Уманского¹. Несмотря на значительные результаты, у авторов имеются определённые разногласия и пробелы по ряду вопросов: датировке возведения Кузнецкого острога и других крепостей, возведённых в верховьях Оби в первые десятилетия XVIII в. Присутствуют лишь частичные сведения о формировании крепостных сооружений Кузнецка и алтайских крепостей. Недостаточно полно прослежена эволюция военно-инженерного строительства в процессе установления государственной границы России в Южной Сибири в XVII–XVIII вв. Всё это не позволяет получить целостного представления о масштабах фортификационного строительства в указанном регионе, об их участниках, о роли и месте возведённых крепостей в создании Сибирских укрепённых линий в период активного освоения юга Западной Сибири.

Возникнув в 1618 г. в верховьях Томи, среди многочисленных «немирных» народов, Кузнецкий острог представлял собой типичное деревянное укрепление в форме неправильного четырёхугольника с двумя «глухими» и одной проезжей (воротной) рублеными башнями протяжённостью около 200 саженей. Его первоначальный облик впервые был воспроизведён в «Чертёжной книге Сибири» С. У. Ремезова².

При воеводе Е. Баскакове (1623–1625) новый форпост был значительно усилен: крепостная стена удлинена, возведены ворота, новая «боин» башня, земляной вал, что позволило, по словам воеводы, увеличить острожные укрепления «вчетверо». В это же время завершилось строительство Спасо-Преображенской церкви, возведённой по инициативе жителей и при поддержке сибирского архиепископа Киприана. Возникшее

под острогом «государево поле» защищали дополнительные укрепления — земляной вал и «острожек». В последующие десятилетия к острогу примкнул посад, укрепленный также четырьмя башнями и крепостной стеной. Основные работы по возведению оборонительных сооружений выполняли служилые люди под руководством воевод и атамана Петра Дорофеева³.

Чтобы обезопасить и предотвратить внезапность нападений кочевников на Кузнецк с юга, на правом берегу Томи, в трёх верстах от города, в 1648 г. был возведён Христорожественский мужской монастырь и основано село Ильинское. Новые укрепления стали важными сторожевыми форпостами на подступах к острогу и не раз первыми принимали удары врагов.

Постоянные набеги кочевников и удалённость Кузнецка от Томска побуждали местных воевод заботиться о строительстве новых опорных пунктов. Сибирский приказ санкционировал возведение на границе с владениями телеутов в среднем течении Томи новых острогов: Сосновского (1657) и Верхотомского (1665), защищавших подступы к Томску от набегов калмыков и киргизов и являвшихся связующими звеньями между Кузнецком и Томском.

Сосновский острог был возведён томскими детьми боярскими Д. Копыловым и Ю. Ядловским на крутом берегу р. Томи в форме правильного четырёхугольника, обнесённого деревянным частоколом. В конце XVII — начале XVIII в. острог имел три башни, огороженные палисадом. Внутри острога находились Спасская церковь, «государевы» амбары и погреба. Вне острога размещались двор приказчика, ссудная изба, жилые и хозяйственные строения. В 1670 г. в остроге отмечено 12 дворов крестьян и дворы беломестных казаков. В 1690 г. насчитывалось 33 двора крестьян, а в 1700 г. в Сосновской волости находилось уже 338 дворов податного населения⁴.

Верхотомский острог имел схожие крепостные сооружения. Он был построен на высокой скале, возвышающейся над местностью, и выполнял роль сторожевого форпоста. Основным укреплением острога являлся деревянный палисад с надвратной башней. В остроге находились избы приказчика, судная изба, амбары. Вне острога — Вознесенская церковь, частные дома местных казаков и годовальщиков⁵. В связи с устранением военной угрозы в середине XVIII в. оба острога утратили былое назначение и превратились в большие земледельческие сёла.

Возведение русскими властями новых форпостов привело к обострению отношений с телеутскими и джунгарскими правителями. 21 июля 1657 г. объединённые силы телеутских князцов К. Абакова и Мачика совершили набег на Сосновский острог, отогнали более ста лошадей и нанесли поражение отряду Д. Копылова, прибывшему на помощь из Томска. Осенью этого года джунгарский хан Паузан совместно с телеутами пытался штурмом взять Кузнецк и Томск, но получил отпор⁶. В ходе этого нашествия Кузнецкий острог подвергся пожару, но вскоре его не только восстановили, но и значительно расширили. Вдоль Иванцевской протоки была продолжена крепостная стена, где возник небольшой посад, заселённый торговцами и ремесленниками⁷.

Согласно «городовой росписи» 1661 г., основу крепостных сооружений Кузнецка по-прежнему составлял деревянный острог с тремя башнями. На них размещался значительный «огненный наряд»: на воротной башне находилось 8 «затинных» пищалей различного веса, на угловой башне напротив «колмацкого торговища» — 4 пищали и на третьей — 3. Государево поле и служилые пашни, прилегающие к городу, были обнесены стеной из брёвен с бойницами, их также защищал небольшой острожек. По-видимому, в 1670-е в Кузнецке были построены дополнительные укрепления, поскольку «городовая роспись» 1680 г. наряду с указанными башнями упоминает Спасские ворота с колокольней, в верхнем и нижнем ряду которых имелось 5 пищалей с ядрами⁸. Схожие оборонительные сооружения имели в XVII в. многие сибирские города и остроги.

Частая осада города телеутскими, киргизскими и джунгарскими правителями заставляла местную и центральную власть постоянно заботиться о его укреплении и увеличении численности служилых людей.

После героической пятимесячной обороны Албазина кузнецкий воевода И. М. Конищев получил правительственное предписание укрепить заново город и предместье. В результате выполнения новых инженерно-строительных работ в Кузнецке была создана новая, более совершенная линия укреплений: выкопан ров, насыпан земляной вал длиной 791 сажень, высотой в «печатную сажень», на валу установлены плетёные туры. Кроме того, за валом была построена протяжённая стена из брёвен с бойницами, забранных в стойку («обруб»), окружавшая при-

легающие к городу пашни. В местах пересечения вала и дорог, ведущих в Томск и в «калмыки», были устроены «земляные городки» с деревянными башнями, для ведения стрельбы в них были сделаны «бойницы». Общая длина вала и рва составила 1684 м. Кроме того, часть посада на берегу Иванцевской протоки огородили надолбами длиной 533 м⁹.

Вся линия городской укреплённой обороны имела большую протяжённость, достигала 4 250 м, что значительно превышало линии укреплений других, более крупных сибирских городов. Город защищал также значительный «огненный наряд», состоявший в 1689 г. из 10 медных, 3 железных пушек и 3 затинных пищалей, к ним имелось 902 ядра¹⁰. Весь комплекс новых крепостных укреплений был выполнен с учётом мнения служилого мира при активном участии всего населения. Своевременное осуществление необходимых фортификационных работ позволило жителям выдержать не одну осаду и нападения от «неприятельских воинских людей».

Чтобы обезопасить дорогу, ведущую из Кузнецка в Томск, контролировать движение «калмацких» народов и своевременно реагировать на их враждебные действия, воевода И. Конищев предложил томскому воеводе А. Кольцову-Мосальскому перенести между с телеутами с р. Ини на р. Бердь. Водораздел этих рек, богатый охотничьими угодьями, вскоре вошёл в состав Томского уезда, что позволило преодолеть территориальную изолированность Кузнецкого ведомства и создать условия для его заселения и широкой земледельческой колонизации. Исходя также из военно-разведывательных соображений, по согласованию кузнецких и томских властей в июне 1684 г. между Обью и речкой Уртамом на торговом пути «у калмыцкого и бухарского перевоза» был построен Уртамский острог, вошедший в ведомство Томского уезда¹¹.

Возведение новых укреплений в Верхнем и Среднем Приобье во многом было инициировано служилыми людьми и осуществлялось без правительственных проектов. Их строительство в значительной мере продолжалось в традиции старого крепостного зодчества, берущего своё начало ещё в XV–XVI вв. Но уже на рубеже XVII–XVIII вв., в связи с нарастанием новых военных угроз, наметились иные подходы к сооружениям, воплощённые в строительстве других крепостей в Верхнем Приобье и Верхнем Прииртышье в первые десятилетия XVIII в.

18 сентября 1700 г. Кузнецк подвергся тяжёлой недельной осаде джунгарами и енисейскими киргизами, сопровождавшейся большими людскими и материальными потерями. В ходе осады погибли 41 человек русских и ясачных людей, 102 человека уведены в плен, сожжён Крестовоздвиженский монастырь и разорены подгородные деревни. Выдержать осаду кузнечанам помогла своевременно возведённая линия обороны и стойкость защитников города. Для предотвращения и отражения новых вторжений жители вновь усилили городские укрепления, на пяти башнях и стенах которых был сосредоточен значительный «наряд», состоящий из 14 пушек, 3 пищалей «затинных» с большим боезапасом¹².

Согласно «городовой росписи» 1705 г., градообразующим ядром Кузнецка по-прежнему являлся трёхбашенный «малый» острог, в котором размещались административные здания: воеводский двор, приказная изба, церковь, пороховой погреб, амбары с продовольствием и пушшиной, поварня, баня, тюрьма. Основное население проживало за стенами внешнего укрепления — в «большом городе» — остроге с пятью башнями «мерюю 1050 сажень по стенам». В нём насчитывалось 290 жилых дворов и размещалась необходимая городская инфраструктура: гостинный и кружечный дворы, торговые ряды, кузницы, пивоварня и другие строения, находившиеся под защитой уже указанных древесно-земляных укреплений¹³.

На подступах к Кузнецку также возникла значительная линия обороны. По указу Петра I все пригородные деревни были укреплены надолбами и рогатками, протяжённость которых зависела от количества дворов. Самые большие укрепления имело село Ильинское, в котором рядом с церковью находился острожек «мерюю 100 сажень» и надолбы протяжённостью 660 сажень¹⁴.

Предпринятые меры по укреплению Кузнецка и его воеводства оказались не напрасны. Летом 1709 г. большое объединённое войско джунгар и телеутов вновь осадило Кузнецк. Нападение было отбито, но при отступлении кочевники сожгли несколько подгородных деревень. В следующем году джунгары осадили и сожгли только что построенный служилыми людьми на стрелке р. Бии и Катуня Бикатунский острог¹⁵.

Потеря Бикатунской, а затем и Ямышевской (1715) крепостей не остановила русского продвижения в предгорья Алтая.

Второе десятилетие XVIII в. было отмечено строительством служилыми людьми новых крепостей в Верхнем Приобье и Верхнем Прииртышье. В 1715 г. на месте ранее возникшего русского поселения в устье Берди был возведён одноимённый острог, ставший вскоре крупным земледельческим центром Верхнего Приобья.

Благодаря естественной водной защите, Бердский острог имел оборонительные укрепления лишь с восточной стороны. По описанию посетившего Кузнецк и его воеводство в 1734 г. Г. Ф. Миллера, их представляла крепостная стена, состоящая из брёвен и кольев, расположенная в виде дуги от Оби до Берди. За стеной находился ров, окружённый рогатками и надолбами. Внутри острога размещались жилые дома, дом приказчика, судная изба, церковь Сретения Богородицы и амбары. Население острога составляли беломестные казаки, имевшие на вооружении лишь одну железную пушку. К острогу относились 45 деревень, расположенных в верховье по р. Бии и в южной части р. Берди. Наиболее густая, по сравнению с другими крепостями, заселённость крестьянами указанной части Приобья свидетельствует об устранении военной опасности и несомненных успехах русской колонизации в этом районе¹⁶.

Следующим оборонительным сооружением на Томи стал Мунгатский острог. По описанию Миллера, Мунгатский острог, или станец, был построен в 1715 г. присланными кузнечскими казаками, как главный пункт дистрикта, по просьбам многочисленных поселенцев, которые хотели бы обосноваться в этой местности.

Острог был расположен на западном берегу Томи, в 135 верстах от Кузнецка и состоял из обводной стены, сооружённой из брёвен и кольев в виде полукруга со стороны, противоположной берегу. Внутри острога находились, помимо дома приказчика, судной избы, магазинов и амбаров, несколько частных домов, остальные жилые дома вместе с часовней размещались вне острога у реки. Протяжённость острожных укреплений составляла 410 сажень. Гарнизон состоял из беломестных казаков, освобождённых от подушной подати, занимавшихся земледелием. Название острога происходило от речки Мунгат, впадающей в двух верстах от него в Томь. К ведению острога относились 13 деревень, расположенных на Томи и на р. Уене¹⁷.

В 1717 и 1718 гг. кузнечскими казаками вместо сожжённого джунгарами Бикатунского острога были основаны Белоярская

и Бийская крепости. Они также занимали выгодное стратегическое и хозяйственное положение и уже не подвергались нашествиям кочевников. Примечательно, что при их строительстве кузнецкая администрация руководствовалась указом Петра о прямолинейности застройки улиц крепостных поселений: «...а строились бы дворами около крепости и чтоб улицы были прямы»¹⁸.

Белоярская крепость возникла на излучине Оби и её разливов, что обеспечивало её безопасность с трёх сторон. Крепостное строение состояло из четырёхугольного палисада с периметром 80 сажень с боевыми башнями по углам и воротной (въездной) башней, на которых было установлено 5 пушек. В крепости размещались дом приказчика, судная изба и магазины. Вне крепости, внизу возле реки находились жилые дома беломестных казаков и церковь святых апостолов Петра и Павла, которые защищала обводная деревянная стена из положенных друг на друга брёвен и вбитых между ними кольев. К дистрикту крепости относились 34 деревни, расположенных на берегах Оби и Чумыша¹⁹.

Бийская крепость была расположена на северо-восточном берегу р. Бии, в 6 верстах выше впадения в неё Катуня. По своему устройству, размерам, оборонительным укреплениям и составу населения она во многом напоминала Белоярскую крепость. Крепость была четырёхугольной в плане, с периметром стен около 200 метров. По углам стояли четыре трёхэтажные рубленые башни высотой 15 метров. Помимо стен существовала и внешняя оборонительная ограда, которая состояла из рва, двойной линии надолбов и рогаток. Внутри крепости находились пороховой погреб, амбары, поварня, часовня, дом коменданта. Единственным отличием был вырытый вокруг крепости ров с поставленными вокруг рогатками и надолбами. Гарнизон крепости состоял летом из 40, а зимой из 25 конных казаков. Ввиду удалённости от Кузнецка и сохранения военной угрозы к ведению крепости относилось лишь 6 деревень²⁰.

В 1722 г. по просьбе крестьян Бердского дистрикта была основана Малышевская слобода, получившая своё название от имени крестьянина-первопоселенца. Она возникла на северо-восточном берегу Оби в 60 верстах ниже устья р. Чумыш. Укрепление слободы, как и других форпостов, состояло из обводной деревянной стены из брёвен и кольев с тремя боевыми башнями и одной пушкой, а также рва и надолбов с рогатками. Строи-

телями крепостных сооружений были крестьяне-поселенцы и беломестные казаки. К дистрикту слободы относилась 21 деревня, расположенная выше и ниже по течению Оби²¹. Густая заселённость крестьянами указанной части Приобья также свидетельствовала об устранении военной опасности и успехах русской колонизации в этом районе.

Наряду с возведением крепостей в Верхнем Приобье их строительство развернулось в Среднем и Верхнем Прииртышье, где за короткий период была возведена сеть новых фронтальных укреплений: Омская (1717), Долонская и Семипалатинская (1718), Усть-Каменогорская и Колыванская (1720) крепости. Строительство указанных крепостных сооружений осуществлялось уже в соответствии с новыми инженерно-строительными требованиями петровского времени.

С возникновением новых крепостей и началом строительства демидовских заводов на Алтае Кузнецк начинает утрачивать былое стратегическое значение, но сохраняет статус значительного военно-административного центра. В официальных документах он упоминается как «укреплённый город», к ведомству которого, согласно переписи 1719 г., относились Белоярская, Бийская крепости, Бердский острог, Малышева слобода, Мунгацкий станиц и 150 сельских населённых пунктов²². В отличие от крепостей Иртышской линии (Ямышевская, Омская и Семипалатинская), выстроенных по принципу бастионной системы, кузнецкие крепости во многом сохраняли черты старых оборонительных сооружений²³.

Но отдельные конструктивные особенности иртышских фортификационных укреплений нашли своё отражение в последующей реконструкции Кузнецкой крепости, осуществлённой в конце 1720-х — начале 1730-х гг. В «Описании Кузнецкого уезда... 1734 года» Г. Миллер с присущей ему научной добросовестностью отметил наличие в городе развитой оборонительной системы, содержащей в себе различные типы укреплений, обеспечивавших надёжную защиту жителей и городских строений от вражеских нашествий: «Острог всё ещё находится в центре города. Для его большей защиты от нападений киргизов и калмыков в 1717 г. на самом верху берега Томи, севернее острога, основана ещё одна цитадель, связанная посредством деревянной стены с городом. Острог возведён на средней высоте берега

четырёхугольным палисадом длиною по окружности 194 сажени. В нём находится соборная церковь Преображения Господня, дом воеводы, канцелярия, различные магазины и амбары. Вне острога находится до пятисот домов горожан... которые расположены частично в нижней части берега и частично на его средней высоте и которые имеют приходскую церковь, посвящённую Святой Одигитрии Богородице. Здесь ещё есть часовня... а вся окружность по обводной стене со стороны суши, построенной из положенных друг на друга брёвен и вбитых между ними кольев и имеющей 8 ворот, составляет 2 версты 284 сажени. В эту окружность также заключена цитадель, которую соорудили по структуре тамошнего гористого берега из насыпанных четырёхугольником валов с бастиянами на углах и двумя воротами, под которыми стоят деревянные башни, длиной 188 сажений и шириной в 38 сажений. В ней находится только часовня. А ворота, как этой цитадели, так и нижнего города, защищены пушками, которых в общей сложности имеется: 1 железная четырёхфунтовая, 4 медные и 4 железные трёхфунтовые, 2 медные и 2 железные двухфунтовые и 1 медная и 1 железная, треснувшие вместе с относящейся к ним амуницией»²⁴.

Приведённое Г. Миллером подробное обозрение свидетельствует о том, что Кузнецк представлял собой значительную военную крепость, имевшую сложную трёхлинейную систему обороны, оптимально учитывавшую рельеф местности, со значительным парком артиллерии. Являясь главной опорной базой России в указанном регионе, она, как никакой другой сибирский форпост, отвечала геополитическим замыслам и планам Петра I и последующих монархов, стремившихся прочно утвердиться в Южной Сибири путём строительства в ней новых укрепленных пунктов и устранения притязаний Джунгарии и Китая на неосвоенную территорию Алтая и Верхнего Прииртышья.

Быстрое строительство новых оборонительных структур и демидовских заводов в самом центре Алтая привело к ухудшению и без того напряжённых отношений с правителями Джунгарии, неоднократно требовавшими срыть все крепости, построенные русскими в верховьях Оби и Иртыша. В условиях активизации враждебных действий джунгар разбросанные на значительном расстоянии, слабо связанные между собой русские крепости не способны были в полной мере противостоять им

и защищать всё возрастающий приток русских колонистов. Отсутствие фиксированной демаркации границ с Джунгарией, а затем и с Китаем также создавало в Южной Сибири большие трудности в обеспечении безопасности новых российских владений. С учётом этих обстоятельств правительство Анны Иоанновны вынуждено было предпринимать очередные шаги по созданию более совершенной системы обороны и пограничной линии на своих новых южносибирских рубежах.

Перед сибирской администрацией была поставлена сложная задача — объединить существующие крепости и остроги в единую линейную систему, усилить её дополнительными укреплениями и, тем самым, превратить неустойчивые, во многом спорные рубежи в фиксируемые пределы русской государственности. Строительство укрепленных линий в Южной Сибири, по замыслу правительства, должно было обеспечить надёжную охрану Колывано-Воскресенских заводов, порубежных русских поселений и ясачных двоеданных волостей от внешних угроз, повысить значение удалённых друг от друга острожно-крепостных сооружений и в конечном счёте обозначить официальные пределы российских владений в условиях неопределённости и подвижности южносибирского фронта.

В 1733 г. Сибирской губернской канцелярией был получен сенатский указ об осмотре «мест, где надлежит быть границе с Красноярскими пограничными волостями с землями калмыцкого владельца, всего Кузнецкого ведомства, по которым урочищам или рекам и прочим признакам описание учинить и чертежи приготовить»²⁵. После выполнения съёмок местности Верхнего Приобья, составления ландкарт, осуществлённых опытным геодезистом В. Шишковым и его учеником П. Сомовым, и многочисленных консультаций военной и гражданской администрации Сибири с Сенатом в апреле 1736 г. был разработан план строительства новой системы обороны, получивший название Колывано-Воскресенской линии.

В ходе её осуществления (1746–1769) была создана новая укрепленная линия от Кузнецка до Усть-Каменогорска протяжённостью 581 верста. В неё вошли 5 крепостей: Кузнецкая, Бийская, Катунская, Ануйская, Усть-Каменогорская, 6 форпостов, 6 защит, 3 редута, 16 маяков и полумаяков, станиц. Строительство новых и укрепление старых сооружений осуществля-

лись уже по унифицированным типовым проектам с учётом стратегической целесообразности, характера местности и их функциональных особенностей.

Большинство линейных укреплений имело форму четырёхугольников с бастиянами и пушками по углам, сторожевые маяки, каланчи, валы, палисады, надолбы, рогатки и другие защитные конструкции. Наряду с ними на линии строились почтовые и постоянные дворы, конюшни, казармы, жильё для военнослужащих и другие жизненно важные объекты. При строительстве учитывалось также наличие на линии лесов, плодородных земель, водных и сухопутных путей сообщения и других необходимых условий, способствовавших росту приграничного населения, хозяйственному освоению края, развитию торговых связей с сопредельными государствами и народами.

Следующим этапом военно-инженерного строительства, завершившим эволюцию оборонного деревоземляного зодчества сибирских городов, стало возведение в Кузнецке на рубеже XVIII–XIX вв. первой и единственной в Сибири каменной крепости-цитадели на горе Вознесенской. Немаловажная роль в её строительстве принадлежит видному российскому военачальнику и администратору Густаву Штрандману. В марте 1787 г., будучи уже генерал-поручиком, Штрандман был назначен командующим Сибирским корпусом, преобразованным в Сибирскую дивизию, а через два года стал генерал-губернатором Сибири. Совмещая военную и административную власть, Штрандман завершил модернизацию укреплений южного пограничья Сибири. При нём была построена Бухтарминская крепость (1793) с редутами, образовавшими отдельную дистанцию, новые редуты по Тобольской и Иркутской линиям, осуществлено проектирование новой Кузнецкой крепости, возведённой уже его преемниками²⁶.

Строительство Кузнецкой каменной крепости на горе Вознесенской было завершено в 1806 г. Новая крепость вобрала в себя все достижения фортификационного искусства своего времени. За высокой каменной стеной разместились трёхэтажная башня, казарма, офицерский дом, арсенал, госпиталь и прочие здания. Все крепостные сооружения были обнесены валом с полубастиянами, редантами, сортириями и другими новейшими конструкциями²⁷. Однако эта новая, хорошо укреплённая цитадель не имела уже практического военного значения. Возведённая

в связи с мнимой китайской военной угрозой, она вскоре прекратила своё существование и превратилась в своеобразный символ военной мощи и господства России в Южной Сибири.

Таким образом, в защите Кузнецка и его административной территории важное место занимали фортификационные оборонительные сооружения. Возведённые в глубоком тылу телеутских владений Кузнецкий острог и его крепости сыграли важную роль в становлении русской государственности на юге Западной Сибири. Создание эффективной системы обороны и использование уже испытанной тактики мирного «наступления крепостями» позволили правительству и служилым людям в течение столетия прочно закрепиться в Верхнем Обь-Иртышском междуречье и создать необходимые условия для последующего хозяйственного освоения региона.

В строительстве кузнецких крепостей условно можно выделить ряд этапов, отражающих поступательное движение русской колонизации на юге Западной Сибири. На начальном этапе (1618 — начало XVIII в.) преобладала традиционная деревянная башенная система оборонительных сооружений, усиленная земляными укреплениями. С возведением новых крепостей в Верхнем Приобье и Прииртышье, строительством заводов на Алтае и созданием Сибирских укрепённых линий (1710–1760 гг.) наблюдается переход от смешанной (деревоземельной) к линейно-бастийной системе укреплений. Высшим этапом военно-инженерного зодчества стало строительство первой в Сибири каменной крепости-цитадели в Кузнецке на горе Вознесенской. В возведении указанных оборонительных систем ярко отразились изменения в сибирском крепостном строительстве, в котором органично сочетались черты древнерусской (народной) оборонной архитектуры с достижениями европейского военно-инженерного искусства XVIII в.

¹ Сергеев А. Д. Тайны алтайских крепостей. Барнаул, 1975; Прибыткова А. М. Кузнецкая крепость // История СССР. 1975. № 1. С. 211–241; Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978; Уманский А. П. Кузнецк и алтайские остроги // Кузнецкая старина. Вып. 3. Новокузнецк, 1999. С. 3–18.

² Резун Д. Я. Летопись сибирских городов... С. 193; Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882. Л. 13.

³ Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда... С. 62, 124.

Сибирские атаманы: состав и служебная деятельность

В последние десятилетия заметно возрос интерес к активным участникам и исследованию военных факторов русской колонизации Сибири эпохи начального освоения. История создания и организации сибирского «войска», его взаимоотношения с правительственным воеводским управлением, борьба служилых людей за свои права, как было уже указано, глубоко и всесторонне исследованы в трудах выдающихся учёных-сибиреведов В.А. Александрова и Н.Н. Покровского. Формирование, состав и служебные занятия ратных людей Западной и Восточной Сибири представлены в монографиях Н.И. Никитина, Г.А. Леонтьевой, В.Г. Пузанова, создание войск «нового строя» — в работе А.В. Дмитриева. В диссертациях П.Н. Бараховича, А.Е. Ульяновой рассмотрены военные функции и деятельность служилого населения отдельных регионов Сибири, в статьях Е.В. Вершинина, И.Р. Соколовского и других исследователей даны исторические портреты отдельных представителей начальных служилых людей.

В то же время в освещении истории русского приборного войска, его структуры и функциональных особенностей остаётся ещё немало неясных и спорных вопросов. К их числу относится недостаточная степень изученности командного состава сибирского войска: казачьих атаманов, голов, сотников, пятидесятников, игравших важную роль в управлении воинскими подразделениями сибирских гарнизонов и оставивших заметный след в процессе присоединения и освоения огромного региона. Несмотря на частое упоминание в источниках и литературе имён многих представителей этого высшего слоя служилых людей, их состав, происхождение, служебная и хозяйственная деятельность, социальное положение многих из них до сих пор не известны. Недостаточно выявлены исследователями семейное окружение, имущественное положение и династические связи, без учёта которых невозможно получить полное представление о «начальных людях» и создать обобщённый образ сибирского атамана.

⁴ Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов... С. 235; Усков И.Ю. О времени поставления Верхотомского острога // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX века. Новосибирск, 2007. С. 227.

⁵ Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Указ. соч. С. 127.

⁶ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 97.

⁷ Кочедамов В.И. Указ. соч. С. 104.

⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 399.

⁹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 1052. Л. 251–252.

¹⁰ Там же. Ф. 214. Кн. 1425. Л. 143 об.–144; Стб. 1052. Л. 251–252.

¹¹ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 143–144.

¹² Каменецкий И.П. Русское население... С. 99.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Стб. 1052. Л. 251–252; Кн. 1441. Л. 1.

¹⁴ Там же. Кн. 1425. Л. 143 об.–144; Стб. 1052. Л. 251–252.

¹⁵ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 199. Порт. Миллера. 526. Ч. 2. Д. 1. Л. 15; РГАДА. Ф. 199. Оп. 4. Д. 15. Л. 51.

¹⁶ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 25–26.

¹⁷ Сибирь XVIII века в путевых описаниях... С. 24.

¹⁸ Уманский А.П. Кузнецк и алтайские остроги // Кузнецкая старина. Вып. 3. Новокузнецк, 1889. С. 5–7; История Алтая в материалах... С. 22–23.

¹⁹ Сибирь XVIII века в путевых описаниях... С. 24–25; История Алтая в материалах... С. 22–23.

²⁰ Сибирь XVIII века в путевых описаниях... С. 25.

²¹ Там же. С. 25.

²² РГАДА. Ф. 214. Кн. 1611. Л. 167–272.

²³ Огурцов А.Ю. Иртышская пограничная линия // Кузнецкая старина. Вып. 3. Новокузнецк, 1989. С. 19–35.

²⁴ РГАДА. Ф. 199. Порт. 526. Ч. 2. Д. 1. Л. 11–12 об.

²⁵ Старкова В.Е. Формирование системы охраны Верхнего Приобья в XVIII–XX вв. // История Алтайского края XVIII–XX вв. Науч. и докум. материалы. Барнаул, 2005. С. 72–73.

²⁶ Артамонова И.Н. Штрэндман // Русский биографический словарь. Т. XXIII. СПб., 1911. Т. 23. С. 437–439.

²⁷ Прибыткова А.М. Кузнецкая крепость... С. 235.

Первыми казачьими атаманами были сподвижники Ермака, оставшиеся в Сибири и вернувшиеся обратно после «сибирского взятия». Среди них один из самых известных соратников Ермака — атаман Иван Гроза; конные казаки, ставшие позднее сибирскими атаманами: атаман тобольских служилых конных татар Черкас Александров Корсак, атаман русских служилых людей Гаврила Ильин; тарский казачий атаман Третьяк Жареный, тюменский атаман Гаврила Иванов, берёзовский атаман Алексей Галкин. Все они были представителями «старого» вольного казачества, прочно осевшего в сибирской «государевой вотчине». До прихода в Сибирь они имели уже богатый военный и жизненный опыт. За их плечами были походы «за зипунами» в низовья Дона, Волги, Каспийское море, борьба с крымскими татарами, участие в Ливонской войне, а позднее в грозных событиях Смутного времени.

По словам головы тобольских конных казаков, сына боярского Гаврилы Грозина, его отец Иван Гроза вместе с Ермаком «взял Сибирь», много раз был ранен, Кучума «погромил», городки его взял, царевичей «поймал» и доставил в Москву, «ставил» Тобольск, Тару и Томск. Затем, будучи атаманом сибирских казаков, со станицей в 300 человек пришёл на «Русь» и принял участие в известном походе талантливого полководца боярина М. В. Скопина-Шуйского из Новгорода в Москву, который завершился падением Тушинского лагеря. В 1634 г. он умер, на его место был назначен его сын Гаврила Грозин со своим окладом¹.

Другие указанные выше лица, находясь уже на «государевой службе», принимали активное участие в строительстве первых русских городов за Уралом, борьбе с Кучумом и сборе ясака. Гаврила Иванов в своей челобитной на имя царя в 1623 г. сообщил, что служил в Сибири с 1581 г., участвовал в походе Ермака, строительстве Тюмени (1586 г.), Тобольска (1587 г.), Пельяма (1593 г.), Тары (1594 г.), Томска (1604 г.), первом походе «в кузнецы» в 1607 г.² Он и его соратники участвовали в окончательном разгроме Кучума на р. Ирмень, пленении царевича Алея. Так, Ч. Александров накануне сражения с Кучумом разведал местонахождение его лагеря; 20 августа 1598 г. с М. Глебовым был отправлен в Москву с отпиской А. Воейкова, сообщавшей о победе над Кучумом³. Атаман Т. Жареный после битвы с 70 казаками был послан в погоню за остатками кучумовского войска

и, не доходя до озера Чаны, погромил 150 человек. 4 сентября он же был отправлен в составе конвоя семейства Кучума в Москву⁴. А. Галкин после «сибирского взятия» 30 лет был атаманом в Берёзове, погиб в Мангазейском уезде при стычке с «иноземцами»⁵.

Сподвижники Ермака пользовались большим авторитетом среди служилых людей. Напомним: в 1626 г. старые казаки воспротивились назначению головой тобольского сына боярского Богдана Аршинского и добились того, чтобы во главе их оставался атаманом Гаврила Ильин. В своей челобитной на имя царя они сообщали, что «служат в Сибири в Тобольску от Ермакова взятия лет по сороку и по пятидесяти с атаманы, а не з головами»⁶.

Однако, несмотря на их весомые заслуги, никто из названных атаманов не был удостоен более высокого и оплачиваемого чина — казачьего головы и сына боярского. Лишь Черкас Александров в 1598 г. был назначен головой тобольских служилых татар⁷. Возможно, правительственные органы, зная о бурном прошлом не всегда управляемых ермаковских атаманов, не стремились к их повышению. Их опасение вызывали и скомпрометировавшие себя в верности царской власти сосланные в Сибирь казаки атамана И. Болотникова, участники движений атаманов И. Балаша, А. Чертопруды, донские атаманы И. Гладкой, Я. Губарь и другие, которых правительство не без оснований считало неблагонадёжными⁸.

В то же время Москва повышала в чинах и жаловании «новых» казаков, находившихся и проявивших себя на государевой службе в составе правительственных войск. Так, тобольский атаман пеших казаков Клим Бобошин (Бабашин, Байбашин), будучи в Москве в конце 1648 г., подал челобитную с просьбой за свои заслуги перевести его в сыны боярские. Он сообщил, что служил в Сибири с 1591 г., «брал» Аблейгарима, Кучума и много раз был ранен⁹.

Привлечение других источников позволяет дополнить его военную биографию. В 1619 г. К. Бобошин упоминается как конный казак, отвозивший в Москву воеводскую отписку; проживал на дворе у «литвина» С. Черкашина за острогом «у калмыцкого двора». В 1638 г. он значился уже атаманом пеших казаков; в качестве пристава сопровождал известного польского авантюриста П. Хмелевского в ссылку в Томск. Просьба о его повышении была

удовлетворена, в 1652 г. К. Бобошин упоминается в искомом чине с окладом 12 руб.¹⁰ Были удовлетворены просьбы и других престарелых атаманов — ветеранов сибирской службы: енисейского головы пеших казаков Богдана Болкашина, томского татарского головы Осипа Кокорева, берёзовского атамана Бажена Кокоулина, красноярского атамана Никиты Кольцова.

Источники формирования командного состава сибирского войска были различны. На первых порах правительство, испытывая острую потребность в опытных командирах, вынуждено было назначать на командные должности лиц, имеющих военный опыт, даже из числа провинившихся, «опальных» людей. Примечательна в этом отношении судьба «разжалованного» атамана Василия Алексева, сосланного в первые годы царствования М. Романова в Тару рядовым казаком.

В своей челобитной от 31 августа 1630 г. с просьбой о верстании его в атаманы он подробно описал свой воинский путь на завершающей стадии Смуты, без указания былого прошлого. По его словам, он служил атаманом под Москвою в ополчении у князя Дмитрия Пожарского и у князя Дмитрия Трубецкого, и от литовских людей был «многожды ранен». Затем со своей станицей послан с С. Прозоровским под Тихвин, где ходил на вылазки против «немецких людей» и вновь получил ранение. Позднее был направлен с Д. Трубецким на оборону «под новые города»: Новгород, Калугу. Затем служил под началом воеводы Андрея Палицына под Торопцом, где «многих литовских людей побил», за что получил 15 руб. жалованья. Служил также под Москвой атаманом с окладом в 15 руб. Но, несмотря на ратные заслуги, в 1618 г. его, якобы «без вины», сослали из Москвы с тобольским литвином Т. Максимовым в Тару, где он служил в конных казаках 14 лет. При этом, по его словам, он неоднократно ходил на татар и калмыков и много раз был ранен¹¹.

Сведения В. Алексева о сибирской службе имеют документальное подтверждение. В послужном списке казаков Тары за 1618 г. указано, что он «бился явственно, и мужика на бою убил, и другого взял в язцы», за что ему выдан в качестве награды 1 руб. В 1619 г. за успешный поход на сына Кучума, царевича Ишима он также получил 2 руб. В 1630 г. он значился в Таре как десятник конных казаков с окладом 7 руб. с полтиною, 6 четей с осьминой ржи, 2 чети круп и толокна. Просьба В. Алексева о его военной

«реабилитации» и пожаловании вскоре была удовлетворена, в 1630 г. он стал атаманом вместо убитого в 1628 г. Е. Пружилина с окладом 9 руб., 8 четей хлеба, 2 четверти крупы и толокна¹². Упоминание о нём в чине атамана встречается и в 1648 г.

Важным источником комплектования и пополнения командного состава в Сибири было назначение в атаманы и на другие вакантные места близких родственников, как правило, сыновей проявивших себя на службе и пользующихся авторитетом среди служилых людей.

В 1630 г., после убийства красноярскими казаками своего атамана Ивана Кольцова, не сумевшего обеспечить их продовольствием, на его место был назначен сын, Милослав Кольцов¹³. Известный сибирский землепроходец Дмитрий Копылов был назначен в 1637 г. атаманом не только за свои заслуги, но и по родственному принципу — его отец был атаманом пеших казаков в Томске¹⁴.

Назначение на командные должности исходя из родственного принципа не происходило автоматически. В большинстве случаев будущие атаманы и головы начинали службу с рядовых казаков или стрельцов, поэтапно проходя ступени служебной лестницы. Так, кузнецкий атаман пеших казаков Андрей Фёдоров в 1630 г. значился в гарнизоне пешим казаком, в 1637 г. — десятником с окладом 5 руб. с полтиной, 5 четей ржи, 2 чети овса, 2 пуда соли. В 1643 г. — пятидесятником, в 1666 г. — атаманом с окладом 10 руб., 6 четей ржи, 5 четей овса, 2 пуда соли¹⁵.

Немаловажная роль в назначении на командную должность претендентов принадлежала казачьему самоуправлению — служилому миру. В 1624 г. тюменские служилые люди выступили против назначения на пост атамана конных казаков и «литвы» Ивана Воинова, произведённого без их согласия разрядным воеводой Ю. Сулешевым. В своей «заручной» челобитной казаки подвергли сомнению сведения о службе И. Воинова, его отца, а мать обвинили в колдовстве¹⁶. На самом деле они не хотели, чтобы Воинов был назначен единоличным распоряжением воеводы, без их непосредственного участия.

В 1627 г. енисейский служилый мир настойчиво и небезуспешно добивался назначения на вакантное место атамана будущего землепроходца Максима Перфильева. Москва первоначально отклонила их ходатайство в связи с тем, что Максим

тайно венчался с женой утонувшего енисейского стрелецкого сотника Поздея Фирсова — Олёной Андреевой, но в 1628 г. он упоминается уже как атаман пеших казаков¹⁷.

В 1681 г. атаман кузнецких конных казаков Корнило Петров на «разборе» сообщил, что его отец Пётр служил атаманом «лет сорок и... умре», вместо него был пожалован «по указу великого государя и по грамоте» брат Нефёд, который также вскоре скончался. А он, Корнило, «против мирской заручной челобитной поставлен на место отца своего в атаманы» воеводой Г.В. Волковым в 1674 г.¹⁸ Сведения о смерти его брата и назначении Корнилы подтверждаются другими источниками. В окладной книге жалования 1660 г. указано, что атаман Н. Петров умер в 1659 г. «и та его пахота стала впусе»¹⁹.

Как было уже указано, назначение в атаманы сыновей по челобитным отцов являлось в Сибири обычной, санкционированной правительством практикой. В начале 1626 г. сургутский атаман Тугарин Фёдоров просил отставить его от службы «за раны и увечья», а в своё место поверстать 20-летнего сына Петра с его окладом 15 руб. и 15 четвертей хлеба²⁰.

Но нехватка опытных военачальников, особенно в «горячих точках», побуждала воевод, нередко под давлением снизу, назначать командирами, даже вопреки правительственным распоряжениям, бывших ссыльных «опальных» людей. Примером тому является назначение в Кузнецке атаманом ссыльного «черкаса» Ивана Бедаря, в Красноярске сыном боярским — черниговского полковника войска Запорожского Василия Многогрешного, в Нерчинске — его брата, украинского гетмана Демьяна Многогрешного²¹.

Назначение на атаманскую должность часто осуществлялось в качестве вознаграждения и поощрения за приискание «новых земель» и «учинение государевой прибыли». Известный землепроходец, томский пятидесятник Дмитрий Копылов был произведён в чин атамана пеших казаков в 1637 г. за походы в Братскую землю, возведение там Бугальского зимовья, а позднее — Сосновского острога на Оби²². Состоявший в его подчинении рядовой казак Иван Москвитин, первым из европейцев достигший побережья Охотского моря, также не был обойдён повышением по службе. В июле 1647 г. он возвратился из Москвы в Томск в чине атамана пеших казаков. Заметим,

что выдающийся землепроходец и мореплаватель Семён Дежнёв был назначен Сибирским приказом атаманом в 1665 г. не столько за открытие Колымы и пролива, отделяющего Евразию от Америки (маловероятно, что в правительстве сознавали важность этого географического открытия), сколько «за... службу, и за кровь, и за раны, и за ясачную прибыль»²³.

Служебная деятельность атаманов в Сибири уже достаточно полно освещена в литературе и опубликованных архивных источниках. Укажем лишь на её многофункциональный универсальный характер, в котором выполнение непосредственно военных обязанностей тесно переплеталось с административными поручениями, посольскими делами и занятиями, связанными с хозяйственной деятельностью. Это наглядно проявилось на примере несения служб томского атамана Дмитрия Копылова и красноярского атамана Михаила Злобина. Их биографии и воинский путь уже освещены выше. Они во многом схожи с судьбами их близких родственников и других «начальных людей» Сибири, что позволяет достаточно полно воссоздать во многом типичный портрет сибирского военачальника и землепроходца.

Вышедшие из казачьей среды с её устоявшимися традициями и нормами казачьего самоуправления, атамань не всегда являлись послушными и точными исполнителями власти воевод-временщиков, правление которых ограничивалось в основном лишь 2–3 годами. Как уже установлено исследователями и показано нами, при выполнении правительственных предписаний и воеводских наказов атамань со своим «войском» нередко вносили в них свои коррективы, поступали «своей волей» и действовали по «своему усмотрению».

Сибирские атамань были задействованы не только в военно-административных, посольских и других служебных делах, но и активно участвовали во многих бурных событиях социальной жизни Сибири. Опираясь на широкую поддержку своих подчинённых, они зачастую становились «заводчиками» многих смут, направленных преимущественно против воеводских злоупотреблений и административной коррупционной практики. Руководящая роль атамань ярко проявилась в организации мирских челобитных и смут, направленных против всевластия воевод, произвола приказных и торговых людей, особенно когда это касалось вопросов, связанных с наруше-

нием их казачьих прав и традиций, а также при решении военных дел, кадровых назначений, игнорировании мнения мирского самоуправления.

Одним из инициаторов и руководителей «смуты» в Таре в июне 1636 г. был атаман, ставший головой «литовского списка», Андрей Кропотов. В ходе событий он подал челобитную на воевод князя Ф.П. Барятинского и Г.А. Кафтырева об их «неправдах», заключавшихся в узурпации всех функций начальных людей и игнорировании былых прав и свобод служилых людей. В ходе проведённого «повального сыска» выяснилось, что воеводы «по своему изводу» судят и чинят расправу даже в мелких исках, запрещают казакам выезжать из города на промыслы, посылают их «вне очередь» в караулы и т.д. Попытка казаков во главе с А. Кропотовым восстановить прежние порядки была воспринята воеводами как покушение на «государеву» власть. По словам Ф. Барятинского, атаман якобы «отнял у него власть и суд». Чтобы не допустить изобличения в произволе и вседозволенности, воеводы не пустили А. Кропотова в столицу с собольной казной и челобитной на них, заявив при этом, что он повинен в разорении подвластных им барабинских татар и что в Москве ему не поверят²⁴.

В 1643 г. уже известный нам атаман Дементий Злобин с «войском» подал «изветную» челобитную на прежних красноярских воевод Ф.М. Мякинина и А.П. Баскакова. Он обвинил их в неправомерном, без государевой грамоты, «поверстании» в службу нескольких ссыльных людей и добился успеха. По распоряжению Сибирского приказа указанные в челобитной лица были выведены из состава гарнизона и поверстаны в крестьяне²⁵.

В 1647 г. возник новый острый конфликт красноярских казаков во главе с атаманом Дементием с другим воеводой, Олферием Баскаковым. Атаман был отстранён воеводой от власти, арестован и обвинён «в умышленье ножевого ранения» О. Баскакова. Казаки единодушно выступили на защиту своего командира, отправив в Сибирский приказ челобитную, в которой указали на прежние заслуги Дементия и на ложное обвинение воеводы, арестовавшего атамана «по недружбе... не за вину и не за дело»²⁶. В результате решения Москвы Дементию было возвращено атаманство, а кандидат воеводы на это место отвергнут.

Наиболее острые и напряжённые отношения атаманов с воеводами складывались во время социальных движений: восстаний, мятежей, смут, побегов населения на новые земли, периодически происходивших во многих городах и острогах Сибири.

В ходе томского восстания в 1648–1649 гг. командный состав гарнизона (дети боярские, атаманы, пятидесятники) оказался разделён на два лагеря — сторонников и противников уже упомянутых нами враждующих воевод Осипа Щербатого и Ильи Бунакова. Активным участником, разоблачающим злоупотребления О. Щербатого, был казачий голова, выслужившийся из оброчных крестьян Зиновий Литасов. Он был избран восставшими в состав томских сословных миров, взявших власть в свои руки. Его подпись стояла первой в мирских челобитных от 20–21 мая 1648 г., что, несомненно, свидетельствует о его значительной роли в возникшей «смуте». Свергнутый воевода О. Щербатый в своей отписке в Сибирский приказ называл его в числе главных бунтовщиков и «советником» восставших и призывал срочно арестовать и с другими активными участниками направить к сыску в Тобольск.

При проведении «повального розыска» в Москве З. Литасов, в отличие от других дрогнувших казаков, в очной ставке с воеводой проявил стойкость и твёрдость при выдвижении обвинений О. Щербатого во взятках, вымогательстве и других прегрешениях. Несмотря на неоспоримые доказательства виновности бывшего воеводы, атаман понёс наказание «за бунтовство» и покушение на государеву власть. Вместе с другими шестью активными участниками он был бит кнутом и отправлен назад в Томск, где по нему приказано было взять «поручную запись»²⁷.

В апреле 1655 г. казаки Верхоленского острога во главе с атаманом Михаилом Сорокиным восстали против «насильств» илимского воеводы Б.Д. Аладьина. Восставшие собрали круг и целовали крест на том, чтобы уйти на Амур и служить там, чтобы «у государевых воевод под начальством не быть». После неудачной осады Илимского острога отряд Сорокина ушёл в Забайкалье и судьба его до сих пор не известна²⁸.

В 1665 г. произошло восстание служилых людей и пашенных крестьян, направленное против «насильника и мучителя» воеводы Л.А. Обухова в Илимском уезде. Его возглавил при-

казной человек Никифор Романович Черниговский, названный в народных преданиях атаманом. Н. Черниговский происходил, очевидно, из польских шляхтичей. В войне России с Польшей за Смоленск попал в плен под Новгород-Северском и оказался, как немало его соотечественников, на русской службе. В 1636 г. с группой товарищей пытался из Тулы бежать в Польшу, но был задержан и вместе с женой Онисией сослан в Сибирь, в Енисейск, на «вечное житьё». Во время проживания в Енисейске в 1639–1647 гг. выполнял различные службы. По его словам, «...на Байкалово ходил по соболиный ясак, и из тех ясачных зборов прибыль чинил и под Ленский волок с с хлебными запасы ходил, и по многим рекам на службы ходил для ясачного збору».

В 1650 г. он был направлен в Илимский острог, где служил приказчиком крестьян на государевой пашне. В 1652 г. назначен управляющим казённым соляным промыслом в Усть-Кутском остроге. В ходе восстания 1665 г. воевода Обухов был убит. Боясь расправы, участники восстания — 84 казака во главе с Н. Черниговским — бежали на Амур, где на месте бывшего городка даурского князя Албазы основали поселение, получившее название Албазин, и несколько деревень. Благодаря постоянному притоку населения и неутомимому труду казаков и крестьян Албазинский район вскоре стал самым заселённым и земледельческим в Забайкалье²⁹.

За участие в бунте и убийство воеводы правительство заочно приговорило Н. Черниговского и его близких соратников к смертной казни. Но в 1672 г. по просьбе тобольских воевод, стремившихся поставить под свой административный контроль вольных амурских поселенцев, Н. Черниговский и его товарищи были прощены. Центральная власть не признала законным существовавшее в Албазине казачье самоуправление в главе с Черниговским и добила его смещения. С 1675 г. нерчинские воеводы стали присылать в Албазин своих приказчиков, которые не пользовались у населения доверием и не обладали надлежащими властными полномочиями. В конце 1670-х гг. Черниговский побывал в Москве, где его за былые заслуги пожаловали в дети боярские и определили на службу в Красноярский острог.

Активное участие атаманы приняли в самом длительном в Сибири восстании в Красноярске в 1695–1698 гг., направ-

ленном против «разорителей и грабителей», воевод Алексея Башковского и его преемников — брата Мирона Башковского и Семёна Дурново. В нём наряду с борьбой с административным произволом и злоупотреблениями воевод также отстаивался приоритет казачьего войска в управлении. Как было уже указано, одним из видных руководителей и советником восставших был престарелый атаман Иван Злобин и его сын, десятник конных казаков Иван Злобин. Учитывая непростую ситуацию в Красноярске, вызванную злоупотреблениями и коррумпированностью местных воевод, и затяжной характер конфликта, правительство не применило к И. Злобину, другим руководителям и активным участникам «смуты» никаких санкций³⁰.

В то же время нельзя не заметить тесное и успешное взаимодействие и сотрудничество воевод с атаманами и всем командным составом в разных сферах жизнедеятельности русского и ясачного населения, особенно тогда, когда их интересы совпадали. Атаманы не были противниками воеводской власти и хорошо понимали значение единоначалия и необходимость сильной, но при этом справедливой власти. В возникавших кризисных ситуациях, военных угрозах и вызовах атаманы оказывали необходимую поддержку воеводам, а те, в свою очередь, выступали в их защиту.

Как было уже показано, во время проведения следствия в Кузнецке воевода Е. Баскаков, активно поддерживаемый служилыми людьми, не позволил томским сыщикам арестовать и наказать атамана П. Дорофеева и других командиров за допущенный ими «погром» телеутов летом 1653 г.³¹

В ноябре 1672 г. в Кузнецке скоропостижно скончался авторитетный воевода Н.Б. Доможиров. Напомним: чтобы не допустить безвластия в сложном в военном отношении районе, атаман конных казаков И. Бедарь (Бедарев) вручил его сыну Логгину Доможирову «заручную» мирскую челобитную на государево имя, в которой просили назначить Логгина воеводой вместо умершего отца. Чтобы убедить нерешительного сына в принятии воеводства, атаман и выборные лица «словесно» указали на бедствия, которые возможны при отсутствии власти: снижение обороноспособности гарнизона, падение ясачного сбора, невозможность обращения в суд и другие негативные

последствия. По утверждению Л. Доможирова, в силу этих обстоятельств он вынужден был стать воеводой и исполнять эту должность в течение года до замены его воеводой, назначенным уже Москвой³².

Не все сибирские атаманы благополучно завершили свой жизненный и ратный путь, нередко их жизнь заканчивалась трагически. Тарский казачий атаман Еремей Пружинин в 1628 г. был послан с 18 казаками для обороны ясачных татар от калмыков в верхние Барабинские волости. В июне (до 20 числа) отряд был перебит восставшими татарами во главе с князьцом Когутайком, а Барабинский острожек сожжён. Мать Еремея Софья, черница Московского Вознесенского монастыря, в 1629 г. обратилась к правительству с просьбой выделить подводы для переезда в Москву семьи её убитого сына (вдовы и двух дочерей). В своей челобитной она указала, что сына «взяли на заставе, мучили, руки, ноги отсекали и тело резали, а жена и дети его волочатся меж дворами». Её просьба была удовлетворена, вместо погибшего Е. Пружинина был повёрстан сын боярский Богдан Поливанов³³.

Енисейский казачий атаман Поздей Фирсов, выполнявший воеводское поручение, при возвращении из Тобольска в Енисейск около 1627 г. утонул в Оби с загадочной мотивировкой причины смерти — «по грехам своим»³⁴.

Знаменитый землепроходец, енисейский сын боярский и казачий голова Пётр Бекетов, по версии Е.В. Вершинина, после успешной обороны Кумарского острога, погиб в последующих сражениях с маньчжурами на Амуре после 1655 г.³⁵

Якутский казачий голова, первый исследователь Камчатки Владимир Атласов, названный А.С. Пушкиным «камчатским Ермаком», был убит во время сна взбунтовавшимися казаками в 1711 г. в основанном им Нижнекамчатском остроге³⁶.

Мангазейский атаман пеших казаков Иван Фёдоров в 1650 г. был послан с соболиной казной морем в Тобольск. Напротив устья р. Столбовой отряд потерпел крушение, во время которого один из трёх кочей вместе с атаманом «пропал неведома куда»³⁷.

Завершая обзор преимущественно военно-административной деятельности командного состава сибирского войска, на основе изложенного материала можно сделать ряд заключений, свидетельствующих об особом месте и значительной роли

атаманов в системе военной организации сибирского «войска» и сибирского общества в целом.

В отличие от детей боярских, атаманы своим происхождением, социальным положением были ближе к основной массе рядового казачества. Несмотря на их назначение «сверху», «легитимность» атаманов зачастую подтверждалась «снизу» органами войскового самоуправления. Это повышало их ответственность в отстаивании интересов служилых людей при возникновении различных конфликтных ситуаций, особенно в борьбе с воеводскими злоупотреблениями и административным произволом.

Назначение на атаманский пост осуществлялось как по родственному принципу, так и за совершённые заслуги: ратную доблесть, учинение «государевой прибыли», открытие новых земель и другие достижения.

Сибирские атаманы активно влияли на решение всех вопросов, связанных с обеспечением жизнедеятельности и безопасности русского и ясачного населения: возглавляли походы на «немирных» кочевников, осуществляли посольские дела и другие «миротворческие» миссии, открывали для России новые «землицы» и государства.

Являясь проводниками правительственных решений и осуществляя возложенные на них различные функции, они успешно выполняли сложные колонизационные задачи в деле присоединения, открытия и хозяйственного освоения огромного Сибирского региона. В то же время, будучи выходцами из казачьей служилой среды, они во многом являлись носителями прежних демократических традиций, устоявшихся норм и представлений, которые упорно отстаивали в своей борьбе с воеводами и другими представителями государственной власти.

¹ Александров В.А. «Войско» — организация сибирских служилых людей... С. 98–99; Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 134.

² Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 455–456; РИБ. Т. 2. СПб., 1875. С. 134.

³ Никитин Н.И. Сратники Ермака... С. 31.

⁴ АИ. Т. 2. 1598–1613. СПб., 1841. С. 6.

⁵ Никитин Н.И. Сратники Ермака... С. 31.

⁶ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 48, 211–212.

⁷ АИ. Т. 3. СПб., 1841. С. 1; Никитин Н.И. Тобольская литва в XVII веке // Город и горожане России в XVII — первой половине XVIII в. Сборник статей. М., 1991. С. 69–70.

⁸ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 87–88.

⁹ Никитин Н.И. Сратники Ермака... С. 78.

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Стб. 3. Л. 431–431 об., 433; Русско-монгольские отношения. 1607–1636 гг. ... С. 86.

¹¹ РИБ. Т. 8. СПб., 1884. С. 658–663.

¹² РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 387, 412 об.

¹³ Там же. С. 71.

¹⁴ Томск в XVII в. Материалы для истории города... С. 31, 39.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 70. Л. 138; Кн. 153. Л. 70; Кн. 590. Л. 552, 506.

¹⁶ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 95–96.

¹⁷ Там же. С. 93–94.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 415. Л. 2 об.

¹⁹ Там же. Ф. 214. Кн. 716. Л. 389, 434, 1003 об.

²⁰ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 80–81.

²¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 1007–1007 об.; Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. М., 1959. С. 63.

²² Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 3. Ч. 1. С. 152.

²³ Никитин Н.И. Землепроходец Семён Дежнёв... С. 169.

²⁴ Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 176, 198, 243.

²⁵ АИ. Т. 3. 1613–1645. СПб., 1841. С. 103.

²⁶ Александров В.А. «Войско»... С. 106.

²⁷ Покровский Н.Н. Томск. 1648–1649 гг. ... С. 231, 335, 355, 364.

²⁸ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 334.

²⁹ Там же. С. 334–335.

³⁰ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 4. С. 181, 185, 186.

³¹ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 84–86.

³² Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири... С. 35–36.

³³ Служилые люди Сибири конца XVI–XVIII веков... С. 726.

³⁴ Там же. С. 906.

³⁵ Вершинин Е.В. Землепроходец Пётр Бекетов... С. 48.

³⁶ Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов... С. 147–148.

³⁷ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг... Ч. 2. С. 135.

Русская военная тактика в Сибири XVII в.

В изучении процесса присоединения и освоения Сибири XVII в. современные историки уделяют всё больше внимания военным аспектам её колонизации¹. Они пытаются ответить на непростые вопросы. Почему немногочисленным русским отрядам удалось за короткий период присоединить громадную территорию от Урала до Тихого океана? Какие военные и другие факторы способствовали их быстрому продвижению в глубины Северной Азии и установлению там русской государственности? Чем были обусловлены военные успехи казачьего войска и его преимущество над враждебными «воинскими людьми» Сибири и сопредельными с ней государствами?

Известно, что знакомство русских с Сибирью началось задолго до похода Ермака. Её природно-климатические, ландшафтные условия и этнический состав были знакомы русским пионерам со времён походов новгородцев в богатую пушниной Югру. Это обстоятельство значительно способствовало их движению на восток — «встречь солнца» — в конце XVI в. Давно известные и освоенные речные системы Урала и Западной Сибири во многом определили и основные направления русских завоевательных и колонизационных потоков в последующий период. Уральские и сибирские реки не только содействовали ратным и промышленным людям в продвижении на «новые земли», но и создавали немалое преимущество казачьим речным флотилиям: лёгким стругам, ладьям и прочим судам, успешно применявшимся с давних времён в низовьях Днепра, Волги, Дона и других рек.

С самого начала «судовая тактика» умело использовалась русскими против «немирных» коренных народов, не имевших развитого речного флота. Об успешном применении казаками Ермака речных судов говорится ещё в Ремезовской летописи. Согласно её полулегендарным сведениям, в июне 1581 г. хан Кучум всячески пытался воспрепятствовать походу Ермака. По его приказу в самом узком течении р. Тобол, получившем позднее название Караульный яр, была протянута железная цепь

и оставлен в засаде есаул Альшай с большим отрядом. Но, предупреждённый местными жителями об опасности, Ермак применил военную хитрость. Им были расставлены на судах чучела казаков с небольшим количеством людей, а сам он с основным отрядом сошёл на берег в нескольких верстах от Караульного яра, напал на татар с тыла и обратил их в бегство².

В последующем казачьи струги, дощаники и кочи успешно применялись при продвижении русских по Оби, Иртышу, Енисею, Лене, Амуру, другим водным артериям и морским побережьям Сибири. Особое значение реки приобретали при транспортировке боеприпасов, пушек, продовольствия. Поэтому правительство уделяло особое внимание судостроению — самой развитой отрасли в XVII столетии. В XVIII в. речные магистрали также успешно использовались И. Д. Бухольцем и другими русскими военачальниками, землепроходцами и мореходами. Реки служили и границей — фронтиром между освоенными русскими территориями и потестарными образованиями: Телеутской, Киргизской, Бурятской «землицами», Джунгарией и Китаем.

По прибытии в пункт назначения, «в угодное место», служилые люди, как правило, спешно ставили укрепление — «городок» и «круг острожного места... надолбы крепили накрепко»³. Разобранные струги и дощаники нередко служили первичным строительным материалом при возведении временных укреплений будущих сибирских городов и острогов. Обеспечив таким образом безопасность от неожиданных нападений, первопроходцы приступали к строительству постоянных форпостов, с необходимыми укреплениями. Таким способом были возведены первоначальный Тобольск, Тюмень, Томск, Красноярск и другие русские деревянные крепости. По темпам их строительства русские «горододельцы» значительно опережали возведение фортов и городов западными колонистами в Северной Америке.

«Наступление крепостями» и осуществление фортификационных работ в «порубежных» ясачных волостях стало важнейшей и определяющей стратегией и тактикой русского правительства, обеспечивавшей прочное закрепление колонистов на новых землях и способствующей превращению Сибири в восточную «государеву вотчину». Эта практика быстрого возведения крепостей, линии укреплений и заселение порубежной

полосы во многом была продолжением политики правительства Б. Годунова, успешно осуществлявшейся на юге России.

В степи, где не было «крепких мест», т. е. возможности «осечься» и построить временные укрепления, казаки чувствовали себя более уязвимо. Поэтому в лесостепных и степных районах они нередко практиковали комбинированные походы, когда пехота со всеми припасами плыла по реке на судах, а конница шла налегке берегом, обеспечивая тем самым необходимый уровень безопасности⁴. Возведение крепостей в степном плодородном юге Западной Сибири в XVII в. было временно приостановлено сильным противодействием местных кочевых князцов.

Подступы к возведённым городам и острогам оберегали размещённые на возможных местах наступления «немирных людей» скрытые «тайные караулы», небольшие острожки и близлежащие монастыри. В Енисейском уезде для предотвращения внезапного нападения кочевников в 1650–1660-е гг. было построено 13 острогов со сторожевыми башнями и надолбами, представлявших собой непрерывную полосу укреплений⁵.

Многие сибирские деревни и слободы также имели свои укрепления: городки, острожки, сторожевые башни, надолбы, срубы, засеки и щиты с бойницами. В ходе набегов и вторжений кочевников они первыми принимали удар на себя, сдерживали и ослабляли натиск неприятеля. Когда враги не в состоянии были взять штурмом или осадой укреплённое поселение и опорный пункт, его стремились поразить «огненными стрелами». Так, в результате «приступов» кочевников были сожжены и разрушены Ачинский, Канский, Братский остроги, Утяцкая, Камышевская слободы, Рождественский и Далматов монастыри, в начале XVIII в. Бикатунская крепость; не раз уничтожались укрепления русских в Забайкалье, Приамурье, на северо-востоке Сибири.

Но, несмотря на преобладающее, а иногда подавляющее превосходство в живой силе противника, активное участие всех первопоселенцев в обороне зачастую срывало его планы и обеспечивало победу русского оружия. При нападении врага не только служилые, но и все «жилицкие люди»: посадские, промышленники, «гулящие», крестьяне подгородных слобод и деревень становились защитниками и воинами; каждый из них знал и занимал своё место в обороне. Так, сын боярский

Д. Аршинский с атаманом С. Выходцевым отвечали за оборону Тобольска от Пермских ворот до Базарных. В их подчинении было 20 архиерейских служителей, 14 церковных, 78 казачьих детей, 44 служилых, всего 186 человек. При воротах имелась медная двухфунтовая пушка с пушкарём, у боевых окон верхних и нижних рядов несли службу 8 казачьих детей⁶.

Наряду со строительством постоянных форпостов, становившихся административными центрами, служилые люди широко применяли и практику возведения временных сооружений — острожков, городков, зимовий и других опорных и сторожевых пунктов. Особенно широко укрепленные «городки» использовались на северо-востоке Сибири: в Якутии, на Камчатке и Чукотке. Возведённые в спешном порядке, они служили русским не только оборонительными рубежами, но и являлись базой для последующих наступательных операций. Известный землепроходец, енисейский стрелецкий сотник Пётр Бекетов в декабре 1631 г. сообщал, что, находясь в Братской земле, он «велел делати в лесу крепь, срубити сруб и поделати боиницы, поставити велел надолбы»⁷. Нередко временные «городки» укреплялись и превращались в постоянные русские поселения. В 1648 г. красноярский сын боярский Степан Коловский также извещал, что был послан в Канскую и Котовскую земли на государевых стругах в Покровский городок, где вместе с 50 служилыми людьми «Покровского городка прибавил, и бойницы вывел, и надолбы двойные около городка поставил, и государев яsak собрал весь с прибылью»⁸.

При осаде русскими укрепленных «городков» «немирных» «воинских людей» и, наоборот, при обороне своих крепостей и отрядов использовались разные тактические средства и приёмы. В условиях окружения в степи служилые люди стремились занять круговую оборону, «укрепясь табором» (т.е. оградившись телегами или воткнутыми в снег лыжами и нартами), чтобы превосходящий по численности противник не мог их ни «копьем смешать», «ни давом задавить»⁹.

Зимой 1630 г. отряд енисейского атамана Ивана Галкина оказался окруженным тубинскими людьми князя Сойта. Из нарты и лыж был сделан круг, и в течение пяти дней русские защищались от врагов, производивших беспрестанные осадные «приступы». Прорвавшись из окружения, не бросив ни одного

раненого (правило, которое всегда соблюдалось в русском войске), они с боями вернулись в Енисейск¹⁰.

Томский сотник Е. Михалевский сообщал в своей челобитной в Сибирский приказ, что в 142 г. (1634 г.) он участвовал в походе на енисейских киргизов в урочище Чёрный Июс под началом А. Просовецкого. По пути следования их подразделение попало в засаду и вынуждено было стать в табор, который осадили киргизы и подошедшие к ним на помощь «мунгальские люди» (400 человек). Чтобы вырваться из плотного кольца врагов, его отряд «передом на бой пошёл» и сдерживал врага, пока все русские не вышли из окружения¹¹.

17 октября 1676 г. красноярские служилые люди были осаждены енисейскими киргизами сильного князя Ереняка в укреплении на о. Сосновый в устье р. Абакан. Киргизы, прикрываясь щитами, пытались поджечь его. Но русские, «тайником» выйдя из укрепления, «пустили по степи пожар» и пожаром тех людей отогнали¹². В этом же году кузнецкие казаки при взятии «киргизского городка» использовали против неприятеля подкоп и «подкопом побили 6 человек да 3-х людей ранили»¹³.

С самого начала пребывания в Сибири русские быстро осваивали способы ведения военных действий своих противников. В декабре 1616 г. томские служилые люди Т. Петров и И. Куницын сообщали в Москве о военной тактике калмыков: «А бой де у колматцких людей лучной и копейный и сабельной, и пищали есть же, а порошу у них мало... как погромят бухарцов, и они порох емлют из них... А напуск де у них на боех живёт по три ж: первый напуск с луки, другой с копы, третей с сабли. А только де они в третем напуске на бою, каких людей нибудь не сломят и они отходят прочь»¹⁴.

Русские, как правило, противопоставляли этой тактике слаженный залповый огонь — «огненный бой» с последующей контратакой, позволявшей навязать кочевникам ближний бой, а также быстрое сооружение укрытий, спасающих от вражеских стрел. Однако, как уже было отмечено исследователями, преимущества огнестрельного оружия русских наиболее полностью раскрывались в обороне, при наступательных же действиях оно не всегда было эффективным. В степи ратные люди могли, укрепившись «табором», отбить атаки намного превосходящих сил, но при решающих сражениях в конном строю скорострельный

лук мог успешно соперничать с неуклюжими «самопалами»¹⁵. Даже непредвиденный дождь мог стать причиной полного поражения русского войска, как это случилось 23 июля 1693 г. у озера Семискуля в Западной Сибири, когда был уничтожен большой — в несколько сот человек — отряд тобольского дворянина Василия Шульгина. Как свидетельствует Есиповская летопись, во время сражения «у русских ратных людей ружья замочило», и это обстоятельство, наряду с огромным людским превосходством кочевников, предрешило исход сражения. Избежали гибели и плена лишь 14 человек¹⁶.

Со временем положение осложнилось ещё и тем, что коренные народы и воинственные соседи сопредельных с русскими территорий сами стали применять огнестрельное оружие. Появление первых пищалей у ойратов и енисейских киргизов отмечено уже в начале XVII в. В середине века многие из них уже не хуже русских владели новым оружием. Кроме того, многие коренные и порубежные народы умели изготавливать превосходное защитное снаряжение: кюяки, шишаки, наручни, щиты, а также копья, пальмы, саадаки и другое оружие, которое охотно приобретали у них русские.

Служилые люди отмечали особую воинственность и вооружение тунгусов: «люди воисты, боем жестоки», в боях «збруйны и оружейны, с луки и с копы, в кюяках и шишаках, в железных и костяных». У якутских князцов и их «лучших людей» защитное снаряжение имели даже лошади¹⁷. Это обстоятельство, наряду с многочисленностью аборигенов и активным использованием их против русских правителями монгольских государств, Джунгарии и Китая, заметно обостряло отношения между сторонами и создавало серьёзную угрозу безопасности русским поселенцам.

Но всё же в Сибири победы в боях чаще всего одерживали русские поселенцы. Как свидетельствуют многочисленные источники, им нередко приходилось бесстрашно бросаться в рукопашную схватку с многократно превосходившим по численности противником и разбивать его.

Исследователь сибирского казачества Н. И. Никитин так определил основную причину русских военных успехов: «Если коротко охарактеризовать действия землепроходцев в боях, то лучше всего повторить оброненную одним из исследователей

их подвигов фразу: “сражались умело, отчаянно”. Именно она, эта отчаянная смелость, парализовала волю противника и удесятерила собственные силы, и она же в соединении с воинским умением позволяла русским колонистам одерживать верх над равным в снаряжении и притом превосходящим по численности сильным противником»¹⁸.

Отчаянная храбрость, религиозно-государственное единство, выраженное в сакральной державной идее — побеждать «с божеею помощью и государевым счастьем», военное мастерство, на наш взгляд, являлись важнейшими составляющими воинского духа русского войска и создаваемого им так называемого исследователем В. Артамоновым «силового поля»¹⁹.

Создание и успешное использование мощного «силового поля» особенно наглядно проявилось в сражениях с монголами и маньчжурами, в которых, несмотря на их «многолюдство», «приступные мудрости» и «огненный бой», русские одержали не одну победу. Так, 24 марта 1652 г. более 2 тысяч маньчжур («богдойских людей») осадили Ачанский городок на Амуре, который защищали 206 казаков во главе с его основателем, знаменитым землепроходцем Е. Хабаровым. По словам С. В. Бахрушина, растерявшиеся поначалу казаки защищались отчаянно и к вечеру наголову разгромили маньчжуров и их союзников. Только убитыми враги потеряли 676 человек, казаки — 10 человек убитыми и 78 ранеными. Победителям достался большой «богдойский» обоз, 8 знамён, 2 пушки, 17 «скорострельных пищалей».

Не случайно поведение сибирских казаков в бою получило высокую оценку со стороны врагов. «Храбрые как тигры и искусные в стрельбе» — характеризовали казаков китайские военачальники. В 1655 г. другой отряд под началом О. Степанова (510 человек) выдержал трёхнедельную осаду десятитысячного маньчжурского войска в Кумарском остроге, потеряв при этом лишь 20 человек. Выстоять русским позволили своевременно возведённые ими по всем правилам военного искусства укрепления острога²⁰.

Благодаря отчаянной храбрости, умелой тактике и воинской доблести 43 казака с 5 мая 1685 г. в течение месяца защищали небольшой Тункинский острог от десятитысячного отряда монгол и сумели его отстоять!

Исключительное мужество и героизм проявили защитники Албазина. Немногим более 800 человек с июля 1686 г. в течение пяти месяцев обороняли крепость вначале от пяти-, — а затем десятитысячной маньчжурской армии при 40 пушках и оставили её, когда из защитников осталось в живых лишь 50 казаков.

Следует отметить, что на Амуре небольшие отряды русских ратников сражались не только с кочевыми правителями, но и с регулярной, самой сильной и многочисленной в Восточной Азии маньчжурской армией, владевшей передовыми военными технологиями, большим опытом в осаде крепостей. В ноябре 1687 г. албазинский казак Иван Бузов сообщал в Удинский острог окольнику Ф. Головину об осадных сооружениях и военной тактике, используемой маньчжурами и русскими в ходе ожесточённых сражений за Албазин. «А Богдойские де люди стоят под Албазином, и бусы у них в отстой в заморозе поставлены и юрты у них земляные поделаны, а круг города сделан земляной вал высокой и ров, да трои рогатки зделаны; а преж того были у них у Богдойских людей сделаны два вала деревянные, один вал был сделан от городской стены из смоля, а другой вал был из сырого дерева и тот смоляной вал казаки из города сожгли; а под другой вал казаки из города подошли подкопом и тот вал у них разорили; а из тех валов был у них Богдойских людей приступ на Семенов день велик, а было у них казаков Богдойским людям на вылазку пять боев, и их Богдойских людей на вылазках из города из пушек и на приступах пало не мало и от гранатки, а сколько богдойских людей побито, и того неведомо»²¹.

Но не только храбрость и наличие высокой державной идеи являлись причиной военных успехов русских. Как было уже показано, важным фактором их побед было и воинское мастерство, верность воинскому долгу и войсковому товариществу. В крупных сражениях они активно использовали приёмы традиционного русского боя и элементы западного военного искусства, приспособленного к местным условиям. Во время проведения масштабных операций служилые люди устремлялись на противника с развёрнутыми знамёнами и использованием звуковых сигналов. Пленённый китайцами казак Л. Куликов в 1685 г. сумел вывезти на родину знамя отряда, защищавшего Верхозейский острог. По пути следования в Россию он и его

два товарища втайне от сопровождавшей охраны измерили высоту и ширину Великой Китайской стены, составившие соответственно 15 и 21 аршин, и благополучно вернулись домой²².

Попавших в плен товарищей служилые люди стремились выкупать или обменивать на военнопленных, воздавали должное за гибель своих командиров. Пленённый телеутами осенью 1676 г. кузнецкий казак И. Старченков был выкуплен за «кофтан суконный, за сукно да красные кожи»²³. В ответ на вероломное убийство «телесцами» Горного Алтая авторитетного пятидесятника К. Володимерова при сборе ясака в 1645 г. из Кузнецка был направлен отряд, который «погромил» «изменников» телецких людей и привёл их вновь «под высокую государеву руку». Примечательно, что поход на телесов носил не санкционированный властью характер, был инициирован служилыми людьми, за что воевода Е. Баскаков и руководитель карательной экспедиции Б. Зубов получили выговор от томских разрядных властей²⁴.

В боях служилые люди атаковали врага не «кучей», а развёрнутым «строем» — организованным боевым порядком, получившим название «напуска». Успех русскому оружию во многом обеспечивала рукопашная схватка («съёмный бой»), которая широко использовалась при вылазке из осаждённых крепостей и прорывах из окружения. Во время совместного похода сибирских служилых людей под началом Р. Старкова и И. Гречанинова зимой 1681 г. «в киргизы» передовой отряд казаков (50 человек) был осаждён во многом превосходящими силами противника. Служилые люди «бились большим съёмным боем», потеряв по одним данным 13, по другим 21 человек убитыми, но сумели вырваться из окружения²⁵.

В условиях малочисленности русских гарнизонов, большой удалённости друг от друга правительство стремилось проводить крупные операции против воинственных кочевников объединёнными силами ратных и «охочих» людей (добровольцев), набранных в сибирских городах. Однако следует заметить, что не все совместные походы сибирских служилых людей на «немирных» кочевников были успешными.

Нередко ещё на пути следования или после первых побед над «неприятельскими людьми» в отряде возникали «смуты» и «нестроения». Они были вызваны разногласиями между командирами и «войском» в вопросах целесообразности продол-

жения походов в условиях необеспеченности продовольствием, оторванности от основных русских баз, недовольством действиями начальных лиц и прочими причинами.

Так, во время экспедиции под руководством дворянина Я. Тухачевского в 1634 г. основная часть тарских, томских и кузнецких служилых людей «своей волей» покинули своего полководца «посерёд Киргизской земли» и вернулись домой. Но оставшиеся с командиром, верные ему немногочисленные казаки выполнили поставленную задачу — возвели Ачинский острог²⁶. Во время объединённого похода на киргизов служилых людей под началом томских детей боярских Р. Старкова и М. Гречанинова в 1682 г., вопреки воеводским наказам, красноярские и енисейские служилые люди не слушались своих командиров и «делали всё по своим нравам»²⁷.

Совместные действия руководителей военных предприятий не всегда были согласованы и должным образом скоординированы. Во время зимнего похода томских и кузнецких служилых людей под руководством И. Суворова в 1682 г. енисейский воевода А. П. Салтыков не послал им должного подкрепления. В результате отряд Суворова на р. Урсу потерял 61 человек убитыми и ранеными²⁸. В 1700 г. красноярскому войску под руководством К. Самсонова, не дождавшись помощи от Томска и Кузнецка, пришлось в одиночку сражаться с енисейскими киргизами и нести немалые потери²⁹. Более эффективно и с упреждением служилые люди действовали в пределах подведомственной им территории, особенно при обороне своих городов и острогов. Несмотря на многократные набеги и осады сибирских форпостов кочевниками, ни один из них не был взят штурмом.

Особенно успешно ратные люди отвечали на вызовы кочевых владетелей в конце XVII — начале XVIII в., когда положение русских укрепилось и был накоплен значительный опыт борьбы с неприятелем. Получив известие о предстоящем походе на Томск енисейских киргизов в начале сентября 1699 г., воевода Г. Петров-Солово предпринял ряд превентивных мер. Им были организованы два отряда под руководством сынов боярских С. Тупальского, Ю. Роецкого и казачьего головы О. Качанова. Последнему было приказано все дороги, по которым ездят киргизы, на переправах через реки и «в тесных местах» завалить лесом и, спешив казаков, задержать неприятеля до прихода

основных сил. 14 сентября, подоспевший отряд Тупальского под деревней Пачей наголову разгромил киргизов и в течение трёх дней преследовал неприятелей, пока они не рассеялись по лесам и неприступным местам. У русских были ранены лишь двое³⁰.

Как уже отмечали исследователи, важная роль в разработке русской военной стратегии и тактики отводилась казачьему самоуправлению — служилому «миру» или «войску». Без «совета» с «войском» местные воеводы, назначаемые правительством на короткий срок, зачастую не принимали решений, касающихся вопросов безопасности населения своих уездов, проведения оборонных мероприятий, организации походов и т. п. Нередко они вынуждены были с согласия или прямого давления «мира» проводить акции устрашения против кочевников, нападавших на русские поселения, устранять слабые места в обороне, добиваться от правительства присылок оружия, боеприпасов, людских резервов³¹. При этом служилые люди, опираясь на другие слои населения, выступали наиболее организованной силой, противостоящей как производу воеводской власти, так и нападениям владетелей воинственных кочевников.

В то же время следует заметить, что приведённые выше примеры проявления «своеволия» мира в военных походах, активное участие в нередких для Сибири «бунтах» и «нестроениях», зачастую заканчивавшихся «отказом» и смещением воевод, вызывали немалое беспокойство у Москвы. Как известно, особую тревогу казачье войско вызывало у правительства молодого Петра I, целенаправленно стремившегося к созданию более управляемого, «регулярного» войска.

Борьба с воинственными кочевниками была немыслима без сбора разведывательных данных и проводников, особенно при походах по незнакомой местности. С этой целью казаки широко использовали информаторов и «вожей» из числа местных ясачных людей, для выведывания подлинных сведений о противнике и его планах вели «с пристрасткою» допросы «языков», военнопленных. Необходимые данные о расположении и намерениях неприятелей им поставляли сибирские бухарцы, русские и ясачные лазутчики, действующие зачастую под видом послов или купцов³².

Для своевременного оповещения о набегах кочевников между укрепленными пунктами и условными рубежами (межой)

с потестарными образованиями была налажена постоянная сторожевая и станичная служба. Связь между «караульщиками», отдельными подразделениями и русскими базами поддерживалась нарочными людьми, местонахождение отрядов определялось с помощью специальных «затесей и мет», оставленных на деревьях и других местах. На Амуре предводители казаков использовали в качестве донесений записки, оставленные ими в «приметных местах»³³.

Свою систему предупреждения, связи и оповещения имели и противники. Она заключалась в организации караулов, предупреждавших о приближении русских, использовании лазутчиков и ясачных людей для сбора необходимых сведений, передаче информации с помощью специальных стрел с изображениями и рисунками, выполненными на бересте³⁴.

Преследование и нахождение противника осуществлялось обычно «по сакме» — оставленным следам. Поэтому походы служилых людей на кочевников осуществлялись преимущественно зимой, когда их было легче обнаружить, а лошади неприятелей были ослаблены и теряли в снегах свою мобильность.

В целях оповещения об угрозе нападений в порубежных городах и острогах имелись особые колоколы: «вестовые» и «всполошного боя». Для упорядочения несения службы «при стенных караулах» в разрядных и порубежных городах были установлены башенные часы с боем. В 1693 г. по челобитной красноярцев воеводой П. С. Мусиным-Пушкиным были устроены «часы боевые» на Спасской башне. Мотивируя свою просьбу, служилые люди заявляли: «...Красноярск город укрепленный, стоим на стенном карауле беспрестанно, днём и ночью», «без часов быть невозможно»³⁵.

Для опознавания «чужих» и «своих» прибывавшие в укрепленное поселение из других мест русские люди должны были «подать весть» условным сигналом, чаще всего выстрелом «мелкой дробью». Приплывших 30 июля 1629 г. в Енисейск из Красноярска служилых людей (30 человек) воевода В. Аргамаков приказал не пускать в крепость, поскольку они «пригребли в острог не подав про себя вести, острог украинной, без вестовщиков и бестречи в острог не приезжают»³⁶.

В первые годы пребывания русских в Сибири правительство запрещало воеводам допускать калмыцких и других послан-

цев осматривать русские укрепления, чтобы те не могли знать о слабых местах обороны. В то же время оно предписывало устраивать в разрядных городах пышные приёмы для важных послов, сопровождаемые парадом войск, снаряжённых в «чистое цветное платье», и стрельбой из пушек и «мелкого ружья», призванных демонстрировать могущество и силу российского государства³⁷.

Немаловажную роль в повышении боеготовности сибирского войска, укреплении его державного сознания имела «государева милость» и награждение отдельных воинов и целых подразделений за проявленную доблесть и достигнутую «государеву прибыль». В отношении ермаковских казаков, прославившихся в боях ссыльных Д. Многогрешного, Н. Черниговского и других поощрение выражалось «в милостивом слове» или в прощении их совершённых преступлений. Служилые люди также получали вознаграждение за успешную оборону, удачно проведённые бои и присоединение новых неясачных «землиц». Все участники обороны Тункинского острога были награждены отрезами кумача, его организатор А. Кислянский — серебряным ковшом, соболями и китайскими тканями. За переход монгольских и табунутских тайшей в русское подданство в мае 1689 г. послу Ф. А. Головину было послано «похвальное слово». Командному составу Нерчинска за оборону Албазина и Забайкалья были вручены специальные медали, участникам боёв с маньчжурами — золотые копейки, другим служилые люди получили по отрезу кумача, защитники Албазина — по золотой копейке и сукно³⁸.

По представлению воевод Сибирским приказом также выплачивались служилым и другим людям денежные награды «за явственный бой» и полученные ранения. Так, после разгрома тубинцев в 1692 г. из Москвы было прислано «государево жалование» из расчёта по рублю раненым (21 человек), по рублю «за побитых тубинцев» (за 500 человек) и за «явственный бой», т. е. активное участие в сражении, по 50 коп. — всего 888 руб. «соболями и мягкой рухлядь»³⁹.

В заключение следует указать на очень важное обстоятельство, которое не всегда учитывалось историками при изучении характера, масштабов и людских потерь в происходивших в Сибири военных конфликтах. Речь идёт о том, что не ко всем военным успехам русских ратных людей следует относиться

доверительно. Нередко служилые люди с целью показать свою доблесть перед правительством и получить соответствующее вознаграждение возвеличивали свои достижения в победах над врагом, значительно преувеличивая при этом его численность и упорство.

По данным Г. Миллера, зимой 1615 г. в Кузнецкую землю был направлен из Томска отряд служилых людей под началом стрелецкого сотника И. Пушина и казачьего атамана Б. Константинова. Ими был «повоеван» Абинский улус и взят их «городок». В середине января 1615 г. русский отряд был окружён телеутами и кузнецкими татарами, численность которых источник определяет как «тысяч пять и больше». По словам участников осады, казаков Ивашки Недомолвина и Пятка Кызылова, служилые люди сражались десять дней, в решающий момент предприняли вылазку, «изменников в драке побили, а князьков и лучших людей взяли в плен»⁴⁰. Ряд исследователей в своих работах, добросовестно следуя указанным сведениям, изложенным в челобитной И. Недомолвина и П. Кызылова о награждении их за службу, целиком и полностью принимают на веру их показания, некоторые даже сообщают о «больших потерях» отряда, о которых источник вообще не упоминает.

Между тем некоторые детали в описании этой осады вызывают сомнения. В первую очередь количество участников похода 1615 г. и осаждавших их «изменников». Миллер определяет численность первых весьма неопределённо — «не больше 200 человек», что маловероятно, так как весь томский гарнизон в это время составлял 234 ратника. Численность осаждающей стороны указана со слов челобитчиков: «тысяч пять и больше», в чём также можно усомниться. По данным Б.О. Долгих, численность всего коренного населения Кузнецкого уезда в начале XVII в. не превышала 5–6 тыс. человек. Участие в осаде телеутов не могло быть активным, поскольку между ними и русскими в 1609 г. был заключён союзнический договор, осенью 1615 г. они совместно ходили в поход на енисейских киргизов и, соответственно, в этот период ещё не было создано прочной антирусской коалиции⁴¹.

В июле 1632 г. томские воеводы И.Ф. Татев и С.И. Войков направили отряд стрельцов (60 человек) во главе с сыном боярским Ф. Пушиным в верховье Оби на р. Бию с целью построения

острога и сбора ясака с народов, плативших дань телеутам. На устье р. Чумыш русский отряд был обстрелян из засады телеутами, но стрельцы не понесли при этом потерь. Не вступая в бой, большинство служилых людей настояли на возвращении домой, мотивируя тем, что их силы невелики и противостоять многочисленным кочевникам не смогут. Отряд Пушина благополучно вернулся в Томск. Оправдывая свой отход и невыполнение поставленной задачи, в отписке воеводам Пушин сообщал, что в указанном районе «прилетели орды многие», его отряд «переранили» белые калмыки, и что он «стоял на месте 5 дней и с ними бился по все дни»⁴².

Летом 1709 г. большое войско джунгар численностью до тысячи человек совершило внезапное нападение на Кузнецк, разорило и сожгло пригородные деревни с «хлебом и сеном». 23 августа в трёх верстах от города состоялся бой, в котором служилые люди нанесли поражение кочевникам. В своём донесении в Москву казаки сообщали, что они уничтожили «3-х калмыцких князей да рядовых с 300 человек побили, а ранено их многое число и от тех ран по лесам многие померли. И полоненных русских людей... и кошт 677 лошадей калмыцких отбили... а те лошади многие убиты и переранены и от ран перепропали»⁴³. При этом сообщалось, что служилые люди потеряли 11 человек убитыми и 10 были ранены. В отписке же воеводы М. Овцына по этому поводу нападавшие потеряли 40 человек, были захвачены невредимыми 677 лошадей и другие трофеи, русские же потери составили 4 убитых и 7 раненых⁴⁴.

Приведённые выше примеры, как и немало других, ставят под сомнение победные реляции служилых людей, в которых они нередко сообщали в Сибирский приказ о поражении ими большого числа врагов из числа неподвластных и враждебных русским народам сопредельных территорий, а также «государевых изменников» — отложившихся ясачных людей и других коренных жителей Сибири. Используемая служилыми людьми в своих челобитных государям характерная для того времени «победная» риторика, выраженная в глаголах «побили», «погромили», «пожгли», сопровождаемая сведениями о большом количестве поверженных врагов, нередко вводит в заблуждение не только любителей истории и краеведов, но и некоторых профессиональных историков.

Следует признать, что благодаря этой историографической традиции, идущей ещё от первых исследователей ранней истории Сибири, государственников-европейцев Г. Миллера и И. Фишера, победы русского оружия над коренными народами Сибири нередко возвеличивались, а масштабы сражений и количество поверженных врагов заметно преувеличивались.

Подобный «завоевательный» подход был присущ советским исследователям не только 1930–1950-х гг., обличавшим колониальную политику царизма, но и отдельным работам 1990-х гг., предпринявшим попытки по-новому осветить характер взаимоотношений и взаимодействия русских и коренных народов Сибири на начальном этапе её освоения.

Некритично воспринятые донесения служилых людей местной и центральной властям у ряда современных российских исследователей стали основой для обвинения ратных людей в «буквальном истреблении» непокорных сибирских татар, хакасов, бурятов, якутов и других народов в начальный период русской колонизации, разрушении ими «этнополитической стабильности» в Сибири, отлаженного «комплексного хозяйства», традиционного уклада и культуры коренных народов, существовавших в Сибири до прихода русских, жестоких расправах над аборигенами и т.д.⁴⁵

Безусловно, нельзя не учитывать наличие военных конфликтов, имевших место в Сибири в период её присоединения к России (они были и в дорусский период), но и преувеличение масштабов военных столкновений, степень сопротивления русским автохтонных народов. Выпячивание негативных последствий их «завоевания», характерное для исследований периода распада СССР, также является не историческим, во многом конъюнктурным политизированным подходом.

Таким образом, схожие с европейским Русским Севером природные, а с Югом — фронтальные условия Сибири во многом облегчали освоение громадных сибирских окраин. Ранее испытанная в Европейской России военная тактика наступления водным путём и крепостями, быстрое возведение системы укреплений, передовые способы и средства противостояния противникам, способность к самоорганизации и выживанию в сложной военной обстановке, высокие боевые качества и наличие державной идеи являлись важными факторами победы русских отрядов. Именно они обеспечивали русским главные

цивилизационные преимущества, тактическое и стратегическое превосходство не только над воинственными потестарными образованиями и народами Сибири, но и сильными армиями сопредельных восточных государств.

¹ Никитин Н.И. Военные факторы колонизации Сибири XVII века как объект специального изучения // Российская история. 2014. № 3. С. 72–90.

² Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 218.

³ Бахрушин С.Б. Указ. соч. Т. 4. С. 22.

⁴ Никитин Н.И. Начало казачества Сибири. М., 1996. С. 76.

⁵ Александров В.А. Русское население... С. 54.

⁶ Словоцов П.А. Историческое обозрение... С. 136.

⁷ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 3. № 22. С. 177.

⁸ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 404.

⁹ Никитин Н.И. Начало казачества... С. 78.

¹⁰ Русско-монгольские отношения 1636–1654 гг. ... № 3. С. 22–23.

¹¹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 66–67.

¹² ДАИ. Т. 7. СПб., 1859. С. 334; Тыжнов И.И. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий. Томск, 2013. С. 132.

¹³ РИБ. Т. 7. СПб., 1889. С. 33.

¹⁴ Русско-монгольские отношения. 1607–1637... № 18. С. 54.

¹⁵ Никитин Н.И. Указ. соч. С. 77–78.

¹⁶ Чулошников П. Казахский союз и Московское государство в конце XVII в. // Известия АН СССР. Серия общественных наук. 1936. № 3. С. 525; Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987. С. 167–168.

¹⁷ Якутия в XVII веке... С. 209.

¹⁸ Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. М., 1990. С. 60.

¹⁹ Артамонов В. Силовое поле Суворова // Родина. 2010. № 11. С. 23–24.

²⁰ Кумарский острог был построен на валу, с «быками» по углам, со стенами, засыпанными внутри «хрящом» (насыпь из земли и камней от обстрела из пушек), имевшими «верхний» и «нижний бой», «роскатом» для пушек и различными приспособлениями для отражения приступов. Несмотря на наступившие морозы, в мёрзлой земле был выкопан ров, на дне которого был «бит» потайной «чеснок», сделанный из острых деревянных кольев и стрел местных жителей. Внутри острога был выкопан колодезь с проведёнными от него ко всем стенам желобами, на стенах поставлены железные «козы» со смольём для освещения ночью. ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. С. 365; ДАИ. СПб., 1851. Т. 4. С. 28–29; Бахрушин С.Б. Казаки на Амуре. Л., 1925. С. 34.

²¹ ДАИ. Т. 10. СПб., 1867. № 67–XXV. С. 264–265.

²² Александров В.А. Указ. соч. С. 130.

²³ Уманский А. П. Русские и телеуты... С. 128, 130.

²⁴ Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда... С. 83–84.

²⁵ Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 320.

²⁶ Резун Д. Я. Русские в Среднем Причудьмье... С. 42, 43 и др.

²⁷ Сборник кн. Хилкова... С. 308–321; Тыжнов И. И. Указ. соч. С. 138, 140.

²⁸ ДАИ. СПб., 1867. Т. 10. № 80. С. 16; Тыжнов И. И. Указ. соч. С. 143.

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1. Л. 1–5; Александров В. А. Русское население... С. 57–58.

³⁰ Памятники сибирской истории... Кн. 1. № 1. С. 5–6, 17–19; Тыжнов И. И. Указ. соч. С. 150.

³¹ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество... С. 75–105; Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда... С. 230–231.

³² Каменецкий И. П. Секретная миссия купца А. Верхотурова: к вопросу об организации русской разведки в Джунгарии в середине XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 24–28.

³³ Никитин Н. И. Начало казачества Сибири... С. 77.

³⁴ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 445.

³⁵ Бахрушин С. Б. Указ. соч. Т. 4. С. 101.

³⁶ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 3. № 6. С. 134.

³⁷ Люцидарская А. А. Русские старожилы Сибири... С. 65–66.

³⁸ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах... С. 131, 172.

³⁹ Исторические акты XVII столетия... Вып. 1. № 27. С. 66–67; Бахрушин С. Б. Указ. соч. Т. 4. С. 75.

⁴⁰ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 312–314, 433–434.

⁴¹ Каменецкий И. П. Русское население... С. 56–57.

⁴² Уманский А. П. Телеуты и русские... С. 52–54.

⁴³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1660. Л. 1–9; История Алтая в документах и материалах. Конец XVII — начало XX в. / Сборник составил Ю. С. Булыгин. Барнаул, 1991. С. 17.

⁴⁴ СПбФИРИ РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 152. Л. 137.

⁴⁵ Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII — первой половине XIX в.: проблемы политической истории и присоединение к России. Горно-Алтайск, 1991; Кызласов Л. Р., Копкоев К. Г. Хакасия в XVII–XVIII вв. / История Хакасии с древнейших времён до 1917 г. М., 1993. С. 189–190; Шерстова Л. И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XVIII вв. Томск, 1999. С. 134, 160. Она же. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск, 2005. С. 75, 95–96, 99.

Герои Албазина: Алексей Толбузин и Афанасий Бейтон

В процессе присоединения и освоения Сибири XVII в. оборона Приамурья и Забайкалья в 1684–1689 гг. от маньчжурских и монгольских войск занимает особое место. История борьбы русского народа за сохранение в составе России этих территорий уже нашла отражение во многих научных трудах¹. В них достаточно полно рассмотрены основные этапы процесса присоединения дальневосточных рубежей к России, её сношения с сопредельными восточными государствами и отражение вторжений военных отрядов маньчжурских и монгольских войск в освоенную русскими землю, получившую название Даурия.

Однако следует признать, что в изучении происхождения, семейных связей и служебной деятельности активных участников и руководителей обороны российских приамурских и забайкальских владений имеется немало невыясненных вопросов. Среди участников и руководителей обороны — дети боярские Толбузины (Толбозины), воеводы А. Бейтон, И. Власов и другие начальные люди, являвшиеся подлинными администраторами, защитниками русских владений в Приамурье. Сведение воедино разрозненных отрывочных сведений об их административной практике позволяет получить не только более полное представление об их деятельности и семейном окружении, но и определить роль и значение воеводского управления в освоении новых территорий, становлении и отстаивании восточных рубежей накануне петровских преобразований.

Основателем сибирской династии Толбузиных был сын боярский Борис Фаддеевич Толбузин. О его прежней службе и происхождении нет точных указаний. Тюменские воеводы Иван Плещеев и Иван Ярлыков в 1625 г. писали в связи с устройством новых слобод на р. Нице в Тюменском уезде и Чубаровой в Туринском уезде, что в «те слободы присланы ныне из Тобольска приказчики, украинные дети боярские, которые сосланы в Сибирь в государевой опале: на Нице Борис Толбузин, на Чубарове Дружина Полозов»². Вероятно, они несли службу в одной из крепостей южной Засечной черты, создан-

ной для защиты русских владений от набегов крымского хана и Ногайской орды.

Сохранилось немало сведений об административной деятельности Б. Толбузина в период зарождения и развития сибирского земледелия, инициированного в немалой мере правительством. В 1624–1626 гг. он служил приказчиком Нижне-Ницынской слободы, являвшейся первым владением в Сибири Тобольской архиерейской кафедры (Софийского дома). Слобода возникла на важном торговом пути из Тобольска в Ирбит, занимала 100 десятин плодородных земель, благодаря чему быстро заселялась пришлым населением³.

Исследователи отмечали: «Приказчики являлись главами волостной администрации и по своей роли, назначению и функциям были своеобразными «воеводами в миниатюре»⁴. Круг обязанностей приказчиков в земледельческих слободах был широким и всеобъемлющим. Он включал в себя «прибор» крестьян на новую землю, устройство государевой и «собинной» крестьянской пашни, регулирование поземельных отношений, выполнение полицейских и судебных функций, защиту населения от набегов кочевых «воинских людей» и др.

10 мая 1625 г. Б. Толбузин сообщил тюменским воеводам о принятии им мер к выполнению государева указа о «приборе» на Тюмени и в уезде крестьян в новую Ницынскую слободу. Он доложил, что им «прибраны» крестьяне из гулящих людей и дано им «государева жалованья льготы на 2 года да на пай на 10 рублей денег, да на семена по 5 четвертей ржи, 3 пуды соли, да на семена ярового хлеба по четверти ячмени, по 4 четверти овса»⁵. В связи с угрозой нападения калмыков на слободу приказчик ходатайствовал перед тобольским воеводой Мироном Вельяминовым о присылке оружия, пороха и свинца и возведении в слободе острога для защиты русских и татар. По данным Г. Миллера, острог вскоре был построен, и в нём укрывались жители окрестных деревень от набегов кочевников⁶.

В этом же году Толбузин сообщил тобольским воеводам князю Д. Т. Трубецкому и А. А. Хованскому об «учинении указа о дворовых местах» в новой Ницынской слободе и просил об освобождении от ямской гоньбы татар Обуховых юрт в Ленской волости, которые, по его словам, от тягот её «скорбят» и могут отъехать в степь⁷. 2 декабря 1626 г. он известил письменного

голову Мирона Хлопова о бегстве двух опальных людей-рылян, устроенных в пашню, и тюменского переведенца пашенного крестьянина Дружины Иванова⁸.

По-видимому, его энергичные, чрезмерные меры по расширению пашни и увеличению «государевой прибыли» за счёт слободских крестьян вызвали у них острое недовольство. Они пригрозили убить приказчика за требование возвратить под государеву запашку их «собинные» пашни, и Толбузин вынужден был своевременно благоразумно отступить. Сменивший его на этом посту основатель Ницынской слободы, тюменский сын боярский Степан Молчанов, рьяно пытавшийся осуществить это мероприятие, был убит крестьянами⁹.

Находясь на приказе, Б. Толбузин выполнял и другие ответственные поручения. В 1625 г. по приказу тобольского воеводы Ю.Я. Сулешова вместе с письменным головой Григорием Зловидовым, детьми боярскими Василием Лутовининым, Карпом Павлутцким участвовал в переписи вотчин Тобольского архиерейского дома; самостоятельно осуществил «дозор» церкви Живоначальной Троицы, земли и дворов пашенных крестьян Усть-Ницынской архиерейской вотчины¹⁰. Осенью 1628 г. Борису Толбузину была поручена доставка ссыльного купца из гостинной сотни Москвы Сергея Котова из Тобольска в Енисейск. Кроме того, во время поездки в Енисейский острог Борис Толбузин с подьячим Панкратом Бабаниным проводил розыск «про воровство» служилых людей, произошедшее во время экспедиции воеводы Я. Хрипунова, направленной на поиск и добычу серебряной руды¹¹.

В 1635 г. Б. Толбузин упоминается с тобольским сыном боярским Михаилом Байкашиным уже как казачий голова. В июле и августе 1635 г. вместе с ним он возглавил совместный поход ратных людей Тобольска, Тюмени и Тары против кучумовичей и калмыков, совершивших набеги 17 июня 1635 г. на Верхне-Ницынскую и Чубарову слободы. В результате внезапного нападения кочевников большая часть жителей была побита, их жёны и дети захвачены в плен, весь скот угнан, дворы, находившиеся вне острога, сожжены. В январе его отряд соединился с основными русскими силами на р. Ишиме, разбил несколько передовых отрядов калмыков, стоявших около Кош-Карагая, и 2 сентября 1636 г. возвратился домой¹². По словам участника похода, конного казака Якуба Морозовского, он состоял в сот-

не под началом Бориса Толбузина и в сражении с калмыками «мужика ранил, а под другим коня убил»¹³.

В 1638 г. Б. Толбузин вновь состоял приказчиком Нижней Ницынской слободы. 20 августа и 3 сентября 1638 г. он получил «памяти» от тобольских воевод Михаила Темкина-Ростовского и Андрея Волынского о полученных вестях про «воинских людей», идущих с Пышмы на Тюмень, а также от тюменского воеводы Ивана Львова о походе уфимских татар на калмыков. Тобольские воеводы призывали его жить «с великим береженьем», указывали, чтобы он «в день и в ночь сторожи ставил крепкие и в проезжие станицы служилых людей посылал на места, откуда чаять на слободы воинских людей приходу... смотря по тамошнему делу, и пашенным крестьяном на полях для жатья и для сеных покосов велеть быть; а окольных юрт татарам и вогуличам на юртах своих жити с великим береженьем, и лошади и коровы и всякий скот велеть держать в крепких местах»¹⁴.

Сын Б. Толбузина — Илларион (Ларка) Борисов Толбузин — также состоял на службе сыном боярским. В именной книге тобольского гарнизона 1653/1654 г. он указан с хлебным окладом 17 четей с осминой ржи, 17 четей овса. Но хлебное жалование в полной мере не получал, так как служил «с пашни» и получал к «пахоте своей» лишь 5 четей ржи, 5 четей овса¹⁵.

В 1641 г. И. Толбузин участвовал в походе «в киргизы» под началом дворянина Я. Тухачевского. Будучи недовольным действиями своего командира, он «прикладывал руку» к челобитной казаков тобольского отряда за себя и «в место» участника похода сына боярского Степана Голынского, что указывает на владение им грамотой¹⁶. В 1644 г. Илларион служил в Тобольске приставом у ссыльного дворянина Леонтия Плещеева, ставшего вскоре судьёй Земского приказа и казнённого по требованию восставших москвичей во время Соляного бунта¹⁷.

В 1660 г. И. Толбузин был послан государевым указом «на перемену» воеводе Афанасию Пашкову в основанный им в Забайкалье Нерчинский острог. В ведомство Нерчинского острога входили также Иргенский, Теленбинский, Еравнинский острожки, в которых находилось всего 75 служилых людей. В Восточном Забайкалье, в отличие от коренных народов Енисейского края, проживали более организованные и многочисленные группы населения, среди которых выделялись табунгуты, степные монголы, на юге — дауры.

Новая служба И. Толбузина в не освоенных русскими районах протекала в условиях удалённости от основных баз русской колонизации, слабой заселённости края, тяжёлого положения с обеспечением хлебом, а также большими внешними угрозами, исходящими от китайских и монгольских правителей. Последние, активно препятствуя русскому продвижению на восток, создавали серьёзную угрозу и опасность русским землепроходцам и первопоселенцам. Об этом наглядно свидетельствуют трагические события, произошедшие до вступления И. Толбузина в новую должность.

Предшественник И. Толбузина, нерчинский воевода, прославившийся своей жестокостью и самодурством по отношению к русскому и ясачному населению, Афанасий Пашков сообщал в своей отписке в декабре 1661 г. енисейскому воеводе Ивану Ржевскому о сложной обстановке, возникшей на подведомственной ему территории. По словам воеводы, в начале лета 1658 г. он отправил из Иргенского острога казачьего пятидесятника А. Потапова с 30 служилыми людьми на Амур в помощь к приказному человеку О. Степанову, назначенному преемником Е. Хабарова, для строительства нового острога на Амуре. Но соединиться служилым людям не удалось. 30 июня 1658 г. отряд Степанова, вышедший навстречу, ниже р. Сунгари был разгромлен превосходящими силами маньчжуров. В бою погибло 220 служилых людей, а их командир попал в плен¹⁸. Лишь немногие спасшиеся от того «побоя», енисейский казачий десятник Обращко Парфенов «с товарищи» (17 человек), после проведённой ими зимовки на р. Шилке, сумели вернуться в Иргенский острог.

В 1661 г. Пашков вновь послал из Иргенского острога 72 служилых и 20 верных тунгусов во главе со своим сыном Еремеем Пашковым за ясаком на «непослушников» в тунгусские улусы. Но русских вновь постигла неудача, отряд Еремея был перебит, а сам он, раненый, с трудом добрался до своего острога¹⁹.

Тяжёлую ситуацию, сложившуюся в забайкальских острогах, усугубляли жестокие методы руководства Пашкова, красочно описанные одной из его жертв, находившимся в ссылке в Братском остроге протопопом Аввакумом, а также невыплата жалования казакам, которые, будучи наслышаны о благодатной даурской «землице», совершали постоянные побегии из гарнизонов на Амурские берега.

2 октября 1661 г. И. Толбузин, назначенный на смену Пашкову, прибыл на Тугирский волок. 5 марта 1662 г. на лыжах он добрался до Нерчинского острога, а 12 мая — до Иргенского, где находился Пашков с немногочисленными людьми. Приняв от него незавидные воеводские дела, И. Толбузин предпринял энергичные меры по укреплению русской власти и стабилизации обстановки в новых забайкальских и приамурских владениях²⁰.

Чтобы обезопасить вверенные ему остроги и решить поставленные задачи, И. Толбузин неоднократно обращался за помощью к вышестоящим властям и принимал самостоятельно необходимые решения. В отписке енисейскому разрядному воеводе Ивану Ржевскому в 1662 г. он просил прислать в острог хлебных запасов и «в прибавку» служилых людей, мотивируя это тем, что хлеб в Нерчинском остроге и Иргене-озере «не родитца», а нести службы в трёх острогах «без прибавочных людей немочно»²¹.

Не дожидаясь прибытия воинского пополнения, И. Толбузин задержал в Иргенском остроге провожатых (сопровождавших его) 25 якутских, илимских и енисейских казаков, и оставил их служить в остроге. Он также простил вины и оставил на службе в Нерчинске провинившихся в ясачных угодьях 14 «воровских» казаков во главе с О. Парфёновым. Но трудности службы, полуголодное существование, отсутствие государева жалования толкнули казаков на новое «воровство» — побег из Нерчинского острога. 23 января 1664 г. воевода сообщал, что О. Парфёнов с прежними товарищами и другими даурскими людьми, возглавляемые неким Захарком, подговорили находящихся в остроге якутских, енисейских, нерчинских и иргенских людей бежать по Шилке на Амур. Побег удался, и в остроге осталось только 46 человек, да и те, по словам воеводы, «служат шесть лет без нашего государева жалования»²². Заметим, что отдельные казаки, служившие в Забайкалье, не получали жалования ещё более указанного срока. Так, присланные из Тобольска в 1664 г. Антошка Филев и Гришка Кобяков в 1674 г. сообщали, что они не получали денежного жалования 8 лет. Примечательно, что они просили о выдаче им жалования, но о возвращении в Тобольск не упоминали²³.

Настоятельные просьбы И. Толбузина о высылке жалования и служилых людей в Даурскую землю были услышаны правительством. В 1663 г. последовал указ о направлении в Нерчинск и другие забайкальские остроги с детьми боярскими Любимом

Евсеевым и Иваном Поршенниковым государева жалования: «1200 руб., 25 половинок сукон анбургских по четыре аршина на человека, тысяча аршин холстов да для рыбной ловли тысяча сажень сетей неводных» и подарки ясачным людям. Из указанной суммы воеводе велено было купить хлебные запасы в Енисейске и раздать их служилым людям, не получавшим жалование много лет. Руководители Сибирского приказа указали также набрать и послать в Даурскую землю из Тобольска 60 стрельцов и казаков, из Енисейска — 20 человек. При этом было предписано выдать им жалование на 1664 г. и на следующие два года, и быть им там два года «по переменам», а по самой нужде и по 3 и 4 года, а если захотят остаться, то будет им жалование «с прибавкой»²⁴.

В 1664 г. наряду с государевым жалованием в Нерчинский острог из Тобольска, Енисейска и Илимского острога были присланы 90 человек. В последующие годы продолжались отправки служилых людей из тех же сибирских городов и острогов, которые позволили несколько пополнить ряды забайкальских малочисленных гарнизонов²⁵.

Однако этих посылок было явно недостаточно для «обережения» русских и ясачных людей в обширном и удалённом Забайкальском крае с небольшими русскими острогами. По утверждению А. Р. Артемьева, «...территория Нерчинского воеводства, реально контролируемая в это время русскими людьми, ограничивалась тогда небольшой частью Восточного Забайкалья»²⁶. В декабре 1664 г. И. Толбузин сообщил в Енисейск о приходе под Иргенский острог «тунгусских воинских людей» и отгоне ими 10 лошадей и по-прежнему ссылался на нехватку военных и других ресурсов для «обережения» русских и ясачных людей.

Чтобы решить частично вопрос с обеспечением хлеба, воевода пытался организовать в возведённом опальным атаманом Н. Р. Черниговским Албазинском остроге, где были наиболее благоприятные условия для земледелия, государеву десятинную пашню. С этой целью он направил туда в 1667 г. пять крестьян во главе с Родионом Васильевым, которые должны были пахать десятинную пашню «по полудесятины ржанова да по чети десятины ярового хлеба в поле». Однако присланные крестьяне, по данным В. И. Шункова, возделывали только свои «собинные» пашни, десятинная пашня возникла лишь после 1675 г.²⁷

Непросто складывались в «новой Даурской земле» отношения И. Толбузина с китайскими и монгольскими властями. Отстаивая интересы русского правительства, он проявил свойственную ему самостоятельность и решимость по отношению к своим недружественным соседям. Воевода задержал и продержал три месяца в окопах посланника из цинского Китая князя Чепчевула. По-видимому, это было связано с разгромом маньчжурами русского отряда приказного человека Онуфрия Степанова, а также реакцией на решение китайских властей поставить свой городок под Тугирским волоком, чтобы оттуда, по словам нерчинского воеводы, «итти... под великого государя городы» и собирать ясак с подчинённого русскими населения²⁸.

В правление И. Толбузина значительно увеличилось количество ясачных плательщиков. В 1667 г. из Богдойской земли (Северный Китай) в Нерчинск вернулись улусные люди влиятельного эвенкийского князя Гантимура (40 человек), принявшие русское подданство и ставшие платить ясак на льготных условиях — по три соболя с человека²⁹. Продолжительное время китайские власти безуспешно пытались добиться выдачи Гантимура как перебежчика, но неизменно получали отказ.

И. Толбузин также стремился отстаивать свои ведомственные интересы и не допустить конкуренции в ясачном сборе со стороны Илимского острога. В 1668 г., по словам приказчика Баргузинского острога казачьего головы Богдана Несвидова, он распорядился разрушить Еравнинский острог, построенный бывшим англичанином, сыном боярским Андреем Барнешлевым (Вилли Барнсли) у Еравнинских озёр³⁰. Острог был возведён на подведомственной Толбузину территории служилыми людьми Баргузинского острога, входившего в состав Илимского уезда, и эта мера не обернулась для него тяжёлыми последствиями со стороны центральной власти. Правительство, проводившее целенаправленную стратегию закрепления на новых землях путём строительства постоянных острогов-крепостей, стремилось не допустить местнических споров, возникавших между воеводами, и пресекало наиболее крайние формы их проявления.

Во время нахождения в Даурии И. Толбузин неоднократно встречался с отбывавшим ссылку протопопом Аввакумом, с которым у него сложились особые дружеские отношения. Об этом можно заключить хотя бы по тому, что он стал кумом Аввакума,

согласившись быть крёстным отцом его дочери Ксении. Она родилась ещё при Пашкове, но тот не дал Аввакуму мира и масла, необходимых для крещения, и она долго оставалась некрещёной. Возможно, именно благодаря этому родству много позже появится легенда, что первую службу в церкви Албазинского острога, где первым и последним воеводой в 1684—1686 гг. будет сын Толбузина Алексей, служил протопоп Аввакум. Толбузин дал Аввакуму на дорогу 180 пудов муки, корову и 5 или 6 овец, мясо которых засушили и питались им в пути, а в обмен на Кормчую книгу дал ему мужика-кормщика³¹. Всё это может свидетельствовать о том, что И. Толбузин, оказывая помощь Аввакуму, был его тайным сторонником.

Вероятно, служебная деятельность И. Толбузина в одном из самых сложных и удалённых регионов Сибири была достаточно успешной и устраивала во многом Сибирский приказ. Пребывание его на воеводском посту в Нерчинске, в отличие от других сибирских воевод, сменяемых через три-четыре года, было самым продолжительным в управлении забайкальскими острогами и составило по одним данным семь, по другим — десять лет³².

В 1671 г. И. Толбузин передал дела тобольскому ротмистру Даниле Аршинскому и был назначен воеводой в Тюмень, где находился на этом посту до 1673 г.³³ Время правления его в Тюмени совпало с мощным крестьянским восстанием Степана Разина, отголоски которого докатились и до многих зауральских городов, а бежавших участников восстания ловили по всей Сибири³⁴. В октябре 1671 г. и в мае 1672 г. воевода жаловался в Тобольск на неповиновение тюменских жителей, которые отказали ему в ремонте «тына» вокруг тюремной избы, не дали подводы и людей для отправки экспедиции думного дворянина Я. Т. Хитрово и собираются послать в столицу с челобитьем своих представителей. Очевидно, в Сибирском приказе были не во всём довольны его действиями. Ему ставилось в вину, что, несмотря на строгие наказания, запрещавшие при заведении новых слобод принимать тяглых и пришлых «из верховых поморских городов», он принимал и селил на десятинную пашню тех и других, и, возможно, даже беглых крестьян³⁵.

Последнее упоминание о службе бывшего нерчинского и тюменского воеводы относится к 1676 г., когда И. Толбузин вновь был назначен на прежнее воеводство в Нерчинск, что

в правительственной кадровой политике было довольно редким явлением. Как правило, на прежнее место службы в особых, экстраординарных случаях на повторный срок, для решения новых, более сложных задач направлялись уже проявившие себя доверенные лица³⁶.

Отправляясь в дальний путь вместе со взрослым сыном Алексеем и семьями, он отвозил из Тобольска «в Дауры» военные запасы «московской присылки»: 239 пищалей «с ложками и с замками и с фурмами и с трещотками», 40 пудов зелья «с деревом», 40 пудов свинца³⁷. Иллариону Толбузину также предстояло провести следствие об учинённых иркутскими и баргузинскими служилыми и ясачными людьми «обидах» в отношении улусных людей Мунгальской земли и обидах государевым улусным людям от мунгальского хана³⁸.

Но его новое назначение не состоялось. По данным сибирской летописи, в этой поездке И. Толбузин, выехав из Енисейска, по дороге в Даурию умер. По странному стечению обстоятельств в то же время умер в дороге старший сын Иллариона — Фаддей Толбузин, посланный приказным человеком «у казаков и пашенных крестьян и для ясачного и пошлинного сбора в Иркутский острог»³⁹. 29 июля 1676 г., после смерти Фаддея, руководство Иркутским и Албазинским острогами было передано его брату Алексею Ларионову Толбузину⁴⁰. В результате Алексей Толбузин руководил Албазинским острогом с 1676 по 1680 г., по другим данным с 1676 по 1678 г., и был сменён участником возведения Нерчинского острога в 1656 г., бывшим берёзовским казаком, дослужившимся до сына боярского, Григорием Лоншаковым⁴¹.

Сведений о начальной воинской карьере второго сына И. Толбузина — Алексея Ларионова Толбузина — сохранилось немного. По данным Сибирского приказа, он был вёрстан в дети боярские в 1671 г. по государевой грамоте с окладом 14 руб., 14 четей ржи 14 четей овса и 3 пуда соли. В 1676 г. тобольский первый воевода боярин П. В. Шереметев прибавил ему из высланных окладов 6 руб., 6 четей ржи, 6 четей овса. В итоге оклад составлял 20 руб., 20 четей ржи, 20 четей овса. В 1678 г. по распоряжению правительства дача к окладу была отнята как незаконная, и он был оставлен в старом окладе⁴².

В начале 1670-х гг. А. Толбузин находился в дальней посылке в Прибайкалье, где выполнял какие-то не известные нам воевод-

ские предписания. В 1675/1676 г. по указу тобольского воеводы боярина П. М. Салтыкова и стольника И. Ф. Пушкина Алексей Толбузин сменил не успевшего приступить к исполнению своих обязанностей на воеводстве своего умершего брата Фаддея в Иркутском остроге⁴³. Имеются данные о его первых годах правления в Иркутске и Албазине. Известно, что в 1677 г. он сообщил енисейскому воеводе Ивану Барятинскому тревожные вести о подготовке и намерениях маньчжурских правителей «идти войною под Нерчинской и Албазинский остроги» и о том, что «в тех острогах пороху и свинцу мало»⁴⁴.

По свидетельству В. А. Александрова, новое назначение А. Толбузина воеводой непосредственно в Албазин произошло в 1683 г. Это назначение было не произвольным решением Сибирского приказа, а обусловленным рядом факторов. Прежде всего, приказные администраторы не могли не учитывать положительный опыт воеводского управления его отца, а также нахождение на нерчинской службе самого А. Толбузина, уже зарекомендовавшего себя и хорошо знакомого со сложной военной ситуацией в Приамурье. Кроме того, своевольные албазинские казаки, оберегая свою независимость и прежние вольности, постоянно чинили «ссору» с нерчинским воеводой П. Я. Шульгиным. В 1682 г. они также заявили новому воеводе Ф. Д. Воейкову: «...нерчинских детей боярских и казаков в Албазин на приказ не примем и не хотим-де мы быть у них под началом и вели-де у них быть на приказе албазинским казакам». В отписке енисейскому воеводе А. Салтыкову Ф. Воейков жаловался: «А албазинские казаки Ивашка Семенов с товарищи мне не послушны по прежнему... и памятей моих ни в чем не слушают» и «бунтуют по прежнему»⁴⁵. Но в условиях военного времени из-за боязни оказаться в изоляции от русских форпостов они вынуждены были принять А. Толбузина, проявившего себя на сибирской службе⁴⁶.

Очевидно также, что в связи с назначением его на этот ответственный пост, Толбузину был повышен его служебный статус. 26 февраля 1683 г. он был пожалован в дворяне «по выбору» Тобольска. Его оклад был восстановлен до старого размера, и составлял к 1686 г. 20 руб., 20 четей ржи, 20 четей овса⁴⁷.

По данным братьев Петра и Фёдора Толбузиных — детей Алексея Толбузина, их отец, получив важный чин дворянина «по выбору», был первоначально послан в Албазинский уезд «для

сыску» про воеводу Нерчинска Фёдора Воейкова и его сына Андрея «по челобитью» албазинских служилых людей. После проведения сыска А. Толбузин прислал материалы расследования в Москву и в 1684 г. был назначен тобольскими воеводами временным воеводой Албазина «до государева указа»⁴⁸.

Согласно сведениям В. А. Александрова, дворянин А. Толбузин добрался до Албазинского острога в мае 1684 г. и сразу занялся укреплением крепостных сооружений. По описанию 1682 г. и археологическим раскопкам, Албазин был в плане прямоугольным, окружён городовыми стенами «мерою кругом 165 сажень». Высота стен достигала 7 м. В стене были вырублены 2 проезжие квадратные башни в 17 и 15 м высотой. По углам располагались 3 башни высотой 10–12 м. В остроге находился воеводский двор и другие постройки⁴⁹. К приезду А. Толбузина в Албазин в крепости имелось ограниченное количество вооружения: 3 пушки, 4 пиццали затинных, 100 ручных пиццалей ручных, около 70 пудов пороха и свинца. Примерно такой же «огненный наряд» был в Селенгинске и Нерчинске⁵⁰.

Осуществить в полном объёме работы по укреплению крепости Толбузину не удалось. Жители успели лишь выкопать ров, насыпать небольшой земляной вал и заменить часть крепостной стены. 12 июня 1685 г. Албазинский острог подвергся полной осаде со стороны маньчжурской армии во главе с опытным полководцем Лантанем. До этого его отряды вероломно напали на отряд казаков и промысловиков во главе с Григорием Мыльниковым на устье р. Зеи и разгромили его. Под их превосходящим натиском были оставлены Долонский и Селемджинский остроги, возведённые русскими казаками в верховье р. Зеи и её притока Селемджи⁵¹. Одновременно с блокадой Албазина временные союзники маньчжуров, монгольские отряды осадили другие русские крепости — Селенгинск, Удинск и Ильинскую слободу.

Вскоре пятитысячное китайское войско с большим «огненным нарядом» (30 пушек, среди них «проломные» пушки голландского производства) подошло к стенам Албазина и начало обстрел и осаду крепости. Согласно отписке в Сибирский приказ А. Толбузина, в албазинском гарнизоне «...ваших государевых служилых и всяких чинов людей 765 человек, 8 пушек медных, 3 пиццали железных затинных, пушка верховая, ядров пуд. А пороху... и свинцу в Албазинску малое число»⁵². По дан-

ным П.А. Словцова, в распоряжении воеводы Толбузина имелось лишь 450 казаков, посадских, промышленников и крестьян, 3 пушки и 300 мушкетов (пищалей), у неприятеля — 100 судов, 4500 человек и 10 тыс. сухопутного войска, 155 полевых и 45 осадных пушек⁵³.

После значительного разрушения проломными пушками крепостных стен и башен 16 июня неприятель предпринял решительный штурм крепости. В ходе сражения албазинцы потеряли более 100 защитников (маньчжуры до 150 человек), но сумели отбить первый приступ.

Несмотря на огромное превосходство и разрушение дерево-земляных укреплений, гарнизон крепости во главе с Толбузиным в течение десяти дней отбивал непрерывные атаки противника. После гибели значительной части гарнизона, сожжения маньчжурами «огненными стрелами» хлебных запасов и церкви, исчерпав все боеприпасы, воевода начал вести переговоры с китайским командующим. Он сумел добиться, чтобы оставшихся в живых защитников с семьями маньчжуры беспрепятственно пропустили в Нерчинск. Разрушив полностью русскую крепость, китайский отряд также покинул Албазин, оставив, очевидно, для себя посевы ржи на засеянных албазинцами полях⁵⁴.

По-видимому, после ухода из Албазина воевода утратил своё имущество, его материальное благополучие резко ухудшилось, и он был вынужден дать в Нерчинске на себя «кабалу» на 100 руб. О нелёгком положении его семьи свидетельствует челобитная его сыновей, живших в Енисейске, которые, по их словам, «одолжали великими долгами»⁵⁵.

В августе 1685 г. по приказу нового нерчинского воеводы И.Е. Власова, заменившего Ф.Д. Воейкова, отряд А. Толбузина был пополнен прибывшими из Тобольска новоприборными людьми (650 человек) во главе с енисейским сыном боярским, казачьим головой А.С. Бейтоном (Байтоном).

Последний был выходцем из Пруссии. Во время войны России с Польшей в 1654 г. Бейтон поступил на русскую службу, участвовал в боях под Смоленском, Шкловом, Могилёвом, Быховом, Слуцком, ходил под Ригу и Мстиславль. После окончания войны участвовал в организации полков «нового строя» в Томске, где перешёл в православие и женился. В Москве по его просьбе он был повёрстан в енисейские сыны боярские

с окладом 12 руб. и 24 чети ржи и овса, 3 пуда соли⁵⁶. К 1686 г., по предположению В.А. Александрова, ему было под 60 лет, из которых более 30 лет он прослужил в русской армии⁵⁷. Таким образом, Бейтон ко времени прихода на Амур имел богатый военный и управленческий опыт, который с успехом был использован при обороне Албазина.

Однако даже такому опытному военачальнику пришлось несладко в руководстве пёстрым в своём составе и малоуправляемым отрядом новоприборных людей, скомплектованным не только из казаков, но и из крестьян, посадских и гулящих людей Сибири. Жалование и «подъёмные», обещанные отряду накануне отправки на восток, казаки в полном объёме не получили, что привело к многочисленным фактам «воровства». На всём пути следования служилые люди нападали на возвращавшихся из Сибири воевод и торговых людей, грабили купеческие обозы, избивали воевод и приказчиков. Приняв в Енисейске руководство над новоприборными, Бейтон с большим трудом привёл казаков в Албазин, где впоследствии, проявив образцы бесстрашия и героизма, большая часть их погибла⁵⁸.

Прийдя на Амур, войско Толбузина — Бейтона приступило к строительству новой крепости на месте старой, разрушенной до основания китайцами. Вскоре на прежнем месте был возведён новый, хорошо укреплённый острог, окружённый высокими земляными валами, с плетёными для стрельбы турами. Согласно отписке А. Толбузина, он «зделал земляного города в ширину 4 сажени печатных, а в высоту полторы сажени же. А выше де того города зделать не успел, потому что де земля замерзла»⁵⁹. Для ведения интенсивного и прицельного огня на выступающих за линию валах были сделаны «бастеи» (бастионы), что было немалым новшеством в русской фортификации. Новые, более мощные дерево-земляные укрепления хорошо защищали от пушечных ядер, впоследствии они получили широкое распространение на юге Западной Сибири при строительстве Сибирских укреплённых линий. Чертёж новой крепости, выполненный в виде деревянного макета («образца»), был послан в Москву в Сибирский приказ⁶⁰. Жители успели также собрать урожай с окрестных полей и обеспечили себя запасом продовольствия.

Обнаружив возрождённую крепость, китайский военачальник 7 июля 1686 г. предпринял её новую осаду, длившуюся

почти девять месяцев. Войско Лантаня насчитывало 6 тысяч воинов, без учёта осадных работных людей, 40 пушек, в том числе 15 «ломовых». Албазин защищали лишь 826 ратников с 9 пушками и 3 «затинными пищалями»⁶¹.

На требование Лантаня покинуть крепость осаждённые защитники ответили: «Един за единого, голова в голову, а назад без указа не идём»⁶². Народное предание приписывает А. Бейтону высказывание в ответ на предложение китайской стороны о почётной сдаче в плен: «Русски в плен сдаваться не привыкли»⁶³. Эти высказывания хорошо отражают сплочённость и единство некогда недисциплинированного и бунтарского албазинского войска, его готовность и решимость защищать новые российские рубежи на Амуре.

После неудачной попытки с ходу взять крепость маньчжуры стали готовиться к долгой осаде. По указанию Лантаня маньчжуры, используя свою многочисленную рабочую силу (около 2 тыс. человек), возвели вокруг Албазина большой земляной вал и ров, а вблизи острожных стен насыпь высотой 15 метров, откуда обстреливали крепость из мощных «ломовых» пушек. Для китайской армии было построено 4 «городка», состоящие из земляных укрытий⁶⁴.

На пятый день успешной обороны крепости А. Толбузин был смертельно ранен ядром, залетевшим в бойницу башни, из которой он наблюдал за противником. Командование крепостью и гарнизоном принял А. Бейтон, который, по словам П. А. Словцова, «выдерживал осаду с неуступчивостью и искусством»⁶⁵. Защитники не только трижды отражали попытки маньчжуров взять крепость приступом, но и успешно уничтожали их подземные ходы (подкопы) под стены города и пять раз делали вылазки в стан врага. По некоторым сведениям, только в октябрьских боях цинская армия потеряла до 1500 солдат, общие потери к концу осады составили 2,5 тысячи человек. Но и русские несли немалые жертвы. От обстрелов и вылазок погибли около 100 человек, более 50 умерли от ранений и цинги. К концу 1686 г. стал ощущаться недостаток в воде, топливе и противоцинготных средствах. В декабре в живых осталось всего 150 «осадных сидельцев», да и те, по словам воеводы, «все оцынжали», в связи с чем караулы в крепости могли держать не более 30 ратных людей и около 15 «подросков-робят албазинских жителей»⁶⁶.

По свидетельству П. А. Словцова, маньчжурский военачальник предложил Бейтону помощь лекарствами и врачами. Бейтон, чтобы скрыть бедственное положение защитников крепости, отклонил это предложение. Желая показать обеспеченность осаждённой крепости продовольствием, он велел испечь и послать в стан неприятеля пирог весом в пуд⁶⁷.

Руководитель обороны неоднократно обращался к нерчинскому воеводе И. Власову и полномочному послу на переговорах с маньчжурским Китаем Ф. А. Головину с просьбой о присылке к нему подкрепления: «Дай, государь, помощи и прибавочных людей, буде возможно». Но военные силы России в Забайкалье были крайне малочисленны и находились в основном в осаждённой монголами Селенгинской крепости и отчасти в Нерчинске. Как писал воевода Власов Головину: «А мне, господине, за конечным малолюдством не токмо на выручку Албазина, и от мунгальских людей оборонитца неким»⁶⁸.

Освещая происходящие события, Бейтон, не лишённый литературного дара, не без отчаяния писал нерчинскому воеводе: «Сколько побито и померло... странное время было: друг друга не видали, и кто поздоровеет раненные и кто умрет, не знали, потому что скудость во всем стала... Пили мы с покойным одну кровавую чашу, с Алексеем Ларионовичем, и он выбрал себе радость небесную, а нас оставил в печали, и видим себе всегда час гробный...»⁶⁹

В первых числах декабря 1686 г. в Албазин пришло известие о заключении перемирия между Россией и цинским Китаем, в связи с чем боевые действия приостановились. Длительная осада поставила маньчжурскую армию, оторванную от основных баз снабжения, не готовую к длительным боевым действиям и понесшую большие потери, также в крайне тяжёлое положение. В письме к Ф. Головину воевода И. Власов, со слов китайского дезертира Очирка, сообщал, что «в китайских таборах многие китайские воинские люди помирают голодной смертью, а их де, китайских людей, которых под городом побито и которые померли, тысячи с полторы и больши, а воинских де людей всех под Албазинском было полсеми тысячи, а пушек со 100...»⁷⁰ Одержанная победа русским войском над большим монгольским отрядом, осаждавшим безуспешно Селенгинскую крепость, также способствовала установлению перемирия и несколько улучшила тяжёлое положение албазинцев⁷¹.

6 мая 1687 г. маньчжурская армия отступила от неприступной крепости на 3 версты, но не ушла полностью из-под Албазина. По словам воеводы И. Власова, «и китайское де войско вдаль не отступило, и живут вокруг города по своим городкам, и от города пушки и щиты и всякие заводы приступные прочь оттащали, ис раскатов пушки сняли, и в Албазине де осадным людям учинилась легость»⁷². Однако эта «легость» была относительной. Вокруг крепости были оставлены посты и разъезды, которые продолжали держать её фактически в блокаде. За продовольствием в Нерчинск и в Албазин и за дровами в лес маньчжурцы пропускали только «малых людей». Они неоднократно угоняли скот, убивали отдалявшихся от крепости казаков, уничтожали посеянный албазинцами хлеб⁷³. Из-за отсутствия продовольствия, воды, из-за болезней и чинимых маньчжурами провокаций и различных препятствий к началу 1688 г. в Албазине оставалось всего 66 «осадных сидельцов», годных нести службу.

Но, невзирая на своё малолюдство и крайнее изнеможение, ратники Бейтона продолжали выполнять свои воинские обязанности и после заключения перемирия. Посланная Бейтону от нерчинского воеводы «память» от 11 августа 1688 г. гласила: «...в Албазине жить от неприятельских людей со всякою осторожностью. И посылать бы тебе служилых людей в подьезды почасту, и проведывать вниз по Амур-реке неприятельских богдойских воинских людей, и в быных причинных местех мунгалских людей и иных воровских иноземцов потому ж проведывать всякими мерами, и над городом и над служилыми людьми смотреть накрепко, чтоб над городом и над служилыми людьми, пришед тайно, какова дурна не учинили»⁷⁴.

Источники свидетельствуют, что Албазин по-прежнему являлся для китайского руководства неприступной крепостью, контролировавшей движение по Амуру и сковывавшей большие силы, с которой они вынуждены были считаться. Согласно донесению Бейтона Ф. Головину, 11 июля 1688 г. к нему прибыл полковой командир Ченчун с ратными людьми и просил, чтобы он пропустил их с бусами вверх по Амуру в Нерчинск для посольских переговоров и дал ему провожатых. Воевода произвёл тайную разведку, обнаружившую около Албазина большую флотилию — 106 бусов с маньчжурскими воинами и с 41 пушками, о чём немедленно уведомил Ф. Головина⁷⁵.

В своём отчёте о текущих делах в августе 1688 г. Бейтон, со свойственным ему художественным даром, сообщал в Нерчинск Власову: «На перво, нас Бог помиловал, что мы только живы остались. Разорены до основания и голодны и володны стали... А ныне живем в Албазине с великим опасением. Голодны и володны, пить, есть нечего, казну великих государей оберегать неведомо как. Просится всяк и мучетца, чтоб отпустил в Нерчинской... Не покинь нас скотом и хлебом, освяти нас в Албазине, чтобы люди государские голодную смертью не умерли и з голоду б не разбрелись... Казакам зело трудно и мнительно, что указу к нам от окольного и воеводы Федора Алексеевича (Головина. — И.К.) не бывало. И я их розговариваю государским милостивым словом»⁷⁶.

В другой своей отписке на имя царя Бейтон писал: «Служу вам, великим государям, холоп ваш, в дальней вашей заочной Даурской уkraine, в Албазине, в томной, голодной, смертной осаде сидел, и от прежних ран и осадного многотерпения холоп ваш захворал, и устарел, и помираю томною, голодною смертию, питаться нечем. Цари государи, смилуйтесь»⁷⁷.

В сентябре 1688 г. он также сообщал И. Власову: «Свет государь, Иван Евстафьевич! Не покручинься на мое письмо, писать некому, а сам не смыслю и лежу тепере на одре шестая неделя, пить и есть нечего, с нужи и бедности пропадаю... Не дайте томною и голодною смертию умереть при конце живота своего...»⁷⁸

В сентябре 1688 г. по указанию Ф. Головина воеводе Власову было предписано оказать помощь албазинцам, «взяв с плодбища хлебных запасов у подрядчиков 600 пуд, также и служилых людей и скота, сколько пристойно и послал в Албазин не мешкав, чтоб в Албазине до весны пробыть было служилым людям мочно»⁷⁹. Власову с трудом удалось снабдить население Албазина хлебом, но положение там по-прежнему было тяжёлым.

В конце декабря в Албазин был также направлен сын боярский Игнатий Милованов с 26 служилыми людьми и 20 «скотин рогатых». Сообщая об этом в своей отписке Ф. Головину, воевода Власов писал: «А на лечбу... от мыта и цынги и от ран албазинским осадным людем послать мне нечево, а пороху и свинцу послать опасно». Он по-прежнему призывал Бейтона и служилых людей, чтоб они «жили с великим опасением... чтоб китайские люди, исплоша над городом и служилыми людьми какой порухи не учинили»⁸⁰. Но китайские командиры пропустили в Алба-

зин только 9 человек со скотом, при этом отправили их «за караулом» с 30 китайскими солдатами-лазутчиками, очевидно, с целью выведать истинное положение дел в Албазине⁸¹.

Бейтон выполнял также роль посла-посредника между русскими властями и маньчжурами. 7 декабря 1688 г. к нему в Албазин приезжали китайские посланцы с выяснением местонахождения российских послов и сообщили, что их «великие и полномочные послы» из-за «мунгальской войны» пребывают в своих пограничных городах и что они отложили «съезд» послов до «предбудущаго лета». Сообщив об этом в отписке Ф. Головину, воевода указал, что в крепости «хлебных запасов и скота малое число и впредь де служилым людям без хлебных запасов пробыть невозможно»⁸². В последующих отписках он регулярно извещал Нерчинск о движении китайских бусов по Амуру с указанием в них количества ратных людей и пушек.

29 августа 1689 г. был подписан Нерчинский мирный договор, согласно которому Россия уступала бассейн Амура цинскому Китаю. Вскоре Бейтон получил от Ф. А. Головина «память» с указанием разрушить и оставить Албазин. В ней было предписано: «...собрав всех служилых людей, сказав им о том указ великих государей, и город Албазин разорить, и вал раскопать без остатку, и всякие воинские припасы (пушки, и зелье, и свинец, и мелкое ружье, и гранатную пушку, и гранатные ядра), и хлебные всякие припасы, и печать албазинскую взяв с собою, и служилых людей з женами и з детьми и со всеми их животы вывезть в Нерчинской. А строение деревянное, которое есть в Албазине, велеть зжечь, чтоб никакова прибежища не осталось... И разоря Албазин, со всеми воинскими припасы и хлебными запасы в Нерчинск вытти нынешним водяным путем»⁸³.

5 сентября в Албазин прибыло возвращавшееся с переговоров маньчжурское посольство. Под его строгим контролем казаки, начиная с 9 сентября 1689 г., стали разрушать крепость. По словам Бейтона, «он, Афанасей, город Албазин разорил, всякое деревянное строение сожег, и земляной вал раскопал при тех... китайских послех и полковых воеводах»⁸⁴. Китайские историки в «Биографии Лантаня» писали, что полководец «щедро одарил его и объявил [о проявленной к русским] беспредельной императорской милости»⁸⁵. Очевидно, это было невольным признанием китайскими властями мужества и стойкости русских

ратных людей, выдержавших тяжелейшую осаду и не сдавших неприятелю свою крепость.

По прибытии с отрядом уцелевших и непобеждённых защитников в Нерчинск Бейтон подал челобитную в Сибирский приказ, в которой писал: «...а ныне я, холоп ваш, увечен и ранен, живу в Нерчинску, помираю голодной смертью». Он попросил прикомандировать его к посольству Ф. А. Головина: «...пожалуйте меня, холопа вашего, велите, государи, меня, холопа вашего, за мою службишку, и за раны, и за увечья, и за осадное сидение отпустить в полк к окольному». Одновременно он ходатайствовал о своём производстве в полковники и просил «отпустить к Москве»⁸⁶.

А. С. Зуев считает, что в силу сложившегося в служебной иерархии того времени порядка, назначению его на чин полковника было отказано. Но в составленном выдающимся картографом Сибири С. У. Ремезовым «Чертеже Даурской земли и Амура», получившем название «Свидетельство даурского полковника Афанасья Иванова сына Байдона», как видим, он именуется полковником⁸⁷.

В мае 1690 г. вместе с послами Ф. Головина Бейтон был отправлен в Москву. По пути следования он остановился в Тобольске, где встречался с Семёном Ремезовым и сообщил тому ценные сведения, воплощённые им в указанном выше чертеже, вошедшем в «Хорографическую чертёжную книгу». 12 октября 1690 г. Бейтон был самостоятельно отправлен из Тобольска с воеводскими отписками в Москву. Сведения о деятельности Бейтона и решаемых им вопросах в столице в источниках не прослеживаются. Известно лишь, что вскоре он был вновь направлен в Сибирь, в Иркутский острог, где служил казачьим головой.

Находясь в Иркутске, А. Бейтон выполнял не только возложенные на него обязанности и воеводские поручения, но, как и многие начальные люди, удовлетворял свои материальные интересы. В мае 1695 г. он был направлен с отрядом служилых людей в Идинский острог, расположенный на правом берегу Ангары, за хлебными запасами. Попутно он решал вопрос о взимании там своих долгов с русских и ясачных людей. Сохранилось сведение об его должностном злоупотреблении.

Сосланный за раскол селенгинский сын боярский Пётр Арсеньев в 1695 г. обвинил его в вымогательстве: Бейтон якобы

взял у Арсеньева «подстав» камки, 100 пудов муки ржаной, четыре «дести» бумаги, поварню, чаны и «всякий поваренный завод». В своей оправдательной челобитной Бейтон заявлял, что «взял подстав камки мерою 13 аршин, да он же, Пётр, дал мне в честь, а не в заем и не в цену и не в отдачу полста пуд муки ржаной, а не сто пуд, а бумаги у него толко взято в казну листов пять-шесть... и поварнею он, Петр, мне поступился ж, а на поварне толко одно малое чанишко да малая кадочка, а болши того никакovo повареного заводу не было...»⁸⁸

Трудно судить, насколько правдивы были стороны в своих показаниях. Известно, что подношения воеводам и другим начальным лицам «в почесть» были обычной практикой в XVII в. Сам П. Арсеньев, по выражению В. А. Александрова и Н. Н. Покровского, в ходе народных волнений, охвативших Восточную Сибирь в конце XVII в., «был случайным человеком», который «примкнул к восстанию по личным побуждениям, вызванным враждой с Афанасием Савёловым» (иркутским воеводой. — И. К.)⁸⁹. Заметим, что возможный родственник П. Арсеньева Михаил Арсеньев был в это время якутским воеводой. 19 марта 1696 г. восставшие в Удинском остроге казаки захватили хранившиеся на постоялом дворе его меха и другое имущество и поделили между собой⁹⁰.

Среди служилых людей Сибири Бейтон, несомненно, пользовался большим авторитетом. Его влияние пытался использовать коррумпированный воевода А. Савёлов во время восстания против него забайкальских казаков в 1696 г. В июле этого года Савёлов посылал Бейтона к ним для переговоров и увещания прекратить бунт. Но восставшие отказались от ведения «разговоров» и после попытки воеводы захватить в плен группы казаков осадили Иркутск и угрожали расправой Савёлову и его помощникам⁹¹.

По-видимому, отношения А. Бейтона и получившего «отказ» со стороны служилых людей воеводы Савёлова сложились не лучшим образом. В своей челобитной в июле 1697 г. к главе Сибирского приказа А. Виниусу Бейтон в свойственном ему литературном стиле жалуется на жестокое обращение воеводы с ним: «насилу жив остался, ибо он меня руками и ногами мало не до смерти убил». Голова обвинял воеводу и его окружение в казнокрадстве и разорении населения уезда: «...казну его цар-

ского величества разоряют и весь народ во упадение приводят, милость никакову к ним не явят, токмо выдумывают брать, грабит всяк в свою мошну, как сей знатный господин стольник Афонасей Савелов»⁹². Бейтон, очевидно, просил также перевести его на новое место службы.

Правительство оценило старые и новые заслуги Бейтона на служебном поприще. По распоряжению Сибирского приказа его произвели в дворяне «московского списка» и направили приказчиком в Удинский острог. С учётом «старости его» в «товарищи» ему был определён сын Андрей. В отношении воевод братьев Савёловых и других сибирских корыстолюбивых администраторов и казнокрадов был произведён грандиозный сыск, в ходе которого ряд воевод были биты кнутом и разжалованы в рядовые казаки, их имущество было конфисковано⁹³.

Нахождение Бейтона на приказе в Убинском остроге было непродолжительным. В результате выступлений служилых людей против власти воевод и их приказчиков, произошедших во второй половине 1690-х гг. во всех байкальских острогах, Бейтон стал невольной жертвой восставших казаков, стремившихся к упразднению власти воевод и установлению войскового самоуправления. 18 марта 1696 г. он с сыном был лишён своей власти восставшими. Но, в отличие от других приказчиков прибайкальских острогов, его двор и имущество не были разграблены, что, несомненно, свидетельствует о признании его былых заслуг. Отстранение опытного, прославленного военачальника от управления стало для Бейтона большим ударом, что, возможно, и приблизило его смертный час. По свидетельству его сына Якова, отец умер в 1797/1798 г.⁹⁴

Уйдя из жизни, Бейтон оставил в Сибири четырёх сыновей, которые заняли достаточно высокое положение в служилой иерархии и аппарате управления Восточной Сибири. Андрей и Яков, как и отец, достигли чина московского дворянина. Яков Бейтон на рубеже веков исполнял обязанности приказчика Удинского острога и казачьего головы, Андрей в первой четверти XVIII в. был приказчиком в острогах Балаганском, Бельском, Селенгинском, воеводой в Иркутске и Нерчинске.

Два других сына, Иван и Фёдор, смогли выслужить чин сибирского дворянина (по иркутскому списку). Фёдор в 1720-х гг.

служил удинским и селенгинским комиссаром, занимался картографией (сочинил «Карту мест от реки Енисея до Камчатки лежащих» и ландкарту пограничных мест Селенгинского дистрикта). Иван известен тем, что был женат на дочери посланного в Забайкалье бывшего украинского гетмана Демьяна Многогрешного. Сыновья Бейтона принимали активное участие в подготовке и обеспечении переговоров С. Л. Владиславича-Рагузинского с китайцами в середине 1720-х гг. От этих сыновей Афанасия и потянулись другие ветви рода Бейтона⁹⁵.

¹ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М. 1969.

² Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 690.

³ Покровский Н. Н. Неизвестный документ о волнении усть-нищынских крестьян в XVII в. // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 178.

⁴ Семенов О. В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV — первой половине XVII в. Екатеринбург, 2006. С. 238–239.

⁵ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. № 226. С. 372.

⁶ Там же. С. 89, 152; № 230. С. 377.

⁷ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 641; РИБ. Т. 8. СПб., 1882. Стб. 588–596, 630–653; Актовые источники по истории России и Сибири... Т. 1. С. 127.

⁸ Указные грамоты городovým воеводам и приказным людям. 1613–1626 гг. М., 2012. № 292. С. 307.

⁹ Миллер Г. Ф. Указ. соч. № 234. С. 381–383, 692; РИБ. Т. 8. Стб. 388–400, 420; Покровский Н. Н. Неизвестный документ... С. 179.

¹⁰ Тобольский архиерейский дом... С. 12, 30, 31, 39, 74, 75, 235.

¹¹ Бродников А. А. Первые духовные дела в Енисейском остроге: к вопросу о взаимоотношениях светской и духовной власти в Сибири XVII столетия // Вестник НГУ. 2013. Т. 12. Вып. 8. С. 78.

¹² Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 125–126, 162; № 355. С. 500–501.

¹³ Барахович П. Н. Служилое население... С. 280.

¹⁴ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 163; № 374. С. 524; № 375. С. 525–526; № 376. С. 526–527; Актовые источники по истории России и Сибири... С. 128–129.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 300. Л. 172.

¹⁶ Там же. Ф. 214. Стб. 84. Л. 334 об.

¹⁷ Там же. Стб. 212. Л. 143, 345

¹⁸ ДАИ. СПб., 1851. Т. 4. С. 176–177, 260–261; Русско-китайские отношения... Т. 1. С. 234–235, 238–241. Е. В. Вершинин предполагает, что в этом сражении погиб знаменитый землепроходец, «человек с доброй душой». Вершинин Е. В. Землепроходец Пётр Иванович Бекетов //

Отечественная история. 2003. № 5. С. 46–47.

¹⁹ ДАИ. СПб., 1851. Т. 4. № 110. С. 261.

²⁰ Там же. С. 320, 324–325; Вершинин Е. В. Указ. соч. С. 45.

²¹ ДАИ. Т. 4. № 116. С. 272.

²² Там же. С. 324.

²³ Христосенко Г. А. К истории заселения Нерчинского острога // История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 163.

²⁴ ДАИ. Т. 4. № 116. С. 321

²⁵ Христосенко Г. А. К истории заселения... С. 163.

²⁶ Артемьев А. Р. Воеводы и приказчики Нерчинского и Албазинского уездов во второй половине XVII века (из истории кадровой политики царской администрации в Забайкалье и Приамурье) // Отечественная история. 2006. № 2. С. 5.

²⁷ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия... С. 196–197.

²⁸ ДАИ. Т. 6. СПб., 1857. С. 44, 153–154, 364; Русско-китайские отношения... Т. 1. С. 277, 279.

²⁹ Русско-китайские отношения... Т. 1. С. 275.

³⁰ ДАИ. Т. 6. № 118. СПб., 1862. С. 44, 364; Русско-китайские отношения... Т. 1. С. 277, 279.

³¹ Артемьев А. Р. Даурская ссылка протопопа Аввакума // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 140.

³² Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири... С. 164.

³³ Вершинин Е. В. Указ. соч. С. 181.

³⁴ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 332–333.

³⁵ Там же. С. 154, 338, 339.

³⁶ Солодкин Я. Г. Институт временного воеводства в Сибири XVII в. // Вопросы истории. 2019. № 12 (1). С. 200.

³⁷ ДАИ. Т. 8. СПб., 1862. № 31. С. 95; Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах... С. 41.

³⁸ Актовые источники по истории России и Сибири... Т. 2. С. 106.

³⁹ Книга Записная, Сибирский летописный свод // Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36: Сибирские летописи. С. 138–176. С. 165; Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов... Ч. 4. С. 39. Фаддей Илларионов (Ларионов) Толбузин служил в Тобольске сыном боярским. 27 августа 1667 г. он привёз в Верхотурье и подал в таможенной избе таможенному голове Василию Толстоухову грамоту об осмотре и переписи имущества у воевод и приказных людей при проезде их на службу в Сибирь (АИ. Т. 4 № 197. С. 369). В 1670 г. Ф. Толбузин был временно назначен воеводой в Берёзов на место умершего князя П. А. Гагарина. В 1673 г. он был назначен воеводой в Албазин (Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1... С. 259).

⁴⁰ Актовые источники по истории России и Сибири... Т. 2. С. 106.

⁴¹ Вершинин Е. В. Указ. соч. С. 164; Христосенко Г. А. К истории заселения Нерчинского острога... С. 153–175. С. 162;

Актовые источники по истории России... С. 107.

⁴² Пузанов В.Г. Род Толбузиных — воевод Забайкалья в XVII веке // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф.: [в 3 ч.]. Чита, 2017. Ч. 2. С. 31–35.

⁴³ Бахрушин С.В. Указ. соч. Т. 3. Ч. 1. С. 261.

⁴⁴ ДАИ. Т. 8. СПб., 1862. № 31. С. 95.

⁴⁵ ДАИ. Т. 10. СПб., 1867. № 67. С. 230, 233.

⁴⁶ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 335.

⁴⁷ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах... С. 116–117; Пузанов В.Г. Род Толбузиных... С. 33.

⁴⁸ Пузанов В.Г. Указ. соч. С. 34.

⁴⁹ Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов... С. 79–80; Артемьев А.Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII в. и типы оборонительных сооружений // Отечественная история. 1998. № 5. С. 110.

⁵⁰ Александров В.А. Указ. соч. С. 118.

⁵¹ Никитин Д.Н., Никитин Н.И. Покорение Сибири. Войны и походы конца XVI–XVIII веков. М., 2016. С. 60–61.

⁵² Русско-китайские отношения... Т. 2. С. 768.

⁵³ Слобцов П.А. Указ. соч. С. 177–178.

⁵⁴ Александров В.А. Указ. соч. С. 131–133; Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–

XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 107. Китайскими историками в «Биографии Лантаня» сохранение посевов под Албазином трактуется как акт доброй воли и дар русским защитникам от китайских властей. См.: Русско-китайские отношения... Т. 2. С. 695.

⁵⁵ В 1688 г. Пётр и Фёдор Толбузины обратились с челобитьем к государю с просьбой «о написании» их в дворяне. 16 мая 1688 г. Пётр и Фёдор Толбузины были пожалованы в дворяне по выбору Тобольска «за службу и кончину отца», но оставлены в прежних окладах. В 1696 г. Алексей упомянут как «дворянин по выбору» с денежным окладом 15 руб. Фёдор в 1709 г. — тобольский дворянин, возглавил «поход от приходу всяких воровских башкирцов»; в нём принимал участие и Л.С. Ремезов — сын С.У. Ремезова. Гольденберг Л.А. Семён Ульянович Ремезов: Сибирский географ и картограф. 1642 — после 1720 гг. М., 1965. С. 75; Тобольск: Материалы для истории города... С. 44; Пузанов В.Г. Род Толбузиных... С. 34; Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов... Ч. 3. С. 270, 284, 346; Ч. 4. С. 39.

⁵⁶ Служилые люди Сибири... С. 81.

⁵⁷ Александров В.А. Указ. соч. С. 140.

⁵⁸ Леонтьева Г.А. Волнения служилых людей в Восточной Сибири в 80-х годах XVII в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 94–105.

⁵⁹ ДАИ. СПб., 1867. Т. 10. С. 253; Русско-китайские отношения... Т. 2. С. 83.

⁶⁰ ДАИ. Т. 10. С. 253, 254; Артемьев А.Р. Строительство городов и острогов... С. 144–145.

⁶¹ Слобцов П.А. Указ. соч. С. 178; Никитин Д.Н., Никитин Н.И. Покорение Сибири... С. 70.

⁶² Никитин Д.Н., Никитин Н.И. Указ. соч. С. 71.

⁶³ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 30

⁶⁴ ДАИ. Т. 10. СПб., 1867. С. 365; Русско-китайские отношения Т. 2. С. 694; Никитин Д.Н., Никитин Н.И. Указ. соч. С. 71.

⁶⁵ Слобцов П.А. Указ. соч. С. 179.

⁶⁶ Русско-китайские отношения... Т. 2. С. 108, 109, 123; Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг... Ч. 3. М., 1900. С. 346; Зуев А.С. Забытый герой: штрихи к биографии Александра Ивановича Бейтона // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск, 2000. С. 178.

⁶⁷ Слобцов П.А. Указ. соч. С. 179.

⁶⁸ Русско-китайские отношения... Т. 2. С. 109.

⁶⁹ Цит. по: Зуев А.С. Забытый герой... С. 178.

⁷⁰ Русско-китайские отношения... Т. 2. С. 157.

⁷¹ Александров В.А. Указ. соч. С. 161–162.

⁷² Русско-китайские отношения... Т. 2. С. 119.

⁷³ Зуев А.С. Забытый герой... С. 178.

⁷⁴ Русско-китайские отношения... Т. 2. С. 342.

⁷⁵ Там же. С. 345–347, 353, 358.

⁷⁶ Там же. С. 786–787.

⁷⁷ Цит. по: Зуев А.С. Забытый герой... С. 179.

⁷⁸ Цит. по: Александров В.А. Указ. соч. С. 166–167.

⁷⁹ Русско-китайские отношения... Т. 2. С. 444.

⁸⁰ Там же. С. 123.

⁸¹ Там же. С. 145–147.

⁸² Там же. С. 409, 433.

⁸³ Там же. С. 605.

⁸⁴ Там же. С. 612.

⁸⁵ Там же. С. 696.

⁸⁶ Русско-китайские отношения... Т. 2. С. 794; Зуев А.С. Забытый герой... С. 180.

⁸⁷ Гольденберг Л.А. Семён Ульянович Ремезов... С. 87, 160, 243.

⁸⁸ Зуев А.С. Забытый герой... С. 181

⁸⁹ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 312.

⁹⁰ Там же. С. 308–309, 313–314.

⁹¹ Зуев А.С. Указ. соч. С. 181; Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 314.

⁹² Зуев А.С. Указ. соч. С. 181.

⁹³ Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 326–327.

⁹⁴ Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 114, 308; Зуев А.С. Указ. соч. С. 182.

⁹⁵ Слобцов П.А. Указ. соч. С. 185.

Военный смотр в Тюмени в 1698 г.

Вопросы реформирования и реорганизации воинского контингента Сибири в эпоху Петра I уже рассматривались в работах Н.Н. Никитина, А.Р. Ивонина, Ю.И. Недбая, А.В. Дмитриева, В.Д. Пузанова. Но в исследованиях учёных практически не затрагивались важные аспекты — состояние командного состава сибирских гарнизонов и изменения, произошедшие в нём в начальный период реформирования русской армии. Обнаруженный нами в РГАДА «Разборный список» детей боярских Тюмени 1698 г.¹ позволяет дать количественную и качественную характеристику этой категории начальных людей и частично восполнить этот пробел.

6 января 1698 г. тюменским воеводой Т.В. Раевским и подъячим А. Колошиным была получена грамота из Сибирского приказа. В ней было предписано провести военный смотр детей боярских местного гарнизона и на основе его составить «описную роспись» с соблюдением следующих требований:

1) переписать «тех, кто на службу и в походы с воинскими людьми ходят», с указанием их возраста, наличия снаряжения (лошадей, оружия, военных холопов);

2) выявить лиц, не пригодных к службе: «старых, больных, увечных, пьяниц, бедных, не имеющих лошадей, ружья, платья и тех, кто на службу не ходит»;

3) установить причины неявки на службу (смотр), переписать их и освидетельствовать при этом больных².

Воевода, руководствуясь этими указаниями, провёл военный смотр детей боярских, присутствие и показания каждого из них были подтверждены личной подписью или «за руками» доверенных лиц. Была составлена необходимая «роспись». Согласно «росписи», в смотре участвовали 61 человек, отсутствовали по причине командировок в Тобольск и Якутск 2 человека, из-за болезни — 3 человека. Отсутствовавших на смотре представляли их родственники — невёрстанные дети боярские.

Результаты проведённого смотра дают достаточно полное представление о состоянии командного состава не только Тю-

мени, но и Сибири в целом, они наглядно отражают источники формирования начальных лиц гарнизона, их возрастные особенности, обеспеченность снаряжением и другие моменты, характеризующие состав и уровень боеспособности сибирского гарнизона в период начального реформирования русской армии.

По численности вооружённых сил гарнизон Тюмени в указанный период занимал второе место в Сибири, уступая лишь Тобольску. Согласно сметным спискам 1697–1698 гг., в нём имелось 936 служилых людей, в составе которых было 2 головы казачьих, стрелецких и татарских ратников, 78 детей боярских, 1 ротмистр конных казаков, 263 конных казака с атаманами и есаулами, 4 сотника пеших казаков, 481 человек пеших стрельцов и казаков, 107 служилых татар³. Доля детей боярских в общей численности воинского контингента составляла 8,3%.

Изучение сословно-социального происхождения начальных лиц показывает, что значительная часть их (41 человек) — выходцы из местной служилой среды, представлявшие третье и четвёртое поколение ратных людей. К старожилам Тюмени относились дети боярские Василий и Степан Текутьевы, Пётр и Иван Молчановы, Дмитрий и Пётр Алтуфьевы, Василий Корнилов, Василий Войнов, Фёдор Проскуряков, Тит Тарков, Корнило Мальцев, Иван Вязьмин и другие лица. Они были повёрстаны в указанные чины за достижения своих близких родственников и свои личные заслуги.

Сохранились отдельные эпизоды служебной деятельности их предшественников с момента основания Тюмени. Так, родоначальник тюменской служилой династии Вязьминых Семён Вязьмин служил казаком, в 1596 г. он был послан за беглыми ясачными татарами. В 1624 г. проживал в Тюмени «в остроге на посаде» с родственниками Григорием, Андреем и Ермолаем, состоявшими в конной казачьей службе⁴. Дети боярские Василий и Степан Текутьевы, очевидно, были внуками Текутьева Ивана Петрова, который был десятником в «литовском списке». В 1616 г. вместе с тарским атаманом Василием Тюменцем он совершил поездку в «Мунгальскую землю» с целью «провеждать» дорогу в Китай⁵. Указанный выше Степан Текутьев в 1699–1700 гг. служил полуголовой (подполковником) в драгунском полку Д.Я. Мейна⁶. Братья Молчановы находились в родственных связях с основателем

Ницынской слободы приказчиком Степаном Молчановым, убитым крестьянами в 1624 г. за допущенные злоупотребления и превышение своих полномочий⁷. Его сын Неудача Молчанов в 1620-е гг. был татарским головой. Представитель этого рода сын боярский Иван Большой Молчанов в 1681 г. с казаком помытчиком (охотником за ловчими птицами) М. Молотиловым отвозил в Москву кречетов, в 1697 г. вместе с Ю. Юрцевым доставил в Сибирский приказ выполненный С. У. Ремезовым «Тюменский городской чертёж»⁸.

Довольно значительную группу в составе начальных людей представляли бывшие «иноземцы» и их потомки (21 человек). К ним относились Вахромей Анушковский, Степан Марковский, Василий Войнов, Василий и Константин Дубровские, Томаш Янковский, Станислав Поплавской, Ян Халецкий, Логин Кутлубовский, Василий Валковский, Фёдор Вишнеvский, Елизар, Вячеслав и Семён Трушкеевы, Герасим Маркеев, Станислав Петровский, Данила Низовский, Ян Метковский, Иван Спитаковской, Семён Аржиловской.

Большая часть их предков по родственной линии оказалась в Сибири в ссылке в ходе войны России с Польшей в 1650–1660 гг. Сохранилось немало свидетельств об отказе их от размена военнопленными и желании остаться в Сибири. Так, бывший польский шляхтич Волкомирского повета Ян Маркеев на «разборе» заявил, что был взят в плен под Витебском, на размен пленными «не пошёл», за что был повёрстан в дети боярские с окладом 9 руб., 9 четей ржи, 9 четей овса, 3 пуда соли и послан в 1668 г. на службу в Томск⁹. Отец детей боярских Василия и Константина Дубровских Станислав Дубровский также происходил из шляхтичей «поляков и литвы». В 1661 г. он был сослан в Томск в «литовский список» с окладом 6 руб., 6 четей ржи, 4 чети овса. Через некоторое время был отпущен на размен пленными в Москву, но пожелал остаться в Сибири. В 1665 г. он по-прежнему упоминается в составе тюменского гарнизона в том же чине и окладе¹⁰. Из ссыльной польской «литвы» происходили Степан Марковский, Ян Халецкой, Фёдор Вишнеvский и другие лица, чьи родители считались на первых порах «иноземцами». Но их потомки, рождённые уже в Сибири, не упоминаются в источниках в числе иностранцев. В соответствии с установленным порядком преимущественно наследственного комплектования сибирского

«войска» они заполняли вакантные места и пополняли ряды командного состава гарнизона Тюмени.

Наряду с детьми боярскими на смотре было представлено 10 «людей» (боевых холопов) с лошадьми и оружием, возраст и происхождение которых источником не был указан. Известно лишь, что у сына боярского Фёдора Матвеева Борисова было два «калмыка», имеющих лошадей и вооружённых пищалью, саблей, саадаком, у остальных детей боярских было по одному холопу, владеющих преимущественно холодным (рубящим и колющим) оружием.

В смотре участвовали лица от 15 до 69 лет. Распределение их по возрастным группам даёт следующие результаты: от 15 до 20 лет — 4 человека, от 21 до 30 лет — 15 человек, от 31 до 40 лет — 6 человек, от 41 до 50 лет — 14 человек, от 51 до 60 лет — 17 человек, от 51 до 60 лет — 1 человек. Возраст 3 человек не был указан. Таким образом, почти две трети командного состава (35 человек) имели самый пригодный к воинской службе возраст и представляли собой второе и третье поколение служилого населения Тюмени. Большинство участников смотра (65 %) составили возрастную группу от 21 года до 50 лет.

Обращает внимание, что в возрастной группе от 51 до 60 лет лишь 4 человека назвали точно свой возраст, 6 человек указали на «круглую» дату — 50 лет, 7 человек — 60 лет. Очевидно, что лица старше 50 и 60 лет предпочитали сознательно «округлять» свой возраст и тем самым, очевидно, скрывать его из-за боязни быть отставленным от службы «по старости».

Данные «росписи» дают некоторое представление об уровне грамотности командного состава. Из 61 человека присутствовавших на смотре собственноручно «руку приложили» к документу 12 человек, за других расписались 38 человек, роспись не зафиксирована у 22 человек. Отсутствие подписей в документах военного смотра у большинства лиц свидетельствует о невысоких показателях грамотности командного состава.

Смотр показал высокую обеспеченность ратных людей лошадьми. Всего у них было зафиксировано 92 «строевых» лошади. Из всего состава 34 человека имели по 2 лошади, 27 — по одной, и лишь 1 человек, названный «калмыком», не имел таковой. Значительное количество лошадей у служилых людей, по-видимому, объяснялось достигнутыми успехами в животноводстве в Тю-

менском уезде, население которого ещё в середине века испытывало острую нехватку в лошадях и обращалось неоднократно по этому поводу к правительству с разрешением покупать их у «калмацких» народов.

Привлечение других источников позволяет утверждать о немалой вовлечённости тюменских детей боярских в хозяйственные занятия и предпринимательскую деятельность. Согласно сведениям П. М. Головачёва, в 1700 г. тюменские дети боярские имели в своих хозяйствах по 7–10 лошадей, по столько же коров и овец, конные казаки имели до 5 лошадей и 7 голов рогатого скота, пешие казаки и стрельцы — по 2 лошади и коровы¹¹.

Происходивший из потомственной служилой среды Степан Волжин, получавший оклад 13 руб., 13 четей ржи, 10 четей овса, в 1670 г. имел в хозяйстве 2 лошади, 2 коровы, сенные покосы¹². Дети боярские Пётр и Василий Текутьевы, служившие с окладом 15 и 10 руб., имели соответственно 30 и 9 голов разного скота. В их хозяйстве использовался труд дворовых работников¹³. Сын боярский Василий Кошинец сочетал военную службу с торговыми операциями, в феврале 1673 г. привёз из Москвы и «явил» в Тобольске «русский товар» на 14 руб. 23 алтына 2 денги. В 1700 г. он с братом Андреем Кошинцем имел в своём подворье 25 лошадей, 15 голов крупного рогатого скота, 15 овец¹⁴. Крупное хозяйство с применением наёмного труда, очевидно, вёл сын боярский Фёдор Борисов, так как на его усадьбе трудились 6 дворовых людей¹⁵.

Не чуждались тюменские «начальные люди» и занятий ремеслом. Атаман пеших казаков, ставший сыном боярским Иван Михайлов начиная с 1670-х гг. успешно занимался литейным производством, используя при этом семейный «подряд». Вместе с сыновьями Елизаром, Фёдором, Григорием, Василием и Саввой в своей кузнице отливал пушки и колокола на заказ и изготавливал на продажу «медную всякую мелочь и оловянную всякую посуду»¹⁶. Иван Вязьмин в 1701 г. занимался «чоботным промыслом», годовой доход которого составлял 5 руб.¹⁷ Тюмень к концу XVII в. превратилась в крупный сельскохозяйственный и торгово-промышленный центр Сибири. Можно смело утверждать, что большая доля командного состава была вовлечена в экономическую жизнь, приведённые выше данные лишь частично отражают его занятия в хозяйственной и предпринимательской сферах.

«Роспись» содержит также сведения о наличии у детей боярских различного оружия и военного снаряжения. Главное место в вооружении занимало огнестрельное оружие. На смотре оно было представлено 71 единицей. Среди них были 18 «пистолей», 18 карабинов, 18 пищалей «гладких», 13 пищалей «винтовальных», 3 пищали «завесных», 1 пищаль «турка». Из числа участников смотра 3 человека имели по три вида огнестрельного оружия (пистоль, пищаль, карабин), 10 — по два вида, 42 — по одному виду, у 6 человек оно отсутствовало. В составе холодного оружия преобладала сабля, которая имела у 42 человек, саадаком были вооружены 11 человек, копьём — 4 человека. Защитное снаряжение имелось у 10 человек, в том числе кюак был у 5 человек, шелом — у 3, панцирь и кольчуга были представлены по одному экземпляру у 2 человек¹⁸. Самое большое вооружение имел казачий, стрелецкий и татарский голова Тимофей Мишуков в возрасте 27 лет. Его вооружение состояло из пищали, двух «пистолей», сабли и саадака. Его дворовый человек Ивашка Фёдоров явился на смотр с «простой» лошастью и пищалью «завесной»¹⁹.

Таким образом, подавляющее большинство детей боярских — 55 человек из 61 (90%) — были вооружены огнестрельным оружием, в котором заметную долю составляли новые, более совершенные образцы: пистолеты и нарезные пищали. В то же время сохраняли своё значение и «старые» виды оружия: саадаки, копьё, состоявшие на вооружении не только холопов, но и детей боярских.

В связи с проведением данного смотра возникает вопрос: какую цель преследовало правительство, и какова дальнейшая судьба детей боярских Тюмени и Сибири? Ответы на поставленные вопросы частично содержатся у известного исследователя Сибири, областника П.М. Головачёва и современного историка Ю.Г. Недбая.

По мнению П.М. Головачёва, в 1700 г., т.е. два года спустя, «ряды служилого населения Тюмени значительно поредели, детей боярских осталось двенадцать человек, конных казаков (литовского списка) шестьдесят восемь человек, стрельцов и пеших казаков шестьдесят три». Такое резкое сокращение служилых людей историк объясняет тем, что войны, которые Пётр Великий вёл в самом конце семнадцатого столетия, и готовившаяся

война со Швецией «потребовали усиленного отъезда казаков и служилых людей к центрам военных операций, особенно из таких отдалённых местностей, как Тюмень, которым уже ничего не угрожало от соседних инородцев»²⁰. Добавим к этому, что ухудшение отношений с Джунгарией и енисейскими киргизами на рубеже веков, осада джунгарами и телеутами в августе 1700 г. Кузнецка и енисейскими киргизами Красноярска также повлияли на численность тюменского гарнизона и его командного состава. По указанию центральных властей в Кузнецк «для обережения» местных народов было направлено из Тюмени 200 стрельцов с начальными людьми²¹.

В последующие годы состав тюменского гарнизона вновь заметно уменьшился. В январе и феврале 1704 г. из Тюмени были взяты на службу «к Москве» по «разбору» (разнарядке) Сибирского приказа ещё 62 тюменских ратника: 12 детей боярских и 50 конных казаков, средний возраст которых составил 22 года²². 30 января 1710 г. с тюменским сыном боярским Григорием Егуповым в Москву была направлена ещё более значительная партия «нововыбранных солдат» (300 человек), происходивших из разных социальных групп. В её составе было 23 человека, набранных из детей боярских, 7 человек — из подьячих и приставов, 68 — из детей и братьев конных казаков, 26 — из пеших казаков, 45 — из детей и братьев пеших казаков, 48 — из детей и братьев посадских людей, 81 человек — из детей и братьев подгородных пашенных и оброчных крестьян, 1 человек — из бобылей²³.

Как справедливо считает Ю.Г. Недбай, уменьшение лиц начальствующего и рядового состава Тюмени было также связано с правительственной политикой, направленной на сокращение расходов по содержанию старых гарнизонов, унификацию воинских чинов и упразднение в конечном счёте самого института детей боярских и сибирских дворян, которые «оказывались лишними в системе складывающейся чиновной бюрократии»²⁴. По мнению историка, в первое десятилетие XVII в. Тюмень и Тобольск поставили такое количество солдат и начальных людей на западный театр военных действий, что это подорвало их людские и административные ресурсы.

На наш взгляд, значительное сокращение начальствующего состава, выполнявшего не только военные, но и многочисленные

другие (следственные, фискальные, посольские и пр.) службы, вызвало в Сибири «кадровый голод» и не могло не сказаться на функционировании местной системы управления. Возросший объём обязанностей, выполняемых детьми боярскими, наборы и переводы служилых людей на запад, нехватка квалифицированных чиновников — всё это требовало сохранения и пополнения старых военных управленческих кадров.

Поэтому возникшая как следствие этого значительная убыль тюменского гарнизона, в том числе командного состава, была вскоре восполнена из числа местных невёрстанных детей боярских и казачьих детей. Введение в сибирском войске новых штатов, разработанных дьяком А. А. Виниусом, как показали исследователи, лишь частично было осуществлено в задуманном варианте. В штатном расписании тюменского гарнизона 1724 г. вновь числилось 6 сибирских дворян, 63 детей боярских, 2 городничих, 1 полковник, 1 подполковник, 1 пушкарский голова, 179 конных казаков с командным составом (пятидесятники, прапорщики, поручики, десятники), 247 пеших казаков (атаман, сотники, пятидесятники, прапорщики, десятники), 14 пушкарей, 104 служилых татарина, 1 татарский толмач, всего 619 человек²⁵. Упразднение отжившего института детей боярских и сибирских дворян произойдёт лишь к середине XVIII в. Сравнение штатного расписания 1724 г. с 1698 г. показывает рост доли дворян и детей боярских и сокращении на треть численности казаков в тюменском гарнизоне, что свидетельствует о восстановлении прежнего управленческого аппарата и сохранении возложенных на него функций.

В целом военный смотр в Тюмени выявил достаточно боеспособный для условий Сибири контингент начальных людей, обеспеченный необходимыми ресурсами для решения задач по защите границ Сибири и выполнения других административных функций. Его командному составу была присуща воинская корпоративность, которую определяли общие интересы и наследственный характер несения военной службы. Сохранение социального статуса и численности детей боярских с небольшими изменениями до 1724 г. может также свидетельствовать о соответствии сибирского командного корпуса своему назначению, который, в отличие от командного состава Центральной России, ещё долгое время не был подвержен коренным изменениям,

характерным для русской армии Петровской эпохи. В то же время высокая доля возрастного ценза, разномастное вооружение и снаряжение, низкий образовательный уровень командного состава, совмещение службы с хозяйственными занятиями требовали его коренного реформирования и соответствия новым требованиям и вызовам наступившего Нового времени.

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ед. хр. 1176. Л. 543—560 об.

² Там же. Л. 543.

³ Недбай Ю. Г. Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого: монография. Омск, 1998. С. 205.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 27. Л. 112—113.

⁵ Служилые люди Сибири... С. 823.

⁶ Там же. С. 828.

⁷ Там же. С. 583.

⁸ Гольденберг А. А. Семён Ульянович Ремезов... С. 230.

⁹ Служилые люди Сибири... С. 535.

¹⁰ Там же. С. 262.

¹¹ Головачёв П. М. Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII в. // Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города с введением и заключительной статьёй прив.-доц. П. М. Головачёва. М., 1903. С. 158.

¹² Служилые люди Сибири... С. 167.

¹³ Недбай Ю. Г. Казачество Западной Сибири... С. 132, 262.

¹⁴ Там же. С. 451.

¹⁵ Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города с введением и заключительной статьёй прив.-доц. П. М. Головачёва. М., 1903. С. 36.

¹⁶ Акишин М. О. Тюменские дети боярские. Купцы Колокольниковы в XVII—XIX веках // Родина. 2006. № 7. С. 32—33.

¹⁷ Служилые люди Сибири... С. 185.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ед. хр. 1176. Л. 545—560 об.

¹⁹ Там же. Л. 545 об.

²⁰ Головачёв П. М. Состав населения... С. 158—158.

²¹ Памятники сибирской истории... Кн. 1. С. 90—95.

²² Недбай Ю. Г. Указ. соч. С. 184—185.

²³ Там же. С. 195.

²⁴ Там же. С. 168.

²⁵ Кириллов И. К. Цветущее состояние... С. 269.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги создания отдельных портретных образов сибирских служилых людей и исторических очерков, следует ответить на ряд принципиально важных вопросов. Кем же был сибирский служилый человек? Какие факторы влияли на формирование его личности? Какими социоментальными особенностями и общими чертами он отличался от европейских колонизаторов американского континента? Не претендуя на исчерпывающие ответы, попытаемся лишь в общих чертах высказать ряд соображений по данной теме.

Исследователи уже пытались определить социальное происхождение и положение сибирских служилых людей в сословной структуре русского общества, выводя их из разных социальных и этнических групп, и выявить их сходство с первыми европейцами в Америке. Особенно отчётливо это проявилось в 1990-е гг. на волне всплеска национального самосознания и обострения межнациональных отношений.

Отстаивая концепцию завоевания Сибири и агрессивный колониальный характер русской внешней политики, И. Измаилов безосновательно утверждал, что «в Сибири, как и во всём мире, колониальные захваты, стыдливо называемые советской историографией “освоением”, шли так: впереди двигались бродяги, авантюристы и разбойники, за ними — армия и чиновники и уже потом мирные земледельцы»¹. На большое сходство русских поселенцев в Сибири и европейских колонистов Америки указывал В. А. Тураев: «Русский казак или промышленник по своим человеческим качествам мало отличался от европейского траппера»². Л. И. Шерстова также необоснованно считает, что «безусловно, первые русские сибиряки были выплесками маргинальной среды Московского царства, Смутного времени. Они сами являлись маргиналами в социальном, а часто в этническом отношениях. Среди них оказывалось немало авантюристов, искателей удачи и наживы, импульсивных, любопытствующих, просто жестоких и отчаявшихся людей». Автор также полагает, что «на формирование сибирской общности оказал влияние ряд

важных факторов. Прежде всего, это пёстрый состав лиц, прибывших из-за Урала. Заселяли Сибирь служилые люди, казаки и администраторы»³.

Вряд ли эти весьма спорные характеристики, претендующие на обобщение, относятся к служилым людям и другим русским поселенцам и соответствуют в целом исторической действительности. Сословно-социальный и этнический состав европейских сибиряков, преобладающее большинство которых составляли русские служилые люди, был, безусловно, неоднородным. Но в социальном отношении они не были маргиналами, т. е. лицами без определённого социального статуса, с неустойчивой системой ценностей, не имеющими представлений о своём месте в существующей сословной системе отношений. Известно, что ядро ермаковского войска составляло вольное казачество с преобладанием в нём русского этнического элемента, об этом свидетельствуют имена Синодика по убиенным казакам, составленного по инициативе сибирского и тобольского архиепископа Киприана.

После разгрома Кучума в Сибирь пришли отряды не маргиналов — разбойников и авантюристов, а служилых людей — казаков и стрельцов, профессиональных воинов, состоящих на службе Московского государства. Будучи дезориентированными в годы Смуты в политическом и нравственно-духовном отношении, они, как и большинство других слоёв русских людей, сражались в разных лагерях развернувшейся гражданской войны. Но в решающий момент большинство казаков заняло патриотическую позицию и сыграло немалую роль в освобождении Москвы и других русских городов как от внутренних «воровских» людей, так и от польско-шведских интервентов. Известно также, что именно представители казачества во многом способствовали возведению на престол Михаила Романова. Вряд ли маргинальные слои были бы способны проникнуться освободительной идеей спасения своего отечества и активно способствовать утверждению на престол нового легитимного российского правителя.

Поэтому после окончания Смуты в Сибирь пришли уже не самовольные казаки — «маргиналы», а люди, имевшие не только боевой, но и большой политический опыт, с глубоким осознанием значимости своей службы государю и ответственности за судьбу Российского государства.

Это наглядно проявилось в, казалось бы, незначительном инциденте шадринского казака Трифона Данилова со слободским приказчиком Галактионом Пясталовым. Во время возникшей ссоры Т. Данилов напомнил приказчику, что он служил казачью государеву службу в царском полку «и с великим государем в походе бывал». В ответ на брань приказчика «и тем, кому он служил», присутствующие при этом казаки заявили: «Не брани-де, ты, Галактион, ево, Трифанка, он-де, Трифанко, служил в солдатех под Ригою и под Смоленским, и там де бояре и полковники начальные люди ево не бранивали и не бивали». Сослуживцы Трифона выразили не только свою войсковую солидарность и подтвердили его принадлежность к государственной службе, но и подали изветную челобитную на приказчика о «государевом слове и деле», т.е. обвинили его в политическом преступлении. В ходе проведённого сыска приказчика пытали, разжаловали и отправили в далёкую ссылку⁴.

Верноподданнические чувства русскому царю служилые люди постоянно подчёркивали в многочисленных челобитных с просьбой об удовлетворении своих насущных потребностей, а также в проводимых военных смотрах — «разборах». В своих «скасках», заявленных на «разборе», наряду с указанием происхождения, чина, выполняемых служб, заслуг и достижений, неизменно присутствовало заявление о том, что они служат великому государю «истиною правдою и беспорочно», либо «верою и правдою»⁵.

Монархистские настроения и державное сознание проявлялись и в социальных движениях, происходивших в Сибири. Даже в острых конфликтных ситуациях восставшие против злоупотреблений воевод-лихоимцев и ненавистных приказчиков служилые люди сохраняли свою преданность и приверженность государю, исправно несли все службы, собирали и отправляли ясак в Москву.

Что касается этнического состава, как следует из приведённых выше очерков, наряду с русским этносом в составе сибирских гарнизонов были представители многих европейских народов: «черкасы», «белорусцы», «литва», поляки, греки, а также крымские татары, коренные и другие народности. Не все ссыльные западные европейцы смогли усвоить суровые реалии сибирской жизни, часть их вернулась на родину в ходе обмена

военнопленными, но при этом значительная часть их навсегда связала свою судьбу и жизнь с Сибирью. И лишь немногие «иноземцы», такие как С. Французенин и П. Хмелевский, не усвоившие до конца сложившиеся нормы и правила сибирского социума, вступали в конфликты с местной властью и терпели при этом поражение. Жизнь в Сибири достаточно быстро сглаживала различия и противоречия, возникавшие между русской властью и прибывавшими «иноземцами». Следует отметить, что немало иностранцев из числа военнопленных, из лиц, совершивших добровольный «выезд» в Россию и приглашённых военных специалистов, наслышанных о природных богатствах новой «государевой вотчины», добровольно просились на службу в Сибирь и оставались в ней навсегда.

Трудно также согласиться с историком А. Д. Агеевым, утверждавшим, что «в Сибири русский человек в полной мере ощущал себя за “рубежом”, за границей. Своё пребывание здесь он рассматривал как вынужденное и временное», и «все стремились вернуться на родину, “в Рассею”»⁶. Своё умозаключение автор основывает не на исторических фактах, а на литературных примерах, заявляя при этом, что «в отличие от американского Запада, Сибирь всегда была отрицательным и пугающим символом»⁷. Исследователи не располагают точными данными о сибирской иммиграции в XVII в., но несомненно одно: постоянный рост численности служилых людей, крестьянства и посадских в сибирских городах и уездах свидетельствует об обратном процессе.

Важными факторами, влияющими на формирование личности служилых людей в Сибири, были суровые природно-климатические условия и окружение их «воинскими немирными людьми». Эти неблагоприятные обстоятельства заставляли служилых людей и всё пришлое население постоянно мобилизовать физические и духовные силы для выживания и обеспечения необходимой безопасности. Рассмотренный нами материал свидетельствует о высокой способности служилых и других людей адаптироваться к окружающей жизни. Как верно заметил ещё в конце XIX в. П. Н. Буцинский, «русский человек легко ориентируется в каждой новой местности, умеет приспособиться ко всякой природе, способен перенести всякий климат и вместе с тем ужиться со всякой народностью...»⁸

Отечественные исследователи также выделяли характерные, во многом знаковые социоментальные черты, присущие первым русским поселенцам Сибири, ратным людям Центральной России и европейским колонистам, осваивавшим земли Северной Америки, отмечая в то же время и немалое различие между ними.

Н. Н. Оглоблин утверждал: «Свободная и самостоятельная сравнительно с московскими служилыми людьми жизнь сибирских служилых людей, полная всевозможных опасностей, и борьба с людьми и природою вырабатывала из них людей энергичных и подвижных, способных крепко постоять за себя и за свои интересы... Постоянная служба в одном городе или уезде (не так, как в Московской Руси, где служилые люди часто меняли места своей службы) соединяла сибирских служилых людей в одно дружное и крепкое сообщество, связанное однородными служебными интересами и близкими родственными связями»⁹.

С. В. Бахрушин писал: «Борьба с дикой и негостеприимной природой в постоянной погоне за наживой накладывала свой отпечаток на характер русских, попадавших за Урал, развивала в них черты, свойственные всем искателям приключений: упорство в достижении цели, неразборчивость в средствах, практическую сметку и не знающую удержку смелость». Специалисты по ранней истории США, в свою очередь, так характеризуют население американских колоний: «Здесь возникла новая порода людей — полагающихся на себя, рационалистических, с презрением относящихся к укоренившимся представлениям и власти, тщеславных, провинциальных, иногда склонных к насилию, часто беспечных, исполненных чувства неограниченной силы»¹⁰.

Нельзя не заметить, что богатство сибирской природы, как и американских прерий, порождало хищническое присвоение их ресурсов, развитие индивидуалистских, зачастую анархистских наклонностей, проявлявшихся нередко в игнорировании правительственных предписаний по отношению к коренным народам и жестоком отношении к ним. Ярким примером тому является служба сибирских «конкистадоров» И. Похабова, братьев Галкиных, А. Пашкова и подобных им представителей. Но их действия не сопоставимы по своим масштабам с небывалой жестокостью и методичным уничтожением коренного

американского населения западноевропейскими колонизаторами, поощряемыми к тому же правительством.

Имевшая место в сибирской практике «похабовщина» в отношении коренных этносов не являлась всеобщим системным проявлением и отражением в складывавшемся сибирском обществе. В Сибири, наряду с лицами, подобными Похабову, и корыстолюбивыми временщиками-воеводами, были люди другого типа, которых уже выделяли историки. К ним можно отнести указанных в очерках Я. Тухачевского, П. Дорофеева, а также П. Бекетова, М. Перфильева, воевод Синявиных, Толбузиных, А. Бейтона и многих других.

Подавляющему большинству служилых людей, в отличие от западных европейцев, первых колонистов Америки, была свойственна этническая толерантность, отсутствие ксенофобии к нерусским народам и людям, исповедующим другую веру, что наглядно проявилось уже в первые десятилетия освоения Сибири. Во многом эта черта была обусловлена полиэтническим и конфессиональным составом и характером русского государства, берущего своё начало со времён Киевской Руси. Как известно, первый сибирский архиепископ Киприан был немало возмущён порядками и нравами, сложившимися в Тобольске и Сибири в целом. В своей грамоте патриарх Филарет писал митрополиту Киприану: «В Сибири не носят крестов, не хранят постных дней, живут с некрещёными жёнами, кумами и сёстрами своих жён, при отъезде же закладывают их на срок и, не имея чем выкупить, женятся на других»¹¹.

В 1654 г. тобольский архиепископ Симеон жаловался на слишком близкие отношения между русскими и татарами, возникшие после пожара 1643 г.: «...тобольского города всяких чинов жидецкие люди живут во татарских юртах под горою и те православные христиане ожились и живут с татарами вместе, а живучи в татарских юртах русские люди скверняются: пьют и едят из одних сосудов, и в посте с ними упиваются, с татарками живут блудно и детей приживают беззаконством, а татары с их христианскими женами живут тож блудно и детей приживают...»¹²

Подобные факты мирного совместного проживания и существования колонистов — выходцев из Западной Европы с коренным населением Америки были немислимым явлением. В межэтнических контактах западных европейцев всегда при-

существовало чувство своей европейской исключительности, высокомерия и культурного превосходства над другими народами.

Нельзя также согласиться с приведённым выше тезисом о невысоком уровне религиозности русских сибиряков, имеющим место и в современной литературе. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Первым и главным общественным зданием в городах и острогах всегда была церковь, а в небольших острожках и слободах — часовня, которые строились сразу после возведения крепостных сооружений. При этом инициатором строительства во всех городах, острогах и слободах храмов и их оснащения чаще всего выступали не государство и официальная церковь, а самодеятельное население. Особенно религиозные чувства проявлялись во время тяжёлых испытаний. В 1630 г. небольшой отряд стрельцов енисейского атамана И. Галкина был окружён в Тубинской земле многочисленным войском местных князей Кояна и Сойта. После пятидневных ожесточённых боев русские сумели вырваться из вражеского кольца и вернуться в Енисейск. Спасшиеся стрельцы пожертвовали всю добытую в походе пушнину на постройку церкви в честь архангела Михаила — небесного покровителя царя Михаила Фёдоровича¹³.

Постоянные пожертвования церковным приходам, монастырям, богадельням со стороны служилого населения являлись также неоспоримым свидетельством глубокой религиозности и важным условием его существования. Возникновение в Сибири в местных легендах реальных персонажей — приказчика Василия Мангазейского, гулящего Симеона Верхотурского, служилого Серебрянникова в Кузнецке — и сохранение их в исторической памяти народов также указывают на глубокие религиозные чувства русских сибиряков. Инициатива служилых людей в открытии первых в Сибири богаделен для ветеранов «сибирского взятия» и одиноких увечных казаков указывает также на истоки зарождения общественной благотворительности в Сибири, тесно связанной с традициями христианского сознания.

Следует также указать на особый характер отношений и взаимодействия служилых людей с центральной и местной воеводской властью. Как точно заметили современные исследователи, «почти все казачьи походы “по приобретению новых

землиц» совершались с согласия государства, но по воле казаков; своеволие воеводского управления регламентировалось даже не столько московским правительством, сколько действиями казачьих и других миров...»¹⁴

Как уже показано на материале Кузнецкого уезда и других территорий, в управлении Сибири XVII столетия реально существовал дуализм власти — государственной (воеводской) и мирской (войсковой), благодаря чему обеспечивались во многом необходимые условия безопасности и жизнедеятельности русского и коренного населения. Служилый мир выступал гарантом защиты прав населения и являлся противовесом воеводскому всевластию и возникавшим нередким злоупотреблениям. В то же время в Сибири, особенно на раннем этапе её освоения, в отличие от колонизируемой Северной Америки и всего западного полушария, сохранялись прочные кровнородственные связи, порождавшие особую привязанность к родине, и привычка к патернализму, извечной вере в доброго и справедливого царя. Такой смешанной системы управления осваиваемыми землями и глубокой приверженности своему бывшему отечеству и правительству среди европейских колонистов в Северной Америке не наблюдалось.

Сохранение в Сибири продолжительное время мирской коллективистско-общинной демократии позволяло избегать крайних форм индивидуализма, нарушений существующего мирского порядка, глубоких социальных потрясений, сопровождаемых большими человеческими жертвами, как это происходило в Центральной России. Описанный Н.Н. Оглоблиным «заговор томской литвы», произошедший в 1634 г., не был поддержан основной массой служилых людей. Намерения служилых «иноземцев» совершить мятеж, перебить воевод и начальных людей, пограбить казну, сжечь город и уйти на Запад, в «Литву», заранее были обречены на поражение. Жестокая расправа с заговорщиками, в ходе которой было повешены 12 активных участников, также не вызвала большого отклика среди горожан¹⁵.

Добавим ещё, что в социальной истории Сибири не было проявлений большого и жестокого насилия во время нередко возникавших восстаний и смут. Русские поселенцы нередко «отказывали» коррумпированному неугодным наместникам, но в ходе их выступлений лишь один воевода и один приказчик

были убиты восставшими казаками и крестьянами на протяжении всего жестокого и бурного «бунташного» века.

Важной особенностью менталитета служилых людей было наличие державного сознания. Военные успехи служилых людей обеспечивали не только более передовая военная тактика, более совершенное огнестрельное оружие и хорошо укрепленные крепости, но и мощные духовные скрепы. Вера в царя и Отечество, вера в бога, представленная в формуле «побеждать с божьей помощью и государевым счастьем», верность своему долгу являлись важными условиями в обеспечении победы над многократно превосходящими силами противника. Особенно наглядно это проявилось в защите русских забайкальских владений от монгольских и маньчжурских завоевателей.

Не всех служилых людей можно считать подлинными землепроходцами, открывателями новых земель. Многие из них шли уже проторёнными путями С. Дежнёва, К. Иванова, В. Пояркова, Е. Хабарова, И. Москвина и других отважных путешественников и мореплавателей. Но это обстоятельство не умаляет роли других представителей служилого мира в «приискании новых землиц», углублении знаний и расширении представлений о новых реках, горных хребтах, морских побережьях, составляющих разнообразный ландшафт Сибири, и поиске полезных ископаемых. Следует отметить, что служебные документы того времени, в силу установленного делового характера, скупко извещают о несомненных открытиях других первопроходцев, о географической значимости которых, по причине имеющегося уровня знаний, они вряд ли догадывались. Историкам и географам ещё предстоит уточнить приоритет служилых и других людей в открытии тех или иных «неведомых землиц», речных и морских коммуникаций, составлении первых маршрутов, «чертежей» и описаний новых земель и народов. Но несомненно то, что многочисленные донесения и отчёты служилых людей о «новых землях» и представленные ими чертежи не пропадали бесследно. Они внимательно изучались в Сибирском приказе и использовались для выработки правительственной стратегии и тактики, являясь также важной основой для создания «чертёжных книг» первого самобытного учёного Сибири С. У. Ремезова.

Характеризуя деятельность первооткрывателей новых земель, В.Г. Мирзоев справедливо писал: «Землепроходцы широко

раздвинули рамки познаний человечества о мире и оставили последующим поколениям не только задачи дальнейшего освоения Сибири, но и массу документального материала о ней, в отдельных случаях не потерявшего своего значения и по настоящее время»¹⁶.

В объяснении мотивов стремительного движения «встречь солнца» возникает резонный вопрос. Чем руководствовались сибирские казаки, отправляясь в рискованные, опасные для жизни походы по бескрайним просторам Северной Азии? Только лишь в целях выполнения воеводских наказов и личного обогащения? На этот вопрос нет однозначного ответа. На него пытался ответить ещё дореволюционный историк П. Н. Буцинский, который писал, что «помимо материальных интересов, ими руководили необыкновенный дух предприимчивости, страсть к рискованным предприятиям, жажда знания — что таится в неведомых местах»¹⁷.

Следует также особо отметить, что благодаря неутомимым поискам служилых и других людей были не только открыты и описаны новые «землицы», но и разведаны первые рудные месторождения и другие природные богатства и недра Сибири, ставшие со временем важнейшим источником и фактором экономического развития Российской империи и современной России.

Подводя лишь некоторые общие итоги, можно утверждать, что служилые люди, в отличие от крестьянства, промышленных, гулящих и иных людей Русского государства, были наиболее активной и организованной вооружённой силой в Сибири, неоднородной в своём сословном и этническом отношении, но обладающей державным и религиозным самосознанием. Их передовой отряд — землепроходцы — являлся по сути пассивной частью формирующегося русского общества Сибири. По справедливой оценке известного сибиреведа Н. И. Никитина, деятельность служилых людей на начальном этапе колонизации Северной Азии следует признать не только важной, но и исключительной¹⁸. Находясь на государственной службе, они за рекордно короткий период прошли территорию от Урала до берегов Тихого океана и путём основания городов и острогов, хозяйственного освоения и обороны Сибири превратили её в составную часть Русского государства, ставшего со временем могущественной евразийской державой.

¹ Измайлов И. Счёты и просчёты имперских политиков // Родина. 1994. № 8. С. 29.

² Тураев В. А. Россия и народы Дальнего Востока: взаимодействие двух миров // Вестник Дальневост. отд-я РАН. 1997. № 1. С. 24–25.

³ Шерстова Л. И. Русские в Сибири XVII века: национальные и культурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.: сборник научных трудов. Новосибирск, 2005. С. 27.

⁴ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество... С. 231–232.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 988 об., 1001 об., 1004 об. и др.

⁶ Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад... С. 31.

⁷ Там же. С. 177.

⁸ Буцинский П. Н. Заселение Сибири... С. 334–335.

⁹ Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг... Ч. 1. С. 193.

¹⁰ Богомолов А. А., Хендлин О., Хендлин Л. Беспокойный народ: участие американцев в восстании 1770–1787 гг. // Общественные науки за рубежом: реф. журн. Сер. 5. 1983. № 5. С. 127.

¹¹ Щеглов И. П. Хронологический перечень... С. 80.

¹² Буцинский П. Н. Указ. соч. С. 334.

¹³ Никитин Д. И., Никитин Н. И. Походы «встречь солнца» // Преподавание истории в школе. 2002. № 4. С. 21.

¹⁴ Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI — начало XX веков: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. С. 164.

¹⁵ Оглоблин Н. Н. Заговор томской «литвы» в 1634 г. Киев, 1894. С. 4–11.

¹⁶ Цит. по: Никитин Н. И. Землепроходец Семён Дежнёв и его время. М., 2018. С. 277.

¹⁷ Цит. по: Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов... С. 29.

¹⁸ Никитин Н. И. Начало казачества Сибири... С. 38.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

А

- Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров / А. Д. Агеев; М-во образования Рос. Федерации, Иркут. гос. ун-т, Иркут. межрегион. ин-т обществ. наук. — Иркутск: [Иркут. госуниверситет], 2002 (Центр оператив. полиграфии БИБММ ИГУ). — 294 с.
- Акишин М. О. Тюменские дети боярские. Купцы Колокольниковы в XVII—XIX веках / М. О. Акишин // Родина. — 2006. — № 7. — С. 32–33.
- Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого / Акишин М. О.; отв. ред. Н. Ф. Демидова. — Новосибирск: Автор, 1996. — 223, [1] с.
- Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата / М. О. Акишин; отв. ред. Н. Ф. Демидова; Новосиб. гос. ун-т. — Москва: Древлехранилище: Новосибирск, 2003. — 406, [2] с.
- Акишин М. О. Династия Сенявиных в истории России XVIII — начала XX в. (историографические заметки) / М. О. Акишин // Санкт Петербург и Северная Европа. — 2020. — № 1–2 (22). — С. 127–140.
- Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687) / А. С. Алмазов. — М.: Изд-во Румянцевского музея, 2012. — 285 с.
- Актовые источники по истории России и Сибири XVI—XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Н. Н. Покровский. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. — 250 с.
- Актовые источники по истории России и Сибири XVI—XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Н. Н. Покровский. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995. — 305 с.
- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. 1598–1613. — СПб.: в Типографии II Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. — 538 с.
- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. 1676–1700. — СПб.: в Типографии Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1842. — 438 с.
- Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край) / В. А. Александров. — М.: Наука, 1964. — 304 с.
- Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 1969. — 238, [2] с.
- Александров В. А. «Войско» — организация сибирских служилых людей XVII века / В. А. Александров // История СССР. — 1988. — № 3. — С. 98–99.
- Александров В. А. Власть и общество. Сибирь в XVII в. / В. А. Александров, Н. Н. Покровский; АН СССР, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Сибирское отд., Ин-т истории, филологии и философии. — Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1991. — 399, [2] с.
- Ананьев Д. А. Участие сибирских служилых людей в установлении и развитии русско-ойратских дипломатических отношений в первой половине XVII в. / Д. А. Ананьев // Гуманитарные науки в Сибири. — 2017. — № 4. — С. 93–97.
- Аполова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. / Н. Г. Аполова; АН СССР, Ин-т

- истории СССР. — М.: Наука, 1976. — 371 с.
- Арзыматов А. И. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII — первой половине XVIII вв. / А. И. Арзыматов. — Фрунзе: Кыргызстан, 1966. — 194 с.
- Артамонов В. Силовое поле Суворова / В. Артамонов // Родина. — 2010. — № 11. — С. 23–24.
- Артамонова И. Н. Штрандман / И. Н. Артамонова // Русский биографический словарь. Т. XXIII. — СПб.: тип. Главного Упр. Уделов, 1911. — Т. 23. — 557 с.
- Артемьев А. Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII в. и типы оборонительных сооружений / А. Р. Артемьев // Отечественная история. — 1998. — № 5. — С. 140–147.
- Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII — XVIII вв. / А. Р. Артемьев; Рос. акад. наук. Дальневост. отд-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока. — Владивосток, 1999. — 335 с.
- Артемьев А. Р. Даурская ссылка протопопа Аввакума / А. Р. Артемьев // Вопросы истории. — 2003. — № 5. — С. 132–144.
- Артемьев А. Р. Воеводы и приказчики Нерчинского и Албазинского уездов во второй половине XVII века (из истории кадровой политики царской администрации в Забайкалье и Приамурье) / А. Р. Артемьев // Отечественная история. — 2006. — № 2. — С. 3–11.

Б

- Барахович П. Н. Службы красноярского атамана Милослава Кольцова / П. Н. Барахович // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология. — 2015. — Т. 14. Вып. 1. — С. 47–57.
- Барахович П. Н. Службы красноярских татар в XVII столетии / П. Н. Барахович // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: история. — 2016. — Т. 17. — С. 6–11.
- Барахович П. Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии: Енисейский и Красноярский уезды: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Барахович Павел Николаевич. — Красноярск, 2016. — 354 с.
- Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия / А. П. Барсуков. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1902. — 626 с.
- Басов В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII веках. (Очерки внешнеполитических отношений) / В. Я. Басов. — Алма-Ата, 1971. — 286 с.
- Бахрушин С. В. Казаки на Амуре / проф. С. В. Бахрушин; [обл. и рис. работы В. И. Белкина]. — Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925. — 97, [3] с.
- Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. Часть первая. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI—XVII вв. / С. В. Бахрушин. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. — 375 с.
- Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. Часть вторая. История народов Сибири в XVI—XVII вв. / С. В. Бахрушин. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. — 300 с.
- Бахрушин С. В. Научные труды. Т. IV: Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI—XVII вв. / С. В. Бахрушин. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. — 258 с.
- Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времён до середины XIX века / М. И. Белов; под ред. Я. Я. Гаккеля и др. — М.: Речной транспорт, 1956. — 591 с. — (История открытия и освоения Северного морского пути / Аркт. науч.-исслед. ин-т. Глав. упр. Сев. мор. пути М-ва мор. флота СССР; Т. 1).
- Белов М. И. Подвиг Семёна Дежнёва / М. И. Белов. — М.: Мысль, 1973. — 204 с.
- Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России / С. А. Белокуров. — М.: Университетская тип., 1901. — 426 с.

Бобровский А. Ю. «Осада» Кузнецка 18–25 сентября 1700 г. / А. Ю. Бобровский // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. — Томск: Издательство Томск. ун-та, 2018. — С. 161–176.

Богомолов А. А., Хендлин О., Хендлин Л. Беспокойный народ: участие американцев в восстании 1770–1787 гг. / А. А. Богомолов, О. Хендлин, Л. Хендлин // Общественные науки за рубежом: реф. журн. — Сер. 5. — М., 1983. — № 5. — С. 127.

Бородаев В. Б. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография / В. Б. Бородаев, А. В. Контев; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. образования «Алтайский гос. пед. ун-т», Лаб. ист. краеведения. — Барнаул: АлтГПУ, 2015. — 415 с.

Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири. XVII — 60-е гг. XIX в. / О. В. Боронин; Алтайский гос. ун-т, каф. востоковедения, Алт. центр востоковед. исслед. — Барнаул: Азбука, 2002. — 217, [2] с.

Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. / З. Я. Бояршинова // Труды Томского гос. ун-та имени В. В. Куйбышева. Т. 112. Серия историко-филологическая. — Томск, 1950. — С. 23–210.

Бродников А. А. Енисейск против Красноярска: Из истории борьбы гарнизонов за ясачные территории в XVII в. / А. А. Бродников // Сибирь в XVII–XVIII веках. Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина. — Новосибирск, 2002. — С. 19–30.

Бродников А. А. «Послать людей добрых с огненным боем» / А. А. Бродников // Родина. — 2003. — № 6. — С. 39–41.

Бродников А. А. Иван Максимович Перфильев: из истории сибирской служилой династии XVII в. / А. А. Бродников // Семён Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX в. — Тобольск, 2005. — С. 151–168.

Бродников А. А. О причинах и последствиях Енисейского бунта 1626 г. / А. А. Бродников // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. — Новосибирск: изд-во СО РАН, 2005. — С. 16–19.

Бродников А. А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века): монография / А. А. Бродников; Новос. гос. ун-т. — Новосибирск, 2019. — 382 с.

Бутанаев В. Я., Абдыкалыков Л. Е. Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII в. / В. Я. Бутанаев, Л. Е. Абдыкалыков. — Абакан: Хакассский гос. ун-т, 1995. — 250 с.

Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт её первых насельников / П. Н. Буцинский. — Харьков: Типография Губернского правления, 1889. — 345 с.

Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. / Г. Ф. Быконя. — Новосибирск: Наука: Сиб. отд-е, 1981. — 248 с.

В Васьков Д. А. Отписка тобольских воевод о русских посольствах к сибирскому царевичу Девлет-Гирею в 1645–1646 годах / Д. А. Васьков // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: история, филология. — 2015. — Т. 14. Вып. 1: история. — С. 159.

Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в.: [сб. документов. В 2-х вып.] / сост. Е. Н. Ошанина. — Вып. 1. — М.: АН Ин-т истории СССР, 1982. — 297 с.

Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век) / Е. В. Вершинин; Муницип. учеб.-метод. центр «Развивающее обучение». — Екатеринбург: Муницип. учеб.-метод. центр «Развивающее обучение», 1998. — 203 с.

Вершинин Е. В. Землепроходец Пётр Иванович Бекетов / Е. В. Вершинин // Отечественная история. — 2003. — № 5. — С. 35–49.

Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. / Е. В. Вершинин; [Демидовский

институт, Научно-производственное объединение «Северная археология — 1»]. — Екатеринбург: Демидовский ин-т, 2018. — 503 с.

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв.: [Справочник] / С. Б. Веселовский; АН СССР, Отд-ние истории, Архив АН СССР. — М.: Наука, 1975. — 607 с.

Волкова К. Е. Восстание татар Тарского уезда 1628–1631 гг. / К. Е. Волкова // Экономика, управление и культура Сибири. XVI–XIX вв. — Новосибирск, 1963. — С. 157–170.

Г Газенвинкель К. Б. Государево жалование послужникам сибирским. К истории Сибири XVII века / К. Б. Газенвинкель. — Тобольск: Типография Губернского правления, 1892. — 22 с.

Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / В. Геннин; авт. вступ. ст. и комм., сост. М. О. Акишин. — Екатеринбург: ТОО «ГриК», 1995. — 476 с.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого мудрого преобразователя России в 15 томах. Т. 7 / И. И. Голиков; под ред. Н. А. Полевого. — Изд. 2. — М.: Типография Н. Степанова, 1837. — 538 с.

Головачев П. М. Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII в. / П. М. Головачев // Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города с введением и заключительной статьёй прив.-доц. П. М. Головачёва. — М.: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1903. — С. 143–166.

Гольденберг Л. А. Семён Ульянович Ремезов — сибирский географ и картограф. 1642 — после 1720 гг. / Л. А. Гольденберг. — М.: Наука, 1965. — 264 с.

Город у Красного яра: Документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII вв. / сост. и авт. комм. Г. Ф. Быконя, Л. П. Шорохов. — Красноярск: Кн. изд-во, 1981. — 280 с.

Громыко М. М. К характеристике сибирского дворянства XVIII в. / М. М. Громыко // Русское население Поморья и Сибири

(Период феодализма): сб. ст. — М.: Наука, 1973. — С. 448.

Громыко М. М. Социально-экономические аспекты изучения генеалогии непривилегированных сословий феодальной Сибири / М. М. Громыко // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. — М.: Наука, 1977. — С. 197–236.

Д Дамешек Л. М. Иркутск в панораме веков: Очерки истории города / Л. М. Дамешек, С. М. Алексеев, В. В. Барышников, П. П. Боханов и др.; отв. ред. Л. М. Дамешек. — Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2002. — 512 с.

Дацышен В. Г. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / В. Г. Дацышен, В. П. Зиновьев, Ю. А. Лысенко, С. А. Некрылов, В. А. Скубневский, А. В. Старцев и др. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2019. — 340 с.

Демидова Н. Ф. Первые русские дипломаты в Китае: («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова) / Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников; [предисл. Л. И. Думана]; АН СССР. Ин-т народов Азии. Центр. гос. архив древних актов. — М.: Наука, 1966. — 159 с.

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): биографический справочник / Н. Ф. Демидова; Федеральное архивное агентство, Российский гос. архив древних актов. — М.: Памятники исторической мысли, 2011. — 717, [2] с.

Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века: монография / А. В. Дмитриев; Федеральное агентство по образованию, Новосибирский гос. ун-т, Специализированный учебно-научный центр НГУ. — Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2008. — 236 с.

Добжанский В. Н. Первый кузнецкий священник И. Иванов / В. Н. Добжанский // Кузнецкая старина. Вып. 5. — Новокузнецк, 2003. — С. 13–15.

Добжанский В.Н. Походы П. Сабанского на Телецкое озеро и Ф. Пушина на реку Бия: время, причины, последствия / В.Н. Добжанский // Вестник Кемеровского гос. ун-та. — 2017. — № 1. — С. 29–36.

Добжанский В.Н. Кузнецкий острог и его население в XVII в. (по челобитным служилых людей) / В.Н. Добжанский // Из Кузнецкой старины. Вып. 7. — Новокузнецк, 2017. — С. 140–145.

Добжанский В.Н. Новые документы о приходе киргизов под Кузнецкий острог осенью 1633 г. / В.Н. Добжанский // Из кузнецкой старины. Вып. 7. — Новокузнецк, 2017. — С. 157.

Добжанский В.Н. Кузнецкие воеводы в XVII — начале XVIII в. / В.Н. Добжанский // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. — Томск, Новокузнецк: Изд-во Томск. ун-та, 2018. — С. 101–143.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого Т. 4. Кн. 2 / под ред. Н.О. Дубровина. — СПб., 1891. — С. 976.

Долгоруков П.В. Российская родословная книга, изданная князем П.В. Долгоруковым. Ч. 1. — СПб.: Тип. III отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1854. — 351 с.

Долгоруков П.В. Российская родословная книга, изданная князем П.В. Долгоруковым. Ч. 2. СПб.: Тип. III отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1855. — 328 с.

Долгоруков П.В. Российская родословная книга, изданная князем П.В. Долгоруковым. Ч. 3. — СПб.: Тип. III отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1856. — 524 с.

Долгоруков П.В. Российская родословная книга, изданная князем П.В. Долгоруковым. Ч. 4. — СПб.: Тип. III отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1857. — 482 с.

Дополнения к «Актам историческим», собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 2. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. — 308 с.

Дополнения к «Актам историческим», собранным и изданным Археографической

комиссией. Т. 3. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. — 572 с.

Дополнения к «Актам историческим», собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 4. [1654–1664] / [под ред. М. Коркунова]. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. — 416 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 5. [1665–1669]. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1853. — 440 с.

Дополнения к «Актам историческим», собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 6. [1670–1675]. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857. — 402 с.

Дополнения к «Актам историческим», собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 7. (1676–1681) / [под ред. Н. Калачова]. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. — 374 с.

Дополнения к «Актам историческим», собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 8. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. — 372 с.

Дополнения к «Актам историческим», собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 10. [1682–1685] / [под ред. А. Тимофеева]. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1867. — 474 с.

3

Замятин Г.А. «Псковское сиденье» (Героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г.) / Г.А. Замятин // Академия наук СССР. Исторические записки. Т. 40. — М., 1952. — С. 186–213.

Зольникова Н.Д. «Нарымское дело» 1642–1647 гг. / Н.Д. Зольникова // Древнерусская рукописная книга и её бытование в Сибири. — Новосибирск: Наука, 1982. — С. 211–234.

Зуев А.С. Забытый герой: штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона / А.С. Зуев // Немецкий этнос в Сибири: альманах гуманитарных исследований. —

Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000. — Вып. 2. — С. 173–182.

Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. / А.С. Зуев. — Новосибирск, 2002 (РИЦ НГУ). — 330 с.

Е

Евсеев Е.Н. Воевода Тухачевский / Е.Н. Евсеев // Омская старина: историко-краеведческий альманах. — Омск, 1995. — Вып. 3. — С. 17–28.

Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности) / Н.Ф. Емельянов. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980. — 244 с.

Емельянов Н.Ф. Томские служилые люди. «Литва» в XVII — первой четверти XVIII в. / Н.Ф. Емельянов // Проблемы исторической демографии СССР. Вып. 2. — Томск: Изд-во Томского университета, 1982. — С. 34–42.

И

Иванов В.Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII века / В.Ф. Иванов; отв. ред. Ф.Г. Сафронов. — Новокузнецк: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. — 240 с.

Измайлов И. Счёты и просчёты имперских политиков / И. Измайлов // Родина. — 1994. — № 8. — С. 28–32.

История Алтая в документах и материалах, конец XVII — нач. XX в.: [Сборник] / Арх. отд. Алт. крайисполкома, Гос. арх. Алт. края; [сост. Ю.С. Булыгин и др.]. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1991. — 351,[1] с.

Исторические акты XVII столетия (1633–1699). Материалы для истории Сибири. Вып. 1 / собрал и издал Кузнецов-Красноярский И.П. — Томск: Типо-Литография Михайлова и Макушина, 1890. — 122 с.

К

Каменецкий И.П. Волнения служилых людей в Кузнецком остроге в 20-е годы XVII в. / И.П. Каменецкий // Сибирские

города XVII — начала XX в. — Новосибирск: Наука, Сибир. отд-е, 1981. — С. 119–128.

Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII — начале XVIII вв.: (опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири) / Каменецкий Иван Павлович; Федеральное агентство по образованию, Российский торгово-экономический ун-т, Омский фил., Каф. гуманитарные дисциплины. — Омск: [Омский ин-т РГТЭУ], 2005. — 338 с.

Каменецкий И.П. Ямыш-озеро как зона хозяйственного и политического взаимодействия народов в XVII в. / И.П. Каменецкий // Гуманитарные науки в Сибири. — Новосибирск, 2010. — № 2. — С. 32–36.

Каменецкий И.П. Розыскное дело воеводы Б. Синявина: к вопросу о взаимоотношении сибирской администрации и коренных народов в Южной Сибири в эпоху Петра I / И.П. Каменецкий // Гуманитарные науки в Сибири. — 2009. № 2. — С. 7–10.

Каменецкий И.П. Секретная миссия купца А. Верхотурова: к вопросу об организации русской разведки в Джунгарии в середине XVIII в. / И.П. Каменецкий // Гуманитарные науки в Сибири. — 2013. — № 2. — С. 24–28.

Каменецкий И.П. Джунгарский пленник И. Сорокин / И.П. Каменецкий // Из кузнецкой старины. — 2013. — Вып. 3. — С. 66–70.

Каменецкий И.П. Торговля ясырём в Сибири в XVII в.: правовое регулирование, состав и использование труда невольников / И.П. Каменецкий // Азиатская Россия: проблемы социально экономического, демографического и культурного развития (XVII–XVIII вв.): материалы междунар. науч. конф. — Новосибирск: Параллель, 2017. — С. 393–398.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Т. XII / Н.М. Карамзин. — М.: Книга, 1989. — 199 с.

Карпенко З. Г. Присоединение Кузнецкой земли и её освоение / З. Г. Карпенко // История Кузбасса с древнейших времён до великой Октябрьской социалистической революции. — Кемерово, 1967. — С. 38–47.

Катанаев Г. Е. Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии: По арх. и печ. материалам сост. Г. Е. Катанаев. Вып. 1. — СПб.: В. Березовский, 1908. — 122 с.

Кауфман А. О. Артиллерия Кузнецка XVII–XVIII вв. / А. О. Кауфман // Кузнецкая старина. — Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. — Вып. 5. — С. 5–11.

Кирилов И. Г. Цветущее состояние Всероссийского государства / И. Г. Кирилов; [предисловия Л. А. Гольденберга и др.; коммент. Л. А. Гольденберга, С. М. Троицкого]; АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т истории СССР. — М.: Наука, 1977. — 443 с.

Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сборник документов / под общ. ред. Я. П. Алнора, Б. Д. Грекова; вступ. статья И. М. Троицкого. — Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936 (тип. «Коминтерн»). — 281 с.

Копылов А. Н. Затянувшийся вопрос. (О дате основания Иркутска) / А. Н. Копылов // История СССР. — 1960. — № 5. — С. 143–146.

Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в.: Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда / А. Н. Копылов; Акад. наук СССР. Сиб. отд-ние. — Новосибирск: [б. и.], 1965. — 295 с.

Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири / В. И. Кочедамов. — М.: Стройиздат, 1978. — 190 с.

Крижанич Ю. Политика / Ю. Крижанич. — М.: Наука, 1965. — 736 с.

Крих А. А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века) / А. А. Крих. — Омск: Изд-во Омск. гос ун-та, 2012. — 310 с.

Курлаев Е. А. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: у истоков российской промышленной политики / Е. А. Курлаев, И. Л. Манькова. — М.: Древохранилище, 2005. — 324 с.

Кызласов Л. Р., Копкоев К. Г. Хакассия в XVII–XVIII вв. / Л. Р. Кызласов, К. Г. Копкоев // История Хакассии с древнейших времён до 1917 г. — М., 1993. — С. 51–82.

Л

Ламин В. А., Сташкевич Н. С. Предисловие. Проблемы изучения белорусской диаспоры в Сибири / В. А. Ламин, Н. С. Сташкевич // Белорусы в Сибири. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. — С. 3–9.

Леонтьева Г. А. Волнения служилых людей в Восточной Сибири в 80-х годах XVII в. / Г. А. Леонтьева // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). — М.: Наука, 1973. — С. 94–105.

Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров: Кн. для учащихся ст. классов / Г. А. Леонтьева. — М.: Просвещение, 1991. — 143, [1] с.

Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки / Г. А. Леонтьева; [предисл. В. А. Липинской]; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М.: Информ.-внедренч. центр «Маркетинг», 1997. — 189, [1] с.

Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв.: (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов) / Г. А. Леонтьева; М-во образования и науки Российской Федерации, Московский пед. гос. ун-т. — М.: МПГУ, 2012. — 320 с.

Лещенко Р. Ф. Белорусы-переселенцы в Сибири (конец XVI–XVII вв.) / Р. Ф. Лещенко // Белорусы в Сибири. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. — С. 10–21.

Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга: в 2 т. Т. 2 / кн. А. Б. Лоба-

нов-Ростовский. — Изд. 2 [испр. и значит. доп.]. — СПб.: А. С. Суворин, 1895. — С. 210–211.

Люцидарская А. А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки / А. А. Люцидарская. — Новосибирск: Наука, 1992. — 200 с.

Люцидарская А. А. Несостоявшаяся авантюра. Из истории переселения «иноземцев» в Сибирь в XVII веке / А. А. Люцидарская // Гуманитарные науки в Сибири. — 2007. — № 3. — С. 82–83.

Люцидарская А. А. Белорусы Сибири XVII в. / А. А. Люцидарская // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011.

М

Мамсик Т. С. Кулундинский миллионер Сорокин и его чимеевская родня / Т. С. Мамсик // Зауралье в панораме веков: межвузов. сб. науч. тр. — Курган, 2000. — С. 128–154.

Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. / А. Г. Маньков. — СПб.: Наука, 2002. — 216 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. Т. I. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — 630 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. Т. II. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. — 796 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. III. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. — 598 с.

Миллюков А. Н. Посольство московского дворянина Якова Тухачевского в Монголию в 1634 году / А. Н. Миллюков // Молодой учёный. — 2011. — № 9. — С. 167–170.

Моисеев В. А. В джунгарском плену / В. А. Моисеев // Вопросы истории. — 1977. — № 6. — С. 209–212.

Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерк внешнеполитических отношений) / В. А. Моисеев. — Барнаул, Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. — 174 с.

Мосин А. Г. Уральские фамилии: Материалы для словаря. Т. 1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года) / А. Г. Мосин; Рос. акад. наук. Ур. отд-ние. Центр. науч. б-ка. — Екатеринбург: Екатеринбург, 2000. — 496 с.

Московская деловая и бытовая письменность XVII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Изд. подготовили С. И. Котков [и др.]. — М.: Наука, 1968. — 338 с.

Мусихин А. Л. Борис Иванович Доможиров: штрихи биографии / А. Л. Мусихин // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья: материалы V науч.-практ. конф., посвящ. памяти А. В. Ваганова. — Тара, 2010. — Т. II. — С. 118–123.

Н

Недбай Ю. Г. Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого: монография / Ю. Г. Недбай. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. — 272 с.

Никитин Д. Н., Никитин Н. И. Походы «встречь солнца» / Д. И. Никитин, Н. И. Никитин // Преподавание истории в школе. — 2002. — № 4. — С. 18–25.

Никитин Д. Н., Никитин Н. И. Покорение Сибири. Войны и походы конца XVI — начала XVII в. / Д. Н. Никитин, Н. И. Никитин. — М.: Фонд «Русские витязи», 2016. — 124 с.

Никитин Н. И. Военные факторы колонизации Сибири XVII века как объект специального изучения / Н. И. Никитин // Российская история. — 2014. — № 3. — С. 72–90.

Никитин Н. И. Государственное обеспечение гарнизона Тобольска до середины XVII в. / Н. И. Никитин // История городов Сибири досоветского периода

(XVII — начало XX в.). — Новосибирск: Наука, 1977. — С. 130–152.

Никитин Н. И. Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда в XVII в. / Н. И. Никитин // Общественно-политическое развитие феодальной России. — М.: Наука, 1985. — С. 51–70.

Никитин Н. И. Землепроходец Семён Дежнёв и его время. Начало казачества Сибири / Н. И. Никитин. — М.: Академический проект, 2018. — 279 с.

Никитин Н. И. Начало казачества Сибири / Н. И. Никитин; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. — М.: Изд. центр Института российской истории РАН, 1996. — 94 с.

Никитин Н. И. О характере расселения и землепользования служилых людей в Сибири в XVII в. / Н. И. Никитин // Аграрный строй феодальной России. XV — начало XVIII в. — М.: Наука, 1986. — С. 34–42.

Никитин Н. И. Освоение Сибири в XVII веке / Н. И. Никитин. — М.: Просвещение, 1990. — 144 с.

Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми / Н. И. Никитин. — М.: Наука, 1987.

Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века / Н. И. Никитин; отв. ред. О. Н. Вилков, А. А. Преображенский; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. — Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1988. — 254, [1] с.

Никитин Н. И. Тобольская литва в XVII веке / Н. И. Никитин // Город и горожане России в XVII — первой половине XIX в. — М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1991. — С. 47–73.

О

Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов / авт.-сост. Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов; науч. ред. О. В. Кардаш. — Екатеринбург: Тезис, 2004. — 200 с.

Оглоблин Н. Н. Служба в Сибири Демьяна Многогрешного / Н. Н. Оглоблин // Чте-

ния в Историческом обществе Нестора Летописца. Т. VI. — Киев, 1892. — С. 149–170.

Оглоблин Н. Н. Бытовые черты XVII в. / Н. Н. Оглоблин // Русская старина. — 1892. — Кн. 3. — С. 675–682.

Оглоблин Н. Н. Заговор томской «литвы» в 1634 г. / Н. Оглоблин. — Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1894. — 11 с.

Оглоблин Н. Н. Якутский розыск о розни детей боярских и казаков. (Очерк из жизни XVII века) / Н. Н. Оглоблин // Русская старина. — СПб., 1897. — Т. 91. № 8. — С. 375–392.

Оглоблин Н. Н. Томский бунт 1637–1638 гг. / Н. Н. Оглоблин // Исторический вестник. — 1901. — Т. 75. — С. 229–250.

Оглоблин Н. Н. К истории Томского бунта в 1648 г. / Н. Н. Оглоблин. Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. — М.: Университетская типография, 1903. — 30 с.

Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов Сибирского приказа. (1592–1768 гг.). Часть первая. Документы воеводского управления / Н. Н. Оглоблин. — М.: Университетская типография, 1895. — 421 с.

Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Часть вторая. Документы таможенного управления / Н. Н. Оглоблин. — М.: Университетская типография, 1897. — 162 с.

Оглоблин Н. Н. Обзорение книг и столбцов сибирского приказа. (1592–1768 гг.). Часть третья. Документы по сношениям местного управления с центральным / Н. Н. Оглоблин. — М.: Университетская типография, 1900. — 394 с.

Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768) Часть четвёртая. Документы центрального управления / Н. Н. Оглоблин. — М.: Университетская типография, 1901. — 288 с.

Огурцов А. Ю. Иртышская пограничная линия / А. Ю. Огурцов // Кузнецкая ста-

рина. Вып. 3. — Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1889. — С. 19–35.

Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монгол (XVII–XVIII вв.) / А. П. Окладников. — Л.: Союзгиз, 1937. — 428 с.

Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVIII вв. / Т. А. Опарина. — М.: Прогрестрадиция, 2007. — 384 с.

Опарина Т. А. Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: пути и судьбы / Т. А. Опарина // Quaestio Rossica. — 2017. — Т. 5. № 1. — С. 171–196.

Опарина Т. А. Алхимик, янычар и «родич византийских царей»: Палеологи в России конца XVI — первой половины XVII в. / Т. А. Опарина // Петербургские балканские и славянские исследования. — 2016. — № 1 (19). — С. 131–158.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: сборник документов / сост. Н. С. Орловой; под ред. [и со вступит. статьёй] чл.-кор. АН СССР А. В. Ефимова; Центр. гос. архив древних актов СССР. — М.: Географгиз, 1951. — 620 с.

П

Павлов П. Н. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40–70-е гг. XVII в. / П. Н. Павлов // Экономика, управление и культура Сибири в XVII–XIX вв. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1974. — С. 17–39.

Павлов П. Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в.: учебное пособие / П. Н. Павлов. — Красноярск: Изд-во Красноярского пед. ин-та, 1974. — 296 с.

Памятники сибирской истории XVIII века. Книга первая. 1700–1713 / [ред. А. И. Тимофеев]. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1882. — 600 с.

Памятники сибирской истории XVIII века. Книга вторая. 1714–1730 / [ред. А. И. Тимофеев]. — СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. — 541 с.

Первое столетие освоения Сибири русскими: Новые док.: Собр. сиб. грамот XVII — начала XVIII веков в фондах Науч. б-ки Том. гос. ун-та: [Сборник] / Том. гос. ун-т. Науч. б-ка [и др.]; [сост.: В. А. Есинов, Г. Н. Старикова]. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. — 140 с.

Покровский Н. Н. Неизвестный документ о волнении усть-нищынских крестьян в XVII в. / Н. Н. Покровский // Сибирское источниковедение и археография. — Новосибирск: Наука, 1980. — С. 178–184.

Покровский Н. Н. Томск, 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры: воеводская власть и земские миры / Н. Н. Покровский; отв. ред. В. А. Александров; АН СССР, Сибирское отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. — Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1989. — 385, [2] с.

Полевой Б. П. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья. (1640–1645 гг.) / Б. П. Полевой // Известия ВГО. — Л., 1960. — № 1. — С. 37–42.

Полевой Б. П. Первый русский поход на Тихий океан в 1639–1641 гг. в свете этнографических данных / Б. П. Полевой // Советская этнография. — 1991. — № 3. — С. 58.

Полунина Н. М. Живая старина Приангарья / Н. М. Полунина. — М.: Искусство, 1990. — 176 с.

Поярков Б. В. Поярковы: пять поколений исследователей на просторах Евразии / Б. В. Поярков. — М.: Наука, 2006. — 310 с.

Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века / А. А. Преображенский. — М.: Наука, 1972. — 392 с.

Преображенский А. А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России / А. А. Преображенский // Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М. В. Нечкиной. — М.: Наука, 1976. — С. 376–384.

Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в.: [Сборник] / авт. вступ. ст. и коммент., сост. М.О. Акишин. — Новосибирск: Изд-во СО РАН: Фил. «ГЕО», 2000. — 391, [8] с.

Прибыткова А.М. Кузнецкая крепость / А.М. Прибыткова // История СССР. — 1975. — № 1. — С. 231–241.

Пузанов В.Г. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI — начало XVIII в. / В.Г. Пузанов. — СПб.: Алетейя, 2010. — 432 с.

Пузанов В.Г. Род Толбузиных — воевод Забайкалья в XVII веке / В.Г. Пузанов // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф.: [в 3 ч.]. — Чита, 2017. — Ч. 2. — С. 31–35.

Р

Разрядная книга 1550–1636 гг. / отв. ред. В.И. Буганов; АН СССР, Институт истории СССР; сост. Л.Ф. Кузьмина. — М.: [б. и.], 1975. — 430 с.

Резун Д.Я. Русские в среднем Причудымье в XVII–XIX вв.: (проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири) / Д.Я. Резун; отв. ред. канд. ист. наук О.Н. Вилков; АН СССР, Сибирское отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. — Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 1984. — 196 с.

Резун Д.Я. Летопись сибирских городов / Д.Я. Резун, Р.С. Васильевский. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. — 304 с.

Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биограф. и родословных / Д.Я. Резун; отв. ред. Р.С. Васильевский. — Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1993. — 246, [3] с.

Резун Д.Я. «Литва» Кузнецкого уезда XVII в. / Д.Я. Резун // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. — Екатеринбург, 1993. — С. 37–45.

Резун Д.Я. О «Литве» в Сибири XVII в. / Д.Я. Резун, И.Р. Соколовский // Бело-

русы в Сибири. — Новосибирск, 2000. — С. 22–64.

Резун Д.Я. Новое об ермаковских казаках / Д.Я. Резун // Актуальные вопросы истории и Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: материалы конф. / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, В.А. Скубневского. — Барнаул, 2000. — С. 6–10.

Резун Д.Я. К изучению менталитета сибирских землепроходцев XVII в. / Д.Я. Резун // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.: сб. науч. тр. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. — С. 101–111.

Резун Д.Я. Сибирь, конец XVI — начало XX веков: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д.Я. Резун, М.В. Шиловский; Сибирское отд-ние Российской акад. наук, Объед. ин-т истории, филологии и философии, Ин-т истории. — Новосибирск: Сова, 2005. — 193 с.

Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки рус. сиб. литературы) / Е.К. Ромодановская; отв. ред. канд. филол. наук Л.А. Дмитриев; АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. — 172 с.

Ромодановская Е.К. Опись имущества сибирского архиепископа Макария (1636 г.) / Е.К. Ромодановская // Источники по истории Сибири досоветского периода: сб. науч. тр. — Новосибирск, 1988. — С. 5–13.

Ромодановская Е.К. К биографии Черкаса Александрова / Е.К. Ромодановская // Сургут, Сибирь, Россия: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута. — Екатеринбург, 1995. — С. 116–122.

Руммель В.Р. Кафтыревы / В.Р. Руммель // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона в 86 томах. — СПб., 1895. — Т. XIV А. Карданахи — Керо. — С. 802.

Русская историческая библиотека, издава-

емая Археографической комиссией. Т. 2. — СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1875. — 656 с.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 8. — СПб.: Тип. Ф.Г. Елковского и К°, 1884. — 700 с.

Русский биографический словарь. Бетанкур — Бяктер. Т. 3. / изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. — СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1908. — 756 с.

Русский биографический словарь. Шебанов — Шютц / изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. — СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1911. — 557 с.

Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы (1608–1683). Т. 1 / [сост. и обраб. текста Н.Ф. Демидовой и В.С. Мясникова]; [коммент. и ист. введ., с. 5–28, В.С. Мясникова]; [археогр. введ. Н.Ф. Демидовой]; [АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. Ин-т востоковедения. Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР. Центр. гос. архив древ. актов]. — М.: Наука, 1969. — 613 с.

Русско-монгольские отношения. 1607–1636: Сборник документов / сост.: Л.М. Гатаулина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. — М.: Изд-во вост. лит., 1959. — 352 с.

Русско-монгольские отношения. 1636–1653: Сборник документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. — М.: [Наука], 1974. — 469 с.

Русско-монгольские отношения. 1654–1685: Сб. док. / [Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения]; сост. Г.И. Слесарчук; отв. ред. Н.Ф. Демидова. — М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1996. — 559, [1] с.

Русско-монгольские отношения. 1685–1691: Сборник документов / сост. Г.И. Слесарчук. — М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 2000. — 488 с.

С

Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России / Г.П. Сама-

ев. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. кн. изд-во, 1991. — 256 с.

Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1 / сост.: Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. — 494 с.

Сборник князя Хилкова. (Документы по истории России XVI–XVII вв.) / [кн. Григорий Хилков]. — СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1879. — 580 с.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 62. — СПб.: Изд-во тип. А. Траншел, 1888. — 829 с.

Семёнов О.В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV — первой половине XVII в. / О.В. Семёнов. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. — 292 с.

Сенявин, Ларион Акимович // Википедия: свободная энциклопедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сенявин_Ларион_Акимович (дата обращения: 04.10.2021).

Сергеев В.И. Железодобывающее производство в Томске и Кузнецке в первой трети XVII в. / В.И. Сергеев // Русское население Поморья и Сибири. — М.: Наука, 1973. — С. 125–130.

Сибирские летописи. — СПб.: Импер. Археографическая комиссия, 1907. — 464 с.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. — 312 с.

Скрицкий Н.В. Адмирал Сенявин / Н.В. Скрицкий. — М.: Вече, 2013. — 336 с.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди / П.А. Словцов; вступ. ст., сост., подгот. текста В.А. Крешица. — Новосибирск: Вен-Мер, 1995. — 676 с.

Скалон В.Н. Русские землепроходцы XVII века в Сибири / В.Н. Скалон. — Новосибирск: Сова, 2004. — 284 с.

Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака / Р.Г. Скрынников. — Новосибирск: Наука, 1982. — 254 с.

Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников / Р.Г. Скрынников. — Л.: Наука, 1988. — 256 с.

Служилые люди Сибири конца XVI—XVIII веков: биобиблиографический словарь / отв. ред. И.П. Каменецкий; сост.: И.П. Каменецкий, Д.А. Ананьев, Е.В. Комлева, Е.Н. Туманик. — М.; СПб.; Нестор-История, 2020. — 992 с.

Соколовский И.Р. Приказчик Умревинского острога Алексей Круглик и его отец (биографии двух «чиновников» XVII — начала XVIII века) / И.Р. Соколовский // Проблемы местного самоуправления Сибири XVIII—XX веков. — Новосибирск: Наука, 1996. — С. 8–9.

Соколовский И.Р. О «литве» в Сибири XVII в. / И.Р. Соколовский // Белорусы в Сибири. — Новосибирск, 2000. — С. 22–64.

Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск) / И.Р. Соколовский; отв. ред. Д.Я. Резун. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. — 212 с.

Соколовский И.Р. На двух пограничьях. К портрету воеводы Якова Тухачевского / И.Р. Соколовский // Проблемы истории государственного управления Сибири XVI—XXI вв.: материалы VI Всеросс. науч. конф. — Новосибирск: НГУЗУ, 2006. — С. 8–12.

Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IV. Т. 7–8 История России с древнейших времён / С.М. Соловьёв; отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. — М.: Мысль, 1989. — 752 с.

Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. История России с древнейших времён / С.М. Соловьёв; отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. — М.: Мысль, 1990. — 718 с.

Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения / Я.Г. Солодкин. — Нижневартовск: Изд-во Нижневартов. гуманитар. ун-та, 2010. — 170 с.

Солодкин Я.Г. Институт временного воеводства в Сибири XVII в. / Я.Г. Солодкин // Вопросы истории. — 2019. — № 12 (1). — С. 195–203.

Сорокин М.Е. Кузнецк и Кузнецкий уезд в XVII в. / М.Е. Сорокин // Новокузнецк в прошлом и настоящем: материалы науч. конф., посвящ. 350-летию Новокузнецка. — Новокузнецк, 1971. — С. 28–35.

Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории / А.Л. Станиславский. — М.: Мысль, 1990. — 270 с.

Старкова В.Е. Формирование системы охраны Верхнего Приобья в XVIII—XX вв. / В.Е. Старкова // История Алтайского края XVIII—XX вв. Науч. и докум. материалы. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. — С. 71–83.

Т

Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 2. Туринск, Кузнецк и Томск / авт.-сост.: З.В. Башкатова, И.Р. Соколовский, И.П. Каменецкий, Е.А. Есипова; гл. ред. Д.Я. Резун. — Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1999. — 124 с.

Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 5. Тобольск, Кетск / авт.-сост.: Д.В. Раев, И.Г. Соколовский; гл. ред. Д.Я. Резун. — Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2003. — 216 с.

Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / [опубликовал Н.А. Найденов]. — М.: Тип. М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и К°), 1885. — 144 с.

Тобольский архиерейский дом в XVII в.: [переписные книги] / изд. подг. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. — 291 с.

Томск в XVII в: документы и материалы. Приходные и расходные книги Томского города 30-х годов XVII в. / сост. В.А. Осипова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. — 184 с.

Томск в XVII веке: материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив.-доц. П.М. Головачёва и картой окрестностей Томска конца XVII в. —

СПб.: В.А. Горохов: Русская скоропечатня, 1912. — 169 с.

Тураев В.А. Россия и народы Дальнего Востока: взаимодействие двух миров / В.А. Тураев // Вестник Дальневост. отд-я РАН. — 1997. — № 1. — С. 24–25.

Тыжнов И.И. Очерки по истории Средней Сибири. XVII—XVIII столетий / И.И. Тыжнов; Национальный исследовательский Том. гос. ун-т; Том. обл. гос. архив. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. — 132 с.

Тюменский уезд в XVII—XVIII вв. (Обзор фонда-комплекса Тюменской приказной избы и воеводской канцелярии) / под ред. Д.И. Копылова; сост.: И.И. Каплун, Л.И. Копылов, Т.Д. Рожкова. — Тюмень, 1969. — 158 с.

Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьёй прив.-доц. П.М. Головачёва. — М.: А.И. Чукмалдина, 1903. — 166 с.

У

Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям. 1613–1626 гг. / отв. ред. И.В. Пугач. — М.: Круг, 2012. — 608 с.

Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII—XVIII веках / А.П. Уманский. — Новосибирск: Наука, 1980. — 296 с.

Уманский А.П. Причумышь в русских документах XVII столетия / А.П. Уманский // Нижнее Причумышь: очерки истории и культуры: материалы краевой науч.-практ. и метод. конф. — Тальменка, 1997. — С. 46–52.

Уманский А.П. Кузнецк и алтайские остроги / А.П. Уманский // Кузнецкая старина. Вып. 3. — Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1999. — С. 3–18.

Уманский А.П. Кузнецк и алтайские остроги / А.П. Уманский // Новокузнецк: муниципальный сайт города. — URL: <http://admnkz.ru/document.do?id=92883> (дата обращения 21.02.2013).

Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII—XX вв. / отв. ред. М.В. Шиловский. — Новосибирск, 2009. — 403 с.

Ф

Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие Отечество: энциклопедия дворянских родов / В.И. Федорченко. — Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 464 с.

Усков И.Ю. О времени поставления Верхотомского острога / И.Ю. Усков // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX века: сборник материалов регион. науч. конф. — Новосибирск: РИПЭЛ, 2007. — С. 227–231.

Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием / Сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санктпетербургской академии наук и профессором древностей и истории, так же членом Исторического Геттингского собрания Иоганном Ебергардом Фишером. — Санктпетербург: При Имп. Акад. наук, 1774. — [2], 631 с.

Ч

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 году. — СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1882. — 24 л. карт.

Христосенко Г.А. К истории заселения Нерчинского острога / Г.А. Христосенко // История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.). — Новосибирск: Наука, 1977. — С. 153–174.

Чернавская В.Н. «Восточный фронт» России XVII — начала XVIII века: Ист.-историогр. очерки / В.Н. Чернавская; Рос акад. наук. Дальневост. отд-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока. — Владивосток: Дальнаука, 2003 (Тип. ГУП Изд-во Дальнаука ДВО РАН). — 175 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Чивтаев Ю.И. Усть-Кутский сользавод: (Очерки из истории XVII–XX вв.) / Ю.И. Чивтаев. — Иркутск: тип. «На Чехова», 2021. — 336 с.

Чистякова Е.В. Томское восстание 1648 г. / Е.В. Чистякова // Русское население Поморья и Сибири (эпоха феодализма). — М., 1973. — С. 72–93.

Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1905 год. Кн. 4. — М.: Тип. Синодальная, 1905. — С. 40–43.

Чтения общества истории древностей российских при Московском университете. Кн. 2 (229). — М.: Университ. тип., 1908. — 410 с.

Чулошников П. Казахский союз и Московское государство в конце XVII в. / П. Чулошников // Известия АН СССР. Серия общественных наук. — 1936. — № 3. — С. 515–530.

Ш

Шашков А.Т. Воеводское управление на Урале в XVII в. (Верхогурский «розыск» о служивых людях 1678–1679 гг. и судьба Я.Б. Лепёхина) / А.Т. Шашков // Уральский исторический вестник. — 1996. — № 3. — С. 51–60.

Шашков А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания / А.Т. Шашков // Проблемы истории России. [Вып. 1]: От традиционного к индустриальному обществу. — Екатеринбург: Волот, 1996. — С. 116–161.

Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века: (Ист.-геогр. очерк) / О.А. Шватченко; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. — М.: Изд. центр ИРИ, 1996. — 286 с.

Шемелев В.Н. История Кузбасса с древнейших времён до отмены крепостного права. Вып. 1 / В.Н. Шемелев. — Кемерово: Изд-во КГУ, 1998. — 284 с.

Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XVIII вв. / Л.И. Шерстова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. — 432 с.

Шерстова Л.И. Русские в Сибири XVII века: национальные и культурные трансформации / Л.И. Шерстова // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.: сб. науч. тр. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. — С. 16–28.

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века / Л.И. Шерстова; отв. ред. И.В. Октябрьская, В.Д. Славнин; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005 (Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН). — 311 с.

Шмудевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья, XVII — середина XIX в. / М.М. Шмудевич; отв. ред. Т.С. Мамсик. — Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1985. — 286 с.

Щ

Щеглов И.П. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. / сост. И.В. Щеглов; Изд. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва под ред. чл. Отд. В.И. Вагина. — Иркутск, 1883. — 779 с.

Э

Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири / А.Х. Элерт; отв. ред. Н.Н. Покровский; АН СССР, Сибирское отд-ние, Ин-т истории филологии и философии. — Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1990. — 245, [1] с.

Я

Якутия в XVII веке: (Очерки): Сборник / Акад. наук СССР. Якут. филиал. Ин-т языка, литературы и истории; под ред. С.В. Бахрушина и С.А. Токарева; [предисл. проф. С.А. Токарева]. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1953. — 439 с.

5 От издателя

9 Введение

«ГОСУДАРЕВЫ» ЛЮДИ СИБИРИ

- 15 Сподвижники Ермака и их потомки
- 37 «Государевы службы» атамана Черкаса Александра
- 49 Человек «Смуты»: Яков Шульгин и его потомки
- 63 «Опальный» атаман Василий Алексеев (Тюменец)
- 80 Севастьян Самсонов: от вольного казака к сибирскому дворянину
- 95 Воинская служба Дмитрия Злобина и его потомков
- 110 Поход на «большое море океан» Дмитрия Копылова
- 123 Землепроходец, географ и «прибыльщик» Курбат Иванов
- 141 Яков Тухачевский, «посол добрый»
- 160 «Китайская грамота» казака Емельяна Вершинина
- 172 Иван Похабов, его дела и «неистовства»
- 184 «Радетельный воевода» Илларион Сенявин

«ИНОЗЕМЦЫ» НА СЛУЖБЕ В СИБИРИ

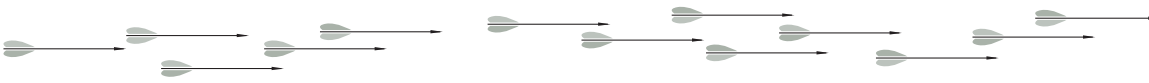
- 201 «Белорусцы» Аршинские и их соотечественники
- 221 Сибирская ссылка и служба Демьяна Многогрешного
- 235 Павел Хмелевский и другие «иноземцы»
- 250 Ссылъные греки в Сибири
- 263 Поляки и «литва» Кузнецкого острога
- 276 Крымские татары в сибирской ссылке

ИЗ ИСТОРИИ КУЗНЕЦКОГО УЕЗДА

- 285 Воеводы Кузнецка
- 317 Атаман Пётр Дорофеев и его окружение
- 328 Служилый мир Кузнецка и воеводская власть
- 338 «Разбор» служивых людей Кузнецка в 1681 г.
- 347 Джунгарский пленник Иван Сорокин
- 359 Крепости земли Кузнецкой

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ И ВОЕННАЯ ТАКТИКА

- 373 Сибирские атаманы: состав и служебная деятельность
- 388 Русская военная тактика в Сибири XVII в.
- 407 Герои Албазина: Алексей Толбузин и Афанасий Бейтон
- 434 Военный смотр в Тюмени в 1698 г.
- 444 Заключение
- 456 Список литературы и источников

И. П. Каменецкий
СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ СИБИРИ
XVII — начало XVIII века

И. П. Каменецкий.

К 18 Служилые люди Сибири XVII — начало XVIII века. Исторические портреты и очерки. Монография / редактор Н.Н. Стручкова; иллюстрации: А.Г. Шибанов; дизайн: В.Е. Валериус. — Тобольск: Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2023. — 472 с.; илл.

ISBN 978-5-98178-141-4

В книге представлены исторические портреты соратников Ермака — атаманов и их потомков, заметных личностей «бунташного века». Даны портреты представителей первых поколений сибиряков из белорусского и украинского народов, выходцев из Речи Посполитой, Крымского ханства, Османской империи и других стран. Отражены общие черты служилых людей Сибири: подвижность, верность государевой службе, бесстрашие и стойкость в защите новых российских владений. Показана роль воевод и служилого «мира» Кузнецкого уезда в местном управлении Сибири, а также командный состав сибирских гарнизонов, военная тактика и боевое искусство русских ратных людей XVII — начала XVIII в.

Издание предназначено для исследователей Сибири и всех интересующихся историей своего Отечества.

УДК 94(571.1)
ББК 63.3(253)51-28

Редактор
Н. Н. Стручкова
Техническое редактирование и вёрстка:
Н.М. Горяченкова
Корректор
А.И. Порошина

Общественный
благотворительный фонд
«Возрождение Тобольска»
625152, Россия, Тюменская область,
г. Тобольск, ул. Свердлова, д. 34/1
Телефон/факс +7(3456) 24-67-50
Сайт: www.tobolsk.org
e-mail: elfimov_fond@mail.ru

Изготовлено:
ООО «Новые решения»
Телефон +7 (495) 923 4567
e-mail: asnit@inbox.ru

ISBN 978-5-98178-141-4

